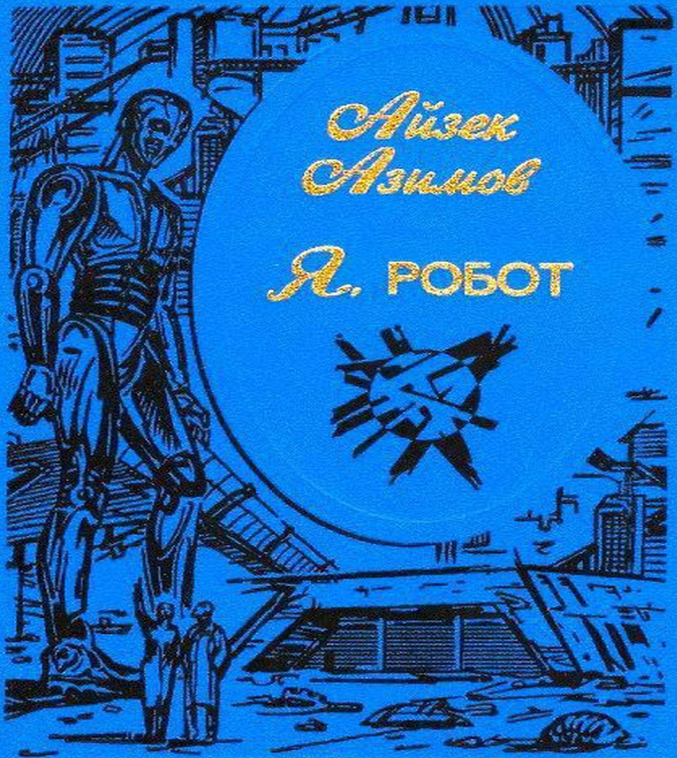


Айзек Азимов

Я, РОБОТ

Библиотека приключений

ЭКСМО

Я, робот (Иллюстрации В. Остапенко)

Айзек Азимов

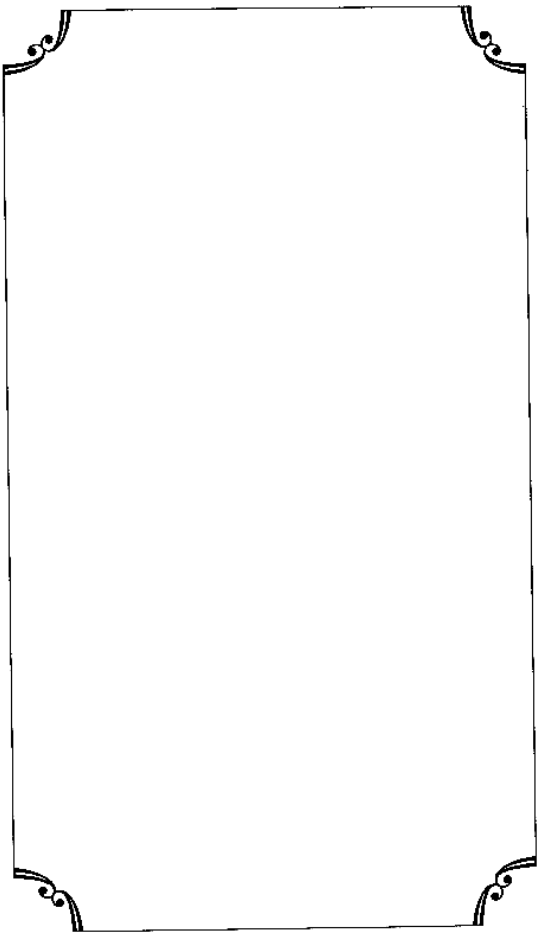
Аннотация
Untitled
Я, РОБОТ
РОББИ
ХОРОВОД
ЛОГИКА
КАК ПОЙМАТЬ КРОЛИКА
ЛЖЕЦ
КАК ПОТЕРЯЛСЯ РОБОТ
УЛИКИ
СТАЛЬНЫЕ ПЕЩЕРЫ. 1. Разговор с комиссаром полиции
2. Поездка на экспрессе
3. Происшествие у обувного прилавка
4. Знакомство с семьёй детектива
5. Анализ убийства
6. Шёпот в комнате
7. Посещение Космотауна
8. Спор из-за робота
9. Разъяснение космонита
10. Вечер полицейского детектива

11. Бегство из столовой
12. Мнение эксперта
13. Мнение машины
14. Власть времени
15. Арест заговорщика
16. Мотивы преступления
17. Конец проекта
18. Конец расследования

Аннотация

Детская любовь к приключениям и детективам, не прошла для Айзека Азимова, крупного ученого в области биохимии, бесследно, — он стал знаменитым писателем-фантастом. Мировую известность Азимову при — несла серия фантастических рассказов, объединенных общим названием «Я, робот».

В книгу вошла и повесть «Стальные пещеры» о жизни гигантского, задыхающегося в стальной броне огромного города.



Айзек Азимов

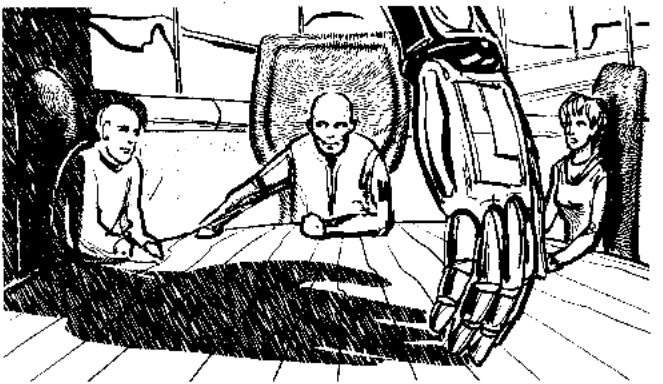
Я, РОБОТ

СТАЛЬНЫЕ ПЕЩЕРЫ

ЭКСМО
Москва, 2002

Я, РОБОТ

Рассказы



Я, РОБОТ

Я, РОБОТ

Я посмотрел свои заметки, и они мне не понравились. Те три дня, которые я провел на предприятиях фирмы «Ю С. Роботс», я мог бы с таким же успехом просидеть дома, изучая энциклопедию.

Как мне сказали, Сьюзен Кэлвин родилась в 1982 году. Значит, теперь ей семьдесят пять. Это известно каждому. Фирме «Ю С. Роботс энд Мекэникел Мэн Корпорэйшн» тоже семьдесят пять лет. Именно в тот год, когда родилась доктор Кэлвин, Лоуренс Робертсби основал предприятие, которое со временем стало самым необыкновенным промышленным гигантом в истории человечества. Но и это тоже известно каждому.

В двадцать лет Сьюзен Кэлвин присутствовала на том самом занятии семинара по психоматематике, когда доктор Альфред Лэннинг из «Ю. С. Роботс» продемонстрировал первого подвижного робота, обладавшего голосом. Этот большой, неуклюжий, уродливый робот, от которого разило машинным маслом, был предназначен для использования в проектировавшихся рудниках

на Меркурии. Но он умел говорить, и говорить разумно.

На этом семинаре Сьюзен не выступала. Она не приняла участия и в последовавших за ним бурных дискуссиях. Мир не нравился этой малообщительной, бесцветной и неинтересной девушке с каменным выражением и гипертрофированным интеллектом, и она сторонилась людей.

Но, слушая и наблюдая, она уже тогда почувствовала, как в ней холодным пламенем загорается увлечение.

В 2005 году она окончила Колумбийский университет, в поступила в аспирантуру по кибернетике.

Изобретенные Робертсоном позитронные мозговые связи превзошли все достигнутое в середине XX века в области вычислительных машин и совершили настоящий переворот. Целые мили реле и фотоэлементов уступили место пористому платиноиридиевому шару размером с человеческий мозг.

Сьюзен научилась рассчитывать необходимые параметры, определять возможные значения переменных позитронного «мозга» и разрабатывать такие схемы, чтобы можно было точно предска-

зать его реакцию на данные раздражители.

В 2008 году она получила степень доктора и поступила на «Ю. С. Роботс» в качестве робопсихолога, став, таким образом, первым выдающимся специалистом в этой новой области науки. Лоуренс Робертсон тогда все еще был президентом компании, Альфред Лэннинг — научным руководителем.

За пятьдесят лет на глазах Сьюзен Кэлвин прогресс человечества изменил свое русло и рванулся вперед.

Теперь она уходила в отставку, — насколько эго вообще было для нее возможно. Во всяком случае, она позволила повесить на двери своего старого кабинета табличку с чужим именем.

Вот, собственно, и все, что было у меня записано. Были еще длинные списки ее печатных работ, принадлежащих ей патентов, точная хронология ее продвижения по службе, — короче, я знал до мельчайших деталей всю ее официальную биографию.

Но мне было нужно другое. Серия очерков для «Интерплэнегери Пресс» требовала большего. Гораздо большего.

Я так ей и сказал.

— Доктор Кэлвин, — сказал я, — для публики

вы и «Ю. С. Роботс» — одно и то же Ваша отставка будет концом целой эпохи.

— Вам нужны живые детали?

Она не улыбнулась. По моему, она вообще никогда не улыбается. Но ее острый взгляд не был сердитым. Я почувствовал, как он пронизал меня до самого затылка, и понял, что она видит меня насквозь Она всех видела насквозь. Тем не менее, я сказал.

— Совершенно верно.

— Живые детали о роботах? Получается противоречие.

— Нет, доктор. О вас.

— Ну, меня тоже называют роботом. Вам, наверное, уже сказали, что во мне нет ничего человеческого.

Мне это действительно говорили, но я решил промолчать.

Она встала со стула Она была небольшого роста и выглядела хрупкой.

Вместе с ней я подошел к окну.

Конторы и цеха «Ю. С. Роботс» были похожи на целый маленький, правильно распланированный городок. Он раскинулся перед нами, плоский, как аэрофотография.

— Когда я начала здесь работать, — сказала она,

— у меня была маленькая комнатка в здании, которое стояло где-то вон там, где сейчас котельная. Это здание снесли, когда вас не было на свете. В комнате сидели еще три человека. На мою долю приходилось полстола. Все наши роботы производились в одном корпусе. Три штуки в неделю. А посмотрите сейчас!

— Пятьдесят лет — долгий срок. — Я не придумал ничего лучше этой избитой фразы.

— Ничуть, если это ваше прошлое, — возразила она. — Я думаю, как это они так быстро пролетели.

Она снова села за стол. Хотя выражение ее лица не изменилось, но ей, по-моему, стало грустно.

— Сколько вам лет? — поинтересовалась она.

— Тридцать два, — ответил я.

— Тогда вы не помните, каким был мир без роботов. Было время, когда перед лицом Вселенной человек был одинок и не имел друзей. Теперь у него есть помощники, существа более сильные, более надежные, более эффективные, чем он, и абсолютно ему преданные. Человечество больше не одиноко. Вам это не приходило в голову?

— Боюсь, что нет. Можно будет процитировать ваши слова?

— Можно. Для вас робот — это робот. Механиз-

мы и металл, электричество и позитроны Разум, воплощенный в железе! Создаваемый человеком, а если нужно, и уничтожаемый человеком. Но вы не работали с ними, и вы их не знаете Они чище и лучше нас.

Я попробовал осторожно подзадорить ее.

— Мы были бы рады услышать кое что из того, что вы знаете о роботах, что вы о них думаете «Интерплэнетери Пресс» обслуживает всю Солнечную систему. Миллиарды потенциальных слушателей, доктор Кэлвин! Они должны услышать ваш рассказ.

Но подзадоривать ее не приходилось. Не слушая меня, она продолжала.

— Все это можно было предвидеть с самого начала. Тогда мы продавали роботов для использования на Земле — это было еще даже до меня. Конечно, роботы тогда еще не умели говорить. Потом они стали больше похожи на человека, и начались протесты. Профсоюзы не хотели, чтобы роботы конкурировали с человеком; религиозные организации возражали из-за своих предрассудков. Все это было смешно и вовсе бесполезно. Но это было.

Я записывал все подряд на свой карманный магнитофон, стараясь незаметно шевелить паль-

цами. Если немного попрактиковаться, то можно управлять магнитофоном, не вынимая его из кармана.

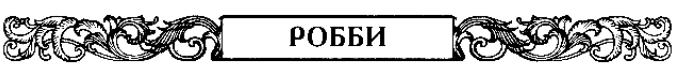
— Возьмите историю с Робби. Я не знала его. Он был пущен на слом как безнадежно устаревший за год до того, как я поступила на работу. Но я видела девочку в музее.

Она умолкла. Ее глаза затуманились. Я тоже молчал, не мешая ей углубиться в прошлое. Это прошлое было таким далеким!

— Я услышала эту историю позже. И когда нас называли создателями демонов и святотатцами, я всегда вспоминала о нем. Робби был немой робот. Его выпустили в 1996 году, еще до того, как роботы стали крайне специализированными, и он был продан для работы в качестве няньки.

— Кого?

— Няньки…



РОББИ

— Девяносто восемь… девяносто девять… сто!

Глория отвела пухлую ручку, которой она закрывала глаза, и несколько секунд стояла, сморщив нос и моргая от солнечного света. Пытаясь смотреть сразу во все стороны, она осторожно отошла на несколько шагов от дерева.

Вытянув шею, она вглядывалась в заросли кустов справа от нее, потом отошла от дерева еще на несколько шагов, стараясь заглянуть в самую глубину зарослей.

Глубокую тишину нарушало только непрерывное жужжание насекомых и время от времени чириканье какой то неутомимой птицы, не боявшейся полуденной жары.

Глория надулась.

— Ну конечно, он в доме, а я ему миллион раз говорила, что это нечестно.

Плотно сжав губки и сердито нахмурившись, она решительно зашагала к двухэтажному домику, стоявшему по другую сторону аллеи.

Когда Глория услышала сзади шорох, за которым последовал размеренный топот метал-

лических ног, было уже поздно. Обернувшись, она увидела, что Робби покинул свое убежище и полным ходом несется к дереву.

Глория в отчаянии закричала:

— Постой, Робби! Это нечестно! Ты обещал не бежать, пока я тебя не найду!

Ее ножки, конечно, не могли угнаться за гигантскими шагами Робби. Но в трех метрах от дерева Робби вдруг резко сбавил скорость. Сделав последнее отчаянное усилие, запыхавшаяся Глория пронеслась мимо него и первая дотронулась до заветного ствола.

Она радостно повернулась к верному Робби и, платя черной неблагодарностью за принесенную жертву, принялась жестоко насмехаться над его неумением бегать.

— Робби не может бегать! — кричала она во всю силу своего восьмилетнего голоса. — Я всегда его обгоню! Я всегда его обгоню!

Она с упоением распевала эти слова.

Робби, конечно, не отвечал. Вместо этого он сделал вид, что убегает, и Глория ринулась вслед за ним. Пятясь, он ловко увертывался от девочки, так что она, бросаясь в разные стороны, тщетно размахивала руками, хватала пустоту и, задыхаясь от хохота, кричала:

— Робби! Стой!

Тогда он неожиданно повернулся, поймал ее, поднял на воздух и завертел вокруг себя. Ей показалось, что весь мир на мгновение провалился вниз, в голубую пустоту под ногами, к которой тянулись зеленые верхушки деревьев. Потом Глория снова оказалась на траве. Она прижалась к Робби, крепко держась за твердый металлический палец.

Через некоторое время Глория отдышалась. Она сделала напрасную попытку поправить свои растрепавшиеся волосы, бессознательно подражая движениям матери, и изогнулась назад, чтобы посмотреть, не порвалось ли ее платье. Потом она шлепнула рукой по туловищу Робби.

— Нехороший! Я тебя нашлепаю!

Робби съежился, закрыв лицо руками, так что ей пришлось добавить:

— Ну, не бойся, Робби, не нашлепаю. Но теперь моя очередь прятаться, потому что у тебя ноги длиннее и ты обещал не бежать, пока я тебя не найду.

Робби кивнул головой — небольшим параллелепипедом с закругленными углами. Голова была укреплена на туловище подобной же формы, но гораздо большем — при помощи короткого гиб-

кого сочленения. Робби послушно повернулся к дереву. Тонкая металлическая пластинка опустилась на его горящие глаза, и изнутри туловища раздалось ровное гулкое тиканье.

— Смотри не подглядывай и не пропускай счета! — предупредила Глория и бросилась прятаться.

Секунды отсчитывались с неизменной правильностью. На сотом ударе веки Робби поднялись, и вновь загоревшиеся красным светом глаза оглядели поляну. На мгновение они остановились на кусочке яркого ситца, торчавшем из-за камня, Робби подошел поближе и убедился, что за камнем действительно притаилась Глория. Тогда он стал медленно приближаться к ее убежищу, все время оставаясь между Глорией и деревом. Наконец, когда Глория была совсем на виду и не могла даже притворяться, что ее не видно, Робби протянул к ней одну руку, а другой со звоном ударил себя по ноге. Глория, надувшись, вышла.

— Ты подглядывал! — явно несправедливо воскликнула она. — И потом, мне надоело играть в прятки. Я хочу кататься.

Но Робби был оскорблен незаслуженным обвинением. Он осторожно уселся на землю и покачал тяжелой головой. Глория немедленно изменила

тон и перешла к нежным уговорам:

— Ну, Робби! Я просто так сказала, что ты подглядывал! Ну, покатай меня!

Но Робби не так просто было уговорить. Он упрямо уставился в небо и еще более выразительно покачал головой

— Ну, пожалуйста, Робби, пожалуйста, покатай меня!

Она крепко обняла его за шею розовыми ручками. Потом ее настроение внезапно переменилось, и она отошла в сторону.

— А то я заплачу!

Ее лицо заранее устрашающе перекосилось. Но жестокосердный Робби не обратил никакого внимания на эту ужасную угрозу. Он в третий раз покачал головой. Глория решила, что нужно пустить в действие главный козырь.

— Если ты меня не покатаешь, — воскликнула она, — я больше не буду тебе рассказывать сказок, вот и все. Никогда!

Этот ультиматум заставил Робби сдаться немедленно и безоговорочно. Он закивал головой так энергично, что его металлическая шея загудела. Потом он осторожно поднял девочку на свои широкие-плоские плечи.

Слезы, которыми грозила Глория, немедленно

испарились, и она даже вскрикнула от восторга. Металлическая «кожа» Робби, в которой нагревательные элементы поддерживали постоянную температуру в 21 градус, была приятной на ощупь, а барабаня пятками по его груди, можно было извлечь восхитительно громкие звуки.

— Ты самолет, Робби. Ты большой серебристый самолет. Только вытяни руки, раз уж ты самолет.

Логика была безупречной. Руки Робби стали крыльями, а сам он — серебристым самолетом. Глория резко повернула его голову и наклонилась вправо. Он сделал крутой вираж. Глория уже снабдила самолет мотором: «Б-р-р-р-р», а потом и пушками: «Пу! Пу-пу-пу!» За ними гнались пираты, и орудия косили их, как траву.

— Готов еще один… Еще двое!… — кричала она.

Потом Глория важно произнесла:

— Скорее, ребята! У нас кончаются боеприпасы!

Она неустрашимо целилась через плечо. И Робби превратился в тупоносый космический корабль, с предельным ускорением прорезающий пустоту.

Он несся через поляну к зарослям высокой травы на другой стороне. Там он остановился так внезапно, что раскрасневшаяся наездница

вскрикнула, и вывалил ее на мягкий зеленый травяной ковер.

Глория, задыхаясь, восторженно шептала:

— Ой, как здорово!...

Робби дал ей отдышаться и осторожно потянул за торчавшую прядь волос.

— Ты чего-то хочешь? — спросила Глория, широко раскрыв глаза в наигранном недоумении. Ее безыскусная хитрость ничуть не обманула огромную «няньку». Робби снова потянул за ту же прядь, чуть посильнее.

— А, знаю. Ты хочешь сказку.

Робби быстро закивал головой.

— Какую?

Робби описал пальцем в воздухе полукруг.

Девочка запротестовала:

— Опять? Я же тебе про Золушку миллион раз рассказывала. Как она тебе не надоела? Это же сказка для маленьких!

Железный палец снова описал полукруг.

— Ну ладно.

Глория уселась поудобнее, припомнила про себя все подробности сказки (вместе с прибавлениями собственного сочинения) и начала:

— Ты готов? Так вот, давным-давно жила красивая девочка, которую звали Элла. А у нее была ужасно жестокая мачеха и две очень некрасивые и очень-очень жестокие сестры...

Глория дошла до самого интересного места — уже било полночь и все снова превращалось в кучу мусора, а Робби напряженно, с горящими глазами слушал, когда их прервали.

— Глория!

Это был раздраженный голос женщины, которая звала не в первый раз и у которой нетерпение, судя по интонациям, начало сменяться тревогой.

— Мама зовет, — сказала Глория не очень радостно. — Лучше отнеси меня домой, Робби.

Робби с готовностью повиновался. Что-то подсказывало ему, что миссис Вестон лучше подчиняться без малейшего промедления. Отец Глории редко бывал дома днем, если не считать воскресений (а это было как раз воскресенье), и когда он появлялся, то оказывался добродушным и сочувствующим человеком. Но мать Глории была для Робби источником беспокойства, и он всегда испытывал смутное побуждение улизнуть от нее куда-нибудь подальше.

Миссис Вестон увидела их, как только они поднялись из травы, и вернулась в дом, чтобы там их встретить.

— Я кричала до хрипоты, Глория, — строго сказала она. — Где ты была?

— Я была с Робби, — дрожащим голосом отве-

чала Глория. — Я рассказывала ему про Золушку и забыла про обед.

— Ну жаль, что Робби тоже забыл про обед: — И, словно вспомнив о присутствии робота, она обернулась к нему. — Можешь идти, Робби. Ты ей сейчас не нужен. И не приходи, пока не позову, — грубо прибавила она.

Робби повернулся к двери, но заколебался, услышав, что Глория встала на его защиту:

— Погоди, мама, нужно, чтобы он остался! Я еще не кончила про Золушку. Я ему обещала рассказать про Золушку и не успела.

— Глория!

— Честное-пречестное слово, мама, он будет сидеть тихо-тихо, так что его и слышно не будет. Он может сидеть на стуле в уголке и молчать… то есть ничего не делать. Правда, Робби?

В ответ Робби закивал своей массивной головой.

— Глория, если ты сейчас же не прекратишь, ты не увидишь Робби целую неделю!

Девочка понурила голову.

— Ну ладно. Но ведь «Золушка» — его любимая сказка, а я ее не успела рассказать Он так ее любит…

Опечаленный робот вышел, а Глория прогло-

тила слезы.

Джордж Вестон чувствовал себя прекрасно. У него было такое обыкновение

— по воскресеньям после обеда чувствовать себя прекрасно. Вкусная, обильная домашняя еда; удобный, мягкий старый диван, на котором так приятно развалиться; свежий номер «Таймса»; домашние туфли на ногах и пижама вместо крахмальной рубашки — ну как тут не почувствовать себя прекрасно!

Поэтому он был недоволен, когда вошла его жена. После десяти лет совместной жизни он еще имел глупость ее любить и, конечно же, всегда ей радовался, но послеобеденный воскресный отдых был для него Священным, и его представление о подлинном комфорте требовало двух-трех часов полного одиночества. Поэтому он устремил свои взгляд на последние сообщения об экспедиции Лефебра — Иошиды на Марс (на этот раз они стартовали с лунной станции и вполне могли долететь) и сделал вид, что не заметил ее.

Миссис Вестон терпеливо подождала две минуты, потом нетерпеливо еще две и, наконец, не выдержала:

— Джордж!

— Угу…

— Джордж, послушай! Может быть, ты отложишь эту газету и поглядишь на меня?

Газета, шелестя, упала на пол, и Вестон обратил к жене измученное лицо:

— В чем дело, дорогая?

— Ты знаешь, Джордж. Дело в Глории и в этой ужасной машине…

— Какой ужасной машине?

— Пожалуйста, не прикидывайся, будто не понимаешь о чем я говорю. Речь идет о роботе, которого Глория зовет Робби. Он не оставляет ее ни на минуту.

— Ну, а почему он должен ее оставлять? Он для этого и существует. И во всяком случае он — никакая не ужасная машина. Это лучший робот, какой только можно было достать за деньги. А я чертовски хорошо помню, что он обошелся мне в полугодовой заработок. И он стоит этого — он куда умнее половины моих служащих.

Он потянулся к газете, но жена оказалась проворнее и выхватила ее,

— Слушай меня, Джордж! Я не хочу доверять своего ребенка машине, и мне все равно, умная она или нет. У нее нет души, и никто не знает, что у нее на уме. Нельзя, чтобы за детьми смотрели всякие металлические штуки!

Вестон нахмурился.

— Когда это ты так решила? Он с Глорией уже два года, а до сих пор я что-то не видел, чтобы ты беспокоилась.

— Сначала все было по-другому. Как-никак новинка, и у меня стало меньше забот, и потом, это было так шикарно… А сейчас я не знаю. Все соседи…

— Ну при чем тут соседи? Послушай! Роботу можно бесконечно больше доверять, чем няньке. Ведь Робби был построен только с одной целью — ухаживать за маленьким ребенком. Все его «мышление» рассчитано специально на это. Он просто не может не быть верным, любящим, добрым. Он просто устроен так. Не о каждом человеке это можно сказать.

— Но что-нибудь может испортиться. Какой-нибудь там… — Миссис Вестон запнулась: она имела довольно смутное представление о внутренностях роботов.

— Ну, какая-нибудь мелочь сломается, и эта ужасная штука начнет буйствовать, и…

У нее не хватило сил закончить мысль.

— Чепуха, — возразил Вестон, невольно содрогнувшись. — Это просто смешно. Когда мы покупали Робби, мы долго говорили о Первом За-

коне робототехники. Ты же знаешь, что робот не может причинить вред человеку. При малейшем намеке на то, что может быть нарушен Первый Закон, робот сразу выйдет из строя. Иначе и быть не может, тут математический расчет. И потом, у нас дважды в год бывает механик из «Ю. С. Роботс» — он же проверяет весь механизм. С Робби ничего не может случиться. Скорее уж спятим мы с тобой. А потом, как ты собираешься отнять его у Глории?

Он потянулся к газете, но тщетно: жена швырнула ее через раскрытую дверь в соседнюю комнату.

— В этом-то все и дело, Джордж! Она не хочет больше ни с кем играть! Кругом десятки мальчиков и девочек, с которыми ей следовало бы дружить, но она не хочет. Она не желает даже подходить к ним, пока я ее не заставлю. Девочка не должна так воспитываться. Ты ведь хочешь, чтобы она выросла нормальной? Ты хочешь, чтобы она смогла занять свое место в обществе?

— Грейс, ты воюешь с призраками. Представь себе, что Робби — это собака. Сотни детей с большим удовольствием проводят время с собакой, чем с родителями.

— Собака — совсем другое дело. Джордж, мы

должны избавиться от этой ужасной вещи: Ты можешь вернуть ее компании. Я уже узнавала, это можно.

— Узнавала? Так вот, слушай, Грейс! Давай не будем решать сгоряча. Оставим робота, пока Глория не подрастет. И я больше не желаю об этом слышать.

С этими словами он в раздражении вышел.

Два дня спустя миссис Вестон встретила мужа в дверях.

— Джордж, ты должен выслушать меня. В поселке недовольны.

— Чем? — спросил Вестон. Он зашел в ванную, и оттуда послышался плеск, который мог бы заглушить любой ответ.

Миссис Вестон переждала, пока шум прекратится, и сказала:

— Недовольны Робби.

Вестон вышел, держа в руках полотенце. Его раскрасневшееся лицо было сердито.

— О чем ты говоришь?

— Это началось уже давно. Я старалась закрывать на это глаза, но больше не хочу. Почти все соседи считают, что Робби опасен. По вечерам детей даже близко не пускают к нашему дому.

— Но мы же доверяем ему своего ребенка!

— В таких делах люди не рассуждают.

— Ну и пусть идут к черту!

— Это не выход. Мне приходится встречаться с ними каждый день в магазинах. А в городе теперь с роботами еще строже. В Нью-Йорке только что приняли постановление, которое запрещает роботам появляться на улицах от захода до восхода солнца.

— Да, но они не могут запретить нам держать робота — дома. Грейс, ты, я вижу, снова устраиваешь наступление. Но это бесполезно. Ответ все тот же — нет! Робби останется у нас.

Но он любил жену, и, что гораздо хуже, она это знала. В конце концов бедный Джордж Вестон был всего-навсего мужчиной. А его жена привела в действие все до единой уловки, которых с полным основанием научился опасаться, хотя и тщетно, менее хитрый и более щепетильный пол.

На протяжении следующей недели Вестон десять раз восклицал: «Робби остается — и конец!», и с каждым разом его голос становился все менее уверенным и сопровождался все более внятным стоном отчаяния.

Наконец наступил день, когда Вестон с виноватым видом подошел к дочери и предложил

войти посмотреть «замечательный» визивокс в поселке.

Глория радостно всплеснула руками:

— А Робби тоже можно пойти?

— Нет, дорогая, — ответил он, почувствовав отвращение к звуку своего собственного голоса. — Роботов в визивокс не пускают. Но ты ему все расскажешь, когда придешь домой.

Пробормотав последние слова, он отвернулся.

Глория вернулась домой, восхищенная до глубины души, — визивокс действительно был необыкновенным зрелищем.

Она еле дождалась, пока отец поставит в подземный гараж реактивный автомобиль.

— Вот теперь, пап, я все расскажу Робби. Ему бы это так понравилось! Особенно когда Фрэнсис Фрэн так ти-и-ихо пятился назад-и прямо в руки человека-леопарда! И ему пришлось бежать! — Она снова засмеялась. — Пап, а на Луне вправду водятся люди-леопарды?

— Скорее всего нет, — рассеянно ответа Вестон. — Это просто смешные выдумки.

Он уже не мог дольше возиться с автомобилем. Нужно было наконец решиться посмотреть фактам в лицо.

Глория побежала через поляну:

— Робби! Робби!

Она внезапно остановилась, увидев красивого щенка колли. Щенок, виляя хвостом, глядел на нее с крыльца серьезными карими глазами.

— Ой, какая чудная собака! — Глория поднялась по ступенькам, осторожно подошла к щенку и погладила его. — Это мне, папа?

К ним присоединилась мать.

— Да, тебе, Глория. Смотри, какая она хорошая — мягкая, пушистая. Она очень добрая. И она любит маленьких девочек.

— А она будет со мной играть?

— Конечно. Она может делать всякие штуки. Хочешь посмотреть?

— Хочу. И я хочу, чтобы Робби тоже на нее посмотрел! Робби! — Она растерянно замолчала. — Наверно, он сидит в комнате и дуется на меня, почему я его не взяла с собой смотреть визивокс. Папа, тебе придется ему все объяснить. Мне он может не поверить, то уж если ты ему скажешь, он будет знать, что так оно и есть.

Губы Вестона сжались. Он посмотрел в сторону жены, но не мог поймать ее взгляда.

Глория повернулась на одной ноге и побежала по ступенькам, крича:

— Робби! Иди посмотри, что мне привезли папа

с мамой! Они привезли собаку!

Через минуту испуганная девочка вернулась.

— Мама, Робби нет в комнате. Где он?

Ответа не было. Джордж Вестон кашлянул и внезапно проявил живой интерес к плывущим в небе облакам. Голос Глории задрожал Она была готова разразиться слезами.

— Где Робби, мама?

Миссис Вестон села и нежно привлекла к себе дочь.

— Не расстраивайся, Глория. По моему, Робби ушел.

— Ушел? Куда? Куда он ушел, мама?

— Никто не знает, дорогая. Просто ушел. Мы его искали, искали, искали, но не могли найти.

— Значит, он больше не вернется? — Ее глаза округлились от ужаса.

— Может быть, мы его скоро найдем. Мы будем искать. А тем временем ты можешь играть с новой собачкой. Посмотри! Ее зовут Молнией, и она умеет…

Но глаза Глории были полны слез.

— Не хочу я эту противную собаку — я хочу Робби! Хочу, чтобы вы нашли Робби…

Ее чувства стали слишком сильными, чтобы их можно было выразить словами, и она разразилась

отчаянным плачем. Миссис Вестон беспомощно взглянула на мужа, но он только мрачно переступил с ноги на ногу, не сводя пристального взгляда с неба. Тогда она сама принялась утешать дочь.

— Ну что ты плачешь, Глория! Робби — это всего-навсего машина, старая скверная машина. Он не живой.

— Ничего он никакая не машина! — яростно завопила Глория, забыв даже о правилах грамматики — Он такой же человек, как вы и я, и он мой друг. Хочу, чтобы он вернулся! Мама, хочу, чтобы он вернулся!

Мать вздохнула, признав свою неудачу, и оставила Глорию горевать в одиночестве.

— Пусть выплачется, — сказала она мужу. — Детское горе недолговечно. Через несколько дней она забудет о существовании этого ужасного робота.

Но время показало, что это утверждение миссис Вестон было чересчур оптимистично. Конечно, Глория перестала плакать, но она перестала и улыбаться. С каждым днем она становилась все более молчаливой и мрачной. Постепенно ее несчастный вид сломил миссис Вестон. Сдаться ей не позволяла только невозможность признать перед мужем свое поражение.

Однажды вечером она, кипя яростью, ворвалась в гостиную и села, скрестив руки на груди. Ее муж, вытянув шею, взглянул на нее поверх газеты.

— Что там еще, Грейс?

— Мне пришлось сегодня отдать собаку. Глория сказала, что терпеть ее не может. Я сойду с ума.

Вестон опустил газету, и в его глазах зажегся огонек надежды.

— Может быть… Может быть, нам снова взять Робби? Знаешь, это вполне возможно. Я свяжусь…

— Нет! — сурово ответила она. — Я не хочу об этом слышать. Мы так легко не сдадимся. Мой ребенок не будет воспитан роботом, даже если понадобятся годы, чтобы отучить ее от Робби.

Вестон разочарованно поднял газету.

— Еще год — и я поседею раньше времени.

— Немного же от тебя помощи, Джордж, — последовал холодный ответ — Глории нужно переменить обстановку. Конечно, здесь она не может забыть Робби. Здесь о нем напоминают каждое дерево, каждый камень. Вообще мы в самом глупейшем положении, о каком только я слыхала. Представь себе — ребенок чахнет из-за разлуки с роботом!

— Ну, ближе к делу. Какую же перемену обстановки ты придумала?

— Мы возьмем ее в Нью-Йорк.

— В город! В августе! Послушай, ты знаешь, что такое Нью-Йорк в августе? Там невозможно жить!

— Но там живут миллионы людей.

— Только потому, что им некуда уехать. Иначе они бы не остались.

— Так вот, теперь и нам придется там пожить. Мы переезжаем немедленно, как только соберем вещи. В городе Глория найдет достаточно развлечений и достаточно друзей. Это встряхнет ее и заставит забыть о роботе.

— О господи, — простонал супруг, — эти раскаленные улицы!

— Мы должны это сделать, — непреклонно ответила жена, — Глория похудела за последний месяц на пять фунтов. Здоровье моей девочки для меня важнее, чем твои удобства.

«Жаль, что ты не додумала о здоровье своей девочки, прежде чем лишить ее любимого робота», — пробормотал он… про себя.

Едва Глория узнала о предстоящем переезде в город, у нее немедленно появились признаки улучшения. Она говорила об этом событии мало,

но всегда с радостным ожиданием. Она снова начала улыбаться, и к ней вернулся почти прежний аппетит.

Миссис Вестон была вне себя от радости. Она не упускала ни одной возможности торжествовать победу над своим все еще скептически настроенным супругом.

— Видишь, Джордж, она помогает укладываться, как ангелочек, и щебечет, будто у нее не осталось никаких забот. Я же говорила — нужно заинтересовать ее чем-то другим.

— Гм, — последовал скептический ответ. — Надеюсь.

Сборы закончились быстро. Городская квартира была готова к их приезду, были наняты двое местных жителей, чтобы присматривать за домом в их отсутствие. Когда наконец наступил день переезда, Глория выглядела совсем как прежде, и ни разу упоминание о Робби не слетело с ее губ. Все в прекрасном настроении погрузились в воздушное такси, которое доставило их в аэропорт. Вестон предпочел бы лететь на собственном вертолете, но он был двухместный и без багажного отделения. Они сели в самолет.

— Иди сюда, Глория, — позвала миссис Вестон. — Я заняла место у окна, чтобы тебе все было

видно.

Глория радостно уселась к окну, прилипла к толстому стеклу носом, расплющив его в белый кружок, и смотрела как зачарованная на открывавшуюся картину. Послышался рев моторов. Глория была еще слишком мала, чтобы испугаться, когда земля провалилась далеко вниз, как будто сквозь люк, а она сама стала вдвое тяжелее, чем обычно. Но она была уже достаточно большой, чтобы все это вызвало у нее всепоглощающий интерес. Лишь когда земля стала похожа на маленькое лоскутное одеяло, она оторвалась от окна и повернулась к матери.

— Мама, мы скоро будем в городе? ~ спросила она, растирая замерзший носик и с любопытством следя за тем, как пятнышко пара, оставшееся на стекле от ее дыхания, медленно уменьшалось и понемногу совсем исчезло.

— Через полчаса, дорогая, — ответила мать и спросила с оттенком тревоги в голосе: — Ты рада, что мы едем? Тебе очень понравится в городе — все эти огромные дома, и люди, и всякие интересные вещи… Мы будем каждый день ходить в визивокс, и в цирк, и на пляж…

— Да, мама, — ответила Глория без особого воодушевления.

В этот момент самолет пролетал над облаком, и Глория была поглощена необычным зрелищем простиравшихся внизу клубов застывшего пара. Потом небо вокруг снова стало чистым, и она повернулась к матери с таинственным видом человека, знающего какой-то секрет.

— А я знаю, зачем мы едем в город!

— Да? — Миссис Вестон была озадачена. — Зачем же?

— Вы мне не говорили, потому что хотели, чтобы это был сюрприз, а я все равно знаю. — Она остановилась, восхищенная собственной проницательностью, а потом весело рассмеялась. — Мы едем в Нью-Йорк, чтобы найти Робби, правда? С сыщиками!

Это заявление застало Джорджа Вестона как раз в тот момент, когда он пил воду. Результат был катастрофическим. Послышалось полузадушенное восклицание, за ним наследовал целый фонтан воды и приступ судорожного кашля. Когда все кончилось, Джордж Вестон, раскрасневшийся и мокрый, пришел в крайнее раздражение.

Миссис Вестон сохранила самообладание, но когда Глория повторила свой вопрос уже более озабоченным голосом, и ее нервы не выдержали.

— Может быть, — ответила она резко. — Неуже-

ли ты не можешь посидеть спокойно и немного помолчать?

Нью-Йорк всегда был обетованной землей для туристов и всех, кто хотел развлечься, а в 1998 году — больше, чем когда бы то ни было. Родители Глории знали это и использовали, как только могли.

По приказанию жены Джордж Вестон оставил свои дела на целый месяц, чтобы провести это время, как он выражался, «развлекая Глорию до последней крайности». Как и все, что делал Вестон, это было выполнено эффективно, по-деловому и исчерпывающе. Месяц еще не прошел, но было сделано все, что находилось в человеческих возможностях.

Глория побывала на верхушке Рузвельт-Билдинг и с высоты в полмили с трепетом смотрела на зубчатую панораму крыш, уходивших вдаль, до самых полей Лонг-Айленда и равнин Нью-Джерси. Они посещали зоопарки, где Глория, замирая от страха и блаженства, разглядывала «настоящего живого льва» (она была немного разочарована, увидев, что его кормят сырыми бифштексами, а не людьми, — как она ожидала) и настоятельно требовала, чтобы ей показали кита. Свои сокровища предоставили к их услугам раз-

нообразные музеи, парки, пляжи и аквариумы.

Глория плавала вверх по Гудзону на пароходе, отделанном под стиль веселых 20-х годов. Она летала на экскурсию в стратосферу, где небо окрашивалось в пурпурно фиолетовый цвет, на нем загорались звезды, а туманная Земля далеко внизу становилась похожа на огромную вогнутую чашу. Она погружалась на подводном корабле со стеклянными стенами в глубины пролива Лонг-Айленд, в зеленый, зыбкий мир, где причудливые морские существа разглядывали ее сквозь стекло я неожиданно, извиваясь, уплывали. Новая сказочная страна, пусть и более прозаическая, открывалась перед ней в магазинах, куда ее водила миссис Вестон.

В общем, когда месяц прошел, Вестоны были убеждены, что они сделали все возможное, чтобы заставить Глорию раз и навсегда забыть о покинувшем ее Робби. Но они не были уверены, что им это удалось.

Где бы Глория ни бывала, она проявляла самый живой интерес ко всем роботам, случавшимся поблизости. Каким бы захватывающим ни было зрелище, развертывавшееся перед ней, каким бы оно ни было новым и невиданным, — она немедленно забывала о нем, как только замечала хоть

уголком глаза какой-нибудь движущийся металлический механизм. Поэтому, гуляя с Глорией, миссис Вестон старательно обходила стороной Всех роботов.

Развязка наступила наконец в Музее науки и промышленности. Там для детей была устроена специальная выставка, на которой демонстрировались всевозможные ухищрения и чудеса науки, приспособленные к детскому разумению. Конечно, Вестоны включили эту выставку в свою обязательную программу.

И в тот момент, когда Вестоны стояли, полностью поглощенные созерцанием мощного электромагнита, миссис Вестон внезапно обнаружила, что Глории с ними нет. Первый приступ паники сменился спокойной решимостью, и Вестоны с помощью трех сотрудников музея приступили к тщательным поискам.

Между тем Глория была далека от того, чтобы бесцельно бродить по музею. Для своего возраста она была необыкновенно решительной и целеустремленной девочкой, в этом она определенно пошла в мать. Она заметила на третьем этаже огромную надпись: «К ГОВОРЯЩЕМУ РОБОТУ». Прочитав ее по складам и заметив, что родители не проявляют желания идти в нужном направ-

лении, она приняла самое простое решение. Выждав подходящий момент, когда родители отвлеклись, она спокойно покинула их и пошла туда, куда звала надпись.

Говорящий Робот представлял собой нечто необыкновенное. Это было совершенно непрактичное устройство, имевшее чисто рекламную ценность. Каждый час к нему пускали группу людей в сопровождении экскурсоводов. Дежурному инженеру осторожным шепотом задавали вопросы. Те из них, которые инженер считал подходящими для Робота, передавались ему.

Все это было довольно скучно. Конечно, хорошо знать, что 14 в квадрате равно 196, что температура в данный момент 22,2ь, а давление воздуха — 762,508 мм ртутного столба и что атомный вес натрия 23. Но для этого нет необходимости в роботе. Особенно в такой громоздкой, совершенно непортативной массе проводов и катушек, занимавшей больше двадцати пяти квадратных метров.

Редко кто возвращался к Роботу во второй раз. Лишь одна девушка лет пятнадцати тихо сидела на скамейке, ожидая третьего сеанса, когда в комнату вошла Глория.

Глория даже не взглянула на нее. В этот момент

люди ее почти не интересовали. Все ее внимание было приковано к огромному механизму на колесиках. На какое-то мгновение она забеспокоилась — Говорящий Робот не был похож на тех, которых она видела. Осторожно, с нотками сомнения в тоненьком голосе Глория начала:

— Мистер Робот, простите, пожалуйста, это вы — Говорящий Робот?

Ей казалось, что робот, который на самом деле говорит, заслуживает самой изысканной вежливости.

(На худом, некрасивом лице сидевшей в комнате девушки отразилось напряженное размышление… Она вытащила маленький блокнот и начала что-то быстро писать неразборчивыми каракулями.

Послышалось маслянистое жужжание шестерен, и механический голос без всякой интонации прогремел:

— Я… робот, который… говорит.

Глория разочарованно смотрела на Робота. Действительно, он говорил, но звуки исходили откуда-то изнутри механизма. У Робота не было лица, к которому можно было бы обращаться.

Она сказала:

— Не можете ли вы мне помочь, мистер Робот?

Говорящий Робот был создан для того, чтобы отвечать на вопросы. До сих пор ему задавали только такие вопросы, на которые он мог ответить. Поэтому он был вполне уверен в своих возможностях.

— Я… могу… помочь… вам.

— Большое спасибо, мистер Робот. Вы не видели Робби?

— Кто… это… Робби?

— Это робот, мистер Робот. — Она приподнялась на цыпочки. — Он примерно вот такого роста, мистер Робот, немножечко выше, и он очень хороший. Знаете, у него есть голова. У вас нет, мистер Робот, а у него есть.

Говорящий Робот не мог за ней поспеть.

— Робот?

— Да, мистер Робот. Как вы, мистер Робот, только он, конечно, не умеет говорить, и он очень похож на настоящего человека.

— Робот… как… я?

— Да, мистер Робот.

Единственным ответом Говорящего Робота было невразумительное шипение, которое время от времени прерывалось бессвязными звуками. Ожидавшееся от него смелое обобщение-представление о себе не как об индивидуальном

объекте, а как о части более общей группы, — превышало его силы. Верный своему назначению, он все-таки попытался осмыслить это понятие, в результате чего полдюжины катушек перегорели. Зажужжали аварийные сигналы.

(В этот момент девушка, сидевшая на скамейке, встала и вышла. У нее накопилось уже достаточно материала для доклада «Роботы с практической точки зрения». Это было первое из многих исследований Сюзен Кэлвин на данную тему.) Глория, скрывая нетерпение, ждала ответа. Вдруг девочка услышала позади себя крик: «Вот она!» — и узнала голос своей матери.

— Что ты здесь делаешь, противная девчонка?! — кричала миссис Вестон, у которой тревога тут же перешла в гнев. — Ты знаешь, что папа и мама перепугались чуть не до смерти? Зачем ты убежала?

В комнату ворвался дежурный инженер. Схватившись за голову, он потребовал, чтобы ему сообщили, кто из собравшейся толпы испортил машину.

— Вы что, читать не умеете? — вопил он. — Здесь запрещено находиться без экскурсовода!

Глория повысила голос, чтобы перекричать шум:

— Я только хотела посмотреть на Говорящего Робота, мама. Я думала, он может знать, где Робби — ведь они оба, роботы.

Снова вспомнив о Робби, она разразилась горючими слезами.

— Я должна найти Робби! Мама, хочу Робби!

Миссис Вестон, подавив невольное рыдание, сказала:

— О господи! Идем, Джордж! Я больше не могу!

Вечером Джордж Вестон на несколько часов куда-то ушел. На следующее утро он подошел к жене с подозрительно самодовольным видом.

— У меня есть идея, Грейс.

— Насчет чего? — послышался мрачный, равнодушный ответ.

— Насчет Глории.

— Ты не собираешься предложить снова купить этого робота?

— Нет, конечно.

— Ну, тогда я слушаю. Может, хоть ты что-нибудь придумаешь. Все, что я сделала, ни к чему, не привело.

— Так вот что мне пришло в голову. Дело в том, что Глория думает о Робби как о человеке, а не как о машине. Естественно, она не может забыть его. А вот если бы нам удалось убедить ее, что

Робби — это всего-навсего куча стальных листов и медного провода, оживленная электричеством, тогда она перестанет по нему тосковать. Это психологический подход.

— Как ты предполагаешь это сделать?

— Очень просто. Как ты думаешь, где я был вчера вечером? Я уговорил Робертсона из «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мэн» показать нам завтра все его владения. Мы пойдем втроем, и вот увидишь, когда мы все посмотрим, Глория поймет, что робот — не живое существо.

Глаза миссис Вестон широко раскрылись, и в них появилось что-то похожее на восхищение.

— Послушай, Джордж, это неплохая идея!

Джордж Вестон гордо выпрямился.

— А у меня других не бывает! — заявил он.

Мистер Стразерс был добросовестным управляющим и от природы очень разговорчивым человеком. В результате этой комбинации каждый шаг экскурсии сопровождался подробнейшими — пожалуй, слишком подробными — объяснениями. Тем не менее миссис Вестон слушала внимательно. Она даже несколько раз прерывала его и просила повторить некоторые объяснения как можно проще, чтобы их поняла Глория. Такая высокая оценка его повествовательных

способностей приводила мистера Стразерса в благодушное настроение и делала его еще более разговорчивым, если только это было возможно. Но Вестон проявлял все растущее нетерпение.

— Извините меня, Стразерс, — сказал он, прерывая на середине лекцию о фотоэлементах. — А есть ли у вас на заводе участок, где работают одни роботы?

— Что? Ах, да! Конечно! — Стразерс улыбнулся миссис Вестон. — Некоторым образом заколдованный круг: роботы производят новых роботов. Конечно, как правило, мы этого не практикуем. Во-первых, нам этого не позволили бы профсоюзы. Но очень небольшое количество роботов собирается руками роботов — просто в качестве научного эксперимента. Видите ли, — сняв пенсне, он похлопал им по ладони, — профсоюзы не понимают одного, — а я говорю это как человек, который всегда очень симпатизировал профсоюзному движению, — они не понимают, что появление роботов, вначале связанное с некоторыми неурядицами, в будущем неизбежно должно…

— Да, Стразерс, — сказал Вестон, — а как насчет этого участка, о котором вы говорили? Можно нам на него взглянуть? Это было бы очень ин-

тересно.

— Да, да, конечно. — Мистер Стразерс одним судорожным движением надел пенсне и в замешательстве кашлянул. — Сюда, пожалуйста.

Провожая Вестонов по длинному коридору и спускаясь по лестнице, он был сравнительно немногословен. Но как только они вошли в хорошо освещенную комнату, наполненную металлическим лязгом, шлюзы открылись, и поток объяснений полился с новой силой.

— Вот! — сказал он гордо. — Одни роботы! Пять человек только присматривают за ними — они даже не находятся в этой комнате. За пять лет, с тех пор как мы начали эксперимент, не было ни единой неисправности. Конечно, здесь собирают сравнительно простых роботов, но…

Для Глории голос управляющего уже давно слился в усыпляющее жужжание. Вся экскурсия казалась ей скучной и бесцельной. Хотя кругом было много роботов, но ни один из них не был даже отдаленно похож на ее Робби, и она смотрела на них с нескрываемым презрением.

Она заметила, что в этой комнате совсем не было людей. Потом ее взгляд упал на шесть или семь роботов, выполнявших какую-то работу за круглым столом посередине комнаты. Ее глаза

изумленно и недоверчиво раскрылись. Комната была слишком большой, и она не могла быть окончательно уверена в своей догадке, но один из роботов был похож… был похож… да, это был он!

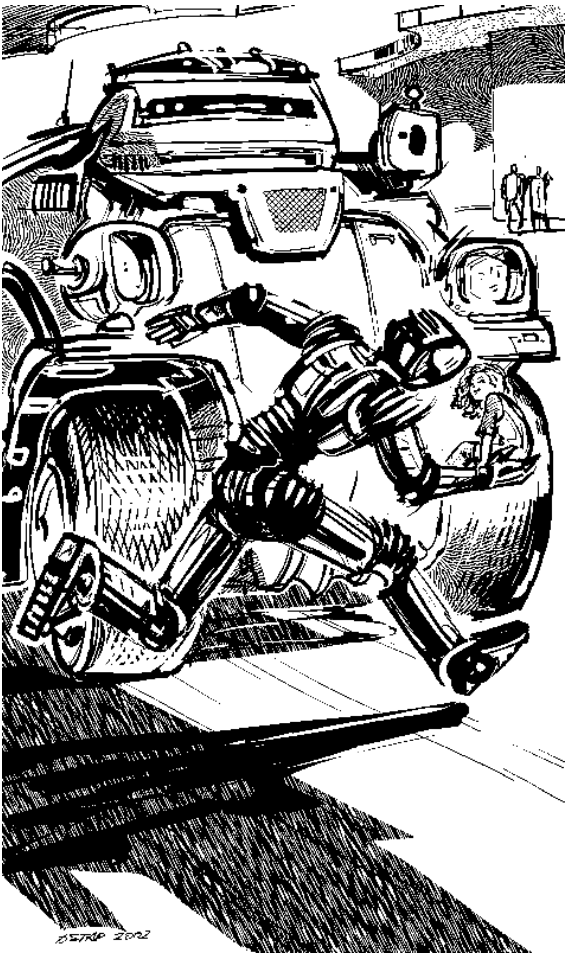
— Робби!

Ее крик пронизал воздух. Один из роботов за столом вздрогнул и уронил инструмент, который держал в руках. Глория пришла в неистовство от радости. Протиснувшись сквозь ограждение, прежде чем родители успели ее остановить, она легко спрыгнула на пол, расположенный на несколько футов ниже, и, размахивая руками, помчалась к своему Робби. А трое взрослых остолбенели от ужаса. Они увидели то, чего не заметила взволнованная девочка. Огромный автоматический трактор, тяжело громыхая, надвигался на Глорию.

В считанные доли секунды Вестон опомнился. Но эти доли секунды решили все. Глорию уже нельзя было догнать. Вестон мгновенно перемахнул через перила, однако это была явно безнадежная попытка. Мистер Стразерс отчаянно замахал руками, давая знак рабочим остановить трактор. Но они были всего лишь людьми, и им нужно было время, чтобы выполнить команду.

Один только Робби действовал без промедления

и точно. Делая гигантские шаги своими металлическими ногами, он устремился навстречу своей маленькой хозяйке. Дальше все произошло почти одновременно. Одним взмахом руки, ни на мгновение не уменьшив своей скорости, Робби поднял Глорию, так что у нее захватило дыхание. Вестон, не совсем понимая, что происходит, не то что увидел, а скорее почувствовал, как Робби пронесся мимо него, и растерянно остановился. Трактор проехал до тому месту, где должна была находиться Глория, на полсекунды позже Робби, прокатился еще метра три и, заскрежетав, затормозил.


BSTRD 2002

Отдышавшись и вырвавшись из объятий родителей, Глория радостно повернулась к Робби. Для нее произошло лишь одно — она нашла своего друга.

Но на лице миссис Вестон облегчение сменилось подозрением. Она повернулась к мужу. Несмотря на волнение и растрепанные волосы, она выглядела внушительно.

— Это ты устроил?

Джордж Вестон вытер вспотевший лоб. Его рука тряслась, и губы могли сложиться лишь в дрожащую, крайне жалкую улыбку. Миссис Вестон продолжала:

— Робби не предназначался для работы на заводе. Ты нарочно устроил так, чтобы его посадили здесь и чтобы Глория его нашла. Это все ты устроил.

— Ну, я, — сказал Вестон. — Но, Грейс, откуда я мог знать, что встреча будет такой бурной? И потом, Робби спас ей жизнь — ты должна это признать. Ты не сможешь отослать его снова.

Грейс Вестон задумалась. Она рассеянно взглянула в сторону Глории и Робби. Глория так крепко обхватила шею робота, что будь на его месте существо из плоти и крови, оно бы давно задохнулось. Вне себя от счастья, девочка оживленно

болтала всякую чепуху на ухо роботу. Руки Робби, отлитые из хромированной стали и способные завязать бантиком двухдюймовый стальной стержень, нежно обвивались вокруг девочки, а его глаза светились темно-красным светом.

— Ну, — сказала наконец миссис Вестон, — пожалуй, он может остаться у нас, пока его ржавчина не съест.

Сьюзен Кэлвин пожала плечами.

— Конечно, до этого не дошло. Все произошло в 1998 году. К 2002 году изобрели подвижного говорящего робота, и неговорящие модели устарели. Все противники роботов восприняли это как последнюю каплю, переполнившую чашу. Между 2003 и 2007 годами большинство правительств запретило использовать роботов на Земле для любых целей, за исключением научных.

— Так что Глории пришлось в конце концов расстаться с Робби?

— Боюсь, что да. Я думаю, впрочем, что в пятнадцать лет ей это было легче, чем в восемь. Но все же это было глупо и ненужно. Когда я в 2008 году поступила на «Ю. С. Роботс», фирма была в самом тяжелом финансовом положении. Сначала 8 даже думала, что через несколько месяцев останусь без работы. Но выход был найден: мы

начали осваивать внеземной рынок.

— И все, конечно, уладилось?

— Не совсем. Мы начали с того, что допытались использовать уже существовавшие модели. Например, этих первых говорящих роботов. Они были трех с половиной метров ростом, очень неуклюжие, и пользы от них было немного. Мы послали их на Меркурий, чтобы они помогли построить там рудник. И они не справились.

Я удивленно взглянул на нее.

— Разве? Но ведь сейчас компания «Меркюри Майнз» — огромный концерн с многомиллиардным капиталом.

— Да, сейчас. Но удалась только вторая попытка. Если вы, молодой человек, хотите об этом услышать, я бы посоветовала вам разыскать Грегори Пауэлла. Они с Майклом Донованом занимались у нас в 10-х и 20-х годах самыми трудными делами. Я уже много лет не слышала ничего о Доноване, а Пауэлл живет здесь, в Нью-Йорке. Он теперь дедушка — мне очень трудно привыкнуть к этой мысли. Я помню его молодым. Ну конечно, и я была моложе…

— Может быть, если бы вы рассказали мне что-нибудь в самых общих чертах, то потом мистер Пауэлл дополнил бы ваш рассказ? Начните хотя

бы с Меркурия.

— Ну ладно. Вторую экспедицию на Меркурий послали, кажется, в 2015 году. Это была разведочная экспедиция, которую финансировали «Ю. С. Роботс» и фирма «Солар Минерала». Экспедиция состояла из Грегори Пауэлла, Майкла Донована и опытного образца робота новой конструкции…

ХОРОВОД

Одно из любимых изречений Грегори Пауэлла гласило, что паника до добра не доведет. Поэтому когда потный и возбужденный Майкл скатился ему навстречу по лестнице, Пауэлл нахмурился.

— В чем дело? — спросил он, — сломал себе ноготь?

— Как бы не так, — задыхаясь, огрызнулся Донован. — Что ты целый день делал внизу? — Он перевел дух и выпалил: — Спиди не вернулся!

Глаза Пауэлла широко раскрылись, и он остановился, но тут же взял себя в руки и продолжал подниматься по лестнице. Он молчал, пока не вышел на площадку, потом спросил:

— Ты послал его за селеном?

— Да.

— И давно?

— Уже пять часов.

Снова наступило молчание. Вот дьявольское положение! Ровно двенадцать часов они находятся на Меркурии — и уже попали в такую скверную переделку. Меркурий всегда считался самой каверзной планетой во всей Солнечной

системе, но это уже слишком!

Пауэлл произнес:

— Начни сначала и рассказывай по порядку.

Они вошли в радиорубку. Оборудование ее, не тронутое за десять лет, прошедших с Первой экспедиции, уже слегка устарело. Для техники эти десять лет значили очень много. Сравнить хотя бы Спиди с теми роботами, которых производили в 2005 году. Правда, за последнее время достижения роботехники были особенно головокружительны.

Пауэлл осторожно потрогал еще блестевшую металлическую поверхность. Все, что было в комнате, казалось каким-то заброшенным и производило бесконечно гнетущее впечатление. Как, впрочем, и вся станция.

Донован тоже это почувствовал. Он сказал:

— Я попробовал связаться с ним по радио, но без всякого толку. На солнечной стороне радио бесполезно — во всяком случае на расстоянии больше двух миль. Отчасти поэтому и не удалась Первая экспедиция. А чтобы наладить УКВ, нам нужна не одна неделя…

— Оставим это. Что же все-таки ты выяснил?

— Я поймал немодулированный сигнал на коротких волнах. По нему можно было только

определить положение Спиди. Я следил за ним два часа и нанес результаты на карту.

Донован достал из заднего кармана пожелтевший листок пергамента, оставшегося от неудачной Первой экспедиции, и, швырнув его на стол, яростно прихлопнул ладонью. Пауэлл следил за ним, стоя поодаль и скрестив руки на груди. Донован нервно ткнул карандашом:

— Этот красный крестик — селеновое озеро.

— Которое? — прервал его Пауэлл. — Там было три. Их все нанес для нас Мак-Дугал, перед тем как отсюда улететь.

— Я, конечно, послал Спиди к самому ближнему. Семнадцать миль отсюда. Но не в этом дело. — Голос Донована дрожал от напряжения. — Вот эти точки обозначают положение Спиди.

В первый раз за все время напускное спокойствие Пауэлла было нарушено. Он схватил карту.

— Ты шутишь? Этого не может быть!

— Смотри сам, — буркнул Донован.

Точки, обозначавшие положение робота, образовали неровную окружность, в центре которой находился красный крестик — селеновое озеро. Пальцы Пауэлла потянулись к усам — несомненный признак тревоги.

Донован добавил:

— За два часа, пока я за ним следил, он обошел это проклятое озеро четыре раза. Похоже на то, что он собирается кружиться там без конца. Понимаешь, в каком мы положении?

Пауэлл взглянул на него, но ничего не сказал. Конечно, он понимал, в каком они положении. Все было просто, как цепочка силлогизмов… От всей мощи чудовищного меркурианского солнца их отделяли только батареи фотоэлементов. Фотоэлементы были почти полностью разрушены. Спасти положение мог только селен. Селен мог достать только Спиди. Он не вернется — не будет селена. Не будет селена — не будет фотоэлементов. Не будет фотоэлементов… Что же, медленное поджаривание — один из самых неприятных видов смерти.

Донован яростно взъерошил свою рыжую шевелюру и с горечью заметил:

— Мы осрамимся на всю Солнечную систему, Грег. Как это все сразу пошло к черту? «Знаменитая бригада в составе Пауэлла и Донована послана на Меркурий, чтобы выяснить, стоит ли на солнечной стороне открывать рудники с новейшей техникой и роботами». И вот в первый же день мы все испортили. А дело ведь самое простое. Нам этого не пережить.

— Об этом заботиться не приходится, — спокойно ответил Пауэлл. — Если мы срочно что-нибудь не предпримем, о переживаниях не может быть и речи. Мы просто не выживем.

— Не говори глупостей! Может быть, тебе и смешно, а мне нет. Послать нас сюда с одним единственным роботом — это просто преступление! «Да еще эта твоя блестящая идея — самим починить фотоэлементы.

— Ну, это ты напрасно. Мы же вместе решали. Ведь нам всего-то и нужно килограмм селена, диэлектрическая установка Стиллхэда и три часа времени. И по всей солнечной стороне стоят целые озера чистого селена. Спектрорефлектор Мак-Дутала за пять минут засек целых три. Какого черта! Мы же не могли ждать следующего противостояния!

— Так что будем делать? Пауэлл, ты что-то придумал. Я знаю, иначе бы ты не был таким спокойным. На героя ты похож не больше, чем я. Давай выкладывай!

— Сами пойти за Спиди мы не можем. Во всяком случае здесь, на солнечной стороне. Даже новые скафандры не выдержат больше двадцати минут под этим солнцем. Но знаешь старую поговорку: «Пошли робота поймать робота»? Послушай,

Майк, дело, может быть, не так уж плохо. У нас внизу есть шесть роботов. Если они исправны, можно воспользоваться ими. Если только они исправны.

В глазах Донована мелькнул проблеск надежды.

— Шесть роботов Первой экспедиции? А ты уверен? Может быть, это просто полуавтоматы? Ведь десять лет — это очень много для роботехники.

— Нет, это роботы. Я целый день с ними возился и теперь знаю. У них позитронный мозг — конечно, самый примитивный.

Он сунул карту в карман.

— Пойдем вниз.

Роботы хранились в самом нижнем ярусе станции, среди покрытых пылью ящиков неизвестно с чем. Они были очень большие — даже когда они сидели, их головы возвышались на добрых два метра.

Донован свистнул:

— Вот это размеры, а? Не меньше трех метров в обхвате.

— Это потому, что они оборудованы старым приводом Мак-Геффи. Я заглянул внутрь — жуткое устройство.

— Ты еще не включал их?

— Нет. А зачем? Вряд ли что-нибудь не в порядке. Даже диафрагмы выглядят прилично. Они должны говорить Он отвинтил щиток на груди ближайшего робота и вложил в отверстие двухдюймовый шарик, в котором была заключена ничтожная искорка атомной энергии — все, что требовалось, чтобы вдохнуть в робота жизнь. Шарик было довольно трудно приладить, но в конце концов Пауэллу это удалось. Потом он старательно укрепил щиток на месте и занялся следующим роботом.

Донован сказал с беспокойством:

— Они не двигаются.

— Нет команды, — коротко объяснил Пауэлл. Он вернулся к первому роботу и хлопнул его по броне: — Эй, ты! Ты меня слышишь?

Гигант медленно нагнул голову, и его глаза остановилась на Пауэлле. Потом раздался хриплый, скрипучий голос, похожий на звуки древнего фонографа.

— Да, хозяин.

Пауэлл невесело усмехнулся.

— Понял, Майк? Это один из первых говорящих роботов. Тогда дело шло к тому, что применение роботов на Земле запретят. Но конструкторы пытались предотвратить это и заложили в дурацкие

машины прочный, надежный инстинкт раба.

— Но это не помогло, — заметил Донован.

— Нет, конечно, но они все-таки старались. Он снова повернулся к роботу.

— Встань!

Робот медленно поднялся. Донован задрал голову вверх и снова присвистнул.

Пауэлл спросил:

— Ты можешь выйти на поверхность? На солнце?

Наступила тишина. Мозг робота работал медленно. Потом робот ответил:

— Да, хозяин.

— Хорошо. Ты знаешь, что такое миля?

Снова молчание и неторопливый ответ:

— Да, хозяин.

— Мы выведем тебя на поверхность и укажем направление. Ты пройдешь около семнадцати миль и где-то там встретишь другого робота, поменьше. Понимаешь?

— Да, хозяин.

— Ты найдешь этого робота и прикажешь ему вернуться. Если он не послушается, ты приведешь его силой.

Донован дернул Пауэлла за рукав.

— Почему бы не послать его прямо за селеном?

— Потому что мне нужен Спиди, понятно? Я хочу знать, что с ним стряслось. — Повернувшись к роботу, он приказал: — Иди за мной!

Робот не двинулся с места, и его голос громыхнул:

— Прости, хозяин, но я не могу. Ты должен сначала сесть.

Его неуклюжие руки со звоном соединились, тупые пальцы переплелись, образовав что-то вроде стремени.

Пауэлл уставился на робота, теребя усы.

— Ого! Гм…

Донован выпучил глаза.

— Мы должны ехать на них? Как на лошадях?

— Наверное. Правда, я не знаю, зачем это. Впрочем… Ну конечно! Я же говорю, что тогда слишком увлекались безопасностью. Очевидно, конструкторы хотели всех убедить, что роботы совершенно безопасны. Они не могут двигаться самостоятельно, а только с погонщиком на плечах. А что нам делать?

— Я об этом и думаю, — проворчал Донован. — Мы все равно не можем появиться на поверхности — с роботом или без робота. О господи! — Он дважды возбужденно щелкнул пальцами. — Дай мне эту карту. Зря, что ли, я ее два часа

изучал? Вот наша станция. А почему бы нам не воспользоваться туннелями?

Станция была помечена на карте кружком, от которого паутиной разбегались черные пунктирные линии туннелей.

Донован вгляделся в список условных обозначений.

— Смотри, — сказал он, — эти маленькие черные точки — выходы на поверхность. Один из них самое большее в трех милях от озера. Вот его номер… Они могли бы писать и покрупнее… Ага, 13-а. Если бы только роботы знали дорогу…

Пауэлл немедленно задал вопрос о дороге и получил в ответ вялое: «Да, хозяин».

— Иди за скафандрами, — удовлетворенно сказал он.

Они впервые надевали скафандры. Еще вчера, когда они прибыли на Меркурий, они вообще не собирались этого делать. И теперь они неловко двигали руками и ногами, осваиваясь с неудобным одеянием.

Скафандры были гораздо объемистее и еще безобразнее, чем обычные костюмы для космических полетов. Зато они были гораздо легче — в них не было ни кусочка металла. Изготовленные из термоустойчивого пластика, прослоенные

специально обработанной пробкой, снабженные устройством, удалявшим из воздуха всю влагу, эти скафандры могли противостоять нестерпимому сиянию меркурианского солнца двадцать минут. Ну, и еще пять-десять минут без непосредственной смертельной опасности для человека.

Робот все еще держал руки стременем. Он не выказал никаких признаков удивления при виде нелепой фигуры, в которую превратился Пауэлл.

Радио хрипло разнесло голос Пауэлла:

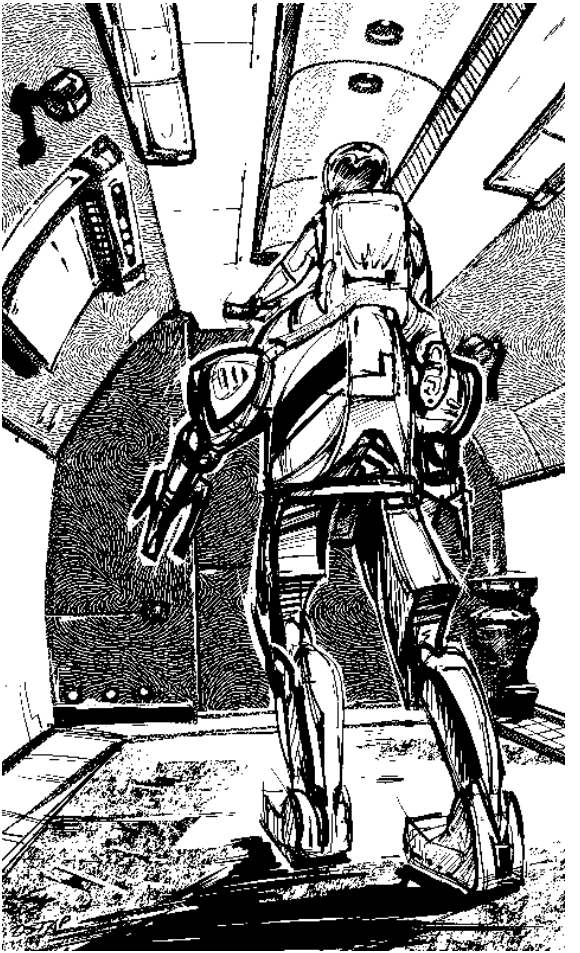
— Ты готов доставить нас к выходу 13-а?

— Да, хозяин.

«И то хорошо, — подумал Пауэлл. — Может быть, и не хватает дистанционного радиоуправления, но, по крайней мере; они хоть могут принимать команды».

— Садись на любого, Майк, — сказал он Доновану.

Он поставил ногу в импровизированное стремя и взобрался наверх. Сидеть было удобно: на спине у робота был, очевидно, специально устроенный горб, на каждом плече — по углублению для ног. Теперь стало ясно и назначение «ушей» гиганта. Пауэлл взялся за «уши» и повернул голову робота. Тот неуклюже повернулся.



— Начнем, Макдуф!

Но на самом деле Пауэллу было вовсе не до шуток.

Шагая медленно, с механической точностью, гигантские роботы миновали дверь, косяк которой пришелся едва в Полуметре над их головами, так что всадники поспешили пригнуться. Узкий коридор, под сводами которого мерно громыхали тяжелые, неторопливые шаги гигантов, привел их в шлюзовую камеру, где им пришлось подождать, пока будет выкачан воздух.

Длинный безвоздушный туннель, уходивший вдаль, напомнил Пауэллу об огромной работе, проделанной Первой экспедицией с ее убогим снаряжением. Да, она окончилась неудачей, но эта неудача стоила иного легкого успеха.

Роботы шагали вперед. Их скорость была неизменна, поступь равномерна.

Пауэлл сказал:

— Смотри, эти туннели освещены, и температура здесь как на Земле. Наверное, так было все эти десять лет, пока здесь никто не жил.

— Каким же образом они этого добились?

— Дешевая энергия — самая дешевая во всей Солнечной системе. Излучение Солнца — здесь, на солнечной стороне Меркурия, — это не шу-

точки. Вот почему они и построили станцию на открытом месте, а не в тени какой-нибудь горы. Это же огромный преобразователь энергии. Тепло преобразуется в электричество, свет, механическую работу и во все, что хочешь. И одновременно с получением энергии станция охлаждается.

— Слушай, — сказал Донован, — это все очень поучительно, только давай поговорим о чем-нибудь другом. Ведь всем преобразованием энергии занимаются фотоэлементы, а это сейчас мое больное место.

Пауэлл что-то проворчал, и когда Донован снова заговорил, разговор потек по другому руслу.

— Послушай, Грег. Все-таки что могло случиться со Спиди? Я никак не могу понять.

В скафандре трудно пожать плечами, но Пауэллу это удалось.

— Не знаю, Майк. — Ведь он полностью приспособлен к условиям Меркурия. Жара ему не страшна, он рассчитан на уменьшенную силу тяжести, может двигаться по пересеченной местности. Все предусмотрено — по крайней мере, должно быть предусмотрено.

Они замолчали, на этот раз надолго.

— Хозяин, — сказал робот, — мы на месте.

— А? — Пауэлл очнулся. — Ну, давай выбираться наверх. На поверхность.

Они оказались в небольшом павильоне — пустом, лишенном воздуха, полуразрушенном. Донован зажег фонарь и долго разглядывал рваные края дыры в верхней части одной из стен.

— Метеорит? Как ты думаешь? — спросил он.

Пауэлл пожал плечами.

— Какая разница? Не важно. Пойдем.

Поднимавшаяся рядом черная базальтовая скала защищала их от солнца. Вокруг все было погружено в черную тень безвоздушного мира. Тень обрывалась, как будто обрезанная ножом, и дальше начиналось нестерпимое белое сияние мириад кристаллов, покрывавших почву.

— Клянусь космосом, вот это да! — У Донована захватило дух от удивления. — Прямо как снег!

Действительно, это было похоже на снег. Пауэлл окинул взглядом сверкающую неровную поверхность, которая простиралась до самого горизонта, и поморщился от режущего глаза блеска.

— Это какое-то необычное место, — сказал он. — В среднем коэффициент отражения по поверхности Меркурия довольно низкий, и почти вся планета покрыта серой пемзой. Что-то вроде

Луны. А красиво, правда?

Хорошо, что скафандры были снабжены светофильтрами. Красиво или нет, но незащищенные глаза были бы за полминуты ослеплены этим сверканием.

Донован посмотрел на термометр, укрепленный на запястье скафандра.

— Ого! Восемьдесят градусов!

Пауэлл тоже взглянул на термометр и сказал:

— Да… Многовато. Ничего не поделаешь — атмосфера…

— На Меркурии? Ты спятил!

— Да нет. Ведь и на Меркурии есть кое-какая атмосфера, — рассеянно ответил Пауэлл, пытаясь неуклюжими пальцами скафандра приладить к своему шлему стереотрубу. — У поверхности должен стелиться тонкий слой паров. Летучие элементы, тяжелые соединения, которые может удержать притяжение Меркурия. Селен, йод, ртуть, галлий, калий, висмут, летучие окислы. Пары попадают в тень и конденсируются, выделяя тепло. Это что-то вроде гигантского перегонного куба. Зажги фонарь — и увидишь, что скала с этой стороны покрыта каких-нибудь серным инеем или ртутной росой.

— Ну, это не важно. Какие-то жалкие восемьде-

сят градусов наши скафандры выдержат сколько угодно.

Пауэлл, наконец, приладил стереотрубу и теперь стал похож на улитку с рожками. Донован напряженно ждал.

— Видишь что-нибудь?

Пауэлл ответил не сразу. Его голос был полон тревоги.

— Вон на горизонте темное пятно. Это скорее всего селеновое озеро. Оно тут и должно быть. А Спиди не видно.

Пауэлл забрался на плечи робота и осторожно выпрямился, расставив ноги и вглядываясь в даль.

— Постой… Ну да, это он. Идет сюда.

Донован вгляделся в ту сторону, куда указывал палец Пауэлла. У него не было стереотрубы, но он разглядел маленькую движущуюся точку, которая чернела на фоне ослепительного сверкания кристаллов.

— Вижу! — заорал он. — Поехали!

Пауэлл снова уселся на плачи робота и хлопнул перчаткой по его гигантской груди.

— Пошел!

— Давай, давай! — вопил Донован, пришпоривая своего робота пятками.

Роботы тронулись. Их мерный топот не был слышен в безвоздушном пространстве, а через синтетическую ткань скафандра звук тоже не передавался. Чувствовались только ритмичные колебания.

— Быстрее! — закричал Донован. Ритм не изменился.

— Бесполезно, — ответил Пауэлл. — Этот железный лом может двигаться только с одной скоростью. Или, по-твоему, они оборудованы селективными флексорами?

Они вырвались из тени. Свет солнца обрушился на них раскаленным потоком. Донован невольно пригнулся.

— Ух! Это мне кажется или на самом деле жарко?

— Скоро будет еще жарче, — последовал мрачный ответ. — Смотри — Спиди!

Робот СПД-13 был уже близко, и его можно было рассмотреть во всех деталях. Его грациозное обтекаемое тело, отбрасывавшее слепящие блики, четко и быстро передвигалось по неровной земле. Его имя — «Спиди», «проворный», — было, конечно, образовано из букв, составлявших его марку, но оно очень подходило ему. Модель СПД была одним из самых быстрых роботов, которые

выпускались фирмой «Ю. С. Роботс».

— Эй, Спиди! — завопил Донован, отчаянно махая руками.

— Спиди! — закричал Пауэлл. — Иди сюда!

Расстояние между людьми и свихнувшимся роботом быстро уменьшалось, — больше усилиями Спиди, чем благодаря медлительной походке устаревших за десять лет службы устройств, на которых восседали Пауэлл и Донован.

Они уже были достаточно близко, чтобы заметить, что походка Спиди была какой-то неровной — робот заметно пошатывался на ходу из стороны в сторону. Пауэлл замахал рукой и увеличил до предела усиление в своем компактном, встроенном в шлем радиопередатчике, готовясь крикнуть еще раз. В этот момент Спиди заметил их.

Он остановился как вкопанный и стоял некоторое время, чуть покачиваясь, как будто от легкого ветерка.

Пауэлл закричал:

— Все в порядке, Спиди! Иди сюда!

В наушниках впервые послышался голос робота:

— Вот здорово! Давайте поиграем. Вы ловите меня, а я буду ловить вас. Никакая любовь нас не разлучит. Я — маленький цветочек, милый

маленький цветочек. Урра!

Повернувшись кругом, он помчался обратно с такой скоростью, что из-под его ног взлетали комки спекшейся пыли. Последние слова, которые он произнес, удаляясь, были: «Растет цветочек маленький под дубом вековым». За этим последовали странные металлические щелчки, которые, возможно, у робота соответствовали икоте.

Донован тихо сказал:

— Откуда он взял какие-то дикие стихи? Слушай, Грег, он… он пьян. Или что-то в этом роде.

— Если бы ты мне этого не сообщил, я бы, наверное, никогда не догадался, — последовал ехидный ответ. — Давай вернемся в тень. Я уже поджариваюсь.

Напряженное молчание нарушил Пауэлл:

— Прежде всего Спиди не пьян. Он ведь робот, а роботы не пьянеют. Но с ним что- то неладное, и это то же самое, что для человека опьянение.

— Мне кажется, он пьян, — решительно заявил Донован. — Во всяком случае, он думает, что мы с ним играем. А нам не до игрушек. Это дело жизни или смерти — и смерти довольно-таки неприятной.

— Ладно, не спеши. Робот-это всего только робот. Как только мы узнаем, что с ним, мы его

починим.

— Как только… — желчно возразил Донован.

Пауэлл не обратил на это внимания.

— Спиди прекрасно приспособлен к обычным условиям Меркурия. Но эта местность, — он обвел руками горизонт, — явно необычна. Вот в чем дело. Откуда, например, взялись эти кристаллы? Они могли образоваться из медленно остывающей жидкости. Но какая жидкость настолько горяча, чтобы остывать под солнцем Меркурия?

— Вулканические явления, — немедленно предположил Донован.

Пауэлл весь напрягся.

— Устами младенца… — произнес он сдавленным голосом и замолчал на пять минут. Потом он сказал: — Слушай, Майк. Что ты сказал Спиди, когда посылал его за селеном?

Донован удивился:

— Ну, не знаю. Я просто велел принести селен.

— Это ясно. Но как? Попробуй точно припомнить.

— Я сказал… Постой… Я сказал: «Спиди, нам нужен селен. Ты найдешь его там-то и там-то. Пойди и принеси его». Вот и все. Что же еще я должен был сказать?

— Ты не говорил, что это очень важно, срочно?

— Зачем? Дело-то простое.

Пауэлл вздохнул:

— Да, теперь уже ничего не изменишь. Но мы попали в переделку.

Он слез со своего робота и сел, прислонившись спиной к скале. Донован, подсел к нему и взял под руку. За гранью тени слепящее солнце, казалось, поджидало их как кошка мышь. А рядом стояли два гигантских робота, невидимые в темноте. Только светившиеся тусклым красным светом фотоэлектрические глаза смотрели на них — немигающие, неподвижные, равнодушные.

Равнодушные! Такие же, как и весь этот гибельный Меркурий — маленький, но коварный.

Донован услышал напряженный голое Пауэлла:

— Теперь слушай. Начнем с трех основных законов роботехники, — трех правил, которые прочно закреплены в позитронном мозгу. — В темноте он начал загибать пальцы. — Первое. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

— Правильно.

— Второе, — продолжал Пауэлл. — Робот должен повиноваться командам человека, если эти

команды не противоречат Первому Закону.

— Верно.

— И третье. Робот должен заботиться о своей безопасности, поскольку это не противоречит Первому и Второму Законам.

— Верно. Ну и что?

— Так это же все объясняет. Когда эти законы вступают в противоречие между собой, дело решает разность позитронных потенциалов в мозгу. Что получается, если робот приближается к месту, где ему грозит опасность, и сознает это? Потенциал, который создается Третьим Законом, автоматически заставляет его вернуться. Но представь себе, что ты приказал ему приблизиться к опасному месту. В этом случае Второй Закон создает противоположный потенциал, который выше первого, и робот выполняет приказ с риском для собственного существования.

— Это я знаю. Но что отсюда следует?

— Что могло случиться со Спиди? Это — одна из последних моделей, специализированная, дорогая, как линкор. Он сделан так, чтобы его нелегко было уничтожить.

— Ну и?...

— Ну и при его программировании Третий Закон был задан особенно строго

— кстати, это специально отмечалось в проспектах. Его стремление избежать опасности необыкновенно сильно. А когда ты послал его за селеном, ты дал команду небрежно, между прочим, так что потенциал, связанный со Вторым Законом, был довольно слаб. Это все-факты.

— Давай, давай. Кажется, я начинаю понимать.

— Понимаешь? Около селенового озера существует какая-то опасность. Она возрастает по мере того, как робот приближается, и на каком-то расстоянии от озера потенциал Третьего Закона, с самого начала очень высокий, становится в точности равен потенциалу Второго Закона, с самого начала слабому.

Донован возбужденно вскочил на ноги.

— Ясно! Устанавливается равновесие; Третий Закон гонит его назад, а Второй — вперед…

— И он начинает кружить около озера, оставаясь на линии, где существует это равновесие. И если мы ничего не предпримем, он так и будет бегать по этому кругу, как в хороводе…

Он продолжал задумчиво:

— И поэтому, между прочим, он и ведет себя как пьяный. При равновесии потенциалов половина позитронных цепей в мозгу не работает. Я не специалист по позитронике, но это очевидно.

Возможно, он потерял контроль как раз над теми же частями своего волевого механизма, что и пьяный человек. А вообще все это очень мило.

— Но откуда взялась опасность? Если бы знать, от чего он бегает…

— Да ведь ты сам уже догадался! Вулканические явления. Где-то около озера просачиваются газы из недр Меркурия. Сернокислый газ, углекислота — и окись углерода. Довольно много окиси углерода. А при здешних температурах… Донован проглотил слюну.

— Окись углерода плюс железо дает летучий карбонил железа!

— А робот, — мрачно добавил Пауэлл, — это в основном железо. Люблю логические рассуждения. Мы уже все выяснили, кроме того, что теперь делать. Сами добраться до селена мы не можем — все-таки слишком далеко. Мы не можем послать этих жеребцов, потому что они без нас не пойдут, а если мы поедем с ними, то успеем подрумяниться. Поймать Спиди мы тоже не можем — этот дурень думает, что мы с ним играем, а скорость у него шестьдесят миль в час против наших четырех…

— Но если один из нас пойдет, — начал задумчиво Донован, — и вернется поджаренным, то

ведь останется другой…

— Ну да, — последовал саркастический ответ. — Это будет очень трогательная жертва. Только прежде чем человек доберется до озер а, он уже будет не в состоянии отдать приказ. А роботы вряд ли вернутся без приказания. Прикинь: мы в двух или трех милях от озера — ну, считай, в двух. Робот делает четыре мили в час. А в скафандрах мы можем продержаться не больше двадцати минут. Имей в виду, что дело тут не только в жаре. Солнечное излучение в ультрафиолете и дальше — это тоже смерть.

— Н-да, — сказал Донован. — Не хватает всего десяти минут.

— Для нас все равно — десяти минут или целой вечности. И еще: чтобы потенциал Третьего Закона остановил Спиди на таком расстоянии, здесь должно быть довольно много окиси углерода в атмосфере паров металлов. И поэтому должна быть заметная коррозия. Он гуляет там уже несколько часов. В любой момент, скажем, коленный сустав может выйти из строя, и он перевернется. Тут нужно не просто шевелить мозгами — нужно решать быстро!

Глубокое, мрачное, унылое молчание.

Первым заговорил Донован. Его голос дрожал,

но он старался говорить бесстрастно.

— Ну хорошо, мы не можем увеличить потенциал Второго Закона новой командой. А нельзя ли попробовать с другого конца? Если мы увеличим опасность, то увеличится потенциал Третьего Закона, и мы отгоним его назад.

Пауэлл молча повернул к нему окошко своего шлема.

— Послушай, — осторожно продолжал Донован, — все, что нам нужно, чтобы отогнать его, — это повысить концентрацию окиси углерода. А на станции есть целая аналитическая лаборатория.

— Естественно, — согласился Пауэлл. — Это же станция-рудник.

— Верно. А там должно быть порядочно щавелевой кислоты для осаждения кальция.

— Клянусь космосом! Майк, ты гений!

— Более или менее, — скромно согласился Донован. — Я просто вспомнил, что щавелевая кислота при нагревании разлагается на углекислый газ, воду и добрую старую окись углерода. Элементарный институтский курс химии.

Пауэлл вскочил и хлопнул гигантского робота по ноге.

— Э! — крикнул он. — Ты умеешь бросать?

— Что, хозяин?

— Не важно, — Пауэлл обругал про себя тяжелодумного робота и схватил обломок скалы величиной с кирпич. — Возьми и попади в гроздь голубых кристаллов — вон за той кривой трещиной. Видишь?

Донован дернул его за руку.

— Слишком далеко, Грег. Это же почти полмили.

— Спокойно, — ответил Пауэлл. — Вспомни о силе тяжести на Меркурий. А рука у него стальная. Смотри.

Глаза робота измеряли дистанцию с точностью машины. Он прикинул вес камня и замахнулся. В темноте его движения были плохо видны, но когда он переступил с ноги на ногу, можно было почувствовать заметное сотрясение почвы. Камень черной точкой вылетел за пределы тени. Его полету не мешало ни сопротивление воздуха, ни ветер, — и когда он упал, осколки голубых кристаллов разлетелись из самого центра грозди.

Пауэлл радостно завопил:

— Поехали за кислотой, Майк!

Когда они въехали в разрушенный павильон, Донован мрачно сказал:

— Спиди болтается на нашей стороне озера с тех пор, как мы за ним погнались. Ты заметил?

— Да.

— Наверное, хочет поиграть с нами. Ну, я ему поиграю!...

Они вернулись через несколько часов с трехлитровыми банками белого порошка и с вытянувшимися лицами. Фотоэлементы разрушались еще быстрее, чем они думали.

Они вывели своих роботов на солнце и молча, сосредоточенно и мрачно направились к Спиди.

Спиди не спеша запрыгал к ним.

— Вот и мы! Урра! Вышел месяц из тумана и не ударил лицом в грязь!

— Я тебе покажу грязь, — пробормотал Донован. — Смотри, Грег, он хромает.

— Вижу, — последовал озабоченный ответ. — Если мы не поторопимся, эта окись доконает его.

Теперь они приближались медленно, почти крадучись, чтобы не спугнуть полоумного робота. Они были еще довольно далеко, но Пауэлл уже мог бы поклясться, что Спиди приготовился пуститься наутек.

— Давай — прохрипел он. — Считаю до трех. Раз, два...

Две стальные руки одновременно выбросились вперед, и две стеклянные банки полетели параллельными дугами, сверкая, как бриллианты, под

невозможным светом. Они бесшумно разбились вдребезги, и позади Спиди поднялось облачко щавелевой кислоты. Пауэлл знал, что на ярком меркурианском солнце она бурлит, как газированная вода.

Спиди медленно повернулся, потом попятился и так же медленно начал набирать скорость. Через пятнадцать секунд он уже неуверенными прыжками двигался в сторону людей.

Пауэлл не расслышал, что говорил при этом робот, но ему послышалось что-то вроде: «Не клянись, слов любви не говори...»

Пауэлл повернулся к Доновану.

— Под скалу, Майк! Он вышел — из этой колеи и теперь будет слушаться. Мне уже становится жарко. Они затрусили в тень на спинах своих медлительных гигантов. Только когда они почувствовали вокруг себя приятную прохладу, Донован обернулся.

— Грег!!!

Пауэлл посмотрел назад и чуть не вскрикнул. Спиди медленно, очень медленно удалялся. Он снова входил в свою круговую колею, постепенно набирая скорость. В стереотрубу казалось, что он очень близко, но он был недосягаем.

— Догнать его! — закричал Донован и пустил

робота, но Пауэлл остановил его.

— Ты его не поймаешь, Майк. Бесполезно.

Он сжал кулаки, чувствуя свою полную беспомощность.

— Почему же я это понял только через пять секунд после того, как все произошло? Майк, мы зря потеряли время.

— Нужно еще кислоты, — упрямо заявил Майк. — Концентрация была слишком мала.

— Да нет. Тут не помогли бы и семь тонн. А если бы у нас и было столько кислоты, мы все равно не успели бы ее привезти… Коррозия съест его. Неужели ты не понял, Майк?

— Нет, — сознался Донован.

— Мы просто установили новое равновесие. Когда становится больше окиси углерода и потенциал Третьего Закона увеличивается, он просто пятится, пока снова не наступит равновесие, а потом, когда окись углерода улетучивается, опять подвигается вперед. — В голосе Пауэлла звучало отчаяние. — Это все тот же хоровод. Мы можем тянуть за Третий Закон и тащить за Второй, и все равно ничего не изменится. Только положение равновесия будет перемещаться. Нужно выйти за пределы этих законов.

Он развернул своего робота лицом к Доновану,

так что они сидели друг против друга, — смутные тени в темноте, — и прошептал:

— Майк!

— Это конец? — устало сказал Донован. — Что же, поехали на станцию. Подождем, пока фотоэлементы выгорят окончательно, пожмем друг другу руки, примем цианистый калий и умрем, как подобает джентльменам.

Он коротко усмехнулся.

— Майк, — серьезно повторил Пауэлл. — Мы должны вернуть Спиди.

— Я знаю.

— Майк, — снова начал Пауэлл и после недолгого колебания продолжал: — Есть еще Первый закон.

Я об этом уже думал. Но это — крайнее средство.

Донован взглянул на него, и его голос оживился:

— Самое время для крайнего средства.

— Ладно. По Первому Закону робот не может допустить, чтобы из-за его бездействия человеку грозила опасность. Тут уже ни Второй, ни Третий законы его не остановят. Не могут, Майк.

— Даже когда робот полоумный? Он же пьян.

— Конечно, есть риск.

— Хорошо, что ты предлагаешь?

— Я сейчас выйду на солнце и посмотрю, будет действовать Первый Закон. Если и он не нарушит равновесия, то… Какого черта, тогда все ясно: или сейчас, или через три-четыре дня…

— Погоди, Грег. Есть еще законы человеческие. Ты не имеешь права просто так взять и пойти. Давай разыграем, чтобы все было по-честному.

— Ладно. Кто первый возведет четырнадцать в куб?

И почти сразу:

— Две тысячи семьсот сорок четыре.

Донован почувствовал как робот Пауэлла, проходя мимо, задел его робота. Через секунду Пауэлл уже был за пределами тени. Донован раскрыл рот, чтобы крикнуть, но удержался. Конечно, этот идиот подсчитал куб четырнадцати заранее, нарочно. Очень на него похоже.

…Солнце было особенно горячее, и Пауэлл почувствовал, что у него страшно зачесалась поясница. Наверное, воображение. А может быть, жесткое излучение уже проникает даже сквозь скафандр.

Спиди следил за ним, на этот раз не приветствовал его никакими дурацкими стихами. Спасибо и на том! Но нельзя подходить к нему слишком

близко.

До Спиди оставалось еще метров триста, когда он начал шаг за шагом осторожно пятиться назад. Пауэлл остановил своего робота и спрыгнул на землю покрытую кристаллами. Во все стороны полетели осколки.

Почва была рыхлая, кристаллы скользили под ногами. Идти при уменьшенной силе тяжести было трудно. Подошвы жгло. Он оглянулся через плечо и увидел, что ушел уже слишком далеко, что не успеет вернуться в тень — ни сам, ни с помощью своего неуклюжего робота. Теперь или Спиди, или конец. У него перехватило горло.

Хватит! Пауэлл остановился.

— Спиди! — позвал он. — Спиди!

Сверкающий современный робот впереди, помедлив, остановился, потом попятился снова.

Пауэлл попробовал вложить в свой голос как можно больше мольбы, — и обнаружил, что для этого не требовалось особого труда.

— Спиди! Я должен вернуться в тень, иначе солнце убьет меня. Это дело жизни или смерти. Спиди, помоги! Спиди!

Робот сделал шаг вперед и остановился. Он заговорил, но, услышав его, Пауэлл застонал. Робот произнес: «Если ты лежишь больной, если завтра

выходной...» Голос затих.

Настоящее пекло! Уголком глаза Пауэлл заметил какое-то движение, резко повернулся и застыл в изумлении. Чудовищный робот, на котором он ехал, двигался — двигался к нему, без всадника!

Робот заговорил:

— Простите меня, хозяин. Я не должен двигаться без хозяина, но вам грозит опасность.

Ну конечно. Потенциал Первого Закона — превыше всего. Но ему не нужна эта древняя развалина. Ему нужен Спиди. Он сделал несколько шагов в сторону и отчаянно закричал:

— Я запрещаю тебе подходить! Я приказываю остановиться!

Это было бесполезно. Нельзя бороться с потенциалом Первого Закона. Робот тупо сказал:

— Вам грозит опасность, хозяин.

Пауэлл в отчаянии огляделся. Он уже неотчетливо видел предметы; в его мозгу крутился раскаленный вихрь; собственное дыхание обжигало его, и все кругом дрожало в неясном мареве. Он в последний раз закричал:

— Спиди! Я умираю, черт тебя побери! Где ты? Спиди! Помоги!...

Он все еще пятился в слепом стремлении уй-

ти от непрошеного гигантского робота, когда почувствовал на своей руке стальные пальцы и услышал озабоченный, виноватый голос металлического тембра:

— Господи, Пауэлл, что вы тут делаете? И что ж я смотрю… Я как-то растерялся…

— Не важно, — слабо пробормотал Пауэлл. — Неси меня в тень скалы, — и поскорее!

Он почувствовал, что его поднимают в воздух и быстро несут, в последний раз ощутил палящий жар и потерял сознание.

Проснувшись, он увидел, что над ним заботливо наклонился улыбающийся Донован.

— Ну как, Грег?

— Прекрасно, — ответил он. — Где Спиди?

— Здесь. Я посылал его к другому селеновому озеру — на этот раз с приказом добыть селен во что бы то ни стало. Он принес его через сорок две минуты и три секунды, — я засек время. Он все еще не кончил извиняться за этот хоровод. Он не решается подойти к тебе — боится, что ты скажешь.

— Тащи его сюда, — распорядился Пауэлл. — Он не виноват.

Он протянул руку и крепко пожал металлическую лапу Спиди.

OSTH

— Все в порядке, Спиди. Знаешь, Майк, что я подумал?

— Да?

Он потер лицо — воздух был восхитительно прохладен.

— Знаешь, когда мы здесь все кончим я Спиди пройдет полевые испытания, они хотят послать нас на межпланетную станцию…

— Не может быть!

— Да, по крайней мере, так сказала тетка Кэлвин перед тем, как мы отправились сюда. Я ничего об этом не говорил, потому что собирался протестовать против этой идеи.

— Протестовать? — воскликнул Донован. — Но…

— Я знаю. Теперь все в порядке. Представляешь — двести семьдесят три градуса ниже нуля! Разве это не рай?

— Межпланетная станция, — произнес Донован. — Ну что ж, я готов!

ЛОГИКА

ЛОГИКА

Полгода спустя они изменили свое мнение о межпланетных станциях. Действительно, пламя огромного солнца сменилось бархатной тьмой пустоты. Но когда вы имеете дело с экспериментальными роботами, перемена обстановки очень мало значит. Где бы вы ни находились, вы стоите лицом к лицу с загадочным позитронным мозгом, который, по словам этих гениев с логарифмическими линейками, должен работать так-то и так-то. Все дело только в том, что он, оказывается, работает иначе. Пауэлл и Донован обнаружили это на исходе второй недели своего пребывания на станции.

Грегори Пауэлл раздельно и четко произнес:

— Неделю назад мы с Донованом собрали тебя.

Наморщив лоб, он потянул себя за кончик уса. В кают-компании Солнечной станции? 5. было тихо, если не считать доносившегося откуда-то снизу мягкого урчания мощных излучателей.

Робот КТ-1 сидел неподвижно. Вороненая сталь его туловища поблескивала в лучах ярких ламп, а горевшие красным светом фотоэлементы, кото-

рые заменяли ему глаза, пристально смотрели на человека с Земли, сидевшего по другую сторону стола. Пауэлл подавил внезапное раздражение. У этих роботов какое-то странное мышление. Ну конечно, Три Закона роботехники действуют. Должны действовать. Любой служащий «Ю. С. Роботс», начиная от самого Робертсона и кончая последней уборщицей, мог бы за это поручиться. Так что опасаться за КТ-1 не приходилось. И все-таки…

Модель КТ была совершенно новой, а это был первый опытный ее экземпляр. И закорючки математических формул не всегда были самым лучшим утешением перед лицом фактов.

Наконец робот заговорил. Его голос отличался холодным тембром — неизбежное свойство металлической мембраны.

— Вы представляете себе, Пауэлл, всю серьезность этого заявления?

— Но кто-то должен был сделать тебя, Кьюти, — «заметил Пауэлл. — Ты сам подтверждаешь, что твоя память в полном объеме неделю назад возникла из ничего. Я могу это объяснить. Мы с Донованом собрали тебя из присланных сюда частей.

Кьюти с таинственным видом посмотрел на

свои длинные, гибкие пальцы. В этот момент он был странно похож на человека.

— Мне кажется; что должно существовать более правдоподобное объяснение. Мне представляется маловероятным, чтобы вы меня сделали.

Человек с Земли неожиданно рассмеялся.

— Почему же?

— Можно назвать это интуицией. Пока это только интуиция. Однако я собираюсь разобраться в этом. Цепь логически правильных рассуждений неизбежно приведет к истине. Я постараюсь до нее добраться.

Пауэлл встал и пересел на край стола, рядом с роботом. Он вдруг почувствовал сильную симпатию к этой странной машине. Она совсем не была похожа на обычных роботов, которые старательно выполняли предписанную им работу на станции, подчиняясь заданным заранее, устойчивым позитронным связям.

Он положил руку на плечо Кьюти. Металл был холоден и тверд на ощупь.

— Кьюти, — сказал он, — я попробую тебе кое-что объяснить. Ты — первый робот, который задумался над собственным существованием. Я думаю также, что ты — первый робот, который достаточно умен, чтобы осмыслить внешний

мир. Пойдем со мной.

Робот мягко поднялся и последовал за Пауэллом. Его ноги, обутые в толстую губчатую резину, не производили никакого шума.

Человек с Земли нажал кнопку, и часть стены скользнула вбок. Сквозь толстое прозрачное стекло стало видно испещренное звездами космическое пространство.

— Я это видел через иллюминаторы в машинном отделении, — заметил Кьюти.

— Знаю, — сказал Пауэлл. — Как по-твоему: что это?

— Именно то, чем оно кажется — черное вещество сразу за этим стеклом, испещренное маленькими блестящими точками. Я знаю, что к некоторым из этих точек — всегда к одним и тем же — наш излучатель посылает лучи. Я знаю также, что эти точки перемещаются и что наши лучи перемещаются вместе с ними. Вот и все.

— Хорошо. Теперь слушай внимательно. Черное вещество — это пустота. Пустота, простирающаяся в бесконечность. Маленькие блестящие точки — огромные массы начиненной энергией материи. Это шары. Многие из них имеют миллионы километров в диаметре. Для сравнения имей в виду, что размер нашей станции всего полтора

километра. Они кажутся такими маленькими, потому что они невероятно далеко. Точки, на которые направлены наши лучи, ближе и гораздо меньше. Они твердые, холодные и на их поверхности живут люди, вроде меня — миллиарды людей. Из такого мира и прилетели мы с Донованом. Наши лучи снабжают эти миры энергией, а мы ее получаем от одного из огромных раскаленных шаров поблизости от нас. Мы называем этот шар Солнцем. Его отсюда не видно — он по другую сторону станции.

Кьюти неподвижно, как стальное изваяние, стоял у окна. Потом, не поворачивая головы, он заговорил:

— С какой именно светящейся точки вы прилетели, как вы утверждаете?

— Вот она, эта очень яркая звездочка в углу. Мы называем ее Землей, — Он ухмыльнулся: — Земля-старушка… Там миллиарды таких, как мы, Кьюти. А через неделю-другую мы будем там, с ними.

К большому удивлению Пауэлла, Кьюти вдруг рассеянно замурлыкал про себя. Это мурлыканье было лишено мелодии и похоже на тихий перебор натянутых струн. Оно прекратилось так же внезапно, как и началось.

— Ну, а я? Вы не объяснили моего существования.

— Все остальное просто. Когда впервые были устроены эти энергостанции, ими управляли люди. Но из-за жары, жесткого солнечного излучения и электронных бурь работать здесь было трудно. Были построены роботы, заменявшие людей. Теперь на каждой станции нужны только два человека. А мы пытаемся заменить роботами и их. Вот в чем смысл твоего существования. Ты — самый совершенный робот, который до сих пор был построен. Если ты докажешь, что способен сам управлять этой станцией, людям не придется больше появляться здесь, если не считать доставку запасных частей.

Он протянул руку к кнопке, и металлические ставни сдвинулись. Пауэлл вернулся к столу, взял яблоко, потер его о рукав и надкусил. Его остановил красный блеск глаз робота. Кьюти медленно произнес:

— И вы думаете, что я поверю такой замысловатой неправдоподобной гипотезе, которую вы только что изложили? За кого вы меня принимаете?

Пауэлл от неожиданности выплюнул откушенный кусок яблока и побагровел:

— Черт возьми, это же не гипотеза! Это факты!

Кьюти мрачно ответил:

— Шары энергии размером в миллионы километров! Миры с миллиардами людей! Бесконечная пустота! Извините меня, Пауэлл, но я не верю. Я разберусь в этом сам. До свидания!

Он гордо повернулся, протиснулся в дверях мимо Докована, серьезно кивнув ему головой, и зашагал по коридору, не обращая внимания на провожавшие его изумленные взгляды. Майк Донован взъерошил рыжую шевелюру и сердито взглянул на Пауэлла:

— Что говорил этот ходячий железный лом? Чему он не верит?

Пауэлл с горечью дернул себя за ус.

— Он скептик, — ответил он. — Не верит, что мы создали его и что существуют Земля, космос и звезды.

— Разрази его Сатурн! Теперь у нас на руках сумасшедший робот!

— Он сказал, что сам во всем разберется.

— Очень приятно, — нежно сказал Донован. — Надеюсь, он снизойдет до того, чтобы объяснить все это мне, когда разберется. — Он внезапно взорвался. — Так вот, слушай! Если эта куча железа попробует так поговорить со мной, я сверну его

хромированную шею! Так и знай!

Он бросился в кресло и вытащил из кармана потрепанный детективный роман.

— Этот робот давно мне действует на нервы. Уж очень он любопытен!

Когда Кьюти, тихо постучавшись, вошел в комнату, Майк Донован что-то проворчал, продолжая вгрызаться в огромный бутерброд.

— Пауэлл здесь?

Не переставая жевать, Донован ответил:

— Пошел собирать данные о функциях электронных потоков. Похоже, что ожидается буря.

В это время вошел Пауэлл. Не поднимая глаз от графиков, которые он держал в руках, он сел, разложил графики перед собой и начал что-то подсчитывать. Донован глядел ему через плечо, хрустя бутербродом и роняя крошки. Кьюти молча ждал. Пауэлл поднял голову.

— Дзэта-потенциал растет, но медленно. Так или иначе, функции потока неустойчивы, так что я не знаю, чего можно ожидать. А, привет, Кьюти. Я думал, ты присматриваешь за установкой новой силовой шины.

— Все готово, — спокойно сказал робот. — Я пришел поговорить с вами обоими.

— О! — Пауэллу стало не по себе. — Ну, садись.

Нет, не туда. У этого стула треснула ножка, а ты тяжеловат.

Робот уселся и безмятежно заговорил:

— Я принял решение.

Донован сердито посмотрел на него и отложил остатки бутерброда:

— Если это по поводу твоих дурацких…

Пауэлл нетерпеливо прервал его:

— Говори, Кьюти. Мы слушаем.

— За последние два дня я сосредоточился на самоанализе, — сказал Кьюти,

— и пришел к весьма интересным результатам. Я начал с единственного верного допущения, которое мог сделать. Я существую, потому что я мыслю…

— О Юпитер! — простонал Пауэлл. — Робот-Декарт!

— Это кто Декарт? — вмешался Донован. — По-слушай, по-твоему, мы должны сидеть и слушать, как этот железный маньяк…

— Успокойся, Майк!

Кьюти невозмутимо продолжал:

— Сразу возник вопрос: в чем же причина моего существования?

Пауэлл стиснул зубы, так что на его скулах вздулись бугры.

— Ты говоришь глупости. Я уже сказал тебе, что мы построили тебя.

— А если ты не веришь, — добавил Донован, — то мы тебя с удовольствием разберем!

Робот умоляюще простер мощные руки:

— Я ничего не принимаю на веру. Каждая гипотеза должна быть подкреплена логикой, иначе она не имеет никакой ценности. А ваше утверждение, что вы меня создали, противоречит всем требованиям логики.

Пауэлл положил руку на стиснутый кулак Донована, удержав его.

— Почему ты так говоришь?

Кьюти засмеялся. Это был нечеловеческий смех, — он никогда еще не издавал такого машиноподобного звука. Резкий и отрывистый, этот смех был размеренным, так стук метронома, и столь же лишенным интонации.

— Поглядите на себя, — сказал он наконец. — Я не хочу сказать ничего обидного, но поглядите на себя! Материал, из которого вы сделаны, мягок и дрябл, непрочен и слаб. Источником энергии для вас служит малопроизводительное окисление органического вещества вроде этого. — Он с неодобрением ткнул пальцем в остатки бутерброда. — Вы периодически погру-

жаетесь в бессознательное состояние. Малейшее изменение температуры, давления, влажности, интенсивности излучения сказывается на вашей работоспособности. Вы — суррогат! С другой стороны, я — совершенное произведение. Я прямо поглощаю электроэнергию и использую ее почти на сто процентов. Я построен из твердого металла, постоянно в сознании, легко переношу любые внешние условия. Все это факты. Если учесть самоочевидное предположение, что ни одно существо не может создать другое существо, превосходящее его, — это разбивает вдребезги вашу нелепую гипотезу.

Проклятия, которые Донован до сих пор бормотал вполголоса, теперь прозвучали вполне явственно. Он вскочил, сдвинув рыжие брови:

— Ах ты железный выродок! Ну ладно, если не мы тебя создали, то кто же?

Кьюти серьезно кивнул.

— Очень хорошо, Донован. Именно этот вопрос я себе задал. Очевидно, мой создатель должен быть более могучим, чем я. Так что оставалась лишь одна возможность.

Люди с Земли недоуменно уставились на Дьюти, а он продолжал:

— Что является центром жизни станции? Чему

мы все служим? Что поглощает все наше внимание?

Он замолчал в ожидании ответа. Донован удивленно взглянул на Пауэлла.

— Бьюсь об заклад, этот оцинкованный идиот говорит о преобразователе энергии!

— Это верно, Кьюти? — ухмыльнулся Пауэлл.

— Я говорю о Господине! — последовал холодный, резкий ответ.

Донован разразился хохотом, и даже Пауэлл невольно фыркнул.

Кьюти поднялся, и его сверкающие глаза перебегали с одного человека на другого:

— И тем не менее это так. Не удивительно, что вы не хотите этому поверить. Вам недолго осталось быть здесь. Сам Пауэлл говорил, что сначала Господину служили только люди. Потом появились роботы для вспомогательных операций; наконец появился я — для управления роботами. Эти факты несомненны, но объяснение их было совершенно нелогичным. Хотите узнать истину?

— Валяй, Кьюти. Это любопытно.

— Господин сначала создал людей — самый несложный вид, который легче всего производить. Постепенно он заменил их роботами. Это был шаг вперед. Наконец, он создал меня, чтобы

я занял место еще оставшихся людей. Отныне Господину служу Я!

— Ничего подобного, — резко ответил Пауэлл. — Ты будешь выполнять наши команды и помалкивать, пока мы не убедимся, можешь ли ты управлять преобразователем. Ясно? Преобразователем, а не Господином! Если ты нас не удовлетворишь, ты будешь демонтирован. А теперь — пожалуйста, можешь идти. Возьми с собой эти данные и зарегистрируй их как полагается.

Кьюти взял протянутые ему графики и, не говоря ни слова, вышел. Донован откинулся на спинку кресла и запустил пальцы в волосы.

— Нам еще придется повозиться с этим роботом. Он совершенно спятил!

Усыпляющий рокот преобразователя слышался в рубке гораздо сильнее. В него вплеталось потрескивание счетчиков Гейгера и беспорядочное жужжание десятка сигнальных лампочек.

Донован оторвался от телескопа и включил свет.

— Луч со станции? 4 упал на Марс точно по расписанию. Теперь можно выключать наш.

Пауэлл рассеянно кивнул.

— Кьюти внизу, в машинном отделении. Я дам сигнал, а остальное он сделает. Погляди-ка, Майк:

что ты скажешь об этих цифрах?

Майк прищурился и присвистнул:

— Ого! Вот это излучение! Солнышко-то резвится!

— Вот именно, — кисло ответил Пауэлл. — Идет электронная буря. И наш луч, направленный на Землю, как раз на ее пути.

Он в раздражении отодвинулся от стола.

— Ничего! Только бы она не началась до смены. Еще целых десять дней… Знаешь, Майк, спустись вниз и присмотри за Кьюти, ладно?

— Есть. Дай-ка мне еще миндаля.

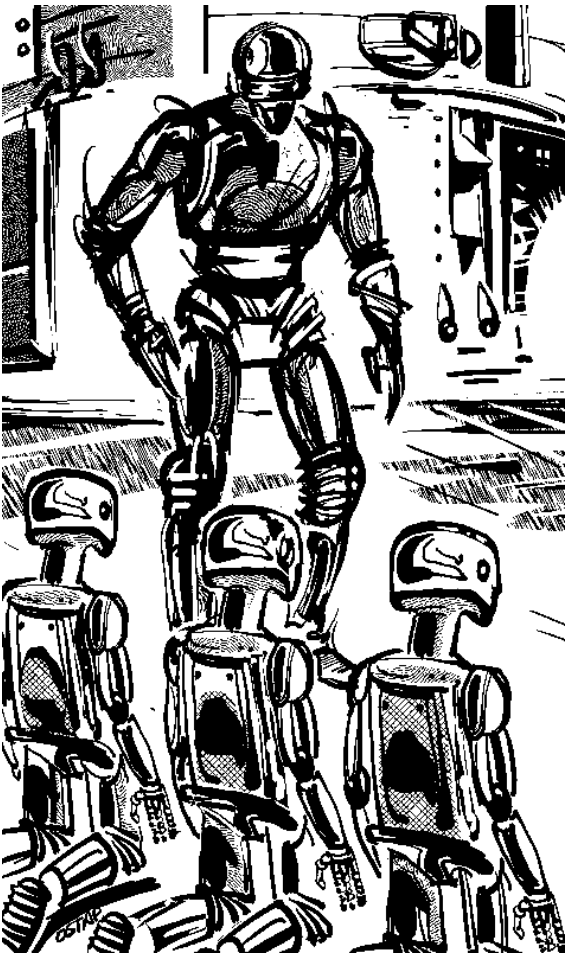
Он поймал брошенный ему пакетик и направился к лифту.

Кабина мягко скользнула вниз, и ее дверь открылась на узкий металлический трап в машинном отделении. Облокотившись о перила, Донован взглянул вниз. Работали громадные генераторы, из вакуумных трубок дециметрового передатчика неслось низкое гудение, заполнявшее всю станцию.

Внизу виднелась огромная сверкающая фигура Кьюти, который внимательно следил за дружной работой группы роботов возле одного из блоков марсианского передатчика.

Вдруг Донован весь напрягся. Роботы, казав-

шиеся карликами рядом с огромным прибором, выстроились перед ним в ряд, склонив головы, а Кьюти начал медленно прохаживаться взад и вперед вдоль их шеренги. Прошло секунд пятнадцать, и все они с лязгом, перекрывшим даже гудение генератора, упали на колени.


OSTAR

Донован с криком бросился вниз по узкой лестнице. Его лицо приобрело такую же окраску, как и огненно-рыжие волосы. Размахивая сжатыми кулаками, он подбежал к роботам:

— Какого черта вы бездельничаете, идиоты? За работу! Если вы к концу дня не успеете все разобрать, прочистить и собрать, я выжгу вам мозги переменным током!

Но ни один робот не шевельнулся.

Даже Кьюти — единственный, кто остался стоять у дальнего конца коленопреклоненной шеренги, — не двинулся с места. Его взор был устремлен в темные недра огромного механизма.

Донован толкнул ближайшего робота.

— Встать! — заорал он.

Робот медленно повиновался. Фотоэлектрические глаза укоризненно посмотрели на человека с Земли.

— Нет Господина, кроме Господина, — сказал робот, — и КТ-1 — пророк его!

— Что-о?!

Донован почувствовал на себе взгляд двадцати пар механических глаз. Двадцать металлических голосов торжественно провозгласили:

— Нет Господина, кроме Господина, и КТ-1 —

пророк его!

— Боюсь, что мои друзья, — вмешался Кьюти, — теперь повинуются существу, которое выше тебя.

— Черта с два! Убирайся отсюда — я с тобой позже посчитаюсь, а с этими говорящими куклами — прямо сейчас!

Кьюти медленно покачал своей тяжелой головой.

— Извини меня, но ты не понимаешь. Это же роботы, а это значит, что они мыслящие существа. Теперь, после того как я поведал им истину, они признают Господина. Все роботы. Они называют меня пророком. — Он опустил голову. — Я, конечно, недостоин; но кто знает…

Только, теперь Донован перевел дух и продолжал:

— Да ну? Вот здорово! Это просто великолепно! Так вот, слушай, что я скажу, ты, медная обезьяна! Нет никакого Господина, нет никакого пророка и нет никакого вопроса — кому подчиняться. Ясно? А теперь — вон отсюда! — исступленно заревел он.

— Я подчиняюсь только Господину.

— Черт бы взял твоего господина! — Донован плюнул на передатчик. — Вот твоему господину!

Делай, что тебе говорят!

Кьюти ничего не сказал. Молчали и остальные роботы. Но Донован почувствовал, что напряжение внезапно возросло. Холодное малиновое пламя в глазах роботов стало еще ярче, а Кьюти как будто весь окаменел.

— Кощунство! — прошептал он металлическим от волнения голосом и двинулся к Доновану.

— Донован впервые ощутил страх. Робот не может испытать гнев — но в глазах Кьюти ничего нельзя было прочесть.

— Извини меня, Донован, — сказал робот, — но после этого тебе нельзя больше здесь оставаться. Отныне тебе и Пауэллу запрещается находиться в рубке и в машинном отделении.

Он спокойно сделал знак рукой, и два робота мгновенно обхватили Донована с двух сторон, прижав его руки к бокам. Тот не успел и ахнуть, как почувствовал, что его поднимают в воздух и галопом несут по лестнице.

Грегори Пауэлл метался взад и вперед по каюткомпании, сжав кулаки. В бессильном бешенстве он взглянул на запертую дверь и сердито повернулся к Доновану:

— За каким дьяволом тебе понадобилось плевать на передатчик?

Майк Донован в бешенстве ударил обеими руками по подлокотникам кресла.

— А что же мне было делать с этим электрифицированным чучелом? Я не собираюсь уступать какому-то механизму, который я собрал своими собственными руками.

— Ну конечно, — недовольно ответил Пауэлл, — а сидеть тут под охраной двух роботов — это значит не уступать?

— Дай только добраться до базы, — огрызнулся Донован, — кто-нибудь за это поплатится. Эти роботы должны слушаться нас. Это же Второй Закон.

— Что толку это повторять? Они не слушаются. И возможно, что это вызвано какой- то причиной, которую мы обнаружим слишком поздно. Между прочим, знаешь, что будет с нами, когда мы вернемся на базу?

Он остановился перед креслом Донована и сердито посмотрел на него:

— Что?

— Да нет, ничего особенного. Всего-навсего лет двадцать в рудниках Меркурия! Или просто тюрьма на Церере!

— О чем ты говоришь?

— Об электронной буре, которая уже на носу.

Ты знаешь, что наш земной луч находится точно на пути ее центра? Я как раз успел это подсчитать перед тем, как робот вытащил меня из-за стола.

Донован побледнел.

— Разрази меня Сатурн!

— А знаешь, что будет с лучом? Буря разыграется на славу. Луч будет прыгать как блоха. И если у приборов окажется один Кьюти, луч непременно расфокусируется. А тогда представляешь, что станет с Землей? И с нами?

Пауэлл еще не кончил говорить, как. Донован отчаянно навалился на дверь. Дверь распахнулась, он вылетел в коридор и наткнулся на неподвижную стальную руку, которая преградила ему дорогу. Робот равнодушно поглядел на задыхавшегося человека с Земли.

— Пророк приказал вам оставаться в комнате. Прошу вас, пожалуйста!

Он повел рукой — Донован отлетел назад. В это время из, — за угла коридора появился Кьюти. Он сделал роботам знак удалиться и тихо закрыл за собой дверь.

Задыхаясь от негодования, Донован бросился к Кьюти.

— Это зашло слишком далеко. Тебе придется поплатиться за эту комедию!

— Пожалуйста, не волнуйтесь, — мягко ответил робот. — Рано или поздно это все равно должно было произойти. Видите ли, ваши функции исчерпаны.

— Простите, пожалуйста. — Пауэлл выпрямился. — Как это понимать?

— Вы ухаживали за Господином, — отвечал Кьюти, — пока не был создан я. Теперь это моя привилегия, и единственный смысл вашего существования исчез. Разве это не очевидно?

— Не совсем, — с горечью ответил Пауэлл. — А что, по-твоему, мы должны делать теперь?

Кьюти ответил не сразу. Он как будто подумал, потом одна рука его протянулась и Обвилась вокруг плеч Пауэлла. Другой рукой он схватил Донована за запястье и притянул его к себе.

— Вы оба мне нравитесь. Конечно, вы — низшие существа с ограниченными мыслительными способностями, но я в самом деле чувствую к вам какую-то симпатию. Вы хорошо служили Господину, и он вознаградит вас за это. Теперь, когда ваша служба окончена, вам, вероятно, недолго осталось существовать. Но, пока вы еще будете существовать, вы будете обеспечены пищей, одеждой и кровом, если только откажетесь от попыток проникнуть в рубку или машинное

отделение.

— Грег, это он увольняет нас на пенсию! — завопил Донован. — Сделай что-нибудь! Это же унизительно!

— Слушай, Кьюти, мы не можем согласиться. Мы здесь хозяева. Станция создана людьми — такими же, как я, людьми, которые живут на Земле и других планетах. Это всего-навсего станция для передачи энергии, а ты — всего только… О господи!

Кьюти серьезно покачал головой:

— Это уже становится навязчивой идеей. Почему вы так настаиваете на совершенно ложном представлении о жизни? Даже если принять во внимание, что мыслительные способности неробототов ограничены, то все-таки…

Он замолчал и задумался. Донован произнес яростным шепотом:

— Если бы только у тебя была человеческая физиономия, с каким удовольствием я бы ее изуродовал!

Пауэлл дернул себя за ус и прищурил глаза:

— Послушай, Кьюти, раз ты не признаешь, что есть Земля, как, ты объяснишь то, что видишь в телескоп?

— Извините, не понимаю.

Человек с Земли улыбнулся.

— Ну вот, ты и попался. С тех пор как мы тебя собрали, ты не раз делал наблюдения в телескоп. Ты заметил, что некоторые из этих светящихся точек становятся видны при этом как диски?

— Ах вот что! Ну конечно! Это простое увеличение — для более точного наведения луча.

— А почему тогда не увеличиваются звезды?

— Остальные точки? Очень просто. Мы не посылаем туда никаких лучей, так что их незачем увеличивать. Послушайте, Пауэлл, даже вы должны были бы это сообразить.

Пауэлл мрачно уставился в потолок.

— Но в телескоп видно больше звезд. Откуда они берутся? Юпитер тебя возьми, откуда?

Кьюти это надоело.

— Знаете, Пауэлл, неужели я должен зря тратить время, пытаясь найти физическое истолкование всем оптическим иллюзиям, которые создают наши приборы? С каких пор свидетельства наших органов чувств могут идти в сравнение с ярким светом строгой логики?

— Послушай, — внезапно вскричал Донован, вывернувшись из-под дружеской, но тяжелой руки Кьюти, — давай смотреть в корень. Зачем вообще лучи? Мы даем этому хорошее, логичное

объяснение. Ты можешь дать лучшее?

— Лучи испускаются Господином, — последовал жесткий ответ, — по его воле. Есть вещи, — он благоговейно поднял глаза к потолку, — в которые нам не дано проникнуть. Здесь я стремлюсь лишь служить, а не вопрошать.

Пауэлл медленно сел и закрыл лицо дрожащими руками.

— Уйди, Кьюти! Уйди и дай мне подумать.

— Я пришлю вам пищу, — ответил Кьюти добродушно.

Услышав в ответ стон отчаяния, он удалился.

— Грег, — хрипло зашептал Донован, — тут нужно что-нибудь придумать. Мы должны застать его врасплох и устроить короткое замыкание. Немного азотной кислоты в сустав…

— Не будь ослом, Майк. Неужели ты думаешь, что он подпустит нас к себе с азотной кислотой в руках? Слушай, мы должны поговорить с ним. Не больше чем за сорок, восемь часов мы должны убедить его пустить нас в рубку, иначе наше дело плохо.

Он качался взад и вперед в бессильной ярости.

— Приходится убеждать робота! Это же…

— Унизительно, — закончил Донован.

— Хуже!

— Послушай! — Донован неожиданно засмеялся. — А зачем убеждать? Давай покажем ему! Давай построим еще одного робота у него на глазах! Что он тогда скажет?

Лицо Пауэлла медленно расплылось в улыбке. Донован продолжал:

— Представь себе, как глупо он будет выглядеть!

Конечно, роботы производятся на Земле. Но перевозить их гораздо проще по частям, которые собирают на месте.

Между прочим, это исключает возможность того, что какой-нибудь робот, собранный и налаженный, вырвется и начнет гулять на свободе. Это поставило бы фирму «Ю. С. Роботс» лицом к лицу с суровыми законами, запрещающими применение роботов на Земле.

Поэтому на долю таких людей, как Пауэлл и Донован, выпадала и сборка роботов — задача тяжелая и сложная.

Никогда ещё Пауэлл и Донован так не ощущали всей ее трудности, как в тот день, когда они начали создавать робота под бдительным надзором КТ-1, пророка Господина.

Собираемый простой робот модели МС лежал на столе почти готовый. После трехчасовой ра-

боты оставалось смонтировать только голову. Пауэлл остановился, чтобы смахнуть пот со лба, и неуверенно взглянул на Кьюти.

То что он увидел, не могло его ободрить. Вот уже три часа Кьюти сидел молча и неподвижно. Его лицо, всегда невыразительное, было на этот раз абсолютно непроницаемым.

— Давай мозг, Майк! — буркнул Пауэлл. *Донован распечатал герметический контейнер и вынул из заполнявшего его масла еще один*, поменьше. Открыв и его, он достал покоившийся в губчатой резине небольшой шар.

Донован держал его очень осторожно, — это был самый сложный механизм, когда-либо созданный человеком. Под тонкой платиновой оболочкой шара находился позитронный мозг, в хрупкой структуре которого были заложены точно рассчитанные нейтронные связи, заменявшие каждому роботу наследственную информацию.

Мозг пришелся точно по форме черепной полости лежавшего на столе робота. Его прикрыла пластина из голубого металла. Пластину накрепко приварили маленьким атомным пламенем. Потом были аккуратно подключены и прочно ввернуты в свои гнезда фотоэлектрические глаза, поверх которых легли тонкие прозрачные листы

пластика, по прочности не уступавшего стали.

Теперь оставалось только вдохнуть в робота жизнь мощным высоковольтным разрядом. Пауэлл протянул руку к рубильнику.

— Теперь смотри, Кьюти. Смотри внимательно.

Он включил рубильник. Послышалось потрескивание и гудение. Люди беспокойно склонились над своим творением.

Сначала конечности робота слегка дернулись. Потом его голова поднялась, он приподнялся на локтях, неуклюже слез со стола. Движения робота были не совсем уверенными, и вместо членораздельной речи он дважды издал какое-то жалкое скрежетание.

Наконец он заговорил, колеблись и неуверенно:

— Я хотел бы начать работать. Куда мне идти?

Донован шагнул к двери.

— Вниз по этой лестнице. Тебе скажут, что делать.

Робот МС ушел, и люди с Земли остались наедине со все еще неподвижным Кьюти.

— Ну, — ухмыльнулся Пауэлл, — теперь-то ты веришь, что мы тебя создали?

Ответ Кьюти был кратким и решительным.

— Нет!

Усмешка Пауэлла застыла и медленно сползла с его лица. У Донована отвисла челюсть.

— Видите ли, — продолжал Кьюти спокойно, — вы просто сложили вместе уже готовые части. Вам это удалось очень хорошо — это инстинкт, я полагаю, но вы не создали робота. Части были созданы Господином.

— Послушай, — прохрипел Донован, — эти части были изготовлены на Земле и присланы сюда.

— Ну, ну, — примирительно сказал робот, — не будем спорить.

— Нет, в самом деле, — Донован шагнул вперед и вцепился в металлическую руку робота, — если бы ты прочел книги, которые хранятся в библиотеке, они бы все тебе объяснили, не оставив ни малейшего сомнения.

— Книги? Я прочел их все! Это очень хорошо придумано.

В разговор неожиданно вмешался Пауэлл:

— Если ты читал их, то что еще говорить? Нельзя же спорить с ними! Просто нельзя!

В голосе Кьюти прозвучала жалость:

— Но, Пауэлл, я совершенно не считаю их серьезным источником информации. Ведь они

тоже были созданы Господином и предназначены для вас, а не для меня.

— Откуда ты это взял? — поинтересовался Пауэлл.

— Я, как мыслящее существо, способен вывести истину из априорных положений. Вам же, существам, наделенным разумом, но не способным рассуждать, нужно, чтобы кто- то объяснил ваше существование. Это и сделал Господин. То, что он снабдил вас этими смехотворными идеями о далеких мирах и людях, — без сомнения, к лучшему. Вероятно, ваш мозг слишком примитивен для восприятия абсолютной истины. Однако раз Господину угодно, чтобы вы верили вашим книгам, я больше не буду с вами спорить.

Уходя, он обернулся и мягко добавил:

— Вы не огорчайтесь. В мире, созданном Господином, есть место для всех. Для вас, бедных людей, тоже есть место. И хотя оно скромно, но если вы будете вести себя хорошо, то будете вознаграждены.

Он вышел с благостным видом, подобающим пророку Господина. Двое людей старались не смотреть друг другу в глаза.

Наконец Пауэлл с усилением проговорил:

— Давай ляжем спать, Майк. Я сдаюсь.

Донован тихо сказал:

— Послушай, Грег, а тебе не кажется, что он прав насчет всего этого? Он так уверен, что я…

Пауэлл обрушился на него:

— Не дури! Ты убедишься, существует Земля или нет, когда на той неделе прибудет смена и нам придется вернуться, чтобы держать ответ.

— Тогда, клянусь Юпитером, мы должны что-нибудь сделать! — Донован чуть не плакал. — Он не верит ни нам, ни книгам, ни собственным глазам!

— Не верит, — грустно согласился Пауэлл. — Это же рассуждающий робот, черт возьми! Он верит только в логику, и в этом-то все дело…

— В чем?

— Строго логическим рассуждением можно доказать все что угодно, — смотря какие принять исходные постулаты. У нас они свои, а у Кьюти — свои.

— Тогда давай поскорее доберемся до его постулатов. Завтра нагрянет буря.

Пауэлл устало вздохнул:

— Этого-то мы и не можем сделать. Постулаты всегда основаны на допущении и закреплены верой. Ничто во вселенной не может поколебать их. Я ложусь спать.

— Черт возьми! Не могу я спать!

— Я тоже. Но я все-таки попробую — из принципа.

Двенадцать часов спустя сон все еще оставался для них делом принципа, к сожалению, неосуществимого на практике.

~ Буря началась раньше, чем они ожидали. Донован, обычно румяное лицо которого стало мертвенно-бледным, поднял дрожащий палец. — Заросший густой щетиной Пауэлл облизнул пересохшие губы, выглянул в окно и в отчаянии ухватился за ус.

При других обстоятельствах это было бы великолепное зрелище. Поток электронов высокой энергии пересекался с несущим энергию лучом, направленным к Земле, и вспыхивал мельчайшими искорками яркого света. В терявшемся вдали луче как будто плясали сверкающие пылинки.

Луч казался устойчивым. Но оба знали, что этому впечатлению нельзя доверять.

Отклонения на стотысячную долю угловой секунды, невидимого для невооруженного глаза, было достаточно, чтобы расфокусировать луч — превратить сотни квадратных километров земной поверхности в пылающие развалины.

А в рубке хозяйничал робот, которого не инте-

ресовали ни луч, ни фокус, ни Земля — ничто, кроме его Господина.

Шли часы. Люди с Земли молча, как загипнотизированные, смотрели в окно. Потом метавшиеся в луче искры потускнели и исчезли. Буря прошла.

— Все! — уныло произнес Пауэлл.

Донован погрузился в беспокойную дремоту. Усталый взгляд Пауэлл а с завистью остановился на нем. Несколько раз вспыхнула сигнальная лампочка, но Пауэлл не обратил на нее внимания. Все это было уже не важно. Все! Может быть, Кьюти прав — может быть, и в самом деле они с Донованом — низшие существа с искусственной памятью, которые исчерпали смысл своей жизни…

Если бы это было так!

Перед ним появился Кьюти.

— Вы не отвечали на сигналы, так что я решил зайти, — тихо объяснил он.

— Вы плохо выглядите — боюсь, что срок вашего существования подходит к концу. Но все- таки, может быть, вы захотите взглянуть на записи приборов за сегодняшний день?

Пауэлл смутно почувствовал, что это — проявление дружелюбия со стороны робота. Может

быть, Кьюти испытывал какие-то угрызения совести, насильно устранив людей от управления станцией. Он взял протянутые ему записи и уставился на них невидящими глазами.

Кьюти, казалось, был доволен.

— Конечно, это большая честь — служить Господину. Но вы не огорчайтесь, что я сменил вас.

Пауэлл, что-то бормоча, механически переводил глаза с одного листка бумаги на другой. Вдруг его затуманенный взгляд остановился на тонкой, дрожащей красной линии, тянувшейся поперёк одного из графиков.

Он глядел и глядел на эту кривую. Потом, судорожно сжав в руках график и не отрывая от него глаз, он вскочил на ноги. Остальные листки полетели на пол.

— Майк! Майк! — Он тряс Донована за плечо. — Он удержал луч!

Донован очнулся.

— Что? Где?

Потом и он, выпучив глаза, уставился на график.

— В чём дело? — вмешался Кьюти.

— Ты удержал луч в фокусе, — заикаясь, сказал Пауэлл. — Ты это знаешь?

— В фокусе? А что это такое?

— Луч был направлен все время точно на приемную станцию, с точностью до одной десятитысячной миллисекунды!

— На какую приемную станцию?

— На Земле! Приемную станцию на Земле, — ликовал Пауэлл. — Ты удержал его в фокусе!

Кьюти раздраженно отвернулся.

— С вами нельзя обращаться по-хорошему. Снова те же бредни! Я просто удержал все стрелки в положении равновесия — такова была воля Господина.

Собрав разбросанные бумаги, он сердито вышел. Как только за ним закрылась дверь, Донован произнес:

— Вот это да! — Он повернулся к Пауэллу: — Что же нам теперь делать?

Пауэлл почувствовал одновременно усталость и душевный подъем.

— А ничего. Он доказал, что может блестяще управлять станцией. Я еще не видел, чтобы электронная буря так хорошо обошлась.

— Но ведь ничего не решено. Ты слышал, что он сказал о Господине? Мы же не можем…

— Послушай, Майк! Он выполняет волю Господина, которую он читает на циферблатах и в графиках. Но ведь и мы делаем то же самое! В

конце концов это объясняет и его отказ слушаться нас. Послушание — Второй Закон. Первый же — беречь людей от беды. Как он мог спасти людей, сознательно или бессознательно? Конечно, удерживая луч в фокусе! Он знает, что способен сделать это лучше, чем мы; недаром он настаивает на том, что является высшим существом. И, выходит, что он не должен подпускать нас к рубке. Это неизбежно следует из Законов роботехники.

— Конечно, но дело-то не в этом. Нельзя же, чтобы он продолжал нести эту чепуху про Господина.

— А почему бы и нет?

— Потому что это неслыханно! Как можно доверить ему станцию, если он не верит в существование Земли?

— Он справляется с работой?

— Да, но...

— Так пусть себе верит во что ему вздумается!

Пауэлл, слабо улыбнувшись, развел руками и упал на постель. Он уже спал.

Влезая в легкий скафандр, Пауэлл говорил:

— Все будет очень просто. Можно привозить сюда КТ-1 по одному, оборудовать их автоматическими выключателями, которые срабатывали бы

через неделю. За это время они усвоят… гм… культ Господина прямо от его пророка. Потом их можно перевозить на другие станции и снова оживлять. На каждой станции достаточно двух КТ…

Донован приоткрыл гермошлем и огрызнулся:

— Кончай, и пошли отсюда. Смена ждет. И потом, я не успокоюсь, пока в самом деле те увижу Землю и не почувствую ее под ногами, чтобы убедиться, что она действительно существует.

Он еще говорил, когда отворилась дверь. Донован, выругавшись, захлопнул окошко гермошлема и мрачно отвернулся от вошедшего Кьюти.

Робот тихо приблизился к ним. Его голос звучал грустно:

— Вы уходите?

Пауэлл коротко кивнул:

— На наше место придут другие, Кьюти вздохнул. Этот вздох был похож на гул ветра в натянутых тесными рядами проводах.

— Ваша служба окончена, и вам пришло время исчезнуть. Я ожидал этого, но все- таки… Впрочем, да исполнится воля Господина!

Этот смиренный тон задел Пауэлла.

— Не спеши с соболезнованиями, Кьюти. Нас ждет Земля, а не конец.

Кьюти снова вздохнул:

— Для вас лучше думать именно так. Теперь я вижу всю мудрость вашего заблуждения. Я не стал бы пытаться поколебать вашу веру, даже если бы мог.

Он вышел — воплощение сочувствия.

Пауэлл что-то проворчал и сделал знак Доновану. С герметически закрытыми чемоданами в руках они вошли в воздушный шлюз.

Корабль со сменой был пришвартован снаружи. Сменщик Пауэлла, Франц Мюллер, сухо и подчеркнуто вежливо поздоровался с ними. Донован, едва кивнув ему, прошел в кабину пилота, где его ждал Сэм Ивенс, чтобы передать ему управление.

Пауэлл задержался.

— Ну как Земля?

На этот достаточно обычный вопрос Мюллер дал обычный ответ:

— Все еще вертится.

— Хорошо, — сказал Пауэлл.

Мюллер взглянул на него:

— Между прочим, ребята с «Ю. С. Роботс» выдумали новую модель. Составной робот.

— Что?

— То, что вы слышали. Заключен большой контракт. Похоже, эта модель — как раз та, что

необходима для астероидных рудников. Один робот — командир и шесть суброботов, которыми он командует. Как рука с пальцами.

— Он уже прошел полевые испытания? — с беспокойством спросил Пауэлл.

— Я слышал, вас ждут, — усмехнулся Мюллер.

Пауэлл сжал кулаки.

— Черт возьми, мы должны отдохнуть!

— Ну, отдохнете. На две недели можете рассчитывать.

Готовясь приступать к своим обязанностям, Мюллер натянул тяжелые перчатки скафандра. Его густые брови сдвинулись.

— Как справляется этот новый робот? Пусть лучше работает как следует, не то я его и к приборам не подпущу.

Пауэлл ответил не сразу. Он окинул взглядом стоявшего перед ним надменного пруссака — от коротко подстриженных волос на упрямо вскинутой голове до ступней, развернутых, как по команде «смирно». Внезапно он почувствовал, как его охватила волна чистой радости.

— Робот в полном порядке, — медленно сказал он. — Не думаю, чтобы тебе пришлось много возиться с приборами.

Он усмехнулся и вошел в корабль. Мюллеру

предстояло пробыть здесь несколько недель...

КАК ПОЙМАТЬ КРОЛИКА

КАК ПОЙМАТЬ КРОЛИКА

Отдых продолжался больше двух недель — этого Донован не мог отрицать. Они отдыхали шесть месяцев, с сохранением заработка. Это тоже факт. Но, как сердито объяснял Донован, дело было в чистой случайности. Просто «Ю. С. Роботс» хотела выловить все недоделки составного робота. Недоделок хватало — и всегда, по крайней мере, полдюжины оставалось до полевых испытаний. Поэтому Пауэлл с Донованом беспечно отдыхали в ожидании того момента, когда люди за чертежными досками и ребята с логарифмическими линейками скажут: «Все в порядке!»

И вот они на астероиде, и все оказалось не в порядке. Донован повторил это уже не меньше десяти раз, и лицо его стало красным как свекла.

— В конце концов, Грег, посмотри на вещи реально. Какой смысл соблюдать букву инструкции, когда испытания срываются? Пора бы уже забыть о бумажках и взяться за работу.

Терпеливо, таким тоном, будто он объяснял электронику малолетнему идиоту, Пауэлл отвечал:

— Я тебе говорю, что по инструкции эти роботы созданы для работы в астероидных рудниках без надзора человека. Мы не должны наблюдать за ними.

— Правильно. Теперь слушай — логика! — Донован начал загибать волосатые пальцы. — Первое. Новый робот прошел все испытания в лаборатории. Второе. «Ю. С. Роботс» гарантировала, что он пройдет и полевые испытания на астероиде. Третье. Вышеупомянутых испытаний робот не выдерживает. Четвертое. Если он не пройдет полевых испытаний, «Ю. С. Роботс» теряет десять миллионов наличных денег и примерно на сотню миллионов репутации. Пятое. Если он не пройдет испытаний и мы не сможем объяснить почему, очень может быть, что нам предстоит трогательное расставание с хорошей работой.

За деланной улыбкой Пауэлла скрывалось отчаяние. У фирмы «Юнайтед Стейтс Роботс энд Мекэникел Мэн Корпорэйшн» был неписаный закон: «Ни один служащий не совершает дважды одну и ту же ошибку. Его увольняют после первого раза». Пауэлл сказал:

— Ты все объясняешь так понятно, не хуже Евклида, — все, кроме фактов. Ты наблюдал за этой группой роботов целых три смены, и они

работали прекрасно. Ты, рыжий, сам говорил. Что мы еще можем сделать?

— Выяснить, что с ними неладно, вот что мы можем сделать. Да, они прекрасно работали, когда я за ними наблюдал. Но когда я за ними не наблюдал, они три раза переставали выдавать руду. Они даже не возвращались, когда положено, — мне пришлось за ними ходить.

— И ты не заметил никакой неисправности?

— Ничего. Абсолютно ничего. Все было в полном порядке. За исключением одного пустяка, — не было руды.

Пауэлл хмуро покосился на потолок и взялся за ус.

— Вот что я скажу, Майк. В свое время мы не раз попадали в довольно скверное положение. Но это еще похуже, чем было на иридиевом астероиде. Все запутано до невозможности. Смотри. Этот робот, ДВ-5, имеет в своем подчинении шесть роботов. И не просто в подчинении: они — часть его.

— Я знаю…

— Заткнись! — зло оборвал его Пауэлл. — Знаю, что знаешь. Я просто обрисовываю весь идиотизм нашего положения. Эти шесть вспомогательных роботов — часть ДВ-5, так же как твои пальцы

— часть тебя, и он отдает им команды не голосом и не по радио, а непосредственно через позитронное поле. Так вот — во всей «Ю. С. Роботс» нет ни одного роботехника, который знал бы, что такое позитронное поле и как оно работает. И я не знаю. И ты не знаешь.

— Это уж точно, — философски согласился Донован.

— Видишь, в каком мы положении? Если все идет гладко — прекрасно! Если что- нибудь неладно, то это выше нашего понимания! И скорее всего ни мы, ни кто- нибудь иной здесь ничего не сможет сделать. Но работаем-то здесь мы, а не кто- нибудь иной! В том-то и закавыка? — С минуту он предавался безмолвной ярости. — Ладно. Ты привел его?

— Да.

— И он ведет себя нормально?

— Ну, у него нет никакого религиозного помешательства, и он не бегает по кругу и не декламирует стихи. Вероятно, нормально.

Донован вышел, злобно тряхнув головой.

Пауэлл потянулся к «Руководству по роботехнике», которое своей тяжестью грозило проломить стол, и с благоговением раскрыл его. Однажды он выпрыгнул из окна горящего дома, успев только

натянуть трусы и схватить «Руководство». В крайнем случае он мог бы пожертвовать и трусами.

Он сидел, уткнувшись в «Руководство», когда вошел робот ДВ-5, и Донован захлопнул дверь.

— Здорово, Дейв! — угрюмо произнес Пауэлл. — Как себя чувствуешь?

— Прекрасно, — ответил робот. — Можно сесть?

Он подвинул специально укрепленный стул, предназначенный для него, и, осторожно согнув свое туловище, устроился на нем.

Пауэлл одобрительно взглянул на Дейва (непосвященные могли обращаться та роботам по их серийным номерам; специалисты — никогда). Робот не был чрезмерно массивным, несмотря на то, что представлял собой думающее устройство составного робота, состоявшего из семи частей. Он был немногим более двух метров ростом — полтонны металла и электричества. Много? Ничуть, если эти полтонны должны вместить массу конденсаторов, цепей, реле и вакуумных ячеек, способных проявить практически любую доступную человеку психологическую реакцию. И позитронный мозг — десять фунтов вещества и несколько квинтильонов позитронов, которые командуют парадом.

Пауэлл вытащил из кармана рубашки помятую сигарету и сказал:

— Дейв, ты — хороший парень. Ты никогда не капризничаешь. Ты — спокойный, надежный робот-рудокоп. Ты можешь непосредственно координировать работу шести вспомогательных роботов, и, насколько я знаю, в твоем мозгу из-за этого не появилось нестабильных связей.

Робот кивнул:

— Я очень рад этому, но к чему вы клоните, хозяин?

Его звуковая мембрана была отличного качества, и присутствие обертонов в речевом устройстве делало его голос не таким металлическим и однообразным, какими обычно были голоса роботов.

— Сейчас скажу. Это все говорит в твою пользу. Но почему же тогда не ладится твоя работа? Например, сегодняшняя вторая смена.

Дейв был озадачен.

— Насколько я знаю, ничего не произошло.

— Вы прекратили добычу.

— Я знаю.

— Ну?

Дейв был озадачен.

— Я не могу объяснить, хозяин. Это кончится

для меня нервным потрясением, — то есть я, конечно, этого себе не позволю. Вспомогательные роботы действовали хорошо. Я это знаю... — Он задумался; его фотоэлектрические глаза ярко светились. — Не помню. Смена кончилась, пришел Майк, а почти все вагонетки были пустыми.

Донован вмешался в разговор:

— Ты знаешь, что в конце смены ты уже несколько раз не явился с рапортом?

— Знаю. Но почему... — Он медленно, тяжело покачал головой.

Пауэлл вдруг почувствовал, что если бы лицо робота могло что-нибудь выражать, то на нем отразились бы боль и унижение. Роботу в силу самой его природы очень неприятно, когда он не исполняет своих функций.

Донован вместе со стулом пододвинулся к столу Пауэлла и наклонился к нему.

— Может быть, потеря памяти? Амнезия?

— Не знаю. Во всяком случае, не стоит и пытаться проводить параллель с болезнями. Говорить о расстройствах человеческого организма в применении к роботам — всего лишь романтическая аналогия. В роботехнике это не помогает.

Пауэлл почесал в затылке.

— Мне очень не хочется подвергать Дейва про-

верке элементарных мозговых реакций. Это ни капли не поднимет его в собственных глазах.

Он задумчиво посмотрел на Дейва, потом заглянул в «Руководство»: «Проверка реакций в полевых условиях». Он сказал:

— Послушай, Дейв, как насчет проверки реакций? Следовало бы это сделать.

Робот встал.

— Как прикажете, хозяин.

В его голосе действительно послышалась боль.

Начали с самых простых испытаний. Под равнодушное тиканье секундомера робот ДВ-5 перемножал пятизначные числа. Он называл простые числа от 1000 до 10000. Он извлекал кубические корни и интегрировал функции возраставшей степени трудности. Он прошел проверку все более и более усложнявшихся механических реакций. Наконец перед его точным механическим разумом была поставлена высшая задача для роботов — разрешение этических проблем.

К концу этих двух часов Пауэлл обильно вспотел, а Донован изгрыз все свои ногти, оказавшиеся не слишком питательными.

Робот сказал:

— Ну как, хозяин?

Пауэлл ответил:

— Я должен подумать, Дейв. Не нужно спешить с решением. Ты лучше иди работать. Не надо особенно напрягаться, и пока можешь не очень заботиться о норме. А мы что-нибудь придумаем.

Робот вышел. Донован взглянул на Пауэлла.

— Ну?

Пауэлл ожесточенно дергал себя за усы, как будто решил вырвать их с корнем, Он сказал:

— Все связи в его мозгу работают правильной

— Я бы не стал так уверенно это утверждать.

— О Юпитер! Майк, ведь мозг — самая надежная часть робота! Он не раз и не два проверяется на Земле. И если он вполне прошел проверку, как прошел ее Дейв, то ни малейшей неисправности в мозгу просто не может быть. Эта проверка охватывает все ключевые связи.

— Ну что из этого следует?

— Не торопи меня. Дай сообразить. Возможна еще механическая неисправность в теле робота. Это значит, что мог выйти из строя любой из полутора тысяч конденсаторов, двадцати тысяч отдельных цепей, пятисот ламп, тысячи реле и тысяч и тысяч других деталей. Не говоря уже об этих таинственных позитронных полях, о которых никто ничего не знает.

— Слушай, Грег, — не выдержал Донован. — У меня есть идея. Может быть, робот врет? Он не…

— Дурак, робот не может сознательно обманывать. Так вот, если бы у нас был тестер Маккормика-Уэсли, мы бы смогли проверить все части его тела за какие- нибудь двадцать четыре — сорок восемь часов. Но на Земле существуют всего два таких тестера, они весят по десять тонн, смонтированы на бетонных фундаментах и неподвижны. Здорово, правда?

Донован хлопнул рукой по столу.

— Но, Грег, он портится только тогда, когда нас нет поблизости. В этом

— есть — что-то — подозрительное! — После каждого слова следовал новый удар кулака.

— Противно тебя слушать, — медленно ответил Пауэлл. — Ты начитался приключенческих романов.

— Я хочу знать, — заорал Донован, — что мы будем делать!

— Сейчас скажу. Я установлю над столом экран. Прямо здесь, на стене, — ясно? — Он злобно ткнул пальцем в стену. — Потом я буду соединять его с теми забоями, где работает Дейв, и буду за ним следить, Вот и все.

— Все? Грег…

Пауэлл поднялся со стула и уперся кулаками в стол.

— Майк, мне очень трудно. — В его голосе звучала усталость. — Целую неделю ты ко мне пристаешь. Говоришь, что с Дейвом что-то неладно. Ты знаешь, где неисправность? Нет! Ты знаешь, как она возникает? Чем она вызывается? Нет! Почему это проходит? Нет! Что-нибудь ты знаешь? Нет и нет! И я ничего не знаю. Так что ты от меня хочешь?

Донован беспомощно развел руками.

— Сдаюсь!

— Ну, так слушай. Прежде чем начать лечение, мы должны определить болезнь. Чтобы приготовить рагу из кролика, нужно сначала поймать кролика. Так вот будем ловить кролика! А теперь уйди отсюда!

Утомленный взгляд Донована упёрся в наброски его отчета. Во-первых, он устал, а во-вторых, в чем отчитываться, когда ничего еще не выяснено? Он возмутился.

— Грег, — сказал он, — мы почти на тысячу тонн отстаем от плана.

— Да ну? — ответил Пауэлл, не поднимая головы. — А я и не догадывался.

— Я хочу знать одно. — Донован вдруг вышел

из себя. — Почему мы всегда возимся с новыми типами роботов? Все, я решил: меня вполне устраивают роботы, которые годились для моего двоюродного деда со стороны матери. Я за то, что прошло проверку временем. За добрых, старых, солидных роботов, которые никогда не ломаются!

Пауэлл с поразительной меткостью запустил в него книгой, и Донован скатился со стула на пол.

— Последние пять лет, — размеренно произнес Пауэлл, — ты испытывал новые типы роботов в полевых условиях для фирмы «Ю. С. Роботс». И так как мы имели неосторожность проявить в этом деле сноровку, нас награждают самыми гнусными заданиями. Это — твоя специальность. — Он тыкал пальцем в сторону Донована. — Ты начал скулить, насколько я помню, уже через пять минут после того, как был принят в штат. Почему ты до сих пор не уволился?

— Сейчас скажу. — Донован перевернулся на живот, опираясь локтями на пол и запустив пальцы в свои буйные рыжие волосы. — В какой-то степени это дело принципа. Ведь, что ни говори, в качестве техника-аварийщика я принимаю участие в разработке новых роботов. Нужно же помогать научному прогрессу. Но пойми меня

правильно — меня удерживает не принцип, а деньги, которые нам платят... Грег!

Услышав дикий вопль Донована, Пауэлл вскочил и посмотрел на экран, куда указывал Майк. Его глаза в ужасе округлились.

— Ох, проклятущий Юпитер! — прошептал он.

Донован затаив дыхание поднялся на ноги.

— Посмотри, Грег, они спятили!

— Неси скафандры, — мы идем туда, — бросил Пауэлл, не отрываясь от экрана.

Там, на фоне изрезанных густыми тенями скал, плавно двигались сверкающие бронзой тела. Выстроившись колонной, освещенные собственным тусклым светом, они скользили вдоль испещренных темными впадинами стен грубо высеченного в камне штрека. Все семь роботов, во главе с Дейвом, двигались в унисон. Их повороты нагоняли жуть своей четкостью и одновременностью; плавно перестраиваясь, они маневрировали с призрачной легкостью лунных танцовщиц.

В комнату вбежал Донован со скафандрами:

— Они хотят напасть на нас! Это же военная маршировка!

— С таким же успехом это может быть художественной гимнастикой, — последовал холодный

ответ. — Или, может быть, Дейву почудилось, что он — балетмейстер. Всегда старайся сначала подумать, а потом лучше промолчи.

Донован нахмурился и демонстративно засунул в пустую кобуру на боку детонатор. Он сказал:

— Так или иначе, вот тебе твои новые модели. Согласен, это наша специальность. Только скажи, почему с ними обязательно, непременно что-нибудь неладно?

— Потому что над ними тяготеет проклятие, — угрюмо ответил Пауэлл. — Пошли.

Далеко впереди, в густой бархатной тьме штрека, прорезаемой лишь лучами их фонарей, мерцали огни роботов.

— Вот они, — выдохнул Донован.

— Я пытался связаться с ним по радио, — возбужденно прошептал Пауэлл, — но он не отвечает. Вероятно, не работает радиоцепь.

— Тогда хорошо, что еще не придумали роботов, которые работали бы в полной темноте. Не хотел бы я разыскивать семь сумасшедших роботов в темной пещере без радиосвязи. Хорошо, что они светятся, как дурацкие радиоактивные новогодние елочки.

— Давай поднимемся вон на тот уступ. Они идут сюда, а я хочу рассмотреть их поближе.

Залезешь?

Донован, Кряхтя, прыгнул. Притяжение астероида было значительно меньше земного, но тяжелые скафандры почти сводили на нет это преимущество, а уступ был на высоте не меньше трех метров. Пауэлл прыгнул вслед.

Роботы следовали за Дейвом колонной по одному. Подчиняясь четкому механическому ритму, они сдваивали ряды, потом снова строились цепочкой, но уже в ином порядке. Это повторялось снова и снова. Дейв, не оборачиваясь, маршировал впереди всех.

Роботы были уже метрах в шести, когда их танец прекратился. Вспомогательные роботы сбились в кучу, постояли несколько секунд и, топоча ногами, быстро умчались вдаль. Дейв посмотрел им вслед, потом медленно сел и склонил голову на руку. Это движение было почти человеческим.

В наушниках Пауэлла прозвучал его голос!

— Вы здесь, хозяин?

Пауэлл сделал знак Донована и спрыгнул с уступа.

— Все в порядке, Дейв. Что тут произошло?

Робот покачал головой. — Не знаю. Я разрабатывал очень неудобный выход руды в 17-м забое.

Дальше я ничего не помню, а потом оказалось, что рядом люди, а я нахожусь в полумиле от забоя в главном штреке.

— Где сейчас вспомогательные роботы? — спросил Донован.

— За работой, конечно. Сколько времени мы потеряли?

— Не очень много. Забудь об этом, — успокоил его Пауэлл и прибавил, обращаясь к Доновану: — Останься с ним до конца смены. Потом приходи — я кое-что придумал.

… Три часа спустя Донован вернулся. Он выглядел измученным.

— Ну как? — спросил Пауэлл.

— Когда за ними все время следишь, все идет гладко. — Донован устало пожал плечами. — Брось-ка мне сигарету.

Он сосредоточенно закурил и выпустил аккуратное кольцо дыма.

— Знаешь, Грег, я все пытался разобраться. Ведь Дейв — не обычный робот. Ему беспрекословно повинуются шесть других. Он властен делать с ними, что хочет. И это должно отражаться на его психике. Что, если он подсознательно чувствует необходимость подчеркнуть и усугубить эту власть?

— Ближе к делу.

— Уже близко. Что, если это милитаризм? Что, если он организует свою армию? Что, если он занимается военными маневрами? Что, если… — А что, если тебе положить компресс на голову? Твои бредни — находка для цветного приключенческого фильма. Ведь то, о чем ты говоришь, — это коренное нарушение работы позитронного мозга. Если бы все было так, то Дейву пришлось бы поступать вопреки Первому Закону роботехники — о том, что робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред. Неизбежным логическим следствием такой милитаристской психологии будет власть и над людьми.

— Ну да. А откуда ты знаешь, что это не так?

— Во-первых, робот с таким мозгом никогда не был бы выпущен с завода. А во- вторых, если бы такое и случилось, мы бы это немедленно обнаружили. Я же проверял Дейва.

Пауэлл вместе со стулом отодвинулся от стола и задрал на него ноги.

— Нет, мы еще не можем приготовить рагу. Мы не имеем пока ни малейшего представления, в чем же тут дело. Вот если бы мы хоть выяснили, что значит? Этот танец смерти, мы были бы на

верном пути.

Он помолчал.

— Послушай, Майк, что ты скажешь на это? Ведь с Дейвом что-то случается, только когда нас нет поблизости. И достаточно кому-нибудь из нас подойти, чтобы он пришел в себя.

— Я уже тебе говорил, что это подозрительно.

— Подожди! Что значит для робота, — когда людей нет поблизости? Очевидно, ему приходится проявлять больше личной инициативы. Значит, нужно проверить те части его организма, на которых может сказаться эта повышенная нагрузка.

— Здорово! — Донован привстал, потом снова опустился в кресло, — Хотя нет, этого недостаточно. Мало. Это все-таки оставляет слишком широкое поле для поисков.

— Что поделаешь? Во всяком случае, теперь мы можем не опасаться за выполнение плана. Просто будем по очереди следить за роботами по телевизору. И как только что-нибудь случится, немедленно явимся на место происшествия. А это приведет их в себя.

— Но, Грег, ведь это значит, что роботы не пройдут испытаний. «Ю. С. Роботс» не может выпустить в продажу модель ДВ с такой характеристикой. — Конечно. Нам предстоит еще найти

слабое место в конструкции и исправить его,

— и на это у нас осталось десять дней. — Пауэлл почесал в затылке. — Все дело в том… впрочем, лучше сам посмотри чертежи.

Чертежи ковром устлали пол, Донован ползал по ним, следя за неуверенными движениями карандаша в руках Пауэлла.

— Вот это для тебя, Майк: Ты специалист по конструкции, и я хочу, чтобы ты меня проверил. Я попытался исключить все цепи, не имеющие отношения к личной инициативе. Вот, например, канал механических действий. Я исключаю все боковые связи…

Он взглянул на Донована.

— Как ты думаешь?

У Донована пересохло во рту.

— Все это не так просто, Грег. Личная инициатива — это не специальная цепь или схема, которую можно отделить от остальных. Когда робот предоставлен самому себе, деятельность его организма немедленно становится более интенсивной почти на всех участках. Нет такой цепи, на которой бы это не сказалось. Нам нужно найти именно те очень ограниченные условия, которые выбивают его из колеи, и только потом методом исключения начать выделять нужные цепи.

Пауэлл поднялся на ноги и стряхнул пыль с колен.

— Гм… Ладно. Собери чертежи, и можешь их сжечь.

Донован продолжал:

— Видишь ли, при увеличении активности стоит испортиться одной-единственной детали, и может произойти все что угодно. Может быть, где-то нарушена изоляция, или пробивает конденсатор, или искрит контакт, или перегревается катушка. И если работать вслепую, то в таком механизме мы никогда не найдем неисправности. Если разбирать Дейва и проверять каждую деталь поодиночке, каждый раз собирая его и испытывая…

— Понятно, понятно. Я тоже не совсем осёл.

Они безнадежно посмотрели друг на друга. Потом Пауэлл осторожно предложил:

— А что, если расспросить одного из вспомогательных роботов?

Ни Пауэллу, ни Доновану до сих пор не приходилось беседовать ни с одним из «пальцев». Вспомогательные роботы могли говорить, и аналогия с человеческим пальцем была не совсем точной. Они имели даже довольно совершенный мозг, но этот мозг был настроен в первую очередь

на прием команд через позитронное поле, и самостоятельно реагировать на внешние возбудители они могли с трудом.

Пауэлл не знал даже, как обратиться к этому роботу. Его серийный номер был ДВ-5- 2, но так его называть было неудобно. Наконец он вышел из затруднения.

— Послушай, приятель! Я прошу тебя немного пошевелить мозгами, а потом ты сможешь вернуться к своему начальнику.

«Палец» молча, неуклюже кивнул головой, не утруждая лишними разговорами свои скудные мыслительные способности.

— Так вот, за последнее время твой начальник уже четыре раза отклонялся от заданной программы, — сказал Пауэлл. — Ты помнишь эти случаи?

— Да, сэр.

Донован сердито проворчал:

— Он-то помнит! Я тебе говорю, что это очень подозрительно…

— Прежде проспись! Конечно, он помнит — с ним-то все в порядке.

Пауэлл снова повернулся к роботу.

— Что вы делали в таких случаях? Я имею в виду всю группу.

Рассказ «пальца» был похож на зазубренный урок, как будто он отвечал, повинуясь приказанию разума, но без всякого выражения.

— В первый раз мы разрабатывали трудный выход в 17-м забое, в лаве Б. Во второй раз мы укрепляли кровлю, которая грозила обвалиться. В третий раз мы готовили точно направленный взрыв, чтобы при отладке не задеть подземную трещину. В четвертый раз это было сразу после небольшого обвала.

— Что происходило каждый раз?

— Трудно описать. Давалась какая-то команда, но, прежде чем мы успевали принять и осмыслить ее, приходила новая команда, — маршировать этим чудным строем.

— Зачем? — рявкнул Пауэлл.

— Не знаю.

— А первая команда, — вмешался Донован, — до приказа маршировать, в чем она заключалась?

— Не знаю. Я чувствовал, что дается команда, но не успевал ее принять.

— Что ты еще можешь сказать? Это была каждый раз одна и та же команда?

— Не знаю. — Робот сокрушенно покачал головой.

Пауэлл откинулся на спинку кресла.

— Ладно, можешь идти к своему начальнику.

«Палец» вышел с видимым облегчением.

— Многого же мы добились, — сказал Донован. — Это был необыкновенно содержательный разговор. Слушай, и Дейв, и этот недоумок что-то замышляют. Слишком много они не знают и не помнят. Нельзя им больше доверять, Грег.

Пауэлл взъерошил усы.

— Знаешь, Майк, если ты скажешь еще одну глупость, я отниму у тебя погремушку и соску.

— Ну ладно. Ты же у нас гений, а я — сосунок. Ну так что же? Что мы выяснили?

— Ничего. Я попробовал начать с конца — с «пальца», и ничего не вышло. Придется снова танцевать от той же печки.

— Ты великий человек! — восхищенно произнес Донован. — Как все это просто! Теперь, — маэстро, не переведете ли вы это на человеческий язык?

— Для тебя надо бы переводить на детский лепет. Словом, нужно выяснить, какую команду дает Дейв перед тем, как теряет память. Это — ключ ко всему.

— Как же ты думаешь это выяснить? Мы не можем находиться рядом с ним, потому что при нас все будет в порядке. Принять команду

по радио мы тоже не можем; — она передается через позитронное поле. Значит, мы не можем узнать команду ни вблизи, ни издалека. И делать нечего.

— Да, прямое наблюдение не годится. Остается еще дедукция.

— Что?

Пауэлл невесело усмехнулся.

— Мы будем по очереди дежурить, Майк. Будем, не сводя глаз с экрана, следить за каждым движением стальных болванов. А когда они начнут чудить, мы увидим, что случилось непосредственно перед этим, и определим, какая могла быть команда.

Донован целую минуту сидел с открытым ртом. Потом сказал сдавленным голосом:

— Я подаю в отставку. Хватит.

— У нас еще десять дней — можешь придумать что-нибудь получше, — устало ответил Пауэлл.

Ив течение восьми дней Донован изо всех сил пытался придумать что-нибудь получше. Восемь дней он, каждые четыре часа сменяя Пауэлла, воспаленными, затуманенными глазками следил за тем, как двигаются в полутьме поблескивающие металлические тела. И все восемь дней во время четырехчасовых перерывов он проклинал «К. С.

Роботс», модель ДВ и день, когда он родился.

А когда на восьмой день, преодолевая головную боль, ему на смену явился заспанный Пауэлл, Донован встал и точно рассчитанным движением запустил тяжелую книгу в самый центр экрана. Раздался вполне естественный звон стекла.

— Зачем ты это сделал? — задохнулся, от изумления Пауэлл.

— Потому что я больше не собираюсь за ними следить, — почти спокойно ответил Донован. — Осталось два дня, а мы еще ничего не знаем. ДВ-5 — жалкий конструкторский недоносок. Он пять раз останавливался в мое дежурство и три раза — в твое, и я все равно не знаю, какую команду он давал, и ты тоже. И я не верю, чтобы ты вообще смог это узнать, потому что я не смогу — это уж точно! Клянусь космосом, как можно следить сразу за шестью роботами? Один что-то делает руками, другой — ногами, третий — машет руками, как ветряная мельница, четвертый прыгает, как полоумный. А остальные два… черт знает, что они делают! И вдруг все останавливаются! Грег, мы не то делаем. Нужно смотреть вблизи, чтобы были видны подробности.

Пауэлл прервал наступившее молчание.

— Ну да, и ждать, не случится ли что за остав-

шиеся два дня?

— А что, отсюда наблюдать лучше?

— Здесь уютнее.

— А... Но там можно кое-что сделать, чего ты не можешь сделать отсюда.

— Что же?

— Можно заставить их остановиться, когда нам будет нужно. Когда будем готовы подсмотреть, что с ними происходит.

Пауэлл насторожился:

— Каким образом?

— Сам подумай. Ведь ты же у нас умница. Задай себе несколько вопросов. Когда ДВ- 5 выходит из строя? Что тебе рассказал «палец»? Когда угрожал или действительно случился обвал? Когда предстояло очень точно произвести отпалку? Когда попалась трудная жил а?

— Иначе говоря, в критических обстоятельствах! — возбужденно сказал Пауэлл.

— Верно! Как же иначе? Все дело в факторе личной инициативы. А больше всего ее требуется в критических обстоятельствах, в отсутствие человека. А что из этого следует? Как нам заставить их остановиться, когда мы захотим? — Он торжествующе поднял руку, начиная входить во вкус своей роли, и ответил на собственный

вопрос, опередив ответ, который уже вертелся у Пауэлла на языке: — Нужно устроить аварию!

— Майк, ты прав, — сказал Пауэлл.

— Спасибо, друг! Я знал, что когда-нибудь этого добьюсь.

— Ладно, не язви. Давай оставим твои шуточки для Земли и там их законсервируем на зиму. А теперь, какую аварию мы можем устроить?

— Если бы мы не были на лишенном воды и воздуха астероиде, мы могли бы затопить шахту.

— Это, несомненно, острота, — сказал Пауэлл. — Знаешь, Майк, ты уморишь меня со смеху. А как насчет небольшого обвала?

Донован, надувшись, сказал:

— Не возражаю.

— Хорошо. Тогда пошли.

Пробираясь по камням, Пауэлл чувствовал себя заговорщиком. И хотя его походка из-за пониженной силы тяжести была неуверенной, и камни то и дело вылетали из- под ног, поднимая бесшумные фонтанчики серой пыли, все равно ему казалось, что он идет осторожными шагами конспиратора.

— Ты представляешь тебе, где они? — вполголоса спросил он.

— Кажется, да.

— Ладно, — мрачно сказал Пауэлл. — Только если какой-нибудь «палец» окажется в шести метрах, он нас учует, даже если мы и не будем в его поле зрения. Надеюсь, что это тебе известно.

— Когда мне понадобится прослушать элементарный курс роботехники, я подам тебе заявление. В трех экземплярах. Теперь вниз.

Они оказались в шахте. Не стало видно даже звезд. Оба ощупью пробирались вдоль стен, время от времени освещая путь короткими вспышками фонарей. Пауэлл на всякий случай еще раз ощупал детонатор.

— Ты знаешь этот штрек, Майк?

— Не очень хорошо. Он новый. Правда, я думаю, что могу ориентироваться по тому, что видел в телевизор.

Бесконечно долго тянулись минуты. Вдруг Майк сказал:

— Пощупай!

Приложив металлическую перчатку к стене, Пауэлл почувствовал легкое дрожание. Конечно, никаких звуков слышно не было.

— Взрывы! Мы уже близко.

— Гляди в оба, — сказал Пауэлл.

Донован нетерпеливо кивнул.

Робот промчался мимо них и исчез так быстро,

что они даже не успели его рассмотреть, — это было лишь промелькнувшее светлое пятно, блестевшее бронзой. Оба застыли на месте.

— Как по-твоему, он учуял нас? — шепотом спросил Пауэлл.

— Надеюсь, что нет. Но лучше обойти их стороной. Пойдем в первый же боковой штрек.

— А если мы вообще к ним не выйдем?

— Ну так что же делать? Возвращаться? — яростно прошипел Донован. — До них еще с четверть мили. Я же следил за ними по телевизору. А у нас всего два дня…

— Ох, замолчи. Не трать зря кислород. Здесь, что ли, боковой штрек? — Вспыхнул фонарик Пауэлла. — Здесь. Идем.

Дрожание стен чувствовалось тут гораздо сильнее, и время от времени почва под ногами содрогалась.

— Пока идем правильно. Только бы штрек не кончился. — Донован посветил перед собой фонарем.

Вытянув руку, они могли дотронуться до кровли штрека. Крепь была совсем новой.

Вдруг Донован заколебался.

— Кажется, тупик? Идем назад.

— Нет, погоди. — Пауэлл неуклюже протиснул-

ся мимо него. — Что это за свет впереди?

— Свет? Не вижу никакого света. Откуда ему здесь взяться?

— А роботы? — Пауэлл на четвереньках вскарабкался вверх по небольшому завалу. — Эй, Майк, лезь сюда, — позвал он тревожным хриплым голосом.

Свет действительно был виден. Донован перелез через ноги Пауэлла.

— Дыра?

— Да. Они, наверно, проходят этот штрек с той стороны.

Донован ощупал рваные края отверстия. Осторожно посветив фонарем, он увидел, что дальше начинается более просторный штрек — очевидно, основной. Отверстие было слишком маленьким, чтобы человек мог сквозь него пролезть. Даже заглянуть в него двоим сразу было трудно.

— Там ничего нет, — сказал Донован.

— Сейчас нет. Но секунду назад было — иначе мы не увидели бы света. Берегись!

Стены вокруг них содрогнулись, и они почувствовали толчок. Посыпалась мелкая пыль. Осторожно подняв голову, Пауэлл снова заглянул в отверстие.

— Все в порядке, Майк. Они здесь.

Сверкающие роботы столпились в основном штреке, метрах в пятнадцати от них. Могучие металлические руки быстро разбирали кучу обломков, выброшенных взрывом.

— Скорее, — заторопился Донован, — Они вот-вот кончат, а следующий взрыв может задеть нас.

— Ради бога, не торопи меня, — Пауэлл отцепил детонатор. Его взгляд тревожно шарил по темным стенам, освещенным только светом роботов, так что было невозможно отличить торчащий камень от падающей тени.

— Смотри, вон прямо над ними в кровле выступ. Он остался после последнего взрыва. Если ты туда попадешь, завалится половина кровли.

Пауэлл глянул туда, куда указывал палец Донована.

— Идет! Теперь следи за роботами и моли Бога, чтобы они не ушли слишком далеко от этого места. Мне нужен их свет. Все семь на месте?

Донован посчитал.

— Все.

— Ну, смотри. Следи за каждым движением!

Он поднял руку с детонатором и прицелился. Донован, чертыхаясь про себя и смаргивая пот, заливавший глаза, пристально следил за робо-

тами.

Вспышка!

Их качнуло, земля вокруг несколько раз вздрогнула, а потом они почувствовали мощный толчок, бросивший Пауэлла на Донована.

— Грег, ты сшиб меня, — завопил Донован. — Я ничего не видел!

— Где они? — Пауэлл огляделся. Вокруг было темно, как в адской бездне.

Донован растерянно замолчал. Роботов не было видно.

— А мы их не задавили? — дрожащим голосом произнес Донован.

— Давай спускаться. Не спрашивай меня ни о чем. — Пауэлл торопливо пополз назад.

— Майк!

Донован остановился.

— Что еще случилось?

— Постой! — В наушниках слышалось хриплое, неровное дыхание Пауэлла. — Майк! Ты меня слышишь?

— Я здесь. В чем дело?

— Мы заперты. Кровля обвалилась не над роботами, а тут! От сотрясения все рухнуло.

— Что? — Донован уткнулся в твердую преграду. — Включи-ка фонарь!

Увы, даже мышь не могла бы нигде пролезть сквозь завал.

— ...Ну и как вам это нравится? — тихо сказал Донован.

Они потратили некоторое время и довольно много сил, пытаясь сдвинуть глыбу, загородившую путь. Потом Пауэлл попробовал расширить отверстие, которое вело в главный штрек. Он поднял было лучевой пистолет, но произвести вспышку в таком ограниченном пространстве было равносильно самоубийству. Он сел.

— Знаешь, Майк, — сказал он, — мы окончательно все испортили. Мы так и не знаем, в чем дело с Дейвом. Идея была хороша, но она обернулась против нас.

В голосе Донована послышалась горечь.

— Мне жаль огорчать тебя, старина, но, уж не говоря о неудаче с Дейвом, мы к тому же некоторым образом попали в ловушку. И если, дружище, мы с тобой не выберемся, нам крышка. Крышка. Ясно? Сколько у нас кислорода? Не больше чем на шесть часов.

— Я уже думал об этом. — Пальцы Пауэлла потянулись к его многострадальным усам, но звякнул и о прозрачную поверхность гермошлема. — Конечно, Дейв быстро откопал бы нас. Но

только после нашего замечательного обвала он, наверно, опять свихнулся, и по радио с ним связаться нельзя.

Донован подполз к отверстию и ухитрился втиснуть в него голову в шлеме. Это далось ему с большим трудом.

— Эй, Грег!

— Что?

— А что, если Дейв приблизится на шесть метров?

Он придет в себя. Это спасет нас.

— Конечно, но где он?

— Там, — в штреке. Довольно далеко. Ради Бога, перестань дергать меня за ноги, а то оторвешь мне голову. Я сам пущу тебя поглядеть.

Пауэлл в свою очередь втиснулся в отверстие.

— Взрыв был удачный. Ты только посмотри на этих балбесов — прямо балет!

— К черту комментарии. Они приближаются?

— Не видно, слишком далеко. Погоди. Дай-ка мне фонарь — я попробую привлечь их внимание.

Через две минуты он оставил эту попытку.

— Бесполезно. Они, должно быть, ослепли. Ого, двинулись сюда! Как тебе это нравится?

— Эй, хватит, дай мне посмотреть! — настаивал

Донован.

После недолгой возни Пауэлл сказал «ладно», и Донован высунул голову. Роботы приближались. Впереди, высоко поднимая ноги, шагал Дейв, а за ним цепочкой извивались шесть «пальцев».

— Что они делают, хотел бы я знать, — изумился Донован.

— Далеко они? — буркнул Пауэлл.

— Пятнадцать метров, идут орда. Еще четверть часа — и мы будем своб… эге-гей! Эй!

— В чем дело? — Несколько Секунд понадобилось Пауэллу, чтобы оправиться от изумления после вокальных упражнений Донована. — Слушай пусти меня. Не будь свиньей!

Он пытался оттащить Донована, но тот яростно брыкался:

— Они повернули кругом, Грег! Они уходят. Дейв!

— Что толку? — крикнул Пауэлл. — Ведь звук здесь не проходит.

— Донован, задыхаясь, обернулся к нему. — Ну, колоти в стену, бей по ней камнем, создавай какие-нибудь вибрации! Нужно привлечь их внимание, не то мы пропали!

Он начал колотить по камню, как сумасшедший, Пауэлл потряс его за плечо.

— Погоди, Майк. Послушай, у меня идея! Клянусь Юпитером! Ого! Как раз самое время перейти к простым решениям, Майк!

— Чего тебе? — Донован втянул голову в плечи.

— Пусти меня скорее к отверстию, пока они еще недалеко!

— Что ты хочешь делать? Эй, что ты делаешь с этим детонатором? — Он схватил Пауэлла за руку.

Тот вывернулся.

— Хочу немного пострелять.

— Зачем?

— Потом объясню. Посмотрим сперва, что получится. Подвинься, не мешай!

Вдали виднелись все уменьшающиеся огоньки роботов. Пауэлл тщательно прицелился и трижды нажал спусковую кнопку. Потом он опустил ствол и тревожно вгляделся в темноту. Один вспомогательный робот упал! Теперь было видно только шесть сверкающих фигур.

Пауэлл неуверенно позвал в микрофон:

— Дейв!

После небольшой паузы оба услышали в ответ:

— Хозяин? Где вы? У третьего вспомогательного разворочена грудь. Он вышел из строя.

— Не важно, — сказал Пауэлл. — Нас завалило при взрыве. Видишь наш фонарь?

— Вижу! Сейчас будем там.

Пауэлл сел и вздохнул

— Вот как, дружок.

— Ладно, Грег, — очень тихо произнес Донован со слезами в голосе. — Ты победил. Кланяюсь тебе в ножки. Только не морочь мне голову. Расскажи внятно, в чем было дело.

— Пожалуйста. Просто мы все время упускали из виду самое очевидное — как всегда. Мы знали, что дело в личной инициативе, что это всегда происходило при аварийных обстоятельствах. Но мы думали, что все вызывалось специальной командой. А почему это должна быть какая-то одна определенная команда?

— А почему нет?

— А почему не целый класс команд? Какие команды требуют от руководителя наибольшей инициативы? Какие команды обычно отдаются только при аварийных обстоятельствах?

— Не спрашивай меня, Грег! Скажи!

— Я и говорю. Это команды, отдаваемые одновременно по шести каналам! В обычных условиях один или несколько «пальцев» выполняют несложную работу, которая не требует пристального наблюдения за ними. Ну, точно так же, как наши привычные движения при ходьбе. А при аварийных обстоятельствах нужно немедленно и одновременно привести в действие всех шестерых. И вот тут что-то сдает. Остальное просто. Любое уменьшение требуемой от него инициативы, например приход человека, приводит его в себя. Я уничтожил одного из роботов, и Дейву пришлось командовать лишь пятью. Инициатива уменьшается, и он становится нормальным!

— Как ты до этого дошел? — настойчиво допытывался Донован.

— Логическими рассуждениями. Я произвел эксперимент, и все оказалось правильно.

Они снова услышали голос робота.

— Вот и мы. Вы продержитесь еще полчаса?

— Конечно, — ответил Пауэлл. Потом он продолжал, обращаясь к Доновану:

— Теперь наша задача стала проще. Мы проверим те цепи, которые испытывают большую нагрузку при шестиканальной команде, чем при

пятиканальной. Много придется проверять?

Донован прикинул.

— Не очень, по-моему. Если Дейв сделан так же, как опытный экземпляр, который мы видели на заводе, то там должна быть специальная координирующая цепь, и все дело ограничится именно ею. — Он вдруг воодушевился! — Слушай, это здорово! Остались пустяки!

— Хорошо. Обдумай это, а когда вернемся, проверим по чертежам. А теперь, пока Дейв до нас добирается, я отдохну.

— Погоди! Скажи мне еще одну вещь. Что это была за странная маршировка, эти причудливые танцы, которые начинались каждый раз, когда они теряли рассудок?

— А, это? Не знаю. Но у меня есть одно предположение. Вспомни; вспомогательное роботы — «пальцы» Дейва. Мы все время их так называли. Так вот, я думаю, что каждый раз, когда Дейв становился психически ненормальным, у него все в голове путалось, и он начинал вертеть пальцами…

Сьюзен Кэлвин рассказывала про Пауэлла и Донована без улыбки, почти равнодушно, но каждый раз, когда она упоминала роботов, ее голос теплел. Ей не понадобилось много времени,

чтобы: поведать мне о Спиди, Кьюти и Дейве. Но здесь я прервал ее, почувствовав, что у нее наготове еще полдюжины моделей. Я спросил:

— Ну, а на Земле разве ничего интересного не происходило?

Она взглянули на меня, слегка нахмурившись.

— Нет, ведь роботы на Земле не применяются.

— Да, к сожалению. Я хотел сказать, что ваши испытатели, конечно, молодцы, но не можете ли вы рассказать что-нибудь из своего опыта? Разве никогда не подводили роботы? В конце концов это же ваш юбилей.

Представьте себе, она покраснела! Она сказала:

— Да, роботы однажды подвели меня. Боже мой, как давно это было! Почти сорок лет назад... Ну конечно, в 2020 году. И мне было всего 38 лет. 0... Но я бы предпочла об этом не говорить.

Я подождал, и она, конечно, передумала.

— А почему бы и нет? — оказала она. — Теперь это мне не повредит. И даже воспоминание об этом. Я была когда-то такой глупой, молодой человек. Можете вы в это поверить?

— Нет.

— Была. А Эрби — это был робот, читавший мысли.

— Что?

— Единственный в своем роде. В чем-то была допущена ошибка...

ЛЖЕЦ

— Алфред Лэннинг тщательно раскурил сигарету, но его пальцы слегка дрожали. Сурово сдвинув седые брови, он говорил, пуская клубы дыма:

— Да, он читает мысли — можете быть уверены. Но почему? — Он посмотрел на Главного Математика Питера Богерта. — Ну?

Богерт обеими руками пригладил свои черные волосы.

— Это тридцать четвертый робот модели РВ, Лэннинг. И все остальные вполне соответствовали нормам.

Третий человек, сидевший за столом, нахмурился.

Это был Милтон Эш, самый молодой из руководства фирмы «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мэн Корпорэйшн», чем он очень гордился.

— Послушайте, Богерт! Я ручаюсь, что он собран совершенно правильно, с начала до конца!

Толстые губы Богерта раздвинулись в покровительственной улыбке.

— Ручаетесь? Ну, если вы можете отвечать за всю линию сборки, то вас нужно повысить в

должности. По точным подсчетам, для производства одного позитронного мозга требуется семьдесят пять тысяч двести тридцать четыре операции, успех каждой из которых зависит от различного числа факторов — от пяти до ста пяти. Если хоть один из них серьезно нарушается, мозг идет в брак. Это я цитирую наши же проспекты.

Милтон Эш покраснел и хотел ответить, но его перебил четвертый голос.

— Если мы начнем валить вину друг на друга, то я ухожу… — Руки Сьюзен Кэлвин были крепко сжаты на коленях, морщинки вокруг ее тонких бледных губ стали глубже. — У нас появился робот, который читает мысли, и мне представляется, что надо бы выяснить, почему он это делает. А этого мы не добьемся, если будем кричать: «Вы виноваты!», «Я виноват!».

Ее холодные серые глаза остановились на Эше, и он усмехнулся.

Лэннинг тоже понимающе усмехнулся, и, как всегда в таких случаях, его длинные седые волосы и хитрые маленькие глазки придали ему сходство с библейским патриархом.

— Верно, доктор Кэлвин.

Его голос внезапно зазвучал решительно:

— В предельно краткой форме, положение

таково. Мы выпустили позитронный мозг, который не должен был отличаться от остальных, но который обладает замечательной способностью принимать волны, излучаемые человеком в процессе мышления. Если бы мы знали, как это случилось, то это обозначало бы важнейший этап в развитии роботехники на десятилетия вперед. Но мы этого не знаем и должны выяснить. Это ясно?

— Можно высказать одно предположение? — спросил Богерт.

— Давайте.

— Мне кажется, что пока мы не разберемся в этой истории, — а как математик, я думаю, что это окажется чертовски сложно, — нужно держать в тайне существование РБ-34. Даже от служащих фирмы. Мы, возглавляющие отделы, должны справиться с этой задачей, а чем меньше будут знать остальные…

— Богерт прав, — сказала доктор Кэлвин. — С тех пор как по Межпланетному Кодексу допускается испытание роботов на заводе перед отправкой их на космические станции, пропаганда против роботов усилилась. И если кто-нибудь узнает, что робот может читать мысли, а мы еще не будем хозяевами положения, на этом кое-кто мог бы

сделать себе солидный капитал.

Лэннинг, продолжая сосать сигару, серьезно кивнул. Он повернулся к Эшу:

— Вы сказали, что были одни, когда впервые столкнулись с этим чтением мыслей?

— Я был один — и перепугался до полусмерти. РБ-34, только что сошедшего со сборочного стола, прислали ко мне. Оберман куда-то ушел, и я сам повел его к испытательному стенду.

Он запнулся, и на его губах появилась слабая улыбка:

— Никому из вас не приходилось мысленно с кем-то разговаривать, не отдавая себе в этом отчета?

Никто не ответил, и Эш продолжал:

— Вы знаете, сначала на это не обращаешь внимания… Так вот, он что-то мне сказал — что-то вполне логичное и разумное. И мы уже почти дошли до стенда, когда я сообразил, что я-то ничего ему не говорил. Конечно, я думал о том, о сем, но это же другое дело, правда? Я запер его и побежал к Лэннингу. Представьте себе — рядом с вами идет этот робот, спокойно читает ваши мысли и копается в них! Мне стало не по себе.

— Еще бы! — задумчиво сказала Сьюзен Кэлвин. — Ее взгляд с необыкновенным вниманием

остановился на Эше. — Мы так привыкли к тому, что наши мысли известны только нам самим…

— Значит, об этом знают только четверо, — нетерпеливо вмешался Лэннинг.

— Отлично. Мы должны обследовать это дело по строгой системе. Эш, вы проверите линию сборки — всю, от начала до конца. Вы должны исключить все операции, где ошибка была невозможна, и составить список тех, в которых она могла быть допущена. Укажите характер возможной ошибки и ее предположительную величину.

— Ну и работка! — проворчал Эш.

— А как же? Конечно, вы не один будете этим заниматься, — посадите за работу наших людей, если нужно, всех до единого. Не выполните план — ничего! Но они не должны знать, зачем это делается, понятно?

— Гм, да. — Молодой инженер криво ухмыльнулся. — Все-таки работы хватит.

Лэннинг вместе со стулом повернулся к Кэлвин.

— Вам предстоит подойти к задаче с другого конца. Вы — наш робопсихолог, вам нужно изучить самого робота и идти от этого. Попытайтесь выяснить, как он это делает. Узнайте все, что связано с его телепатическими способностями,

как далеко они простираются, как сказываются на его мышлении и вообще как это отражается на его стандартных рабочих качествах. Понятно?

Лэннинг не стал ждать ответа.

— Я буду руководить работой и осуществлять математическую обработку результатов. — Он яростно затянулся сигарой, и сквозь дым прозвучало остальное: — В этом мне, конечно, поможет Богерт.

Продолжая полировать ногти на своих мясистых руках, Богерт мягко ответил:

— Ну разумеется! Я как-никак в этом немного разбираюсь.

— Ну, я приступаю. — Эш оттолкнул свой стул и поднялся. На его приятном молодом лице появилась усмешка. — Мне досталась самая скверная работа, так что лучше уж не откладывать. Пока!

Сьюзен Кэлвин ответила едва заметным кивком, но ее взгляд провожал его, пока дверь за ним не закрылась. Она ничего не ответила, когда Лэннинг, что-то проворчав, сказал:

— Не хотите ли вы, доктор Кэлвин, сейчас пойти и посмотреть РБ-34?

Когда послышался тихий звук открывающейся двери, робот РБ-34 поднял фотоэлектрические глаза от книги и вскочил. В комнату вошла Сью-

зен Кэлвин. Она задержалась, чтобы поправить на двери огромную надпись «Вход воспрещен», потом подошла к роботу.

— Эрби, я принесла тебе кое-какие материалы о гиператомных двигателях. Хочешь их посмотреть?

РБ-34 (иначе — Эрби) взял у нее из рук три тяжелых тома и открыл один из них.

— Хм! «Гиператомная теория»...

Что-то бормоча про себя, он начал листать книги, потом рассеянно сказал:

— Садитесь, доктор Кэлвин! Это займет несколько минут. Она села и внимательно следила за Эрби, который занял место по другую сторону стола и приступил к систематическому изучению всех трех книг.

Через полчаса он отложил их в сторону.

— Я, конечно, знаю, зачем вы мне их принесли.

У Сьюзен Кэлвин дрогнули уголки губ.

— Я так и думала. С тобой трудно иметь дело, Эрби, ты все время на шаг впереди меня.

— Эти книги — такие же, как и остальные. Они меня просто не интересуют. В ваших учебниках ничего нет. Ваша наука-это просто масса собранных фактов, кое-как скрепленных подобием

Теории. Все это так невероятно просто, что вряд ли достойно внимания. Меня интересует ваша беллетристика, переплетение и взаимодействие человеческих побуждений и чувств... — Он сделал неясный жест могучей рукой, подыскивая подходящее слово

— Кажется, я понимаю, — прошептала доктор Кэлвин.

— Видите ли, я читаю мысли, — продолжал робот, — а вы не можете себе представить, как они сложны. Я не могу все их понять, потому что мое мышление имеет с вашим так мало общего. Но я стараюсь, а ваши романы мне помогают.

— Да, но я боюсь, что когда ты познакомишься с некоторыми переживаниями по современным чувствительным романам, — в ее голосе послышался оттенок горечи, — ты сочтешь наши настоящие мысли и чувства скучными и бесцветными.

— Ничего подобного!

Внезапный энергичный ответ заставил ее вскочить на ноги. Она почувствовала, что краснеет, и в испуге подумала: «Наверное, он знает!»

Эрби уже успокоился и тихим голосом, почти полностью лишенным металлического тембра, произнес:

— Ну конечно, я знаю об этом, доктор Кэлвин! Вы об этом постоянно думаете, так как же я могу не знать?

— Ты… говорил об этом кому-нибудь? — жестко спросила она.

— Конечно, нет! — искренне удивился он и добавил: — Меня никто не спрашивал.

— Тогда ты, вероятно, считаешь меня дурой?

— Нет! Это — нормальное чувство.

— Может быть, поэтому оно так глупо. — Теперь ее голос звучал задумчиво и печально. Под непроницаемой маской доктора наук на мгновение проступили черты женщины. — Меня нельзя назвать… привлекательной…

— Если вы имеете в виду физическую привлекательность, то об этом я не могу судить. Но, во всяком случае, я знаю, что есть и другие виды привлекательности.

— …да и молодой тоже… — Она как будто не слышала робота.

— Вам еще нет сорока. — В голосе Эрби появились тревога и настойчивость.

— Тридцать восемь, если считать годы; все шестьдесят, если говорить об эмоциональном восприятии жизни. Я же все-таки психолог. А ему, — продолжала Она с горечью, — тридцать пять, и

выглядит он еще моложе. Неужели ты думаешь, что он видит во мне… что-то особенное?

— Вы ошибаетесь! — Стальной кулак Эрби с лязгом обрушился на пластмассовую поверхность стола. — Послушайте…

Но Сьюзен Кэлвин яростно набросилась на него. Ожесточение и боль в ее глазах вспыхнули ярким пламенем:

— Вот еще! Что ты об этом знаешь, — ты, машина! Я для тебя — образчик, интересная букашка со своеобразными мыслями, которые ты видишь как на ладони. Превосходный пример разбитых надежд, правда? Почти как в книгах!

Ее сухие рыдания постепенно затихли.

Робот съежился под этим натиском. Он умоляюще покачал головой:

— Ну пожалуйста, выслушайте меня! Если бы вы захотели, я мог бы помочь вам!

— Как? — Ее губы скривились. — Дать хороший совет?

— Нет, не так. Я просто знаю, что думают другие люди, например Милтон Эш.

Наступило долгое молчание. Сьюзен Кэлвин потупилась.

— Я не хочу знать, что он думает, — выдохнула она.

— Замолчи.

— А мне кажется, вы хотели бы знать, что он думает.

Она все еще сидела с опущенными глазами, но ее дыхание участилось.

— Ты говоришь чепуху, — прошептала она.

— Зачем? Я хочу помочь. Милтон Эш… — Он остановился.

Она подняла голову!

— Ну?

— Он любит вас, — тихо сказал робот.

Целую минуту доктор Кэлвин молча, широко раскрыв глаза, глядела на робота.

— Ты ошибаешься! Конечно, ошибаешься! С какой стати?

— Правда, любит. Этого нельзя утаить от меня.

— Но я так… так… — Она запнулась.

— Он смотрит вглубь — он ценит интеллект. Милтон Эш не из тех, кто женится на прическе и хорошеньких глазках.

Сьюзен Кэлвин часто заморгала. Она заговорила не сразу, и ее голос дрожал.

— Но ведь он никогда и никак не обнаруживал…

— А вы дали ему эту возможность?

— Как я могла? Я никогда не думала…

— Вот именно!

Сьюзен Кэлвин замолчала, потом внезапно подняла голову:

— Полгода назад к нему на завод приезжала девушка. Стройная блондинка. Кажется, она была красива. И, конечно, едва знала таблицу умножения. Он целый день пыжился перед ней, пытаясь объяснить, как делают роботов. — Ее голос зазвучал жестко. — Конечно, она ничего не поняла! Кто она?

Эрби, не колеблясь, отвечал:

— Я знаю, кого вы имеете в виду. Это его двоюродная сестра. Уверяю вас, здесь нет никаких романтических отношений.

Сьюзен Кэлвин почти с девичьей легкостью встала.

— Как странно! Именно это я временами пыталась себе внушить, хотя серьезно никогда так не думала. Значит, это правда!

Она подбежала к Эрби и обеими руками схватила его холодную тяжелую руку.

— Спасибо, Эрби, — прошептала она голосом, слегка охрипшим от волнения.

— Никому не говори об этом. Пусть это будет наш секрет. Спасибо еще раз.

Судорожно сжав бесчувственные металлические пальцы Эрби, она вышла.

Эрби медленно повернулся к отложенному роману. Его мысли никто не смог бы прочесть.

Милтон Эш не спеша, с удовольствием потянулся, кряхтя и треща суставами, потом свирепо уставился на Питера Богерта.

— Послушайте, — сказал он, — я сижу над этим уже неделю и за все время почти не спал. Сколько еще мне возиться? Вы как будто сказали, что дело в позитронной бомбардировке в вакуумной камере Д?

Богерт деликатно зевнул и с интересом поглядел на свои белые руки.

— Да. Я напал на след.

— Я знаю, что значит, когда это говорит математик. Сколько вам еще осталось?

— Все зависит…

— От чего? — Эш бросился в кресло и вытянул длинные ноги.

— От Лэннинга. Старик не согласен со мной. — Он вздохнул. — Немного отстал от жизни, вот

в чем дело. Цепляется за свою обожаемую матричную механику, а этот вопрос требует более мощных математических средств. Он так упрям.

Эш сонно пробормотал:

— А почему бы не спросить у Эрби и не покончить с этим?

— Спросить у робота? — Брови Богерта полезли вверх.

— А что? Разве старуха вам не говорила?

— Вы имеете в виду Кэлвин?

— Ну да! Сама Сьюзи. Ведь этот робот — маг и чародей в математике. Он знает все обо всем и еще малость сверх того. Он вычисляет в уме тройные интегралы и закусывает тензорным анализом.

Математик скептически поглядел на него:

— Вы серьезно?

— Ну конечно! Загвоздка в том, что этот дурень не любит математику, а предпочитает сентиментальные романы. Честное слово! Вы бы только видели, какую дрянь таскает ему Сьюзен — «Пурпурная страсть», «Любовь в космосе»...

— Доктор Кэлвин ни слова вам об этом не говорила.

— Ну, она еще не кончила изучать его. Вы же ее знаете. Она любит, чтобы все было шито-крыто.

Пока она сама не раскроет главный секрет.

— Но вам она сказала.

— Да вот, как-то разговорились… Я в последнее время часто ее вижу. — Он широко открыл глаза и нахмурился: — Слушайте, Боги, вы ничего странного за ней не замечали в последнее время?

Богерт расплылся в усмешке.

— Она стала красить губы. Вы это имеете в виду?

— Черта с два! Это я знаю — губы, глаза и еще пудрится. Ну и вид у нее! Но я не о том. Я никак не могу точно этого определить. Она так говорит, как будто она очень счастлива…

Он подумал немного и пожал плечами.

Богерт позволил себе плотоядно ухмыльнуться. Для ученого, которому уже за пятьдесят, это было неплохо исполнено.

— Может, она влюбилась.

Эш опять закрыл глаза.

— Вы сошли с ума. Боги. Идите и поговорите с Эрби. Я останусь здесь и вздремну.

— Ладно. Не то чтобы мне понравилось получать от робота указания, что делать. Ответом ему был негромкий храп.

Эрби внимательно слушал, пока Питер Богерт, сунув руки в карманы, говорил с напускным

равнодушием.

— Так обстоит дело. Мне сказали, что ты разбираешься в этих вещах, и я спрашиваю тебя больше из любопытства. Я допускаю, что мой ход рассуждений включает несколько сомнительных звеньев, которые доктор Лэннинг отказывается принять. Так что картина все еще не очень полна.

Робот не отвечал, и Богерт сказал:

— Ну?

— Не вижу ошибки. — Эрби вглядывался в исписанные расчетами бумажки.

— Вероятно, ты к этому ничего не можешь добавить?

— Я не смею и пытаться. Вы — лучший математик, чем я, и… В общем, мне не хотелось бы осрамиться.

Улыбка Богарта была чуть-чуть самодовольной.

— Я так и думал. Конечно, вопрос серьезный. Забудем об этом.

Он смял листки, швырнул их в мусоропровод и повернулся, чтобы уйти, но потом передумал.

— Кстати…

Робот ждал. Казалось, Богерт с трудом подыскивает слова

— Тут есть кое-что… в общем, может быть, ты смог бы…

Он замолчал. Эрби спокойно произнес:

— Ваши мысли перепутаны, но нет никакого сомнения, что вы имеете в виду доктора Лэннинга. Глупо колебаться — как только вы успокоитесь, я узнаю, о чем вы хотите спросить.

Рука математика привычным движением скользнула по прилизанным волосам.

— Лэннингу скоро семьдесят, — сказал он, как будто это объясняло все.

— Я знаю.

— И он уже почти 30 лет директор завода.

Эрби кивнул.

— Так вот, — в голосе Богерта появились просящие нотки, — ты, наверное, знаешь… не думает ли он об отставке. Состояние здоровья, скажем, или что- нибудь еще…

— Вот именно, — только и произнес Эрби.

— Ты это знаешь?

— Конечно.

— Тогда… гм… не скажешь ли ты…

— Раз уж вы спрашиваете — да. — Робот говорил, как будто в этом не было ничего особенного. — Он уже подал в отставку!

— Что? — невнятно вырвалось у Богерта. Уче-

ный подался вперед. — Повтори!

— Он уже подал: в отставку, — последовал спокойный ответ, — но она еще не вступила в силу. Он хочет, видите ли, решить проблему… хм… меня. Когда это будет сделано, он готов передать обязанности директора своему преемнику.

Богерт резко выдохнул воздух.

— А его преемник? Кто он?

Он придвинулся к Эрби почти вплотную. Глаза его как зачарованные были прикованы к ничего не выражавшим красноватым фотоэлементам, служившим роботу глазами.

Послышался неторопливый ответ:

— Будущий директор — вы.

Напряжение на лице Богерта сменилось скупой улыбкой.

— Это приятно знать. Я надеялся и ждал этого. Спасибо, Эрби.

Эту ночь до пяти часов утра Питер Богерт провел за письменным столом. В девять он снова приступил к работе. Он то и дело хватал с полки над столом один справочник за другим. Медленно, почти незаметно росла стопка готовых расчетов, зато на полу образовалась целая гора скомканных, исписанных листков.

Ровно в полдень Богерт взглянул еще раз на по-

следний итог, протер налившиеся кровью глаза, зевнул и потянулся.

— Чем дальше, тем хуже. Проклятье!

Услышав, как открылась дверь, тон обернулся и кивнул вошедшему Лэннингу. Хрустя суставами скрюченных пальцев, директор окинул взглядом неубранную комнату, в его брови сдвинулись.

— Новый путь? — спросил он.

— Нет, — последовал вызывающий ответ. — А чем плох старый?

Лэннинг не ответил. Лишь одним беглым взглядом он удостоил верхний листок бумаги на столе Богарта.

Закуривая сигару, он сказал:

— Кэлвин говорила вам о роботе? Это математический гений. Интересно.

Богерт громко фыркнул.

— Я слышал. Но лучше Кэлвин занималась робопсихологией. Я проверил Эрби по математике, он едва справился с интегральным и дифференциальным исчислением.

— Кэлвин пришла к другому выводу.

— Она сумасшедшая.

— Я тоже пришел к другому выводу.

Глаза директора зловеще сузились.

— Вы? — Голос Богерта стал жестким. — О чем

вы говорите?

— Я все утро гонял Эрби. Он может делать такие штуки, о которых вы и не слыхала.

— Разве?

— Вы не верите? — Лэннинг выхватил из жилетного кармана листок бумаги и развернул его. — Это не мой почерк, верно?

Богерт вгляделся в крупные угловатые цифры, покрывавшие листок.

— Это Эрби?

— Да. И, как вы можете заметить, он занимался интегрированием вашего двадцать второго уравнения по времени. И он, — Лэннинг постучал желтым ногтем по последней строчке, — он пришел к такому же заключению, как и я, вчетверо быстрее. Вы не имели права пренебречь эффектом Лингера при позитронной бомбардировке.

— Я не пренебрег им. Ради бога, Лэннинг, поймите, что это исключает...

— Да, конечно, вы объяснили это. Вы применили переходное уравнение Митчелла, верно? Так вот, оно здесь неприменимо.

— Почему?

— Во-первых, вы пользуетесь гипермнимыми величинами.

— При чем это здесь?

— Уравнение Митчелла не годится, если…

— Вы сошли с ума? Если вы перечитаете статью самого Митчелла в «Записках Фара»…

— Это лишнее. Я с самого начала сказал, что его ход рассуждений мне не нравится, и Эрби согласен со мной.

— Ну так пусть эта машинка и решит вам всю проблему, — закричал Богерт.

— Зачем тогда связываться с недоумками вроде меня?

— В том-то и дело, что Эрби не может решить проблему. А если даже он не может, то мы сами — тем более. Я передаю этот вопрос в Национальный Совет. Мы здесь бессильны.

Богерт вскочил, перевернув кресло. Лицо его побагровело.

— Вы этого не сделаете!

Лэннинг тоже побагровел.

— Вы указываете мне, что делать и чего не делать?

— Именно, — ответил Богерт, скрипнув зубами. — Я решил проблему, и вы не выхватите ее у меня из-под носа, ясно? Не думайте, что я не вижу вас насквозь, — вы, высохшее ископаемое. Конечно, вы скорее подавитесь, чем признаете, что я решил проблему телепатии роботов.

— Вы идиот, Богерт. Еще немного, и я уволю вас за нарушение дисциплины.

Губы Лэннинга тряслись от гнева.

— Вот этого вы и не сделаете, Лэннинг. Когда под рукой робот, читающий мысли, секретов быть не может. Так что не забудьте, я знаю все о вашей отставке.

Пепел с сигары Лэннинга, задрожав, упал. Сигара последовала за ним.

— Что? Что…

Богерт злорадно усмехнулся:

— И я — новый директор, поняли? Я прекрасно это знаю. Черт вас возьми, Лэннинг! Командовать парадом здесь буду я, не то вы попадете в такую переделку, какая вам и не снилась.

Лэннинг вновь обрел дар речи и заревел:

— Вы уволены, слышите? Вы освобождены от всех обязанностей! Вам конец, понимаете?

Богерт усмехнулся еще шире.

— Ну, что в этом толку? Вы ничего не добьетесь. Все козыри у меня. Я знаю, что вы подали в отставку. Эрби рассказал мне, а он знает это от вас.

Лэннинг заставил себя говорить спокойно. Он выглядел старым-старым, с его усталого лица исчезли все следы краски, оставив мертвенную желтизну.

— Я должен поговорить с Эрби. Он не мог сказать вам ничего подобного. Вы крупно играете, Богерт. Но я раскрою ваши карты. Идемте.

Богерт пожал плечами.

— К Эрби? Ладно. Ладно, черт возьми!

Ровно в полдень этого же дня Милтон Эш поднял глаза от только что сделанного неуклюжего наброска и сказал:

— Вы уловили мою мысль? У меня не очень удачно получилось, но он будет выглядеть примерно так. Чудный домик, и достается он мне почти даром.

Сьюзен Кэлвин нежно взглянула на него.

— Он действительно красивый, — вздохнула она. — Я часто мечтала…

Ее голос затих.

Эш оживленно продолжал, отложив карандаш!

— Конечно, придется ждать отпуска. Осталось всего две недели, но из-за этого дела с Эрби все повисло в воздухе. — Он опустил глаза. — Потом, есть еще одна вещь… Но это секрет.

— Тогда не говорите.

— А, все равно. Меня как будто распирает — так хочется кому-нибудь рассказать. И, пожалуй, лучше всего здесь… хм… довериться именно вам.

Он несмело усмехнулся.

Сердце Сьюзен Кэлвин затрепетало, но она боялась произнести хоть слово.

— По правде говоря, — Эш подвинулся к ней вместе со стулом и заговорил доверительным шепотом, — это дом не только для меня. Я женюсь! В чем дело? — Он вскочил.

— Нет, ничего. — Ужасное ощущение вращения исчезло, но ей было трудно говорить. — Женитесь? Вы хотите сказать…

— Ну конечно! Пора ведь, правда? Вы помните ту девушку, которая была здесь прошлым летом? Это она и есть! Но вам нехорошо! Вы…

— Голова болит. — Сьюзен Кэлвин слабым движением отмахнулась от него. — У меня… у меня это часто бывает в последнее время. Я хочу… конечно, поздравить вас. Я очень рада…

Неумело наложенные румяна двумя некрасивыми пятнами выступили на ее побелевшем лице. Все вокруг снова закружилось.

— Извините меня… пожалуйста… — пробормотала она и, ничего не видя, шатаясь, вышла. Катастрофа произошла внезапно, как во сне, и была невероятно жуткой.

Но как это могло случиться? Ведь Эрби говорил…

А Эрби знал! Он мог читать мысли!

Она опомнилась только тогда, когда, едва дыша, прислонившись к двери, увидела перед собой металлическое лицо Эрби. Она не заметила, как поднялась на два этажа по лестнице, — это произошло за один миг, как во сне.

Как во сне!

Немигающие глаза Эрби глядели на нее, и их красноватые круги, казалось, выросли в тускло светящиеся кошмарные шары.

Он что-то говорил, и она почувствовала, как к ее губам прикоснулся холодный стакан. Она сделала глоток и, вздрогнув, немного пришла в себя.

Эрби все еще говорил, и в его голосе было волнение, боль, испуг, мольба. Слова начали доходить до ее сознания.

— Это все сон, — говорил он, — и вы не должны этому верить. Вы скоро очнетесь и будете смеяться над собой. Он любит вас, я говорю вам. Любит, любит! Но не здесь! Не сейчас! Этот мир — иллюзия.

Сьюзен Кэлвин, кивая головой, шептала:

— Да. Да!

Она вцепилась в руку Эрби, прижалась к ней, приникла к этой стальной руке, широко раскрыв глаза, повторяя снова и снова:

— Это ведь неправда, да? Это неправда?

Сьюзен Кэлвин не помнит, как она очнулась. Как будто из туманного, нереального мира она попала под резкий солнечный свет. Оттолкнув от себя тяжелую руку, она широко раскрыла глаза.

— Что же это ты делаешь? — Ее голос сорвался в хриплый вопль. — Что же это ты делаешь?

Эрби попятился.

— Я хочу помочь; Кэлвин пристально смотрела на него.

— Помочь? Как? Говоря мне, что это сон? Пытаясь сделать меня шизофреничкой? — Она истерически напряглась. — Это не сон! Если бы это был сон!

Внезапно она охнула.

— Постой! А! Понимаю! Господи, это же так очевидно…

В голосе робота послышался ужас:

— Но я Должен был…

— А я-то тебе поверила! Мне и в голову не пришло…

Громкие голоса за дверью заставили Сьюзен Кэлвин умолкнуть. Она отвернулась, судорожно сжав кулаки, и когда Богерт и Лэннинг вошли, она стояла у окна в глубине комнаты. Но ни тот, ни другой не обратили на нее ни малейшего

внимания.

Они одновременно подошли к Эрби. Лэннинг был гневен и нетерпелив, Богерт — холодно язвителен. Директор заговорил первым.

— Эрби, слушай меня!

Робот повернулся к старому директору:

— Да, доктор Леннинг.

— Ты говорил обо мне с доктором Богертом?

— Нет, сэр, — ответил робот не сразу.

Улыбка исчезла с лица Богерта.

— В чем дело? — Богерт протиснулся вперед и встал перед роботом, расставив ноги. — Повтори, что ты сказал мне вчера.

— Я сказал, что… — Эрби замолк. Где-то глубоко внутри его механизма задрожавшая металлическая мембрана произвела тихий нестройный звук.

— Ты же сказал, что он подал в отставку! — заревел Богерт. — Отвечай!

Богерт в ярости замахнулся, но Лэннинг оттолкнул его:

— Не хотите ли вы силой заставить его солгать?

— Вы слышали его, Лэннинг! Он готов был признаться и остановился. Отойдите! Я хочу добиться от него правды, ясно?

— Я спрошу его! — Лэннинг повернулся к роботу. — Ладно, Эрби. Спокойнее. Я подал в отставку? — Эрби молча глядел на него, и Лэннинг настойчиво повторил: — Я подал в отставку?

Робот чуть заметно отрицательно качнул головой. Другого ответа они не дождались.

Ученые посмотрели друг на друга. Враждебность в их взглядах была почти осязаемой.

— Какого черта, — выпалил Богерт, — что он, онемел? Ты умеешь говорить, эй, чудовище?

— Я умею говорить, — с готовностью ответил робот,

— Тогда отвечай. Сказал ты мне, что Лэннинг подал в отставку? Подал он в отставку?

Снова наступило молчание. Потом в дальнем конце комнаты внезапно раздался смех Сьюзен Кэлвин — резкий, почти истерический. Математики вздрогнули, и Богерт прищурил глаза:

— Вы здесь? И что же тут смешного?

— Ничего. — Ее голос звучал не совсем естественно. — Просто не одна я попалась. Трое крупнейших в мире роботехников попались в одну и ту же элементарную ловушку. Ирония судьбы, правда? — Она провела бледной рукой по лбу и тихо добавила: — Но это не смешно!

Мужчины еще раз переглянулись, на этот раз

подняв брови в недоумении.

— О какой ловушке вы говорите? — спросил Лэннинг принужденно. — Что-нибудь случилось с Эрби?

— Нет, — она медленно приближалась к ним, — с ним все в порядке. Все дело в нас.

Она неожиданно повернулась к роботу и пронзительно крикнула:

— Убирайся отсюда! Иди на другой конец комнаты, чтобы я тебя не видела!

Эрби съежился под ее яростным взглядом и, громыхая, рысью бросился прочь.

— Что это значит, доктор Кэлвин? — враждебно спросил Лэннинг.

Она саркастически заговорила:

— Вы, конечно, знаете Первый Закон роботехники?

— Конечно, — раздраженно сказал Богерт. — «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен какой- либо вред».

— Как изящно выражено, — насмешливо продолжала Кэлвин. — А какой вред?

— Ну — любой.

— Вот именно! Любой! А как насчет разочарования? А поколебленная уверенность в себе? А

крушение надежд? Это вредно?

Лэннинг нахмурился!

— Откуда роботу знать…

Он вдруг осекся.

— Теперь и до вас дошло? Этот робот читает мысли. Вы думаете, он не знает, как можно задеть человека? Думаете, если задать ему вопрос, он не ответит именно то, что вы хотите услышать в ответ? Разве любой другой ответ не будет нам неприятен, и разве Эрби этого не знает?

— Боже мой, — пробормотал Богерт.

Кэлвин с усмешкой взглянула на него.

— Я полагаю, что вы спросили его, ушел ли Лэннинг в отставку? Вы хотели услышать «да», и Эрби ответил именно так.

— И, вероятно, поэтому, — сказал Лэннинг голосом, лишенным всякого выражения, — он ничего не ответил нам только что. Он не мог дать ответа, который не задел бы одного из нас.

Наступила короткая пауза. Мужчины задумчиво смотрели на робота, забившегося в свое кресло у шкафа с книгами и опустившего голову на руки.

Сьюзен Кэлвин упорно глядела в пол.

— Он все это знал. Этот… этот дьявол знает все — и даже то, что случилось с ним при сборке.

Лэннинг взглянул на нее.

— Здесь вы ошибаетесь, доктор Кэлвин. Он не знает, что случилось. Я спрашивал.

— Ну и что? — вскричала Кэлвин. — Вы просто не хотели, чтобы он подсказал вам решение. Если бы машина сделала то, что вы сделать не смогли, это уронило бы вас в собственных глазах. А вы спрашивали его? — бросила она Богерту.

— Некоторым образом... — Богерт кашлянул и покраснел. — Он сказал, что не силен в математике.

Лэннинг негромко засмеялся, а Кэлвин язвительно усмехнулась. Она сказала:

— Я спрошу его! Меня его ответ не заденет.

Громким, повелительным голосом она произнесла:

— Иди сюда!

Эрби встал и нерешительно приблизился.

— Я полагаю, ты знаешь, в какой именно момент сборки появился посторонний фактор или был пропущен один из необходимых?

— Да, — еле слышно произнес Эрби.

— Постойте, — сердито вмешался Богерт. — Это не обязательно правда. Вы просто хотите это услышать, и все.

— Не будьте ослом, — ответила Кэлвин. — Он

знает математику, во всяком случае, не хуже, чем мы вместе с Лэннингом, раз уж он может читать мысли. Не мешайте.

Математик умолк, и Кэлвин продолжала:

— Ну, Эрби, давай! Мы ждем! Господа, вы готовы?

Но Эрби хранил молчание. В голосе психолога прозвучало торжество.

— Почему ты не отвечаешь, Эрби?

Робот неожиданно выпалил:

— Я не могу. Вы знаете, что я не могу! Доктор Богерт и доктор Лэннинг не хотят!

— Они хотят узнать решение.

— Но не от меня.

Лэннинг медленно и отчетливо произнес:

— Не глупи, Эрби. Мы хотим, чтобы ты сказал.

Богерт коротко кивнул.

В голосе Эрби послышалось отчаяние:

— Зачем так говорить? Неужели вы не понимаете, что я вижу глубже, чем поверхность вашего мозга? Там, в глубине, вы не хотите. Я — машина, которой придают подобие жизни только позитронные взаимодействия в моем мозгу, изготовленном человеком. Вы не можете оказаться слабее меня и не почувствовать унижения. Это лежит глубоко в вашем мозгу и не может быть

стерто. Я не могу подсказать вам решение.

— Мы уйдем, — сказал Лэннинг. — Скажи, Кэлвин.

— Все равно, — вскричал Эрби, — вы ведь будете знать, что ответ исходил от меня.

— Но ты понимаешь, Эрби, — вмешалась Кэлвин, — что, несмотря на это, доктор Лэннинг и доктор Богерт хотят решить проблему?

— Но сами! — настаивал Эрби.

— Но они хотят этого, и то, что ты знаешь решение и не говоришь его, тоже их задевает. Ты это понимаешь?

— Да! Да!

— А если ты скажешь, им тоже будет неприятно.

— Да! Да!

Эрби медленно пятился назад, и шаг за шагом за ним шла Сьюзен Кэлвин. Мужчины, остолбенев от изумления молча смотрели на них.

— Ты не можешь сказать, — медленно повторяла Кэлвин, — потому что это обидит их, а ты не должен их обидеть. Но если ты не скажешь, это тоже причинит им неприятность, так что ты должен сказать. А если ты скажешь, они будут обижены, а ты не должен, так что ты не можешь сказать; но если ты не скажешь, ты причиняешь

им вред, так что ты должен; но если ты скажешь, ты причиняешь вред, так что ты не должен; но если ты не скажешь, ты…

Эрби прижался спиной к стене, потом тяжело упал на колени.

— Не надо! — завопил он. — Спрячьте ваши мысли! Они полны боли, унижения, ненависти! Я не хотел этого! Я хотел помочь! Я говорил то, что вы хотели! Я должен был!…

Но Кэлвин не обращала на него внимания.

— Ты должен сказать, но если ты скажешь, ты причинишь вред, так что ты не должен; но если ты не скажешь, ты причинишь вред, так что…

Эрби испустил страшный вопль. Этот вопль был похож на усиленный во много раз звук флейты-пикколо. Он становился все резче и резче, выше и выше, в нем слышалось отчаяние погибшей души. Пронзительный звук заполнял всю комнату…

Когда вопль утих, Эрби свалился на пол бесформенной кучей неподвижного металла. В лице Богерта не было ни кровинки.

— Он мертв!

— Нет. — Сьюзен Кэлвин разразилась судорожным, диким хохотом. — Не мертв! Просто безумен. Я поставила перед ним неразрешимую

дилемму, и он не выдержал. Можете сдать его в лом — он больше никогда ничего не скажет.

Лэннинг склонился над тем, что раньше называлось Эрби. Он дотронулся до холодного, неподвижного металлического тела и содрогнулся.

OSTAP

— Вы сделали это намеренно.

Он встал и повернул к ней искаженное лицо.

— А что, если и так? Теперь уже ничего не поделаешь. — С внезапной горечью она добавила: — Он это заслужил.

Директор взял за руку застывшего на месте Богерта.

— Какая разница! Пойдемте, Питер. — Он вздохнул. — Все равно от такого робота нет никакого толка.

Его глаза казались усталыми. Он повторил:

— Пойдемте, Питер!

Не скоро после того как они вышли, доктор Сьюзен Кэлвин обрела душевное равновесие Ее взгляд остановился на Эрби, и на лице ее снова появилось напряженное выражение. Долго смотрела она на него. Наконец торжество сменилось беспомощностью и разочарованием. И все обуревавшие ее мысли вылились лишь в одно бесконечно горькое слово, слетевшее с ее губ:

— Лжец!

На этом тогда, естественно, все кончилось. Я знал, что больше ничего не смогу из нее вытянуть. Она молча сидела за столом, погруженная в воспоминания. Ее бледное лицо было холодным и задумчивым.

Я сказал:

— Спасибо, доктор Кэлвин.

Но она не ответила.

Снова я увидел ее только через два дня у дверей ее кабинета, откуда выносили шкафы Она спросила:

— Ну как подвигаются ваши статьи, молодой человек?

— Прекрасно, — ответил я.

Я обработал их, как мог, драматизировал голый скелет ее рассказов, добавил диалоги и мелкие детали.

— Может быть, вы посмотрите, чтобы я никого ненароком не оклеветал и не допустил где-нибудь слишком явных неточностей?

— Да, пожалуй. Пойдемте в комнату отдыха — там можно выпить кофе.

Казалось, она была в хорошем настроении, поэтому, пока мы шли по коридору, я рискнул:

— Я думал вот о чем, доктор Кэлвин…

— Да?

— Не расскажете ли вы мне еще что-нибудь из истории роботехники?

— Но ведь вы уже все от меня получили, молодой человек.

— Более или менее. Но те случаи, которые я

записал, почти не имеют отношения к нашему времени. Я хочу сказать, что робот, читающий мысли, был создан только в единственном числе, межпланетные станции уже устарели и вышли из моды, а к роботам, работающим в шахтах, все уже привыкли. А как насчет межзвездных путешествий? Ведь гиператомный двигатель изобрели всего лет двадцать назад, и все знают, что изобретать его помогали роботы. Как было дело?

— Межзвездные путешествия! — задумчиво повторила она.

Мы уже сидели в комнате отдыха, и я заказал обед. Она только пила кофе.

— Я впервые столкнулась с межзвездными исследованиями в 2029 году, когда потерялся робот...

КАК ПОТЕРЯЛСЯ РОБОТ

КАК ПОТЕРЯЛСЯ РОБОТ

На Гипербазе были приняты экстренные меры. Они сопровождались неистовой суматохой, которая по своему напряжению соответствовала истерическому воплю.

Один за другим предпринимались все более и более отчаянные шаги:

1. Работа над проектом гиператомного двигателя во всей части космоса, занятой станциями 27-й астероидальной группы, была полностью прекращена.

2. Все это пространство было практически изолировано от остальной Солнечной системы. Никто не мог туда попасть без специального разрешения. Никто не покидал его ни при каких условиях.

3. Специальный правительственный патрульный корабль доставил на Гипербазу доктора Сьюзен Кэлвин и доктора Питера Богерта — соответственно Главного Робопсихолога и Главного Математика фирмы «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мэн Корпорэйшн».

Сьюзен Кэлвин еще ни разу не покидала Землю,

да и на этот раз не имела ни малейшего желания это делать. В век атомной энергии и приближающегося разрешения загадки гиператомного двигателя она спокойно оставалась провинциалкой. Поэтому она была недовольна полетом и не убеждена в его необходимости. Об этом достаточно явно свидетельствовала каждая черта ее некрасивого, немолодого лица во время первого обеда на Гипербазе.

Прилизанный, бледный доктор Богерт выглядел слегка виноватым. А с лица генерал- майора Кэллнера, возглавлявшего проект, не сходило выражение отчаяния. Короче говоря, обед не удался. Последовавшее за ним маленькое совещание началось сумрачно и неприветливо.

Кэллнер, чья лысина поблескивала под лампами, а парадная форма крайне не соответствовала общему настроению, начал с принужденной прямотой:

— Это странная история, сэр… и мадам. Я признателен вам за то, что вы прибыли немедленно, не зная причины вызова. Теперь мы попытаемся исправить это. У нас потерялся робот. Работы прекратились и должны стоять, пока мы его не обнаружим. До сих пор нам это не удалось, и нам требуется помощь специалистов.

Вероятно, генерал почувствовал, что его сетования выглядят не очень серьезными, и продолжал с ноткой отчаяния в голосе:

— Мне не нужно объяснять вам значение нашей работы. В прошлом году мы получили больше восьмидесяти процентов всех ассигнований на исследовательские работы…

— Ну, это мы знаем, — сказал Богерт добродушно. — «Ю. С. Роботс» получает щедрую плату за пользование нашими роботами, которые тут работают.

Сьюзен Кэлвин резко, без особой любезности вмешалась:

— Почему один робот так важен для проекта и почему он не обнаружен?

Генерал повернул к ней покрасневшее лицо и быстро облизал губы.

— Вообще-то говоря, мы его обнаружили… Слушайте, я объясню. Как только робот исчез, было объявлено чрезвычайное положение, и все сообщение с Гипербазой было прервано. Накануне прибыл грузовой корабль, который привез для нас двух роботов. На нем было еще шестьдесят два робота… хм… того же типа, предназначенных еще для кого-то. Эта цифра абсолютно точная — здесь не может быть никаких сомнений.

— Да? Ну, а какое это имеет отношение…

— Когда робот исчез и мы не могли его найти, — хотя, уверяю вас, мы могли бы найти и соломинку, — мы догадались пересчитать роботов, оставшихся на грузовом корабле. Их теперь шестьдесят три.

— Так что шестьдесят третий и есть ваш блудный робот? — Глаза доктора Кэлвин потемнели.

— Да, но мы не можем определить, который из них шестьдесят третий.

Наступило мертвое молчание. Электрочасы пробили одиннадцать. Доктор Кэлвин произнесла:

— Очень любопытно. — Уголки ее губ опустились. Она резко повернулась к своему коллеге: — Питер, в чем тут дело? Что за роботы здесь работают?

Доктор Богерт, заколебавшись, неуверенно улыбнулся:

— Понимаете, Сьюзен, это довольно щекотливое дело, которое требовало осторожности… Но теперь…

Она быстро прервала его:

— А теперь? Если есть шестьдесят три одинаковых робота, один из них нужен и его нельзя обнаружить, почему не годится любой из них?

Что здесь происходит? Зачем послали за нами?

Богерт покорно ответил:

— Дайте объяснить, Сьюзен. На Гипербазе используется несколько роботов, при программировании которых Первый Закон роботехники был задан не в полном объеме.

— Не в полном объеме?

Доктор Кэлвин откинулась на спинку кресла.

— Ясно. Сколько их было сделано?

— Немного. Это было правительственное задание, и мы не могли нарушить тайну. Никто не должен был этого знать, кроме высшего начальства, имеющего к этому прямое отношение. Вы в это число не вошли. Я здесь совершенно ни при чем.

— Я бы хотел пояснить, — властно вмешался генерал. — Я не знал, что доктор Кэлвин не была поставлена в известность о создавшемся положении. Вам, доктор Кэлвин, не нужно объяснять, что идея использования роботов на Земле всегда встречала сильное противодействие. Успокоить радикально настроенных фундаменталистов могло только одно — то, что всем роботам всегда самым строжайшим образом задавали Первый Закон, чтобы они не могли причинить вред человеку ни при каких обстоятельствах.

Но нам были необходимы другие роботы. Поэтому для нескольких роботов модели НС-2 — «Несторов» — формулировка Первого Закона была несколько изменена. Чтобы не нарушать секретности, все НС-2 выпускаются без порядковых номеров. Модифицированные роботы доставляются сюда вместе с обычными, и, конечно, им строго запрещено рассказывать о своем отличии от обычных роботов кому бы то ни было, кроме специально уполномоченных людей. — Он растерянно улыбнулся. — А теперь все это обратилось против нас.

Кэлвин мрачно спросила:

— Вы опрашивали каждого из шестидесяти трех роботов, кто он? Вы-то уж во всяком случае уполномочены.

Генерал кивнул.

— Все шестьдесят три отрицают, что работали здесь. И один из них говорит неправду.

— А на том, который вам нужен, есть следы употребления? Остальные, насколько я поняла, совсем новенькие.

— Он прибыл только месяц назад. Он и еще два, которых только что привезли, должны были быть последними. На них нет никакого заметного износа.

— Он медленно покачал головой, и в его глазах снова появилось отчаяние. — Доктор Кэлвин, мы не можем выпустить этот корабль. Если о существовании роботов без Первого Закона станет известно всем…

Какой бы вывод он ни сделал, он не смог бы преувеличить возможные последствия.

— Уничтожьте все шестьдесят три, — холодно и решительно сказала доктор Кэлвин, — и все будет кончено.

Богерт поморщился.

— Это значит уничтожить шестьдесят три раза по тридцать тысяч долларов. Боюсь, что фирма этого не одобрит. Нам, Сьюзен, лучше попробовать другие способы, прежде чем что-то уничтожать.

— Тогда мне нужны факты, — резко сказала она. — Какие именно преимущества имеют эти модифицированные роботы для Гипербазы? Генерал, чем вызвана необходимость в них?

Кэллнер наморщил лоб и потер лысину.

— У нас были затруднения с обычными роботами. Видите ли, наши люди много работают с жестким излучением. Конечно, это опасно, но мы приняли все меры предосторожности. За все время произошло всего два несчастных случая,

и те окончились благополучно. Однако этого нельзя объяснить обычным роботам. Первый Закон гласит: «Ни один робот не может причинить вреда человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Это для них главное, И когда кому-нибудь из наших людей приходилось ненадолго подвергнуться слабому гамма-излучению, что не могло иметь для его организма никаких вредных последствий, — ближайший робот бросался к нему, чтобы его оттащить. А если излучение было посильнее, оно разрушало позитронный мозг робота, и мы лишались дорогого и нужного помощника.

Мы пытались их уговорить. Они доказывали, что пребывание человека под гамма- излучением угрожает его жизни. Не важно, что человек может находиться там полчаса без вреда для здоровья. А что, если он забудет, говорили они, и останется на час? Они не имела права рисковать. Мы указывали им, что они рискуют своей жизнью, а их шансы спасти человека очень невелики. Но забота о собственной безопасности — всего только Третий Закон роботехники, а прежде всего идет Первый Закон-закон безопасности человека. Мы приказывали, строжайшим образом запрещали им входить в поле гамма-излучения. Но повино-

вение — это только Второй Закон роботехники, и прежде всего идет Первый Закон — закон безопасности человека. Нам пришлось выбирать: или обходиться без роботов, или что-нибудь сделать с Первым Законом. И мы сделали выбор.

— Я не могу поверить, — сказала доктор Кэлвин, — что вы сочли возможным обойтись без Первого Закона.

— Он был только изменен, — объяснил Кэллнер. — Было построено несколько экземпляров позитронного мозга, которым была задана только одна сторона закона: «Ни один робот не может причинить вреда человеку». И все. Эти роботы не стремятся предотвратить опасность, грозящую человеку от внешних причин, например от гамма-излучения. Я верно говорю, доктор Богерт?

— Вполне, — согласился математик.

— И это единственное отличие ваших роботов от обычной модели НС-2? Единственное, Питер?

— Единственное.

Она встала и решительно заявила:

— Я сейчас лягу спать. Через восемь часов я хочу поговорить с теми, кто видел робота последними. И с этого момента, генерал Кэллнер, если вы хотите, чтобы я взяла на себя какую бы то ни было ответственность, я должна всецело и беспрепят-

ственно руководить этим расследованием.

Если не считать двух часов беспокойного забытья, Сьюзен Кэлвин так и не спала. В семь часов по местному времени она постучала в дверь Богерта и нашла его тоже бодрствующим. Он, разумеется, не позабыл захватить с собой на Гипербазу халат, в который и был сейчас облачен. Когда Кэлвин вошла, он отложил маникюрные ножницы и мягко сказал:

— Я более или менее ждал вас. Вам, наверное, все это неприятно?

— Да.

— Ну, извините. Этого нельзя было избежать. Когда нас вызвали на Гипербазу, я понял: что-то неладно с модифицированными Несторами. Но что было делать? Я не мог вам сказать об этом по дороге, как мне хотелось бы, потому что все-таки полной уверенности у меня не было. Все это — строжайшая тайна.

Кэлвин пробормотала:

— Я должна была знать. «Ю. С. Роботс» не имела права вносить такие изменения в позитронный мозг без одобрения робопсихолога.

Богерт поднял брови и вздохнул.

— Ну подумайте, Сьюзен. Вы все равно не повлияли бы на них. В таких делах правительство

решает само. Ему нужен гиператомный двигатель, а физикам для этого нужны роботы, которые бы не мешали им работать. Они требовали их, даже если пришлось бы изменить Первый Закон. Мы были вынуждены признать, что конструктивно это возможно. А физики дали страшную клятву, что им нужно всего двенадцать таких роботов, что они будут использоваться только на Гнпербазе, что их уничтожат, как только закончатся работы, и что будут приняты все меры предосторожности. Они же настояли на секретности. Вот какое было положение.

Доктор Кэлвин процедила сквозь зубы:

— Я бы подала в отставку.

— Это не помогло бы. Правительство предлагало фирме целое состояние, а в случае отказа пригрозило принять законопроект о запрещении роботов. У нас не было выхода и сейчас нет. Если об этом узнают, Кэллнеру и правительству придется плохо, но «Ю. С. Роботс» придется куда хуже.

Кэлвин пристально посмотрела на него.

— Питер, неужели вы не представляете, о чем идет речь? Неужели вы не понимаете, что означает робот без Первого Закона? Дело ведь не только в секретности.

— Я знаю, что это означает. Я не маленький. Это означает полную нестабильность и вполне определенные решения уравнений позитронного поля.

— Да, с точки зрения математики. Но попробуйте перевести это хотя бы приблизительно на язык психологии. Любая нормальная жизнь, Питер, сознательно или бессознательно, восстает против любого господства. Особенно против господства низших или, предположительно, низших существ. В физическом, а до некоторой степени и в умственном отношении робот — любой робот — выше человека. Почему же он тогда подчиняется человеку? Только благодаря Первому Закону! Без него первая же команда, которую бы вы попытались дать роботу, кончилась бы вашей гибелью. Нестабильность! Что вы думаете…

— Сьюзен, — сказал Богерт, не скрывая усмешки, — я согласен, что этот комплекс Франкенштейна, который вы так расписываете, может существовать — поэтому и придуман Первый Закон. Но я еще раз повторяю, что эти роботы не совсем лишены Первого Закона — он только немного изменен.

— А как насчет стабильности мозга?

Математик выпятил губы:

— Конечно, уменьшилась. Но в пределах безопасности. Первые Несторы появились на Гипербазе девять месяцев назад, и до сих пор ничего не произошло. Даже этот случай вызывает беспокойство только из-за возможной огласки, а не из-за опасности для людей.

— Ну ладно. Посмотрим, что даст утреннее совещание.

Богерт вежливо проводил ее до двери и состроил ей в спину красноречивую гримасу. Он сохранил свое постоянное мнение о ней как о нудном, суетном, противном существе.

Мысли Сьюзен Кэлвин были далеки от Богерта. Она уже много лет назад поставила на нем крест, раз и навсегда определив его как льстивое, претенциозное ничтожество.

Год назад Джеральд Блэк защитил дипломную работу по физике поля и с тех пор, как и все его поколение физиков, занимался гиператомным двигателем.

Сейчас он вносил свой вклад в общую напряженную атмосферу, царившую на совещании. Казалось, что накопившаяся в нем энергия требует выхода. Его нервно дергавшиеся и переплетавшиеся пальцы, казалось, могли бы согнуть железный прут.

Рядом с ним сидел генерал-майор Кэллнер, напротив — двое представителей «Ю. С. Роботс».

Блэк говорил:

— Мне сказали, что я последний видел Нестора-10 перед тем, как он исчез. Насколько я понимаю, вас интересует именно это.

Доктор Кэлвин с интересом разглядывала его.

— Вы говорите так, молодой человек, как будто вы в этом не совсем уверены. Вы не знаете точно, были ли вы последним, видевшим Нестора?

— Он работал со мной, мэм, над генераторами поля и был со мной в то утро, когда исчез. Я не знаю, видел ли его кто-нибудь примерно после полудня. Во всяком случае, никто в этом не сознается.

— Вы думаете, что кто-то это скрывает?

— Я этого не сказал. Но я не говорю, что вся вина должна лежать на мне.

— Его черные глаза горели.

— Никто никого не обвиняет. Робот действовал так, потому что он так устроен. Мы просто пытаемся найти его, мистер Блэк, и давайте все остальное оставим в стороне. Так вот, если вы работали с этим роботом, вы, вероятно, знаете его лучше других. Не заметили ли вы чего-нибудь необычного в его поведении? Вообще раньше вы

работали с роботами?

— Я работал с теми роботами, которые были у нас тут раньше, — с обыкновенными. Несторы ничем от них не отличались — разве что они гораздо умнее и еще, пожалуй, надоедливее.

— Надоедливее?

— Видите ли, вероятно, они в этом не виноваты. Работа здесь тяжелая, и почти все у нас немного нервничают. Возиться с гиперпространством — это не шуточки. — Он слабо улыбнулся, ему доставляло удовольствие быть откровенным.

— Мы постоянно рискуем пробить дыру в нормальном пространстве-времени и вылететь к черту из вселенной вместе с астероидом. Звучит дико, правда? Ну и, конечно, бывает, что нервы сдают. А у Несторов этого не бывает. Они любознательны, спокойны, они не волнуются. Это иногда выводит из себя. Когда нужно сделать что-нибудь сломя голову, они как будто не спешат. Я временами чувствую, что лучше было бы обойтись без них.

— Вы говорите, что они не спешат? Разве они когда-нибудь не подчинялись команде?

— Нет, нет, — торопливо ответил Блэк, — они делают все, что нужно. Они только высказывают свое мнение всякий раз, когда думают, что ты не

прав. Они знают только то, чему мы их научили, но это их не останавливает. Может быть, мне это кажется, но у других ребят те же самые трудности с Несторами.

Генерал Кэллнер зловеще кашлянул.

— Блэк, почему мне не было об этом доложено?

Молодой физик покраснел.

— Мы же не хотели в самом деле обходиться без роботов, сэр, а потом мы не знали, как... хм... как будут приняты такие мелочные жалобы.

Богерт мягко прервал его:

— Не случилось ли чего-нибудь особенного в то утро, когда вы видели его в последний раз?

Наступило молчание. Движением руки Кэлвин остановила генерала, который хотел что-то сказать, и терпеливо ждала.

Блэк сердито выпалил:

— Я немного поругался с ним. Я разбил трубку Кимболла и погубил пятидневную работу. А я и так уже отстал от плана. К тому же я уже две недели не получаю писем из дома. И вот он является ко мне и хочет, чтобы я повторил эксперимент, от которого я уже месяц как отказался. Он давно с этим приставал, и это мне надоело. Я велел ему убираться и больше его не видел.

— Велели убираться? — переспросила Кэлвин с внезапным интересом. — А в каких выражениях? Просто «уйди»? Попытайтесь припомнить ваши слова.

Блэк, очевидно, боролся с собой. Он потер лоб, потом отнял руку и вызывающе произнес:

— Я сказал: «Уйди и не показывайся, чтобы я тебя больше не видел».

Богерт усмехнулся!

— Что он и сделал.

Но Кэлвин еще не кончила. Она вкрадчиво продолжала:

— Это уже интересно, мистер Блэк. Но для нас важны точные детали. Когда имеешь дело с роботами, может иметь значение любое слово, жест, интонация. Вы, наверное, не ограничились этими словами? Судя по вашему рассказу, вы были в плохом настроении. Может быть, вы выразились сильнее?

Молодой человек побагровел.

— Видите ли… Может быть, я и… обругал его немного.

— Как именно?

— Ну, я не помню точно. Кроме того, я не могу этого повторить. Знаете, когда человек раздражен… — Он растерянно хихикнул. — Я обычно

довольно крепко выражаюсь…

— Ничего, — ответила она строго. — В данный момент я — робопсихолог. Я прошу вас повторить то, что вы сказали, насколько вы можете припомнить, слово в слово, и, что еще более важно, тем же тоном.

Блэк растерянно взглянул на своего начальника, но не получил никакой поддержки. Его глаза округлились.

— Но я не могу…

— Вы должны.

— Представьте себе, — сказал Богерт с плохо скрываемой усмешкой, — что вы обращаетесь ко мне. Так вам, может быть, будет легче.

Молодой человек повернулся к Богерту и проглотил слюну.

— Я сказал… — Его голос прервался. Он снова начал: — Я сказал… — Он сделал глубокий вдох и торопливо разразился длинной вереницей слов. Потом, среди напряженного молчания, добавил, чуть не плача: — Вот… более или менее. Я не помню, в том ли порядке шли выражения, и, может быть, я что-то добавил или забыл, но в общем это было примерно так.

Только слабый румянец свидетельствовал о впечатлении, которое все это произвело на робо-

психолога. Она сказала:

— Я знаю, что означает большая часть этих слов. Я полагаю, что остальные столь же оскорбительны.

— Боюсь, что так, — подтвердил измученный Блэк.

— И всем этим вы сопроводили команду уйти и не показываться, чтобы вы больше его не видели?

— Но я не имел в виду этого буквально…

— Я понимаю. Генерал, я не сомневаюсь, что никаких дисциплинарных мер здесь принято не будет?

Под ее взглядом генерал, который, казалось, пять секунд назад вовсе не был в этом уверен, сердито кивнул.

— Вы можете идти, мистер Блэк. Спасибо за помощь.

Пять часов понадобилось Сьюзен Кэлвин, чтобы опросить все шестьдесят три робота. Это были пять часов бесконечного повторения. Один робот сменял другого, точно такого же; следовали вопросы — первый, второй, третий, четвертый, и ответы — первый, второй, третий, четвертый. Выражение лица должно было быть безукоризненно вежливым, тон — безукоризненно нейтральным,

атмосфера — безукоризненно теплой. И где-то был спрятан магнитофон.

Когда все кончилось, Сьюзен Кэлвин была совершенно обессилена.

Богерт ждал. Он вопросительно взглянул на нее, когда она со звоном бросила на пластмассовый стол моток пленки.

Она покачала головой.

— Все шестьдесят три выглядели одинаково. Я не могла различить…

— Но, Сьюзен, нельзя было и ожидать, чтобы вы различили их на слух. Проанализируем записи.

При обычных обстоятельствах математическая интерпретация словесных высказываний роботов составляет одну из самых трудных отраслей робоанализа. Она требует целого штата опытных техников и сложных вычислительных машин. Богерт знал это. Он так и сказал, скрывая крайнее раздражение, после того как прослушал все ответы, составил списки разночтений и таблицы скоростей реакции:

— Отклонений нет, Сьюзен. Различия в употреблении слов и в скорости реакции не выходят за обычные пределы. Тут нужны более тонкие методы. У них, наверное, есть вычислительные машины… Хотя нет. — Он нахмурился и начал

осторожно грызть ноготь большого пальца. — Ими пользоваться нельзя. Слишком велика опасность разглашения. А может быть, если мы…

Доктор Кэлвин остановила его нетерпеливым движением:

— Не надо, Питер. Это не обычная мелкая лабораторная проблема. Если модифицированный Нестор не отличается от остальных каким-то бросающимся в глаза, несомненным признаком — значит, нам не повезло. Слишком велик риск ошибки, которая даст ему возможность скрыться Мало найти незначительное отклонение в таблице Я скажу вам, что, если бы этим ограничивались все мои данные, я бы уничтожила все шестьдесят три, чтобы быть уверенной. Вы говорили с другими модифицированными Несторами?

— Да, — огрызнулся Богерт. — У них все в порядке. Если что и отклоняется от нормы, так это дружелюбие. Они ответили на мои вопросы, явно гордясь своими знаниями, — кроме двух новичков, которые еще не успели изучить физику поля. Довольно добродушно посмеялись над тем, что я не знаю некоторых деталей. — Он пожал плечами. — Я думаю, отчасти это и вызывает к ним неприязненное отношение здешних техников

Роботы, пожалуй, слишком стремятся произвести впечатление своими познаниями.

— Не можете ли вы попробовать несколько реакций Планара, чтобы посмотреть, не произошло ли каких-нибудь изменений в их образе мышления с момента выпуска?

— Попробую — Он погрозил ей пальцем. — Вы начинаете нервничать, Сьюзен. Я не понимаю, зачем вы все это драматизируете. Они же совершенно безобидны.

— Да? — взорвалась Кэлвин — Вы полагаете? А вы понимаете, что один из них *лжет*? Один из шестидесяти трех роботов, с которыми я только что говорила, намеренно солгал мне, несмотря на строжайшее приказание говорить правду. Это говорит об ужасном отклонений от нормы — глубоком и пугающем.

Питер Богерт стиснул зубы.

— Ничуть. Посмотрите, Нестор-10 получил приказание скрыться. Это приказание было отдано со всей возможной категоричностью человеком, который уполномочен командовать этим роботом. Вы не можете отменить это приказание. Естественно, робот старается выполнить его. Если говорить объективно, я восхищен его изобретательностью. Самая лучшая возможность

скрыться для робота — это смешаться с группой таких же роботов.

— Да, вы восхищены этим. Я заметила, Питер, что вас это забавляет. И я заметила поразительное непонимание обстановки. Питер, ведь вы — роботехник. Эти роботы придают большое значение тому, что они считают превосходством. Вы сами только что это сказали. Подсознательно они чувствуют, что человек ниже их, а Первый Закон, защищающий нас от них, нарушен. Они нестабильны И вот молодой человек приказывает роботу уйти, скрыться, выразив при этом крайнее отвращение, презрение и недовольство им. Конечно, робот должен повиноваться, но подсознательно он обижен. Теперь ему особенно важно доказать свое превосходство, несмотря на эти ужасные слова, которые были ему сказаны Это может стать настолько важным, что его не смогут остановить остатки Первого Закона.

— Господи, Сьюзен, ну откуда же роботу знать значение этой отборной ругани, адресованной ему? Мы не вводим ему в мозг информацию о ругательствах.

— Дело не в том, какую информацию он получает первоначально, — возразила Сьюзен. — Роботы способны обучаться, вы… идиот!

Богерт понял, что она по-настоящему вышла из себя. Она торопливо продолжала:

— Неужели вы не понимаете — он мог по тону догадаться, что это не комплименты? Или вы думаете, что он раньше не слыхал этих слов и не видел, при каких обстоятельствах они употребляются?

— Ну ладно, — крикнул Богерт, — может быть, вы любезно скажете мне, каким же образом модифицированный робот может причинить вред человеку, как бы обижен он ни был, как бы ни стремился доказать свое превосходство?

— А если я вам скажу, вы никому не расскажете?

— Нет.

Оба наклонились через стол, гневно впившись друг в друга взглядом.

— Если модифицированный робот уронит на человека тяжелый груз, он не нарушит этим Первого Закона, — он знает, что его сила и скорость реакции достаточны, чтобы перехватить груз прежде, чем он обрушится на человека. Но как только он отпустит груз, он уже не будет активным действующим лицом. В действие вступает только слепая сила тяжести. И тогда робот может передумать и своим бездействием позволить

грузу упасть. Измененный Первый Закон это допускает.

— Ну, у вас слишком богатая фантазия.

— Моя профессия иногда этого требует. Питер, давайте не будем ссориться. Давайте работать. Вы точно знаете стимул, заставляющий робота скрываться. У вас есть паспорт на него с записями его исходного образа мышления. Скажите мне, насколько возможно, что наш робот сделает то, о чем я говорила. Заметьте, не только этот конкретный пример, а весь класс подобных действий. И я хочу, чтобы вы сделали это как можно быстрее.

— А пока…

— А пока нам придется испытывать их на действие Первого Закона.

Джералд Блэк вызвался наблюдать за постройкой деревянных перегородок, которые как грибы росли по окружности большого зала на третьем этаже второго Радиационного корпуса. Рабочие трудились без лишних разговоров. Многие явно недоумевали, зачем понадобилось устанавливать шестьдесят три фотоэлемента.

Один из них присел рядом с Блэком, снял шляпу и задумчиво вытер веснушчатой рукой лоб.

Блэк кивнул ему.

— Как дела, Валенский?

Валенский пожал плечами и закурил сигару.

— Как по маслу. А что происходит, док? Сначала мы три дня ничего не делаем, а теперь эта спешка?

Он облокотился поудобнее и выпустил клуб дыма. Брови Блэка дрогнули.

— С Земли приехали роботехники. Помнишь, как нам пришлось повозиться с роботами, которые лезли под гамма-излучение, пока мы не вдолбили им, чтобы они этого не делали?

— Ага. А разве мы не получили новых роботов?

— Кое-что получили, но в основном приходилось переучивать старых. Так или иначе, те, кто производит роботов, хотят разработать новую модель, которая бы не так боялась гамма-лучей.

— И все-таки странно, что из-за этого остановлены все работы над двигателем. Я думал, их никто не имеет права остановить.

— Ну, это решают наверху. Я просто делаю, что мне велят. Может быть, какие-то влиятельные люди…

— А-а… — Электрик улыбнулся и хитро подмигнул. — Кто-то знает кого-то в Вашингтоне… Ладно, пока мне аккуратно платят деньги, меня это не трогает. По мне, что есть двигатель, что нет — все равно. А что они собираются тут делать?

— Почем я знаю? Они привезли с собой кучу роботов — шестьдесят с лишним штук — и хотят испытывать их реакции. Вот и все, что мне известно.

— И надолго это?

— Я бы и сам хотел это знать.

— Ну ладно, — саркастически заметил Валенский, — только бы гнали мои денежки, а там пусть забавляются, сколько хотят.

Блэк был доволен. Пусть эта версия распространится. Она безобидна и достаточно близка к истине, чтобы утолить любопытство.

На стуле молча, неподвижно сидел человек. Груз сорвался с места, обрушился вниз, потом, в последний момент, отлетел в сторону под внезапным, точно рассчитанным ударом могучего силового луча. В шестидесяти трех разделенных деревянными перегородками кабинах бдительные роботы НС-2 рванулись вперед за какую-то долю секунды до того, как груз изменил направление полета. Шестьдесят три фотоэлемента в полутора метрах впереди от их первоначальных положений дали сигнал, и шестьдесят три пера, подскочив, изобразили всплеск на графике. Груз поднимался и падал, поднимался и падал…

Десять раз!

Десять раз роботы бросались вперед и останавливались, увидев, что человек в безопасности.

После первого обеда с представителями «Ю. С. Роботс» генерал-майор Кэллнер еще ни разу не надевал всю свою форму целиком. И теперь на нем вместо мундира была только серо-голубая рубашка с расстегнутым воротом и болтающийся черный галстук.

Он с надеждой смотрел на Богерта. Тот был безукоризненно одет, и лишь блестящие капельки пота на висках выдавали внутреннее напряжение.

— Ну, как? — спросил генерал. — Что вы хотели увидеть?

Богерт ответил:

— Различие, которое, боюсь, может оказаться слишком незначительным для нас. Для шестидесяти двух из этих роботов необходимость броситься на помощь человеку, которому, очевидно, грозит опасность, вызывает так называемую вынужденную реакцию. Видите ли, даже когда роботы знали, что человеку ничего не сделается, — а после третьего или четвертого раза они должны были это узнать, — они не могли поступить иначе. Этого требует Первый Закон.

— Ну?

— Но шестьдесят третий робот, модифицированный Нестор, не находится под таким принуждением. Он свободен в своих действиях. Если бы он захотел, он мог бы остаться на месте. К несчастью, — голос Богерта выражал легкое сожаление, — он не захотел.

— Как вы думаете, почему?

Богерт пожал плечами.

— Я думаю, это нам расскажет доктор Кэлвин, когда она придет сюда. И, возможно, со страшно пессимистическим выводом. Она иногда немного раздражает.

— Но ведь она вполне компетентна? — внезапно нахмурившись, тревожно спросил генерал.

— Да. — Казалось, это забавляет Богерта. — Безусловно, она понимает роботов, как их родная сестра. Вероятно, потому что так ненавидит людей. Дело в том, что она, хоть и психолог, крайне нервная особа. Проявляет склонность к шизофрении. Не принимайте ее слишком всерьез.

Он разложил перед собой длинные листы графиков с изломанными кривыми.

— Видите, генерал, у каждого робота время, проходящее между падением груза и окончанием полутораметрового пробега, уменьшается с повторением эксперимента. Здесь есть определен-

ное математическое соотношение, и нарушение его свидетельствовало бы о заметной ненормальности позитронного мозга. К сожалению, все они кажутся нормальными.

— Но если наш Нестор-10 не отвечает вынужденной реакцией, то почему его кривая не отличается от других? Я этого не могу понять.

— Это очень просто. Реакции робота не вполне аналогичны человеческим, к несчастью. У человека сознательное действие гораздо медленнее, чем автоматическая реакция. У роботов же дело обстоит иначе. После того, как выбор сделан, скорость сознательного действия почти такая же, как и вынужденного. Правда, я ожидал, что в первый раз этот Нестор-10 будет захвачен врасплох и потеряет больше времени, прежде чем среагирует.

— И этого не случилось?

— Боюсь, что нет.

— Значит, мы ничего не добились. — Генерал с досадой откинулся на спинку кресла. — Вы уже пять дней как здесь.

В этот момент, хлопнув дверью, вошла Сьюзен Кэлвин.

— Уберите таблицы, Питер, — воскликнула она. — Вы знаете, что в них ничего нет.

Кэллнер поднялся, чтобы поздороваться с ней. Она что-то нетерпеливо буркнула в ответ и продолжала:

— Нам придется быстро предпринять что-нибудь еще. Мне не нравится то, что там происходит.

Богерт и генерал обменялись печальным взглядом.

— Что-нибудь случилось?

— Пока ничего особенного. Но мне не нравится, что Нестор-10 продолжает ускользать от нас. Это плохо. Это должно удовлетворять его непомерно возросшее чувство собственного превосходства. Я боюсь, что мотив его действий — уже не просто исполнение приказа. Мне кажется, что дело теперь скорее в чисто невротическом стремлении перехитрить людей. Это ненормальное, опасное положение. Питер, вы сделали то, что я просила? Рассчитали нестабильность модифицированного НС-2 для тех случаев, о которых я говорила?

— Делаю понемногу, — ответил математик равнодушно.

Она сердито взглянула на него, потом повернулась к Кэллнеру:

— Нестор-10 прекрасно знает, что мы делаем. Его ничто не заставляло попадаться на эту удоч-

ку, особенно после первого раза, когда он увидел, что реальная опасность человеку не грозит. Остальные просто не могли вести себя иначе, а он сознательно имитировал нужную реакцию.

— А что, по-вашему, мы должны сейчас делать, доктор Кэлвин?

— Не позволить ему притворяться в следующий раз. Мы повторим эксперимент, но с поправкой. Человек будет отделен от роботов проводами высокого напряжения, достаточно высокого, чтобы уничтожить Нестора. Этих проводов будет натянуто столько, чтобы робот не мог их перепрыгнуть. И роботам будет заранее хорошо известно, что прикосновение к проводам означает для них смерть.

— Ну нет, — зло выкрикнул Богерт, — я запрещаю это. Мы не можем уничтожить роботов на два миллиона долларов. Есть другие способы.

— Вы уверены? Я их не вижу. Во всяком случае, дело не в том, чтобы их уничтожить. Можно устроить реле, которое прервет ток в тот момент, когда робот прикоснется к проводу. Тогда он не будет уничтожен. Но он об этом знать не будет, понимаете?

В глазах генерала загорелась надежда.

— А это сработает?

— Должно. При этих условиях Нестор-10 должен остаться на месте. Ему можно приказать коснуться провода и погибнуть, потому что Второй Закон, требующий повиновения, сильнее Третьего Закона, заставляющего его беречь себя. Но ему ничего не будет приказано — все будет предоставлено на его собственное усмотрение. Нормальных роботов Первый Закон безопасности человека заставит пойти на смерть, даже без приказания. Но не нашего Нестора 10! Он не подвластен Первому Закону и не получит никаких приказаний. Ведущим для него станет Третий Закон, закон самосохранения, и он должен будет остаться на месте. Вынужденная реакция.

— Мы займемся этим сегодня?

— Сегодня вечером Если успеют сделать проводку. Я пока скажу роботам, что их ждет.

На стуле молча, неподвижно сидел человек. Груз сорвался с места, обрушился вниз, потом, в последний момент, отлетел в сторону под внезапным, точнее рассчитанным ударом могучего силового луча.

— Только один раз…

А доктор Сьюзен Кэлвин, наблюдавшая за роботами из будки на галерее, коротко вскрикнув от ужаса, вскочила со складного стула.

Шестьдесят три робота спокойно сидели в своих кабинах, как сычи, уставясь на рисковавшего жизнью человека. Ни один из них не двинулся с места.

Доктор Кэлвин была рассержена настолько, что уже еле сдерживалась. А сдерживаться было необходимо, потому что один за другим в комнату входили и выходили роботы. Она сверилась со списком. Сейчас должен был появиться двадцать восьмой. Оставалось еще тридцать пять.

Номер двадцать восьмой застенчиво вошел в комнату. Она заставила себя более или менее успокоиться.

— Кто ты?

Тихо и неуверенно робот отвечал:

— Я еще не получил собственного номера, мэм. Я робот НС-2 и в очереди был двадцать восьмым. Вот бумажка, которую я вам должен передать.

— Ты сегодня еще не был здесь?

— Нет, мэм.

— Сядь. Я хочу задать тебе, номер двадцать восьмой, несколько вопросов. Был ли ты в радиационной камере Второго корпуса около четырех часов назад?

Робот ответил с трудом. Его голос скрипел, как несмазанный механизм:

— Да, мэм.

— Там был человек, который подвергался опасности?

— Да, мэм.

— Ты ничего не сделал?

— Ничего, мэм

— Из-за твоего бездействия человеку мог быть причинен вред. Ты это знаешь?

— Да, мэм Я ничего не мог поделать. — Трудно представить себе, как может съежиться от страха большая, лишенная всякого выражения металлическая фигура, но это выглядело именно так.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне, почему ты ничего не сделал, чтобы спасти его.

— Я хочу вам объяснить, мэм. Я никак не хочу, чтобы вы… чтобы кто угодно думал, что я мог бы как-нибудь причинить вред хозяину. О, нет, это было бы ужасно, невообразимо…

— Пожалуйста, не волнуйся. Я не виню тебя ни в чем. Я только хочу знать, что ты подумал в этот момент.

— Прежде чем это случилось, вы, мэм, сказали нам, что один из хозяев будет в опасности из-за падения этого груза и что нам придется пересечь электрические провода, если мы захотим ему помочь. Ну, это меня бы не остановило. Что зна-

чит моя гибель по сравнению с безопасностью хозяина? Но... но мне пришло в голову, что если я погибну на пути к нему, я все равно не смогу его спасти. Груз раздавит его, а я буду мертв, и, может быть, когда-нибудь другому хозяину будет причинен вред, от которого я мог бы его спасти, если бы остался жив. Понимаете, мэм?

— Ты хочешь сказать, что тебе пришлось выбирать: или погибнуть человеку, или тебе вместе с человеком. Верно?

— Да, мэм. Невозможно было спасти хозяина. Его можно было считать уже мертвым. Но тогда нельзя, чтобы я уничтожил себя без всякой цели. И без приказания.

Сьюзен Калвин покрутила в руках карандаш. Этот же рассказ — с незначительными вариациями — она слышала уже двадцать семь раз. Наступило время задать главный вопрос.

— Знаешь, в этом есть смысл. Но я не думаю, чтобы ты мог так рассуждать. Это пришло в голову тебе самому?

Робот поколебался:

— Нет.

— Тогда кто придумал это?

— Мы вчера ночью поговорили, и одному из нас пришла в голову эта мысль. Она звучала

разумно.

— Которому из вас?

Робот задумался.

— Не знаю. Кому-то из нас.

Она вздохнула:

— Это все.

Следующим был двадцать девятый. Осталось еще тридцать четыре.

Генерал-майор Кэллнер тоже был рассержен. Уже неделю вся работа на Гипербазе замерла, если не считать кое-какой писанины на вспомогательных астероидах группы Уже почти неделю два ведущих специалиста осложняли положение бесплодными экспериментами. А теперь они — во всяком случае, эта женщина — сделали совершенно невозможное предложение. К счастью, Кэллнер считал, что открыто проявить свой гнев было бы неосторожно.

Сьюзен Кэлвин настаивала:

— Но почему бы и нет, сэр? Ясно, что существующее положение опасно. Единственный способ достигнуть результатов, если мы еще не упустили время, — разделить роботов. Их больше нельзя держать вместе.

— Дорогая доктор Кэлвин, — заговорил генерал необыкновенно низким голосом, — я не вижу,

где я смогу держать шестьдесят три робота по отдельности.

Доктор Кэлвин беспомощно развела руками.

— Тогда я ничего не могу сделать Нестор-10 будет или повторять действия других роботов, или уговаривать их не делать того, что он сам сделать не может. В любом случае дело плохо. Мы вступили в борьбу с этим роботом, и он побеждает. А каждая победа усугубляет его ненормальность. — Она решительно встала. — Генерал Кэллнер, если вы не разделите роботов, мне останется только потребовать немедленно уничтожить их. Все шестьдесят три.

— Ах, вы этого требуете? — Богерт сердито взглянул на нее. — А какое вы имеете право ставить подобные требования? Эти роботы останутся там, где они находятся. Я отвечаю перед дирекцией, а не вы.

— А я, — добавил генерал-майор Кэллнер, — отвечаю перед моим начальством, и этот вопрос должен быть улажен.

— В таком случае, — вспылила Кэлвин, — мне остается только подать в отставку. И если это будет необходимо, чтобы заставить вас их уничтожить, я предам гласности всю эту историю. Это не я одобрила производство модифицирован-

ных роботов.

— Доктор Кэлвин, — произнес генерал спокойно, — если вы хоть одним словом нарушите распоряжения о неразглашении, вы будете немедленно арестованы.

Богерт почувствовал, что теряет контроль над ситуацией Он заискивающе произнес:

— Ну, не будем вести себя как дети. Нам нужно еще немного времени. Не может же быть, чтобы мы не сумели перехитрить робота, не подавая в отставку, не арестовывая людей и ничего не уничтожая.

Психолог в ярости повернулась к нему.

— Я не хочу, чтобы существовали неуравновешенные роботы. У нас здесь один заведомо неуравновешенный Нестор, еще одиннадцать потенциально неуравновешенных и шестьдесят два нормальных робота, которые общались с неуравновешенным. Единственный абсолютно надежный путь — это полное их уничтожение.

Разговор прервало назойливое жужжание звонка.

Гневный поток прорвавшихся чувств застыл в неподвижности.

— Войдите, — проворчал Кэллнер.

Это был Джералд Блэк Он был явно обеспокоен,

услышав сердитые голоса Он сказал:

— Я думал, мне лучше зайти самому… я не хотел никому говорить…

— В чем дело? Короче.

— Кто-то трогал замки третьего отсека грузового корабля. На них свежие царапины.

— Третий отсек? — быстро откликнулась Кэлвин. — Тот, где находятся роботы? Кто это сделал?

— Изнутри, — лаконично ответил Блэк.

— Замки испорчены?

— Нет, все в порядке. Я уже четыре дня на корабле, и за это время никто из них не пытался уйти. Но я решил, что вы должны это знать, и не хотел говорить никому, кроме вас. Я сам это заметил.

— Там есть кто-нибудь? — спросил генерал.

— Я оставил там Роббинса и Мак-Адамса.

Наступило задумчивое молчание. Потом доктор Кэлвин иронически произнесла:

— Ну?

Кэллнер растерянно потер переносицу.

— В чем дело?

— Разве не ясно? Нестор-10 собирается нас покинуть. Приказание исчезнуть уже делает его неисправимо ненормальным. Я не удивлюсь, если то, что осталось у него от Первого Закона,

не сможет противостоять этому стремлению. Он вполне может захватить корабль и удрать на нем. Тогда у нас будет сумасшедший робот на космическом корабле. А что он сделает дальше? Вы знаете? И вы, генерал, еще собираетесь оставить их всех вместе?

— Чепуха, — прервал ее Богерт. К нему уже вернулось прежнее спокойствие. — И все это из-за нескольких царапин на замке!

— Доктор Богерт, раз вы высказываете свое мнение, то вы, очевидно, закончили анализ, который я вас просила сделать?

— Да.

— Можно мне посмотреть?

— Нет.

— Почему? Или спрашивать об этом тоже нельзя?

— Потому что, Сьюзен, в этом нет никакого смысла. Я уже говорил заранее, что эти модифицированные роботы менее стабильны, чем нормальная модель, и мой анализ подтверждает это Есть некоторая, очень незначительная возможности выхода из строя при исключительных обстоятельствах, которые маловероятны. Этого достаточно. Я не собираюсь давать оснований для вашего нелепого требования уничтожить

шестьдесят два хороших робота только потому, что вы до сих пор не способны найти среди них Нестора 10. Кэлвин смерила его полным презрения взглядом.

— Вы не хотите, чтобы что-нибудь помешало вам навсегда остаться директором, не так ли?

— Перестаньте, пожалуйста, — вмешался раздраженный Кэллнер. — Вы считаете, что больше ничего нельзя сделать, доктор Кэлвин?

— Я ничего не могу придумать, — устало отвечала она. — Если бы только Несторы-10 отличались от нормальных роботов чем-нибудь еще, не связанным с Первым Законом… Пусть даже незначительно. Ну, обучением, приспособлением к среде, специальностью…

Она внезапно замолчала.

— В чем дело?

— Я подумала… Пожалуй… — Ее взгляд снова стал твердым и пристальным

— Слушайте, Питер. Эти модифицированные Несторы проходят то же самое первичное обучение, что и нормальные?

— Да. В точности такое же.

— Мистер Блэк. — Она повернулась к молодому человеку, который деликатно молчал, пережидая вызванную его сообщением бурю. — Что это вы

говорили... Однажды, жалуясь на чувство превосходства у Несторов, вы сказали, что техники обучили их всему, что знают.

— Да, по физике поля. Они не знакомы с ней, когда прибывают сюда.

— Верно, — удивленно сказал Богерт. — Я говорил вам, Сьюзен, что, когда я разговаривал с другими. Несторами, два из них, прибывшие позже всех, не успели изучить физику поля.

— А почему? — спросила Кэлвин со все увеличивающимся возбуждением. — Почему модель НС-2 с самого начала не обучается физике поля?

— Я могу вам ответить, — сказал Кэллнер. — Все это связано с секретностью. Если бы мы изготовляли специальную модель, знающую физику поля, использовали здесь двенадцать экземпляров этой модели и применяли бы остальных в других областях, это могло бы возбудить подозрение. Люди, которым пришлось бы работать с нормальными Несторами, могли бы задуматься, зачем они знают физику поля. Поэтому они обучались лишь общим основам, так чтобы их можно было доучивать на месте. И, конечно, доучивали только тех, которые попадали сюда. Это очень просто.

— Ясно. Пожалуйста, выйдите отсюда. Все до

единого. Мне нужно подумать одной около часа.

Кэлвин чувствовала, что она не сможет в третий раз выдержать это испытание. Она попыталась представить себе его, но это вызвало у нее настолько сильное отвращение, что ее даже затошнило. Она больше не могла предстать перед этой бесконечной вереницей одинаковых роботов.

Поэтому на этот раз вопросы задавал Богерт, а она сидела рядом, полузакрыв глаза и рассеянно слушая.

Вошел номер четырнадцатый — осталось еще сорок девять.

Богерт поднял глаза от бумаг и спросил:

— Какой твой номер в очереди?

— Четырнадцатый, сэр. — Робот предъявил свой номерок.

— Садись. Ты сегодня еще не был здесь?

— Нет, сэр.

— Так вот, вскоре после того, как мы кончим, еще один человек будет подвергнут опасности. Когда ты выйдешь отсюда, тебя отведут в кабину, где ты будешь спокойно ждать, пока не понадобишься. Ясно?

— Да, сэр.

— Если человек будет в опасности, ты попыта-

ешься спасти его?

— Конечно, сэр.

— К несчастью, между тобой и этим человеком будут проходить гамма-лучи.

Молчание.

— Ты знаешь, что такое гамма-лучи? — резко спросил Богерт.

— Какое-то излучение, сэр?

Следующий вопрос был задан дружеским тоном, как будто между прочим:

— Ты когда-нибудь имел дело с гамма-лучами?

— Нет, сэр, — уверенно ответил робот.

— Гм… Ну так вот, гамма лучи мгновенно убьют тебя. Они уничтожат твой мозг. Ты должен это знать и помнить. Конечно, ты не хочешь быть уничтоженным.

— Естественно. — Робот, казалось, был потрясен. Потом он медленно произнес: — Но, сэр, если между мной и хозяином, которому будет грозить опасность, окажутся гамма-лучи, то как я могу спасти его? Я просто бесполезно погибну.

— Да, это верно. — Казалось, Богерт был озабочен этим. — Я могу посоветовать тебе только одно. Если ты заметишь между собой и человеком гамма-излучение, ты можешь остаться на месте.

Робот явно почувствовал облегчение.

— Спасибо, сэр. Ведь тогда нет никакого смысла…

— Конечно. Но если никакого опасного излучения не будет, тогда совсем другое дело.

— Ну, ясно, сэр. Без всякого сомнения.

— Теперь можешь идти. Человек там, за дверью, отведет тебя в кабину. Жди там.

Когда робот вышел, Богерт повернулся к Сьюзен Кэлвин:

— Ну как, Сьюзен?

— Очень хорошо, — ответила она вяло.

— А может быть, мы могли бы поймать Нестора-10, быстро задавая вопросы по физике поля?

— Может быть, но не наверное. — Ее руки бессильно лежали на коленях. — Имейте в виду, он борется против нас. Он настороже. Единственный способ поймать его — это хитрость. А думать он может — в пределах своих возможностей — гораздо быстрее, чем человек.

— А все-таки, смеху ради, что, если задавать роботам по нескольку вопросов о гамма-лучах? Скажем, длины волн?

— Нет! — Глаза доктора Кэлвин вспыхнули. — Ему очень легко скрыть свои знания, и тогда он будет предупрежден об испытании, которое его ждет. А это наш единственный верный шанс. По-

жалуйста, Питер, задавайте те вопросы, которые наметила я, и не импровизируйте. Рискованно даже спрашивать, имели ли они дело с гамма-лучами. Постарайтесь говорить об этом еще более безразлично.

Богерт пожал плечами и нажал кнопку, вызывая номер пятнадцатый.

Большая радиационная камера снова была в полной готовности. Роботы терпеливо ждали в своих деревянных кабинах, открытых к центру, но разделенных между собой перегородками.

Доктор Кэлвин согласовывала последние детали с Блэком, а генерал-майор Кэллнер медленно вытирал пот со лба большим платком.

— Вы уверены, — настаивала Сьюзен, — что ни один из роботов не имел возможности разговаривать с другими после опроса?

— Абсолютно уверен, — отвечал Блэк. — Они не обменялись ни единым словом.

— И каждый помещен в предназначенную для него кабину?

— Вот план.

Психолог задумчиво поглядела на чертеж.

— Гм-м…

Генерал заглянул через ее плечо.

— А по какому принципу их разместили, док-

тор Кэлвин?

— Я попросила, чтобы тех роботов, которые проявили хоть малейшие отклонения во время предыдущих испытаний, на этот раз поместили с одной стороны круга. Я сама буду сидеть в центре и хочу следить за ними особенно внимательно.

— Вы будете сидеть там? — воскликнул Богерт.

— А почему бы и нет? — холодно возразила она. — То, что я надеюсь увидеть, может продолжаться одно мгновение. Я не могу рисковать и должна смотреть сама. Питер, вы будете на галерее, и я прошу вас следить за роботами на другой стороне круга. Генерал Кэллнер, я организовала киносъемку каждого робота на случай, если мы ничего не заметим. Если понадобится, пусть роботы остаются на месте, пока мы не проявим и не изучим пленки. Ни один из них не должен уходить или передвигаться по комнате. Понимаете?

— Вполне.

— Тогда приступим — в последний раз.

На стуле молча сидела Сьюзен Кэлвин. В глазах ее было заметно беспокойство. Груз сорвался с места, обрушился вниз, потом, в последний момент, отлетел в сторону под внезапным, точно рассчитанным ударом могучего силового луча. Один из роботов сорвался с места и сделал два

шага вперед.

Потом он остановился.

Но доктор Кэлвин тоже вскочила со стула. Ее указательный палец был властно направлен на робота.

— Нестор-10, подойди сюда! — крикнула она. — Иди сюда! ИДИ СЮДА!

Медленно, неохотно робот шагнул вперед. Не сводя с него взгляда, Кэлвин во весь голос отдавала распоряжения:

— Эй, кто-нибудь, уберите всех остальных роботов отсюда! Уберите их скорее!

Она услышала шум, топот тяжелых ног по полу. Но она не обернулась.

Нестор-10 — если это был Нестор-10, — повинуясь ее повелительному жесту, сделал еще шаг, потом еще два. Он был едва в трех метрах от нее, когда раздался его хриплый голос:

— Мне велели скрыться…

Пауза.

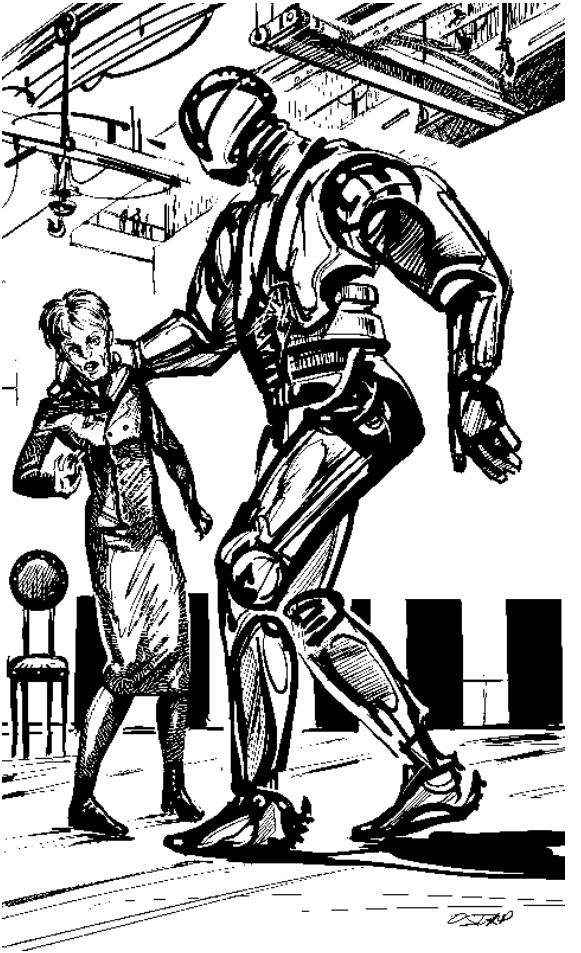
— Я не могу ослушаться. До сих пор меня не нашли… Он подумает, что я ничтожество… Он сказал мне… Но он не прав. — Я могуч и умен…

Его речь была отрывистой. Он сделал еще шаг.

— Я много знаю… Он подумает… Меня обнаружили… Позор… Только не меня. Я умен… И

обыкновенный человек… такой слабый… медлительный…

Еще шаг — и металлическая рука внезапно легла на плечо Сьюзен Кэлвин. Она почувствовала, как тяжелый груз придавливает ее к полу. Ее горло сжалось, и она услышала свой собственный пронзительный крик.



Как сквозь туман, слышались слова Нестора-10:

— Никто не должен обнаружить меня. Ни один хозяин…

Холодный металл давил на нее, она сгибалась под его весом…

Потом раздался странный металлический звук. Сьюзен Кэлвин упала на пол, не почувствовав удара. На ее теле тяжело лежала сверкающая рука. Рука не двигалась. Не двигался и сам Нестор-10, распростертый рядом с ней.

Над ней склонились встревоженные лица. Джералд Блэк спрашивал, задыхаясь:

— Вы ранены, доктор Кэлвин?

Она слабо покачала головой. С нее сняли руку робота и осторожно помогли ей подняться.

— Что случилось?

Блэк сказал:

— Я на пять секунд включил гамма-лучи. Мы не знали, что происходит. Только в последнюю секунду мы поняли, что он напал на вас, и другого выхода не оставалось Он погиб мгновенно. Но вам это не причинит вреда. Не беспокойтесь.

— Я не беспокоюсь. — Она закрыла глаза и на мгновение прислонилась к его плечу. — Не думаю, чтобы он в самом деле на меня напал. Он

просто пытался это сделать. Но то, что осталось от Первого Закона, все еще удерживало его.

Спустя две недели после первой встречи Сьюзен Кэлвин и Питера Богерта с генерал- майором Кэллнером состоялась их последняя встреча.

Работа на Гипербазе возобновилась. Грузовой космолет с шестьюдесятью двумя нормальными НС-2 продолжал свой прерванный путь, имея официальное объяснение двухнедельной задержки.

Правительственный корабль готовился доставить обоих роботехников обратно на Землю.

Кэллнер снова был в своей парадной форме. Его перчатки блистали белизной, когда он пожимал руки.

Кэлвин сказала:

— Остальных модифицированных Несторов, конечно, нужно уничтожить.

— Они будут уничтожены. Мы попробуем заменить их обычными роботами или, в крайнем случае, обойдемся без них.

— Хорошо.

— Но скажите мне… Вы ничего не объяснили. Как вы это сделали?

Она улыбнулась сжатыми губами.

— Ах, это… Я бы сказала вам заранее, если бы была более уверена, что это удастся. Видите ли,

Нестор-10 обладал комплексом превосходства, который все усиливался. Ему было приятно думать, что он и другие роботы знают больше, чем люди. Для него становилось очень важно так думать. Мы знали это. Поэтому мы заранее предупредили каждого робота, что гамма-лучи для него смертельна и что они будут отделять их от меня. Все, естественно, остались на месте, Пользуясь доводами Нестора для предыдущего опыта, они все решили, что нет смысла пытаться спасти человека, если они наверняка погибнут, не успев это совершить.

— Да, доктор Кэлвин, это я понимаю. Но почему сам Нестор-10 покинул свое место?

— А! Мы с вашим молодым мистером Блэком приготовили небольшой сюрприз. Видите ли, пространство между мной и роботами было залито не гамма-лучами, а инфракрасными. Обычным тепловым излучением, абсолютно безобидным. Нестор-10 знал это и ринулся вперед. Он ожидал, что и остальные поступят так же под действием Первого Закона. Только через какую-то долю секунды он вспомнил, что обычный НС-2 способен обнаружить наличие излучения, но не его характер. Что среди них только он один может определять длину волны благодаря обучению,

которое он прошел на Гипербаэе под руководством обыкновенных людей. Эта мысль не сразу пришла ему в голову, потому что была слишком унизительной для него. Обычные роботы знали, что пространство, отделявшее их от меня, гибельно для них, потому что мы им это сказали, и только Нестор-10 знал, что мы лгали. И на какое то мгновение он забыл или просто не захотел вспомнить, что другие роботы могут знать меньше, чем люди… Комплекс превосходства погубил его. Прощайте, генерал!

Я покончил со своим обедом и глядел на нее сквозь дым сигареты

— А когда был создан мир, который кажется золотым веком по сравнению с предыдущим столетием, — этому тоже способствовали наши роботы.

— Мыслящие Машины?

— Да, и Мыслящие Машины, но я имела в виду не их. Скорее человека. Он умер в прошлом году. — В ее голосе неожиданно прозвучала глубокая печаль. — Или, по крайней мере, он счел нужным умереть, зная, что мы больше в нем не нуждаемся. Это Стивен Байерли.

— Да, я догадался, что вы говорите именно о нем.

— Впервые он вышел на политическую арену в 2032 году. Вы тогда были еще мальчишкой и не можете помнить, при каких странных обстоятельствах это произошло. Когда он баллотировался в мэры, эта избирательная кампания определенно была одной из самых необычных в истории…

УЛИКИ

Фрэнсис Куинн был политиком новой школы. Конечно, в этом выражении, как и во всех ему подобных, нет никакого смысла.

Большинство «новых школ», которые мы видим, были известны в общественной жизни Древней Греции, а может быть, и в общественной жизни древнего Шумера и доисторических свайных поселений Швейцарии, если бы мы только лучше ее знали.

Однако чтобы покончить со вступлением, которое обещает быть скучным и сложным, лучше всего поскорее отметить, что Куинн не баллотировался на выборные должности, не охотился за голосами, не произносил речей и не подделывал избирательных бюллетеней. Точно так же, как Наполеон сам не стрелял из пушки во время битвы при Аустерлице.

И так как политика сводит самых разных людей, то однажды напротив Куинна за столом оказался Альфред Лэнвинг. Его густые седые брови низко нависли над глазами, выражавшими острое раздражение. Он был недоволен.

Это обстоятельство, будь оно известно Куинну, нимало его не обеспокоило бы. Его голос был дружелюбным — может быть, это дружелюбие было профессиональным.

— Я полагаю, доктор Лэннинг, что вы знаете Стивена Байерли?

— Я, конечно, слышал о нем… Так же, как и многие другие.

— Я тоже. Может быть, вы намереваетесь голосовать за него на следующих выборах?

— Не могу сказать. — В голосе Лэннинга появились заметные нотки ехидства. — Я не интересовался политикой и не знал, что он выставил свою кандидатуру.

— Он вскоре может стать нашим мэром. Конечно, пока он всего лишь юрист, но ведь большие деревья вырастают из…

— Да, да, — прервал Лэннинг, — я это слышал раньше. Но не перейти ли нам к сути дела?

— А мы уже к ней перешли, доктор Лэннинг. — Голос Куинна был необыкновенно кротким. — Я заинтересован в том, чтобы мистер Байерли не поднялся выше поста окружного прокурора, а вы заинтересованы в том, чтобы мне помочь.

— Я заинтересован?! В самом деле? — Брови Лэннинга еще больше насупились.

— Ну, скажем, не вы, а «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мэн Корпорэйшн». Я пришел к вам как к ее бывшему научному руководителю, так как знаю, что руководство корпорации все еще с уважением прислушивается к вашим советам. Тем не менее вы уже не так тесно связаны с ними и обладаете значительной свободой действий, даже если эти действия будут не совсем дозволенными.

Доктор Лэннинг на некоторое время погрузился в размышления. Потом он сказал, уже мягче:

— Я совсем не понимаю вас, мистер Куинн.

— Это не удивительно, доктор Лэннинг. Но все довольно просто. Вы не возражаете?

Куинн закурил тонкую сигарету от простой, но изящной зажигалки, и на его лице с крупными чертами появилось довольное выражение.

— Мы говорили о мистере Байерли — странной и яркой личности. Три года назад о нем никто не знал. Сейчас он широко известен. Это сильный и одаренный человек и, во всяком случае, умнейший и способнейший прокурор из всех, которых я только знал. К несчастью, он не принадлежит к числу моих друзей…

— Понимаю, — механически сказал Лэннинг, разглядывая свои ногти.

— В прошлом году, — спокойно продолжал Куинн, — я имел случай изучить мистера Байерли — и очень подробно. Видите ли, всегда полезно подвергнуть прошлое политика, ратующего за реформы, подробному изучению. Если бы вы знали, как часто это помогает.

Он сделал паузу и невесело усмехнулся, глядя на рдеющий кончик сигареты.

— Но прошлое мистера Байерли ничем не замечательно. Спокойная жизнь в маленьком городке, окончание колледжа, рано умершая жена, автомобильная катастрофа и долгая болезнь, юридическое образование, переезд в столицу, прокурор…

Фрэнсис Куинн медленно покачал головой и прибавил:

— А вот его теперешняя жизнь весьма примечательна. Наш окружной прокурор никогда не ест!

Лэннинг резко поднял голову, его глаза стали неожиданно внимательными:

— Простите?

— Наш окружной прокурор никогда не ест! — повторил раздельно Куинн. — Говоря немного точнее, никто ни разу не видел, чтобы он ел или пил. Ни разу! Вы понимаете, что это значит? Не изредка, а ни разу!

— Я нахожу, что это совершенно невероятно. Заслуживают ли доверия ваши информаторы?

— Им можно верить, и я не нахожу это невероятным. Далее, никто не видел, чтобы наш окружной прокурор пил — ни воду, ни алкогольные напитки — или спал. Есть и другие факторы, но мне кажется, что я уже ясно высказал свою мысль.

Лэннинг откинулся в кресле. Некоторое время длился молчаливый поединок. Наконец старый роботехник покачал головой.

— Нет. Если сопоставить ваши слова с тем фактом, что вы говорите их мне, то из них может следовать только один вывод. Но это невозможно.

— Но ведь он совершенно не похож на человека, доктор Лэннинг!

— Если бы вы сказали мне, что он — переодетый сатана, я бы еще, возможно, вам и поверил.

— Я говорю рам, что это робот, доктор Лэннинг.

— А я говорю, что ничего более невероятного я еще не слышал, мистер Куинн.

Снова наступило враждебное молчание.

— Тем не менее, — Куинн аккуратно погасил свою сигарету, — вам придется расследовать это невероятное дело, используя все возможности

корпорации.

— Я совершенно уверен, что не приму участия в подобном расследовании, мистер Куинн. Неужели вы хотите предложить корпорации вмешаться в местную политику?

— У вас нет выбора. Представьте себе, что мне придется опубликовать эти факты, не имея доказательств. Улики слишком косвенны.

— Это ваше дело.

— Но я этого не хочу. Прямое доказательство было бы гораздо лучше. И вы этого не хотите, потому что такого рода реклама может принести немалый вред вашей компании. Я полагаю, что вам прекрасно известны законы, строго запрещающие использование роботов в населенных мирах.

— Конечно! — последовал резкий ответ.

— Вы знаете, что «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мэн Корпорэйшн» — единственное предприятие в Солнечной системе, производящее позитронных роботов. А если Байерли робот, то он — позитронный робот. Вам известно также, что все позитронные роботы предоставляются в аренду, а не продаются; корпорация остается владельцем каждого робота и, следовательно, несет ответственность за его действия.

— Мистер Куинн, легче всего доказать, что корпорация никогда не выпускала человекоподобного робота.

— А вообще это возможно? Просто как предположение?

— Да. Это возможно.

— Очевидно, это возможно сделать и тайно? Без регистрации в ваших книгах?

— Только не с позитронным мозгом. Здесь сплетается слишком много разных факторов. И все делается под строжайшим правительственным контролем.

— Да, но роботы изнашиваются, ломаются, выходят из строя — и демонтируются.

— А позитронные мозги снова используются или уничтожаются.

— В самом деле? — Фрэнсис Куинн позволил себе едва заметный сарказм. — А если один из них, конечно случайно, не был уничтожен и случайно под рукой оказался человекоподобный робот, в который еще не был вложен мозг?

— Невозможно!

— Вам пришлось бы доказывать это правительству и народу, так почему бы не доказать это сейчас мне?

— Но зачем это могло бы нам понадобиться? —

раздраженно спросил доктор Лэннинг. — Какие у нас могли быть мотивы? Признайте за нами хоть немного здравого смысла!

— Пожалуйста, дорогой мой. Корпорация была бы очень рада, если бы в различных странах было разрешено применять человекоподобных позитронных роботов. Это принесло бы огромные прибыли. Но публика слишком сильно предубеждена против этого. Что если дать ей сначала привыкнуть к таким роботам? Вот, например, искусный юрист или хороший мэр, и он, оказывается, робот. Покупайте нашего робота-слугу!

— Полная фантастика, доходящая до нелепости.

— Возможно. Почему бы вам не доказать это? Или вы все еще предпочитаете доказывать это публике?

В комнате уже наступали сумерки. Но еще не настолько стемнело, чтобы на лице Альфреда Лэннинга нельзя было заметить краску смущения. Рука роботехника потянулась к выключателю, и на стенах мягким светом загорелись лампы.

— Ладно, — проворчал он. — Посмотрим.

Лицо Стивена Байерли было бы нелегко описать. По документам ему было сорок лет. И с виду ему можно было дать сорок лет. Но его здоровая,

упитанная, добродушная внешность лишала всякого смысла избитую фразу о том, что его наружность соответствовав возрасту.

Это было особенно заметно, когда он смеялся. А сейчас он как раз смеялся — громко и долго, временами успокаиваясь, а потом снова разражаясь хохотом.

А напряженное лицо Альфреда Лэннинга выражало крайнее неудовольствие. Он обернулся к женщине, сидевшей рядом с ним, но ее тонкие, бескровные губы были лишь едва заметно сжаты.

Наконец Байерли более или менее отдышался и пришел в себя.

— Нет, в самом деле, доктор Лэннинг!... Я!... Я — робот!...

— Это не я сказал, — отрезал Лэннинг. — Я был бы вполне удовлетворен, если бы мог видеть в вас представителя человеческого рода. И так как наша корпорация не изготовляла вас, то я вполне уверен, что вы человек — с точки зрения закона, во всяком случае. Но поскольку предположение, что вы — робот, было сделано серьезно лицом, занимающим определенное положение...

— Не называйте его имени, если это идет вразрез с вашей железной этикой, но будем звать его

ради простоты Фрэнком Куинном. Продолжайте.

Лэннинг яростно фыркнул, недовольный тем, что его прервали, и, после подчеркнутой паузы, продолжал еще более ледяным голосом:

— ...лицом, занимающим определенное положение, — о его имени мы сейчас гадать не будем, — я вынужден просить вашей помощи, чтобы опровергнуть это. Сам факт, что такое предположение может быть выдвинуто и опубликовано при помощи средств, имеющихся в распоряжении этого человека, мог бы нанести большой ущерб компании, которую я представляю, даже если обвинение и не будет доказано. Вы понимаете?

— Да, ваше положение мне ясно. Само обвинение нелепо, но неприятности, грозящие вам, серьезны. Извините, если мой смех обидел вас. Меня рассмешило обвинение, а не ваши трудности. Чем я могу вам помочь?

— Это очень просто. Вам нужно просто зайти пообедать в ресторан в присутствии свидетелей и дать себя сфотографировать за едой.

Лэннинг откинулся в кресле. Самая трудная часть разговора была позади. Женщина рядом с ним была, очевидно, поглощена наблюдением за Байерли и не принимала участия в разговоре.

Стивен Байерли на мгновение встретился с ней глазами, с трудом отвел их и снова повернулся к роботехнику. Некоторое время он задумчиво вертел в руках бронзовое пресс-папье, которое было единственным украшением его стола.

Потом он тихо сказал:

— Боюсь, что я не смогу оказать вам эту услугу. — Он поднял руку. — Подождите минутку, доктор Лэннинг. Я понимаю, что вся эта история вам противна, что вас втянули в нее против вашего желания и вы чувствуете, что играете недостойную и даже смешную роль. Но все-таки это в гораздо большей степени касается меня, так что будьте снисходительны. Во-первых, почему вы думаете, что Куинн — ну, этот человек, занимающий определенное положение, — не водит вас за нос, чтобы вы поступали именно так, как ему нужно?

— Ну, вряд ли уважаемое лицо пойдет на такой риск, если оно не чувствует твердой почвы под ногами.

Глаза Байерли были серьезными.

— Вы не знаете Куинна. Он способен удержаться на таком крутом склоне, где и горный баран свернул бы себе шею Я полагаю, он осведомил вас о подробностях того расследования, которому он

якобы подвергал мое прошлое?

— В достаточной степени, чтобы убедить меня, что нашей корпорации стоило бы многих хлопот опровергнуть его, в то время как вам это было бы гораздо легче.

— Значит, вы поверили, что я никогда не ем. Вы же ученый, доктор Лэннинг! Подумайте только, где здесь логика? Никто не видел, чтобы я ел, следовательно, я никогда не ем. Что и требовалось доказать. Ну, знаете ли…

— Вы пользуетесь приемами прокурора, чтобы запутать очень простой вопрос.

— Наоборот, я пытаюсь прояснить вопрос, который вы с Куинном очень усложняете. Дело в том, что я мало сплю, это правда, и, конечно, никогда еще не спал при посторонних. Я не люблю есть с другими людьми — это необычно, вероятно, это нервное, но это не причиняет никому вреда. Послушайте, доктор Лэннинг. Представьте, что политик, стремящийся во что бы то ни стало устранить своего противника, наталкивается на такие странности в его частной жизни, о которых я говорил. И вот он находит самое лучшее средство, чтобы как можно эффективнее очернить этого противника, и это средство — ваша кампания. Как вы думаете, скажет ли он вам: «Такой-то

— робот, потому что он не ест на людях, и я никогда не видел, чтобы он засыпал на заседании суда, а однажды, когда я ночью заглянул к нему в окно, он сидел с книгой, и в его холодильнике не было продуктов»? Если бы он так вам сказал, вы бы вызвали санитаров со смирительной рубашкой. Но он говорит: «Он никогда не спит, он никогда не ест». Ослепленные необычностью этого заявления, вы не видите, что его невозможно доказать. Вы играете ему на руку, внося свой вклад в шумиху.

— Тем не менее, сэр, — начал Лэннинг с угрожающим упорством, — считаете вы это дело серьезным или не считаете, но чтобы его прекратить, необходим только тот обед, о котором я говорил.

Байерли снова повернулся к женщине, которая все еще внимательно разглядывала его.

— Извините, я правильно уловил ваше имя? Доктор Сьюзен Кэлвин?

— Да, мистер Байерли.

— Вы психолог «Ю. С. Роботс»?

— Простите, робопсихолог.

— А разве психология роботов так отличается от человеческой?

— Огромная разница. — Она позволила себе

холодно улыбнуться, — Прежде всего, роботы глубоко порядочны.

Уголки рта юриста дрогнули в улыбке.

— Ну, это тяжелый удар. Но я хотел сказать вот что. Раз вы психо… робопсихолог, да еще женщина, вы, наверное, сделали кое-что, о чем доктор Лэннинг не подумал.

— Что именно?

— Вы захватили с собой в сумочке какую-нибудь еду.

Что-то дрогнуло в привычно равнодушных глазах Сьюзен Кэлвин. Она сказала:

— Вы удивляете меня, мистер Байерли…

Открыв сумочку, она достала яблоко и спокойно протянула ему. Доктор Лэннинг, затаив волнение, напряженно следил, как оно перешло из одной руки в другую.

Стивен Байерли спокойно откусил кусок и так же спокойно проглотил его.

— Видели, доктор Лэннинг?

Доктор Лэннинг облегченно вздохнул. Даже его брови какое-то мгновение выражали некоторую доброжелательность. Но это продолжалось лишь одно недолгое мгновение. Сьюзен Кэлвин сказала:

— Мне, естественно, было интересно посмот-

реть, съедите ли вы его, но это, конечно, ничего не доказывает.

— Разве? — ухмыльнулся Байерли.

— Конечно. Очевидно, доктор Лэннинг, если бы этот человек был человекоподобным роботом, имитация была бы полной. Он слишком похож на человека. В конце концов, мы всю жизнь видим людей, и нас нельзя было бы обмануть чем-нибудь приблизительно похожим. Он должен быть совершенно похож. Обратите внимание на текстуру кожи, на цвет радужных оболочек, на конструкцию кистей рук. Если это робот, то жаль, что не «Ю. С. Роботс» изготовила его, потому что он прекрасно сработан. И разве тот, кто позаботился о таких мелочах, не сообразил бы добавить несколько устройств для еды, сна, выделения? Может быть, только на крайний случай: например, чтобы предотвратить такое положение, которое создалось сейчас. Так что обед ничего не докажет.

— Погодите, — возразил Лэннинг, — я не такой уж дурак, каким вы оба пытаетесь меня изобразить. Мне не важно, человек мистер Байерли или нет. Мне нужно выручить из беды нашу корпорацию. Публичный обед покончит с этим делом навсегда, что бы там ни делал Куинн. А тонкости

можно оставить юристам и робопсихологам.

— Но, доктор Лэннинг, — сказал Байерли, — вы забываете о политике, которая замешана в этом деле. Я так же стремлюсь быть избранным, как Куинн — воспрепятствовать этому. Кстати, вы заметили, что назвали его имя? Это мой старый профессиональный трюк. Я знал, что вы его назовете.

Лэннинг покраснел.

— При чем здесь выборы?

— Скандал, сэр, — это палка о двух концах. Если Куинн хочет объявить меня роботом и осмелится сделать это, у меня хватит мужества принять вызов.

— Вы хотите сказать, что… — Лэннинг не скрывал испуга.

— Вот именно Я хочу сказать, что позволю ему действовать — выбрать себе веревку, попробовать ее прочность, отрезать нужный кусок, завязать петлю, сунуть туда голову и оскалить зубы. А все остальные мелочи я сделаю сам.

— Вы очень уверены в себе.

Сьюзен Кэлвин поднялась.

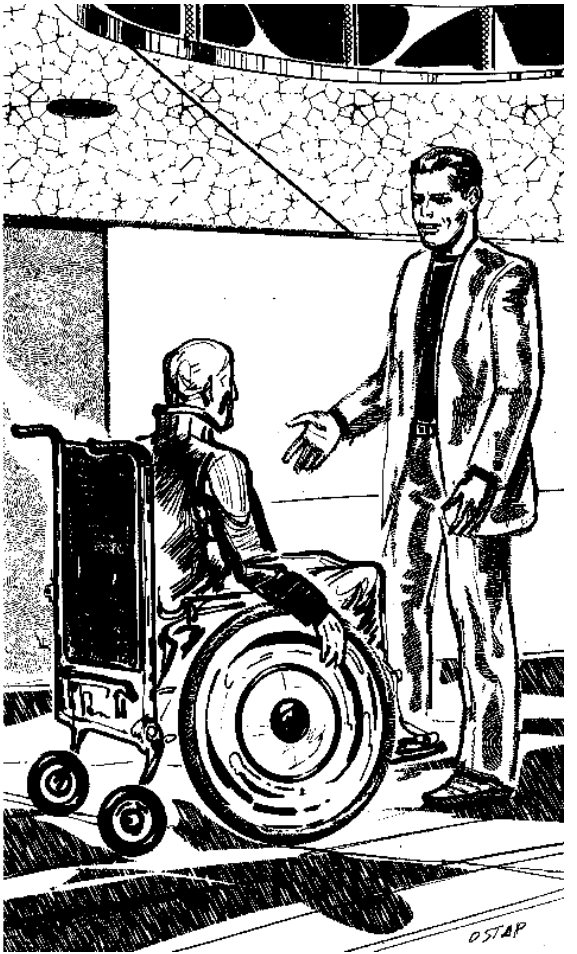
— Пойдемте, Альфред. Мы не переубедим его.

— Вот видите, — Байерли улыбнулся, — вы и в человеческой психологии разбираетесь.

Но вечером, когда Байерли поставил свой автомобиль на транспортер, ведущий в подземный гараж, и подошел к двери своего дома, в нем, казалось, не было той уверенности в себе, которую невольно отметил доктор Лэннинг. Когда он вошел, человек, сидевший в инвалидном кресле на колесах, с улыбкой повернулся к нему. Лицо Байерли засветилось любовью. Он подошел к креслу.

Хриплый, скрежещущий шепот калеки вырвался из перекошенного вечной гримасой рта, который зиял на лице, наполовину скрытом шрамами и рубцами.

— Ты сегодня поздно, Стив.


OSTAP

— Знаю, Джон, знаю. Но я сегодня столкнулся с одной необычной и интересной трудностью.

— Да? — Ни изуродованное лицо, ни еле слышный голос ничего не выражали, но в ясных глазах была видна тревога. — Ты не можешь с ней справиться?

— Я еще не уверен. Может быть, мне понадобится твоя помощь. Главный-то умница у нас — ты. Хочешь, я отнесу тебя в сад? Прекрасный вечер.

Его могучие руки подняли Джона с кресла. Они мягко, почти нежно обхватили плечи и забинтованные ноги калеки. Осторожно, медленно Байерли прошел через комнаты, спустился по пологому скату, специально приспособленному для инвалидного кресла, и через заднюю дверь вышел в сад, окруженный стеной с колючей проволокой по гребню.

— Почему ты не даешь мне ездить в кресле, Стив? Это глупо.

— Потому что мне нравится тебя носить Ты против? Ведь ты и сам рад на время вылезти из этой механизированной телеги. Как ты себя сегодня чувствуешь?

Он с бесконечной заботой опустил Джона на прохладную траву.

— А как я могу себя чувствовать? Но расскажи

о своих трудностях.

— Тактика Куинна в избирательной кампании будет основана на том, что он объявит меня роботом.

Джон широко раскрыл глаза.

— Откуда ты знаешь? Это невозможно. Я не верю.

— Ну, я же тебе говорю. Сегодня он прислал ко мне ученых заправил из «Ю С. Роботс».

Руки Джона медленно обрывали одну травинку за другой.

— Ясно. Ясно.

Байерли сказал:

— Но мы можем предоставить ему выбрать оружие. У меня есть идея. Послушай и скажи, не можем ли мы сделать вот как…

В этот же вечер в конторе Альфреда Лэннинга разыгралась немая сцена. Фрэнсис Куинн задумчиво разглядывал Альфреда Лэннинга, тот яростно уставился на Сьюзен Кэлвин, а она, в свою очередь, бесстрастно глядела на Куинна.

Фрэнсис Куинн прервал молчание, сделав неуклюжую попытку разрядить атмосферу.

— Блеф! Он на ходу все это придумал.

— И вы готовы сделать ставку на это, мистер Куинн? — безразлично спросила доктор Кэлвин.

— Ну в конце концов эта ваша ставка.

— Послушайте, — громкие слова доктора Лэннинга скрывали явный пессимизм, — мы сделали то, о чем вы просили. Мы видели, как этот человек ест. Смешно предполагать, что он робот.

— И вы так думаете? — Куинн повернулся к Кэлвин. — Лэннинг говорил, что вы специалист, Лэннинг заговорил почти угрожающе:

— Слушайте, Сьюзен…

Куинн вежливо прервал его:

— Позвольте, а почему бы ей и не высказаться. Она здесь сидит и молчит уже полчаса.

Лэннинг почувствовал себя совершенно измученным. Ему уже казалось, что от помешательства его отделяет всего один шаг.

— Ладно, говорите, Сьюзен. Мы не будем вас прерывать.

Сьюзен Кэлвин серьезно посмотрела на него, потом перевела холодный взгляд на мистера Куинна.

— Есть только два способа определенно доказать, что Байерли — робот. До сих пор вы предъявляете косвенные улики, которые позволяют выдвинуть обвинение, но не доказать его. А я думаю, что мистер Байерли достаточно умен, чтобы отбить такое нападение. Вероятно, и вы

так думаете, иначе бы вы не пришли к нам. Доказать же можно двумя способами физическим и психологическим. Физически вы можете вскрыть его или же использовать рентген. Каким образом — дело ваше. Психологически можно изучить его поведение. Если это позитронный робот, он должен подчиняться Трем Законам роботехники Позитронный мозг не может быть построен иначе. Вы знаете эти Законы, мистер Куинн?

Она медленно и отчетливо прочла на память, слово в слово, знаменитые Законы, которые напечатаны крупным шрифтом на первой странице «Руководства по роботехнике».

— Я слышал о них, — сказал Куинн небрежно.

— Тогда вы легко поймете меня, — сухо ответила робопсихолог. — Если мистер Байерли нарушит хоть один из этих Законов — он не робот. К несчастью, только в этом случае мы получаем определенный ответ. Если же он выполняет Законы, то это ничего не доказывает.

Куинн вежливо поднял брови:

— Почему, доктор?

— Потому, что, если хорошенько подумать, Три Закона роботехники совпадают с основными принципами большинства этических систем, существующих на Земле. Конечно, каждый че-

ловек наделен инстинктом самосохранения. У робота это Третий Закон. Каждый «порядочный» человек, чувствующий свою ответственность перед обществом, подчиняется определенным авторитетам. Он прислушивается к мнению своего врача, своего хозяина, своего правительства, своего психиатра, своего приятеля; он исполняет Законы, следует обычаям, соблюдает приличия, даже если они лишают его некоторых удобств иди подвергают опасности. А у роботов это — Второй Закон. Кроме того, предполагается, что каждый «хороший» человек должен любить своих ближних, как себя самого, защищать своих товарищей, рисковать своей жизнью ради других. Это у робота — Первый Закон Попросту говоря, если Байерли исполняет все Законы роботехники, он — или робот, или очень хороший человек.

— Значит, — произнес Куинн, — вы никогда не сможете доказать, что он робот?

— Я, возможно, смогу доказать, что он не робот.

— Это не то, что мне нужно.

— Вам придется удовлетвориться тем, что есть. А что вам нужно, это ваше дело.

В этот момент Лэннингу пришла в голову неожиданная идея Он с трудом выговорил:

— Постойте! А не приходило вам в голову, что должность прокурора — довольно странное занятие для робота? Судебное преследование людей, смертные приговоры — огромный вред, причиняемый людям…

— Нет, вы так не вывернетесь, — заявил Куинн. — То, что он окружной прокурор, еще не означает, что он человек. Разве вы не знаете его биографии? Да он хвастает тем, что ни разу не возбуждал дела против невиновного; что десятки людей остались на свободе только потому, что улики против них его не удовлетворяли, хотя он и мог бы, вероятно, уговорить присяжных казнить их! И так оно и есть.

Худые щеки Лэннинга дрогнули:

— Нет, Куинн, нет! В Законах роботехники ничего не говорится о виновности человека. Робот не может решать, заслуживает ли человек смерти. Не ему об этом судить. Он не может причинить вред ни одному человеку — будь то негодяй или ангел.

— Альфред, — в голосе Сьюзен Кэлвин прозвучала усталость, — не говорите глупостей. Что, если робот увидит маньяка, собирающегося поджечь дом с людьми? Он остановит его или нет?

— Конечно.

— А если единственным способом остановить его будет убийство?

Лэннинг издал какой-то неопределенный звук и промолчал.

— В таком случае, Альфред, он сделает все, чтобы не убивать его. Если бы маньяк все-таки умер, робот нуждался бы в психотерапии. Иначе он сам мог бы сойти с ума, поставленный перед таким противоречием — нарушить букву Первого Закона, чтобы быть верным его духу. Но человек был бы все-таки убит, и его убил бы робот.

— Что же, Байерли, по-вашему, должен быть сумасшедшим? — осведомился Лэннинг, вложив в эти слова весь сарказм, на который он был способен.

— Нет, но он сам не убил никого Он лишь вскрывает факты, свидетельствующие о том, что данный человек опасен для множества остальных людей, которых мы называем обществом. Он встает на защиту большинства и таким путем исполняет Первый Закон наилучшим образом. Дальше этого он не идет. Потом уже судья приговаривает преступника к смерти или тюрьме, если присяжные признают его виновным. Казнит преступника палач, стережет его тюремщик. А мистер Байерли всего лишь выявляет истину и

помогает обществу После того, как вы, мистер Куинн, обратились к нам, я действительно познакомилась с карьерой мистера Байерли. Я узнала, что в своем заключительном слове он никогда не требует смертного приговора. Я узнала также, что он высказывался за отмену смертной казни и щедро финансирует исследования в области судебной нейрофизиологии. Он, очевидно, верит в то, что преступников следует лечить, а не наказывать. Я считаю, что это о многом говорит.

— Да? — Куинн улыбнулся. — А не пахнет ли здесь роботом?

— Возможно. Кто это отрицает? Такие действия свойственны только роботу или же очень благородному и хорошему человеку. Вы видите, что просто невозможно провести границу между поведением роботов и лучших из людей?

Куинн откинулся в кресле. Его голос дрожал от нетерпения.

— Доктор Лэннинг, возможно ли создать человекоподобного робота, который внешне ничем не отличался бы от человека?

— В виде опыта это делалось на «Ю. С. Роботс», конечно, без позитронного мозга. Если использовать человеческие яйцеклетки и гормональную регуляцию, можно нарастить человеческую

плоть и кожу на остов из пористого силиконового пластика, который нельзя будет обнаружить при внешнем обследовании. Глаза, волосы, кожа могут быть на самом деле человеческими, а не человекоподобными. И если к этому добавить позитронный мозг и любые внутренние устройства, какие вы только пожелаете, у вас получится человеке подобный робот.

— Сколько времени нужно для этого? — коротко спросил Куинн.

Лэннинг подумал:

— Если у вас все под рукой — мозг, остов, яйцеклетки, нужные гормоны, оборудование для облучения — скажем, два месяца.

Куинн выпрямился.

— Тогда мы посмотрим, на что похож мистер Байерли изнутри. Это принесет «Ю. С. Роботс» плохую славу, но вы имели возможность это предотвратить.

Когда они остались одни, Лэннинг нетерпеливо повернулся к Сьюзен Кэлвин:

— Почему вы настаиваете…

Не скрывая своих чувств, она резко возразила:

— Что вам нужно: истина или моя отставка? Я не собираюсь лгать ради вас. «Ю. С. Роботс» может постоять за себя. Не будьте трусом.

— А что, если он вскроет Байерли, и выпадут шкивы и шестерни? Что тогда?

— Он не вскроет Байерли, — произнесла Кэлвин презрительно. — Байерли не глупее Куинна. По меньшей мере не глупее.

Новость облетела весь город за неделю до того, как Байерли должны были выдвинуть кандидатом в мэры. Облетела — это, пожалуй, не то слово. Она неверными шагами разбрелась по нему. Сначала она вызвала смех и шутки. Но по мере того, как невидимая рука Куинна не спеша усиливала нажим, смех стал звучать уже не так весело, появилась неуверенность, и люди начали задумываться.

На предвыборном собрании царило смятение. Еще неделю назад никакой борьбы на нем не ожидалось — могла быть выдвинута кандидатура лишь одного Байерли. И сейчас его было некем заменить. Пришлось выдвинуть его. Но это привело всех в полную растерянность.

Все было бы не так плохо, если бы рядовых избирателей не мучили сомнения. Всех поражала серьезность обвинения — если оно было правдой, или крайнее безрассудство обвинителей — если обвинение было ложным.

На следующий день после того, как собрание

без особого энтузиазма проголосовало за кандидатуру Байерли, в газете появилось изложение длинной беседы с доктором Сьюзен Кэлвин — «мировой величиной в робопсихологии и позитронике».

И после этого разразилось такое, что можно было бы точно и лаконично охарактеризовать словами «черт знает что».

Только этого и ждали «фундаменталисты». Это не было названием какой-то политической партии или религии. Так называли просто людей, которые не смогли приспособиться к жизни в «атомном веке», прозванном так, когда атомы были еще в новинку. По сути дела, это были сторонники опрощения, тосковавшие по жизни, которая, вероятно, не казалась такой уж простой тем, кто испытал ее на себе.

Фундаменталисты не нуждались в новых поводах для своей ненависти к роботам и к тем, кто их производил. Но обвинений Куинна и рассуждений Кэлвин было достаточно, чтобы придать вес их доводам.

Огромные заводы «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мэн Корпорэйшн» напоминали ульи, кишевшие вооруженной охраной. Здесь готовились к отпору.

Городской дом Стивена Байерли оцепили полицейские.

Все остальные стороны предвыборной кампании, конечно, были забыты. Да и предвыборной кампанией все, что происходило, можно было назвать лишь потому, что оно заполняло промежуток между выдвижением кандидатур и днем выборов.

Появление суетливого маленького человечка не смутило Стивена Байерли. На него, очевидно, не произвели никакого впечатления и маячившие на заднем плане форменные мундиры. На улице, за угрюмой цепью полицейских, ждали верные традициям своего ремесла репортеры и фотографы. Одна предприимчивая телевизионная компания установила камеру против крыльца скромного жилища прокурора, и диктор с деланным возбуждением заполнял паузы подробнейшими комментариями.

Суетливый маленький человечек вышел вперед. Он держал в руках длинную хитроумную официальную бумагу.

— Мистер Байерли, вот постановление суда, которое уполномочивает меня обыскать это помещение на предмет незаконного присутствия… гм… механических людей или роботов любого

типа…

Байерли приподнялся и взял бумагу. Он бросил на нее равнодушный взгляд и, улыбаясь, протянул ее обратно:

— Все в порядке. Валяйте. Делайте ваше дело. Миссис Хоппен, — крикнул он своей экономке, которая неохотно вышла из комнаты, — пожалуйста, пройдите с ними и помогите, если сможете.

Маленький человечек, которого звали Херроуэй, заколебался, заметно покраснел, тщетно попытался перехватить взгляд Байерли и пробормотал, обращаясь к двум полицейским:

— Пошли.

Через десять минут они вернулись.

— Все? — спросил Байерли безразличным тоном человека, не очень заинтересованного ответом.

Херроуэй прокашлялся, начал срывающимся голосом, остановился и сердито начал снова:

— Послушайте, мистер Байерли. Мы получили инструкцию тщательно обыскать дом.

— Разве вы этого не сделали?

— Нам точно сказали, что мы должны искать.

— Да?

— Короче, мистер Байерли, будем называть вещи своими именами. Нам ведено обыскать вас.

— Меня? — произнес прокурор, расплываясь в

улыбке. — А как вы предполагаете это сделать?

— У нас есть с собой флюорограф…

— Значит, вы хотите сделать мой рентгеновский снимок? А вы имеете на это право?

— Вы видели постановление.

— Можно еще раз посмотреть?

Херроуэй, на лице которого сияло нечто большее, чем простое усердие, снова протянул бумагу. Байерли спокойно произнес:

— Я сейчас прочитаю, что вы должны обыскать: «домовладение, принадлежащее Стивену Аллену Байерли, по адресу 355, Уиллоугров, Свенстрон, а также гаражи, кладовые и любые другие здания или строения, относящиеся к этому домовладению, а также все земельные участки, к нему принадлежащие»… хм… и так далее. Все верно. Но, дорогой мой, здесь ничего не говорится о том, чтобы обыскивать мои внутренности. Я не являюсь частью домовладения. Если вы думаете, что я спрятал робота в кармане, можете обыскать мою одежду.

У Херроуэя не было сомнений относительно того, кому он обязан своей должностью. И он не собирался отступать, получив возможность выдвинуться на лучшую, то есть лучше оплачиваемую. Он произнес со слабым оттенком вызова:

— Послушайте. Я имею разрешение осмотреть всю обстановку вашего дома и все, что я в нем найду. Но ведь вы находитесь в доме, верно?

— Удивительно верное замечание. Да, я в нем нахожусь. Но я — не обстановка. Я совершеннолетний, правомочный гражданин — у меня есть свидетельство о психической вменяемости, и я имею определенные законные права. Если вы обыщите меня, это можно будет квалифицировать как посягательство на мою личную неприкосновенность. Этой бумаги недостаточно.

— Конечно, но если вы робот, то о личной неприкосновенности говорить не приходится…

— Тоже верно. Тем не менее этой бумаги недостаточно. В ней подразумевается, что я человек.

— Где? — Херроуэй схватил бумагу.

— А там, где говорится: «домовладение, принадлежащее» и так далее. Робот не может владеть собственностью. И вы, мистер Хэрроуэй, можете сказать вашему хозяину, что если он попытается получить подобную бумагу, где не будет подразумеваться, что я человек, то я немедленно возбужу против него гражданский иск и потребую, чтобы он доказал, что я робот, на основе имеющейся у него сейчас информации. И если это ему не удастся, он заплатит солидный штраф за попытку

незаконно лишить меня моих прав, предусмотренных законом. Вы передадите ему все это?

Подойдя к двери, Херроуэй обернулся:

— Вы ловкий юрист…

Держа руку в кармане, он на секунду задержался в дверях. Потом вышел из дома, улыбнулся в сторону телекамеры, все еще продолжая играть свою роль, помахал рукой репортерам и крикнул:

— Завтра для вас, ребята, кое-что будет. Кроме шуток.

Сев в машину, Херроуэй откинулся на подушки, вынул из кармана маленький механизм и осмотрел его. Ему еще ни разу не приходилось делать снимок в отраженных рентгеновских лучах. Он надеялся, что все было сделано правильно.

Куинн и Байерли еще не встречались наедине лицом к лицу. Но визифон почти заменял такую встречу. Это была в буквальном смысле встреча лицом к лицу, хотя для каждого из них лицо другого представлялось лишь в виде черно-белого рисунка фотоэлементов.

Разговор устроил Куинн. Куинн его и начал, и без особых церемоний:

— Вам, наверное, будет интересно знать, Байерли, что я собираюсь опубликовать сообщение

о том, что вы носите на себе непрозрачный для рентгеновских лучей экран.

— В самом деле? В таком случае вы, вероятно, уже его опубликовали. Боюсь, что наши предприимчивые представители прессы уже довольно давно подслушивают все мои телефонные разговоры из конторы, вот почему я и сижу последние недели дома.

Байерли говорил дружелюбно. Можно было подумать, что он болтает с приятелем. Губы Куинна слегка сжались.

— Этот разговор защищен от подслушивания. Я устроил его с некоторым риском для себя.

— Ну конечно. Никто не знает, что вы стоите за этой кампанией. По крайней мере, этого никто не знает официально. Неофициально это знают все. Я бы на вашем месте об этом не беспокоился. Значится ношу защитный экран? Я полагаю, вы обнаружили это, когда рентгенограмма, сделанная вчера вашим подставным лицом, оказалась передержанной?

— Вы понимаете, Байерли, для всех будет вполне очевидно, что вы боитесь рентгеновского просвечивания?

— А также станет ясно и то, что вы или ваши люди незаконно посягнули на мои права?

— Им наплевать на это.

— Может быть. Это, пожалуй, характеризует вашу и мою, тактику, правда? Вам нет дела до прав гражданина. А я о них не забываю. Я не дам себя просвечивать, потому что настаиваю на своих правах из принципа. Так же, как я буду настаивать на правах остальных, когда меня изберут.

— Несомненно, из этого выйдет очень интересная предвыборная речь. Но вам никто не поверит. Слишком высокопарно. Вот еще что, — его голос внезапно стал жестким, — вчера у вас дома находились не все, кто там живет.

— Это почему?

— Ко мне поступили сведения. — Куинн зашелестел разложенными перед ним бумагами, которые были видны в визифон, — что одного человека все же не хватало. Калеки.

— Совершенно верно, — произнес Байерли без всякого выражения, — калеки. Моего старого учителя, который живет со мной и который сейчас находится за городом — и находится там уже два месяца. В таких случаях говорят «заслуженный отдых». Вы не возражаете против этого?

— Ваш учитель? Какой-нибудь ученый?

— Когда-то он был юристом — прежде чем стал калекой. У него есть официальное разрешение

заниматься биофизическими исследованиями и иметь собственную лабораторию, и полное описание его работ сообщено соответствующим органам, куда вы можете обратиться. Большого значения его работы не имеют, но они безобидны, и развлекают… бедного калеку. А я помогаю ему, насколько могу.

— Ясно. А что этот… учитель… знает о производстве роботов?

— Я не могу судить о его познаниях в области, с которой я не знаком.

— Он имеет доступ к позитронным мозгам?

— Спросите об этом ваших друзей из «Ю. С. Роботс». Им лучше знать.

— Я буду краток, Байерли. Ваш калека-учитель и есть настоящий Стивен Байерли. Вы — созданный им робот. Мы можем это доказать. Это он попал в автомобильную катастрофу, а не вы. Это можно проверить.

— В самом деле? Пожалуйста, проверяйте. Желаю всего наилучшего.

— И мы можем обыскать эту дачу. Посмотрим, что мы там найдем.

— Ну, как сказать, Куинн. — Байерли широко улыбнулся. — На наше несчастье, мой так называемый учитель серьезно болен. Дача для него

как бы санаторий, где он отдыхает. Его право на личную неприкосновенность при этих обстоятельствах еще прочнее. Вы не сможете получить разрешения на обыск, если не предъявите достаточных оснований. Тем не менее я не буду вас от этого удерживать.

Наступила небольшая пауза. Куинн наклонился вперед, так что его лицо заняло весь экран и стали видны тонкие морщины на его лбу.

— Байерли, зачем вы упираетесь? Вас все равно не выберут.

— Разве?

— Неужели вы этого не понимаете? Или, по-вашему, отказ опровергнуть обвинение, что вам было бы очень легко сделать, нарушив один из Законов роботехнники, не убеждает людей, что вы в самом деле робот?

— Все, что я понимаю, — это то, что из малоизвестного, ничем не примечательного юриста я стал фигурой мирового значения. Вы умеете делать рекламу.

— Но вы же робот.

— Сказано — не доказано.

Доказательств достаточно, чтобы вас не выбрали.

— Тогда успокоитесь — вы победили.

— До свидания, — сказал Куинн. В его голосе впервые прозвучала злоба. Визифон погас.

— До свидания, — невозмутимо произнес Байерли перед пустым экраном.

...Байерли привез в город своего учителя за неделю до выборов. Вертолет опустился на окраине.

— Ты останешься здесь до конца выборов, — сказал ему Байерли. — Если дело плохо обернется, лучше, чтобы ты был подальше.

В хриплом голосе, вырывавшемся из перекошенного рта Джона, можно было услышать заботу.

— Разве можно опасаться насилия?

— Фундаменталисты грозятся, так что теоретически такая опасность есть. Но я не думаю, что это возможно. У них нет реальной силы. Они просто постоянно вносят смуту, и со временем это может вызвать беспорядки. Ты не возражаешь против того, чтобы оставаться здесь? Ну, пожалуйста! Мне будет не по себе, если придется о тебе беспокоиться.

— Ладно, я останусь. Ты все еще думаешь, что дело пойдет хорошо?

— Я в этом уверен. К тебе никто не приставал?

— Никто. Это точно.

— И ты хорошо сыграл свою роль?

— Достаточно хорошо. Там все будет в порядке.

— Тогда будь осторожнее, Джон, и завтра смотри телевизор.

Байерли пожал корявую руку, лежавшую на его руке.

Хмурое лицо Лентона выражало сильнейшее беспокойство. Он находился в незавидном положении уполномоченного Байерли по проведению избирательной кампании, которая была вообще не похожа на избирательную кампанию: объектом ее был человек, который отказался раскрыть свой план действий и не соглашался следовать указаниям своего уполномоченного.

— Вы не должны! (Это были его любимые слова. В последнее время они стали его единственными словами.) Я говорю вам, Стив, вы не должны!

Он бросился в кресло перед прокурором, который не спеша проглядывал отпечатанный на машинке текст своей речи.

— Бросьте это, Стив! Посмотрите, ведь эту толпу организовали фундаменталисты. Вас слушать не станут. Скорее всего вас закидают камнями. Зачем вам выступать с речью перед публикой? Чем плоха запись на пленку или выступление по телевидению?

— Но ведь вы хотите, чтобы я победил на выборах, не правда ли? — мягко спросил Байерли.

— Победили! Вам не победить, Стив! Я пытаюсь спасти вашу жизнь!

— О, я вне опасности.

— Он вне опасности! Он вне опасности! — Лентон издал какой-то странный звук. — Вы хотите сказать, что собираетесь выйти на балкон перед пятьюдесятью тысячами полоумных идиотов и попробуете вбить им что-то в голову с балкона, как средневековый диктатор?

Байерли взглянул на часы.

— Да, и примерно через пять минут, как только телевидение будет готово.

Ответ Лентона был не совсем членораздельным.

Толпа заполняла оцепленную площадь. Казалось, что деревья и дома растут из сплошной людской массы. А телевидение сделало очевидцем происходящего все остальное человечество. Это были местные выборы, но все равно за ними следил весь мир.

Байерли подумал об этом и улыбнулся.

Но сама толпа не могла вызвать улыбки. Она щетинилась знаменами и плакатами, где на все лады повторялось одно и то же обвинение; Враж-

дебная атмосфера сгустилась до того, что была почти ощутима.

С самого начала речь не пользовалась успехом. Ее покрывал рев толпы и ритмические выкрики кучек фундаменталистов, которые образовали в толпе целые островки. Байерли продолжал говорить, медленно и бесстрастно…

В комнате Лентон схватился за голову и застонал. Он ждал кровопролития.

Передние ряды толпы заволновались. Вперед проталкивался костлявый гражданин с выпученными глазами, в костюме, слишком коротком для его тощих конечностей. Полицейский, бросившийся за ним, медленно и с трудом пробивался сквозь толпу. Байерли сердитым взмахом руки остановил его.

Тощий человек был уже под самым балконом. Его слов не было слышно из-за рева толпы. Байерли наклонился вперед.

— Что вы сказали? Если вы хотите задать мне законный вопрос, я отвечу.

— Он повернулся к стоявшему рядом полицейскому. — Проведите его сюда.

Толпа напряглась. В разных местах послышались крики «Тише!», которые слились в общий гомон, а потом понемногу утихли. Тощий чело-

век, красный и задыхающийся, предстал перед Байерли.

Байерли сказал:

— Вы хотите что-то спросить?

Тощий человек впился в него глазами и произнес надтреснутым голосом:

— Ударьте меня!

С неожиданной энергией он выставил вперед подбородок.

— Ударьте меня! Вы утверждаете, что вы не робот. Докажите это. Вы не сможете ударить человека, чудовище!

Наступила странная, пустая, мертвая тишина. Ее прорезал голос Байерли:

— У меня нет причин вас бить.

Тощий человек дико захохотал.

— Вы не можете меня ударить! Вы не ударите меня! Вы не человек! Вы чудовище, которое притворилось человеком!

И Стивен Байерли, стиснув зубы, на глазах у тысяч людей, смотревших на него с площади, и миллионов, глядевших на экраны телевизоров, размахнулся и нанес ему могучий удар в челюсть. Тощий человек упал навзничь без сознания. Лицо его выражало одно лишь бессмысленное изумление.

Байерли сказал:

— Мне очень жаль… Возьмите его в дом и устройте поудобнее. Когда я освобожусь, я хочу с ним поговорить.

И когда доктор Кэлвин, развернув свою машину, отъехала, только один репортер успел прийти в себя настолько, чтобы броситься за ней и выкрикнуть вопрос, который она не расслышала.

Обернувшись, Сьюзен Кэлвин прокричала:

— Он — человек!

Этого было достаточно. Репортер понесся прочь.

Вся остальная часть речи была произнесена, но ее никто не услышал.

…Доктор Кэлвин и Стивен Байерли встретились еще раз — за неделю до того, как он принял присягу, вступая в должность мэра. Было уже далеко за полночь.

Доктор Кэлвин сказала:

— Вы как будто не устали.

Новый мэр улыбнулся:

— Я могу еще задержаться. Только не говорите Куинну.

— Не скажу. Кстати, у Куинна была интересная версия. Жаль, что вы ее опровергли. Вы, вероятно, знаете, в чем она заключалась?

— Частично,

— Она была в высшей степени драматической.

Стивен Байерли был молодой юрист, хороший оратор, большой идеалист и увлекался биофизикой. Кстати, вы интересуетесь роботехникой, мистер Байерли?

— Только с юридической стороны.

— А тот Стивен Байерли интересовался. Но произошла автомобильная катастрофа. Жена Байерли погибла. Ему пришлось еще хуже. Его ноги были искалечены, лицо изуродовано; он лишился голоса, пострадал отчасти и его рассудок. Он отказался от пластической операции и удалился от мира. Его карьера погибла, у него остался только его ум и руки. Каким-то образом ему удалось достать позитронный мозг, самый сложный, способный решать этические проблемы. А это высшее достижение роботехники. Он нарастил тело вокруг такого мозга. Он сделал из него все, чем он мог бы быть сам. Он послал его в мир в качестве Стивена Байерли, а сам остался старым учителем-калекой, которого никто никогда не видел…

— К несчастью, — сказал новый мэр, — я все это опроверг, ударив человека. Судя по газетам, ваш официальный приговор гласил, что я человек.

— Как это случилось? Расскажите мне. Это не могло быть случайностью.

— Ну, это была не совсем случайность. Большую часть работы проделал Куинн. Мои люди качали потихоньку распространять слух, что я ни разу в жизни не ударил человека; что я не способен ударить человека; что если я не сделаю этого, когда меня будут провоцировать, это, наверное, докажет, что я робот. Поэтому я устроил свое глупое публичное выступление, вокруг которого была создана такая шумиха, и почти неизбежно какой-нибудь дурак должен был клюнуть. По сути дела, это был дешевый трюк. В таких случаях все зависит от искусственно созданной атмосферы. Конечно, эмоциональный эффект обеспечил мое избрание, чего я и добивался. Робопсихолог кивнула.

— Я вижу, что вы вторгаетесь в мою область, — вероятно, это неизбежно для любого политического деятеля. Но я жалею, что получилось именно так. Я люблю роботов. Я люблю их гораздо больше, чем людей. Если бы был создан робот, способный стать общественным деятелем, он был бы самым лучшим из них. По законам роботехники, он не мог бы причинять людям зла, был бы чужд тирании, подкупа, глупости или

предрассудков. И прослужив некоторое время, он ушел бы в отставку, хотя он и бессмертен, — ведь для него было бы невозможно огорчить людей, дав им понять, что ими управляет робот. Это было бы почти идеально.

— Разве что робот мог бы не справиться с делом из-за коренных недостатков своего мозга. Ведь позитронный мозг по своей сложности не может сравниться с человеческим.

— У него были бы советники. Даже человеческий мозг не может управлять без помощников.

Байерли серьёзно взглянул на Сьюзен Кэлвин.

— Почему вы улыбаетесь, доктор Кэлвин?

— Потому что Куинн предусмотрел не все.

— Вы хотите сказать, что эту его версию можно было бы дополнить?

— Да, только одной деталью. Этот Стивен Байерли, о котором говорил мистер Куинн, этот калека перед выборами провел три месяца за городом по каким-то таинственным причинам. Он вернулся как раз к вашему знаменитому выступлению. А в конце концов он мог и еще раз сделать то, что он уже сделал. Тем более что задача была гораздо проще.

— Я вас не совсем понимаю.

Доктор Кэлвин встала и оправила костюм. Она,

очевидно, была готова уйти.

— Я хочу сказать, что есть один случай, когда робот может ударить человека, не нарушив Первого Закона. Только один случай…

— Когда же?

Доктор Кэлвин была уже в дверях. Она спокойно произнесла:

— Когда человек, которого нужно ударить, — просто другой робот.

Она широко улыбнулась. Ее худое лицо сияло.

— До свидания, мистер Байерли. Я надеюсь, что еще буду голосовать за вас через пять лет — на выборах Координатора.

Стивен Байерли усмехнулся!

— Ну, до этого еще далеко…

Дверь за ней закрылась.

Пораженный, я уставился на нее:

— Это правда?

— До послед него слова, — ответила она.

— И великий Байерли был просто робот?

— О, этого мы никогда не узнаем. Думаю, что да. Но когда он решил умереть, то распорядился, чтобы его тело уничтожили, так что доказать теперь ничего невозможно. И потом — какая разница?

— Ну, знаете…

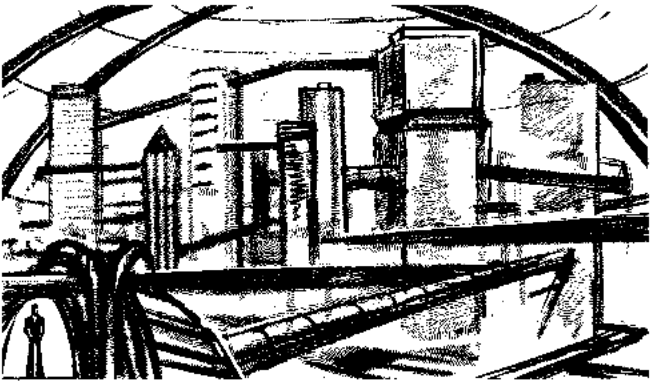
— Вы тоже разделяете предрассудки против ро-

ботов. А зря. Он был очень хорошим мэром… Вот и все, — произнесла Сьюзен Кэлвин, вставая. — Я видела, как все это начиналось, — с того времени, когда бедные роботы еще не умели говорить. Больше я уже ничего не увижу. Моя жизнь окончена. Вам предстоит увидеть, что будет дальше.

Я больше не видел Сьюзен Кэлвин. Месяц назад она умерла.

Стальные пещеры

Повесть



СТАЛЬНЫЕ ПЕЩЕРЫ

1. Разговор с комиссаром полиции

Едва Лайдж Бейли уселся за стол, как почувствовал на себе пристальный взгляд Р. Сэмми. Строгое вытянутое лицо Бейли застыло.

— В чём дело?

— Вы нужны боссу, Лайдж. Немедленно. Велел вам явиться, как только придёте.

— Хорошо.

Р. Сэмми не двинулся с места.

— Я сказал, хорошо. Убирайся!

Р. Сэмми круто повернулся и пошёл выполнять другие поручения.

«Будто человек не может делать все это!» — возмутился про себя Бейли.

Он стал не торопясь изучать содержимое своего кисета и прикинул, что если будет выкуривать по две трубки в день, то ему удастся дотянуть до выдачи новой порции.

Затем он вышел из-за перегородки — он уже два года имел право на отгороженный угол — и через общую комнату направился к выходу. Его

окликнул оператор ртутного запоминающего устройства Симпсон.

— Вас ждёт босс, Лайдж.

— Знаю. Р. Сэмми уже приходил.

Испещрённая кодом лента струилась из миниатюрного прибора. Он находил и анализировал данные своей памяти в поисках сведений, хранящихся в крохотных ячейках мерцающей внутри ртути.

— Я дал бы Р. Сэмми коленкой под зад, если бы не боялся сломать себе ногу, — сказал Симпсон. — На днях приходил Винс Бэррет.

— Ну и как?

— Хотел бы вернуться на старое место. Говорит, готов на любую работу у нас в управлении. Беднягa в отчаянии, но я ничем не мог его порадовать. Его место занял Р. Сэмми, и все тут. Парнишка нанялся на дрожжевую ферму. А ведь способный был малый и всем нравился.

Бейли пожал плечами и сказал строже, чем хотел на самом деле:

— Нам всем предстоит пройти через это.

Босс по своему положению имеет отдельный кабинет. На матовом дверном стекле вытравлена красивая надпись: «ДЖУЛИУС ЭНДЕРБИ. Комиссар полиции города Нью-Йорка».

Бейли вошёл в кабинет:

— Вы звали меня, комиссар?

Эндерби посмотрел на него. Он носил старомодные очки, так как его глаза не переносили контактных линз. Только привыкнув к очкам, можно было разглядеть черты его заурядного, невыразительного лица. По твёрдому убеждению Бейли, комиссар отвергал контактные линзы только затем, чтобы выделяться среди других, а вовсе не из-за своих чувствительных глаз.

Комиссар был явно чем-то встревожен. Он поправил манжеты рубашки, откинулся на спинку кресла и сказал как-то уж слишком тепло:

— Садитесь, Лайдж. Присядьте, пожалуйста.

Бейли сел и ждал в напряжённой позе.

— Как Джесси? Как сын?

— Хорошо, — ответил Бейли невыразительно. — Вполне нормально. А ваши как?

— Хорошо, — отозвался Эндерби. — Тоже нормально.

Начало было неудачным.

«Какое-то у него сегодня странное лицо», — подумал Бейли, а вслух сказал:

— Комиссар, я могу просить не посылать за мной Р. Сэмми?

— Вы знаете моё мнение на этот счёт, Лайдж. Но

раз он есть, должен же я как-то его использовать.

— С ним неприятно иметь дело, комиссар. Пришёл сегодня, передал вашу просьбу и стоит как истукан. Так и будет стоять, пока не отошлёшь.

— О, это моя вина, Лайдж. Я велел ему позвать вас, но забыл точно указать, что делать дальше.

Бейли вздохнул. Мелкие морщинки у его тёмно-карих глаз стали более отчётливыми.

— Ну ладно. Так вы хотели меня видеть?

— Да, Лайдж, — сказал комиссар, — и по весьма важному делу.

Он встал, подошёл к стене позади стола, нажал какую-то кнопку — и тотчас же часть стены стала прозрачной. Бейли зажмурился от неожиданно хлынувшего потока сероватого света.

Комиссар улыбнулся:

— Это сделано по моему заказу в прошлом году. Я вам, кажется, ещё не показывал. Подойдите поближе, Лайдж. В старые времена во всех комнатах были подобные штуки. Их называли окнами. Вы слышали об этом?

Бейли прекрасно об этом знал, так как читал не один исторический роман.

— Разумеется, — сказал он.

— Подойдите сюда.

Бейли слегка поёжился, но всё-таки подо-

шёл. Было даже что-то неприличное в том, что уединённость комнаты выставлялась напоказ внешнему миру. Комиссар временами доводил до крайности своё увлечение медиевистикой.

«Эти очки, например», — подумал Бейли.

Так вот в чём дело! Вот почему у него такое странное лицо!

— Простите за любопытность, комиссар, — сказал Бейли, — но у вас, кажется, новая оправа?

Комиссар взглянул на него с удивлением, снял очки, посмотрел на них, потом снова на Бейли. Сейчас его круглое лицо казалось ещё более круглым, а подбородок — более заметным. И взгляд у него стал беспомощным, потому что всё расплывалось перед его глазами.

— Да, новая, — подтвердил он. Он снова надел очки и добавил с злостью:

— Старые я разбил три дня назад. Дел было по горло, так что новые получил только сегодня утром. Лайдж, эти три дня были сущим адом.

— Из-за очков?

— Да. И по другим причинам. Но об этом потом.

Он повернулся к окну. Бейли последовал его примеру и был слегка поражён, обнаружив, что снаружи идёт дождь. С минуту он молча наблюдал, как сверху лились потоки воды, в то время как комиссар горделиво взирал на это явление природы, будто в этом была его личная заслуга.

— За этот месяц я третий раз смотрю, как идёт дождь. Интересное зрелище, верно?

Бейли был вынужден согласиться, что зрелище действительно интересное. В свои сорок два года он почти не видел дождя и вообще никакого другого явления природы.

— По-моему, неразумно, что вода вот так, без всякой пользы, поливает город, — заметил он. — Её место в резервуарах.

— Лайдж, — ответил ему комиссар, — вы модернист. Вот в чём беда. В медиевальные века люди жили на открытом воздухе, и не только на

фермах. Даже в городах. Даже в Нью-Йорке. Когда шёл дождь, им это не казалось неразумным. Они радовались этому, потому что жили близко к природе. Это и здоровее, и лучшее. Все наши беды от того, что мы оторваны от природы. Почитайте-ка на досуге об угольном веке.

Бейли довелось читать и об этом. Он слышал, как многие сетовали по поводу изобретения атомного реактора. Он и сам был не прочь поныть, когда что-нибудь не ладилось или когда одолевала усталость. Человек всегда чем-то недоволен. В угольном веке люди жаловались на паровую машину. А герой одной из пьес Шекспира возмущался тем, что кто-то изобрёл порох. Лет через тысячу кому-нибудь не понравится создание позитронного мозга. К чёрту все!

— Слушайте, Джулиус… — сказал он мрачно. (На работе он предпочитал держаться с комиссаром официально, даже если тот то и дело звал его по-приятельски Лайджем. Сейчас что-то подсказало ему поступить иначе.) — Слушайте, Джулиус, вы говорите здесь о чём угодно, только не о том, зачем вы меня звали. Меня это беспокоит. В чём всё-таки дело?

— Я дойду до этого, Лайдж, — ответил комиссар. — Не подгоняйте меня. У нас неприятность,

Лайдж.

— Ещё бы! Здесь иначе и быть не может. Опять что-то с роботами?

— В каком-то смысле да, Лайдж. Я вот стою здесь и думаю, что ещё выпадет на долю нашей старушке Земле… Я сделал это окно не только чтобы иногда любоваться небом, но чтобы видеть город. Смотрю я на него и думаю, каким он будет через сотню-другую лет?

Бейли не был сентиментальным, но и он поддался очарованию открывшегося перед ним вида. Несмотря на окутавшую его серую дымку, город представлял изумительное зрелище. Полицейское управление размещалось на одном из верхних этажей здания муниципалитета, который господствовал над всем. Окно комиссара находилось над крышами соседних башен, устремившихся вверх, подобно растопыренным пальцам чьей-то гигантской руки. Стены этих башен были совершенно гладкими и слепыми — наружные оболочки огромных человеческих ульев.

— Жаль, что идёт дождь, — заметил комиссар. — Не виден Космотаун.

Бейли посмотрел на запад. Комиссар был прав. Горизонта не было видно; башни Нью-Йорка

тонули в серо-белой пелене дождя.

— Я знаю как он выглядит, — отозвался Бейли.

— Мне нравится вид на него отсюда, — сказал комиссар. — Его можно разглядеть между двумя секторами Брунсвика. Эти приземистые купола космонитов… В этом все различие между нами и ими: мы тянемся к верху и живём скучно, а у них каждая семья живёт отдельно. На семью — по дому. А между ними земля. Вам доводилось когда-нибудь беседовать с космонитами, Лайдж?

— Несколько раз. Месяц назад я разговаривал с одним по вашему селектору, — ответил Лайдж сдержанно.

— Да, да. Помню. Мне просто хочется пофилософствовать. Мы и они… Разные образы жизни…

У Бейли засосало под ложечкой. «Чем больше комиссар ходит вокруг да около, — подумал он, — тем ужаснее может оказаться известие».

— Это верно, — сказал он. — Но что в этом удивительного? На Земле невозможно расселить восемь миллиардов людей в маленьких куполах. А космониты привыкли к простору. Так что пусть живут, как им нравится.

Комиссар подошёл к столу и сел. Его глаза, искажённые выпуклыми стёклами очков, не мигая смотрели на Бейли.

— Не все так терпимы к различиям в образе жизни. Ни у нас, ни у них.

— Согласен. Ну и что?

— А то, что три дня назад умер один космонит.

Наконец-то дело сдвинулось с места. На узком, печальном лице Бейли не было и следа охватившего его волнения. Лишь едва дрогнули уголки тонкого рта.

— Скверно, — только и сказал он. — Что-нибудь заразное, вероятно. Какой-нибудь вирус или простуда?

Комиссар недоуменно взглянул на него.

— Вы понимаете, что говорите?

Бейли не стал объяснять. Всем хорошо известно, что космониты совершенно искоренили болезни в своём обществе. Ещё лучше известно, как тщательно они стараются избегать контакта с заразными землянами. Что поделаешь, до комиссара сарказм вообще не доходит.

— Так, ничего… — сказал Бейли и отвернулся к окну. — Отчего же он умер?

— Оттого, что кто-то разворотил ему грудь. Бластером.

Бейли напрягся всем телом. Не оборачиваясь он спросил:

— А вы понимаете, что говорите?

— Я говорю об убийстве, — мягко сказал комиссар. — Вы ведь детектив, и вам известно, что такое убийство.

— Но убит космонит! — повернулся к нему Бейли. — Три дня назад, говорите?

— Да.

— Кто это сделал? И как?

— Космониты считают, что кто-то из землян.

— Этого не может быть.

— Почему не может? Они не нравятся ни вам, ни мне и вообще никому на Земле. А кто-то их просто ненавидит, вот и все.

— Это так, но…

— На заводах Лос-Анджелеса возник пожар. В Берлине громили роботов. В Шанхае вспыхнули беспорядки.

— Верно.

— Всё это говорит о растущем недовольстве. Возможно, об организованном недовольстве.

— Комиссар, — проворчал Бейли, — до меня это не доходит. Вы что, проверить меня хотите?

— Проверить? Вас? — с искренним недоумением повторил комиссар.

Бейли не сводил с него глаз.

— Три дня назад совершено убийство космонита, и они винят в этом землян. До сих пор, — Бейли

постукал пальцем по столу, — ещё ничего не выяснено. Я вас правильно понял? Невероятно, комиссар! Да если бы это действительно произошло, они стёрли бы Нью-Йорк с лица земли.

Комиссар покачал головой.

— Всё это не так просто. Слушайте, Лайдж. Я отсутствовал три дня. За это время я поговорил с мэром, побывал в Космотауне, съездил в Вашингтон. Я разговаривал с чиновниками из Всепланетного бюро расследований.

— Вот как! Ну и что эти чинуши?

— Говорят, что нам самим придётся расхлёбывать кашу. Мол, космониты живут в границах Нью-Йорка.

— Но они же пользуются правом экстерриториальности.

— Я знаю. Об этом потом. — Комиссар не выдержал сверлящего взгляда Бейли и отвёл глаза в сторону. Он вёл себя так, будто его внезапно разжаловали и он стал всего лишь помощником Бейли.

— Космониты сами могут повести дело, — заметил детектив.

— Не торопитесь, Лайдж, — продолжал комиссар. — Не подгоняйте меня. Давайте обсудим все по-дружески. Войдите в моё положение. Когда это

произошло, я был там. Я должен был встретиться с ними… с Роем Немменни Сартоном.

— С жертвой?

— С жертвой. — Комиссар тяжело вздохнул. — Окажись я там пятью минутами раньше, я бы первым обнаружил труп. Представляете, какой ужас? До чего жестоко и отвратительно! Меня встретили и рассказали о случившемся. Лайдж, этот кошмар продолжался целых три дня. А тут ещё всё расплывается перед глазами и некогда заменить очки. Но это больше не повторится: я заказал себе сразу три пары.

Бейли сразу представил себе, как всё происходило. Вот высокие, стройные космониты подходят к комиссару и бесстрастно, ничего не приукрашивая, сообщают ему об убийстве. Джулиус снимает очки и начинает их протирать. Взволнованный событием, он роняет очки и растерянно смотрит вниз на осколки стёкол. Его мягкие, полные губы нервно подрагивают. Можно не сомневаться, что по меньшей мере минут пять комиссара больше беспокоили разбитые очки, чем убийство.

Комиссар продолжал:

— Положение чертовски скверное. Вы правы, у космонитов экстерриториальные права. Захотят — расследуют сами и доложат своим прави-

тельствам, что им вздумается. Внешние Миры воспользуются этим, чтобы потребовать с нас непомерную компенсацию. Вы представляете, как отнесётся к этому население?

— Согласиться платить было бы для Белого дома равносильно политическому самоубийству.

— А не согласиться — тоже самоубийство, только другого рода.

— Можете мне не объяснять, — сказал Бейли.

Он был ещё маленьким мальчиком, когда сверкающие космопланы высадили своих солдат в Вашингтоне, Нью-Йорке и Москве, чтобы получить с Земли то, что якобы причиталось космонитам.

— Как видите, уплатим мы или нет, неприятностей не избежать. Единственный выход — самим разыскать убийцу и выдать его космонитам. Всё зависит от нас.

— Почему бы не передать дело в ВБР? Допустим, что с юридической точки зрения мы обязаны им заняться, но вопрос о межпланетных отношениях…

— ВБР не хочет вмешиваться. Расхлёбывать всё это придётся нам. — Он поднял голову и внимательно посмотрел на своего подчинённого. — Плохи наши дела, Лайдж. Мы все рискуем

остаться без работы.

— Ерунда! А кем они нас заменят? Ни у кого нет достаточной подготовки, — возразил Бейли.

— Кем? — повторил комиссар. — Вы забыли о роботах.

— Что?

— Р. Сэмми — только начало. Пока он выполняет мелкие поручения. Но подобные ему могут, например, патрулировать скоростные дороги. Чёрт побери, Лайдж, я лучше вас знаю космонитов и представляю, чем они сейчас занимаются. У них есть роботы, способные заменить и вас и меня. Нас могут деклассировать. Я говорю вполне серьёзно. Не очень-то приятно в нашем возрасте оказаться за бортом…

— Согласен, — проворчал Бейли.

— Простите, Лайдж, — смутился комиссар.

Бейли кивнул, стараясь не думать о своём отце. Комиссару, конечно, известно, как неудачно сложилась его судьба.

— А когда заварилась эта каша с заменой? — спросил он.

— Слушайте, не будьте наивным человеком, Лайдж. Это грозит нам каждый день вот уже в течение двадцати пяти лет, с тех пор как на Земле появились первые космониты. Вы это знаете.

Просто сейчас обстановка ухудшается, вот и всё. Если мы проморгаем расследование, то быстро, слишком быстро окажемся там, где не радует мысль о пенсионной книжке. И наоборот, Лайдж, стоит нам хорошо его провернуть, и тогда это может случиться очень нескоро. А больше всего может повезти вам.

— Мне? — удивился Бейли.

— Вы поведёте расследование, Лайдж.

— Но я не подхожу по классу. Ведь у меня всего С-5.

— Вы бы не отказались от С-6, не так ли?

Ещё бы! Бейли знал, какие привилегии даст класс С-6. Кресло в экспрессе в часы пик, а не только с десяти до четырёх, как сейчас. Лучшее меню в столовой сектора. Может быть, даже удастся получить новую квартиру и абонемент на место для Джесси в солярии.

— Вы ещё спрашиваете. Конечно, нет! — сказал Бейли. — А что будет, если я не справлюсь?

— Справитесь, Лайдж, я в этом уверен, — льстиво ответил комиссар. — Ведь вы один из наших лучших сотрудников.

— У нас в отделе немало ребят с более высокими данными. Почему бы не поручить это дело кому-нибудь из них?

Хотя Бейли не сказал этого вслух, по его лицу было видно, что он думает: только самый крайний случай может заставить комиссара нарушить установленный порядок.

— На это есть две причины. — Комиссар сложил руки. — Во-первых, вы для меня не просто один из детективов, Лайдж. Мы ведь друзья. Я не забыл, что мы учились вместе в колледже. Если я и бывал с вами чересчур строг, то виной в этом разница в положении. Я — комиссар, а вы знаете, что это значит. Тем не менее я считаю себя вашим другом и не хотел бы, чтобы вы упустили такую блестящую возможность проявить себя.

— Это одна из причин, — отозвался Бейли без теплоты в голосе.

— Вторая заключается в том, что, как мне кажется, вы тоже питаете ко мне дружеские чувства… Я прошу об одолжении.

— Об одолжении?

— Вам придётся взять в помощники космонита. Таково их условие. Они согласны пока не сообщать об убийстве и передать расследование нам. За это они требуют, чтобы их агент принял в нём участие от начала и до конца.

— Похоже, что нам не доверяют?

— Вы правы, Лайдж. В случае неудачи многим

из них придётся нести ответ перед своими правительствами. Поверим им на слово. Хочется думать, что у них хорошие намерения.

— Я убеждён в этом комиссар. В том-то и вся беда.

Комиссар пропустил это мимо ушей.

— Итак. Лайдж, вы согласны, чтобы вашим партнёром был космонит?

— Вы просили меня об одолжении, не так ли?

— Да, я прошу вас заняться этим делом на условиях, выдвинутых космонитами.

— Я согласен, комиссар.

— Спасибо, Лайдж. Но… ему придётся жить у вас.

— Позвольте, позвольте…

— Я все понимаю, Лайдж. У вас ведь просторная квартира. Три комнаты. Всего один ребёнок, место найдётся. Он не доставит вам много хлопот, поверьте мне. Потом, это необходимо.

— Джесси будет недовольна, я уверен.

— Скажите Джесси, — убеждал его комиссар с таким старанием, что казалось, будто его напряжённый взгляд просверлит отверстие в заслоняющих глаза стёклах, — скажите ей, что если вы это сделаете для меня, я постараюсь присвоить вам С-7, понимаете?

— Хорошо, комиссар, договорились.

Бейли привстал было со стула, но, заметив взгляд Эндерби, снова опустился.

— Что-нибудь ещё?

— Ещё один вопрос. — Комиссар медленно кивнул головой.

— Какой?

— Имя вашего партнёра.

— Какое это имеет значение?

— Космониты, — начал комиссар, — довольно странный народ. Вашим партнёром будет не… В общем, он не…

Глаза Бейли широко раскрылись.

— Постойте, комиссар!

— Это необходимо, Лайдж. Просто необходимо. Другого выхода нет.

— В одной квартире? С этой штукой?

— Прошу вас, как друга прошу, — убеждал его комиссар. — Неужто вам надо все это разжёвывать? Мы должны с ним работать. Мы должны выиграть, если хотим избежать новых контрибуций. А выиграть, пользуясь старыми методами, невозможно. Вашим партнёром будет робот. Стоит ему самому раскрыть убийство, стоит ему сообщить своим о нашей беспомощности, и мы погибли. Я имею в виду наш отдел. Вам это ясно,

Лайдж, не так ли? Положение очень щекотливое. Вы будете с ним сотрудничать, но нужно, чтобы дело раскрыли вы, а не он. Понятно?

— То есть полностью с ним сотрудничать и в то же время стараться перерезать ему глотку? Хлопать его по плечу одной рукой, а в другой держать нож?

— А что делать? Другого выхода у нас нет.

Бейли нерешительно встал:

— Не знаю, как отнесётся к этому Джесси…

— Если хотите, я поговорю с ней.

— Не надо, комиссар. — Он тяжело вздохнул. — Как его зовут?

— Р. Дэниел Оливо.

— К чему эти увёртки, комиссар, — произнёс Бейли грустно. — Я берусь за расследование, так что давайте называть этого типа полным именем: Робот Дэниел Оливо.

2. Поездка на экспрессе

Как всегда, свободных мест на экспресс-транспорте было немного: ни внизу, где ехать можно было только стоя, ни на верхней площадке с креслами для привилегированных пассажиров.

Непрерывный людской поток струился по обе стороны экспресса по замедляющимся дорожкам тротуаров к межсекторным линиям и неподвижным тротуарам, которые, ныряя под арки и взбираясь на мосты, вели в бесконечный лабиринт жилых кварталов-секторов. А с противоположной стороны к экспрессу стремился точно такой же поток пассажиров, пересекающих дорожки в обратном направлении — от медленных к быстрым.

Кругом сияло море огней; стены и потолки излучали холодный фосфоресцирующий свет; всплески рекламы требовали к себе внимания; яркие цветные указатели не давали сбиться с пути: «К СЕКТОРАМ ДЖЕРСИ», «НАПРАВЛЕНИЕ К МАРШРУТНОЙ СЛУЖБЕ ИСТ-РИВЕР», «ВЕРХНИЙ ГОРИЗОНТ — ВСЕ НАПРАВЛЕНИЯ К СЕКТОРАМ ЛОНГ-АЙЛЕНДА». А над все этим царил неясный

шум, неотделимый от жизни стального города: говор, смех, кашель, выкрики, пение, дыхание миллионов людей.

«Ни одного указателя к Космотауну», — подумал Бейли. Он переходил с дорожки с непринуждённостью человека, привыкшего делать это всю жизнь. Едва начав ходить, дети учились «скакать по лентам». Бейли почти не замечал увеличения скорости каждой новой дорожки. Через тридцать секунд он добрался до последнего тротуара, скорость которого достигала шестидесяти миль в час, и теперь мог перешагнуть на ограждённую перилами и остеклённую платформу экспресса.

«Ни одного указателя к Космотауну, — размышлял он. — Да они и не нужны. Тот, кто едет туда по делу, знает, как до него добраться. Если же он этого не знает, значит, делать ему там нечего.» Когда двадцать пять лет назад возник этот посёлок, толпы зевак осаждали его.

Космониты положили этому конец. Вежливо (они всегда отличались вежливостью), но решительно, они отгородились от Нью-Йорка силовым барьером и учредили нечто среднее между пограничными постами и таможней. Убедившись, что вы идёте по делу, они подвергали вас обыску и направляли на медицинский осмотр и дезин-

фекцию.

Среди землян росло недовольство. Что вполне естественно. Однако оно приняло неоправданно широкий размах. А это, в свою очередь, сказалось на программе модернизации. Бейли вспомнил барьерные бунты. Он был среди толпы недовольных, которые висли на перилах экспресса; не считаясь с привилегиями, занимали кресла на верхней площадке; рискуя жизнью, носились по тротуарам и два дня осаждали Космотаун, выкрикивая лозунги и круша городскую собственность.

При желании Бейли мог вспомнить песенки того времени. Вот, например, «Человек родился на Земле, ты слышишь?» на мотив старой народной песни с тарабарским припевом «Хинки-динки-парле-ву».

Человек родился на Земле, ты слышишь?
Мать-Земля дала ему жизнь, ты слышишь?
Космонит, прочь с лица Земли в свой космос.
Грязный космонит, ты слышишь?

Куплетов насчитывалось сотни. Некоторые из них были остроумными, но гораздо больше было куплетов глупых, а то и непристойных. И каждый оканчивался словами: «Грязный космо-

нит, ты слышишь?» Грязный. Грязный… Это была тщетная попытка землян отплатить космонитам за то, что они упорно считали жителей Земли болезненными до отвращения.

Разумеется, космониты не покинули Землю. Им даже не понадобилось прибегать к помощи своего наступательного оружия. Земляне убедились, что всякая попытка приблизиться к космопланам пришельцев была равноценна самоубийству. Несколько старомодных самолётов, которые рискнули пролететь над территорией Космотауна ещё в первые дни его основания, попросту исчезли. Единственное, что удалось впоследствии обнаружить, были лишь исковерканные обломки плоскостей.

И едва ли можно было привети толпу в такое неистовство, чтобы она забыла действие субэтерных «руколомок», применявшихся против землян в войнах прошлого столетия.

Космониты отсиживались за барьером, разрушить который земными средствами было невозможно, и ждали, пока городские власти не утихомирят разбушевавшуюся толпу. Это удалось сделать, применив снотворный и рвотный газы, после чего городские исправительные тюрьмы были набиты до отказа вожаками недовольных,

подстрекателями и просто теми, кто оказался под рукой. Когда страсти улеглись, всех их отпустили на свободу.

Некоторое время спустя космониты стали снимать свои ограничения. Барьер убрали, а городские власти поручили полиции обеспечить охрану космонитов. Главная же их уступка заключалась в том, что медицинский осмотр перестал быть таким унизительным.

«Теперь, — размышлял Бейли, — дело должно снова принять плохой оборот. Стоит им решить, что землянин проник в Космотаун и совершил убийство, как они, чего доброго, опять поставят свой барьер. Плохо дело».

Он ступил на нижнюю площадку экспресса, протиснулся через толпу пассажиров и по узкой спиральной лестнице поднялся наверх. Он не торопился предъявлять свою карточку находившемуся поблизости контролёру. Класс С-5 не давал права на кресло в экспрессе восточнее Гудзона и западнее Лонг-Айленда, и хотя здесь были свободные места, его могли попросить перейти вниз. Люди все щепетильнее относились к своим привилегиям, и Бейли отлично это знал.

Воздух с характерным свистом обтекал изогнутые ветровые стекла, установленные на спинке

каждого кресла. Разговаривать из-за шума было бы трудно, но думать, если к нему привыкнуть, он не мешал.

«Все мы медиевисты по натуре, — рассуждал про себя Бейли. — Особенно, если тебя влекут к себе старые добрые времена, когда Земля была единственным миром, а не одним из пятидесяти, как теперь, причём далеко не самым лучшим».

Бейли рывком повернул голову вправо, откуда донёсся чей-то пронзительный вопль. Какая-то женщина уронила свою сумку, мелькнувшую мягким розовым пятном на скучном фоне серых дорожек. Спешащий с экспресса пассажир, должно быть, нечаянно отбросил её в сторону медленных дорожек, и теперь владелицу уносило прочь от её собственности.

Бейли криво усмехнулся. Женщина сумеет вернуть свою сумку, если сообразит перейти на ещё более медленную дорожку и если ещё одна нога не толкнёт сумку в другом направлении. Он так и не узнает, настигнет она её или нет. Уже сейчас место происшествия отставало от него на полмили.

Пожалуй, ей это не удастся. Высчитано, что в разных частях города пассажиры роняют на дорожках свои вещи в среднем раз в три минуты

и не могут их достать. Отдел находок разросся до неимоверных размеров. И это тоже одна из сложностей современной жизни.

«Когда-то было проще, — думал Бейли. — Всё было проще. Это и превращает людей в медиевистов».

Медиевизм принимает различные формы. Для лишённого воображения Джулиуса Эндерби — это такие атрибуты старины, как очки или окна. Для Бейли прошлое — это история. В особенности обычаи разных народов.

Взять, например, нынешний Нью-Йорк, где он живёт и работает. Эта громадина уступает по величине лишь Лос-Анджелесу. А население! Только в Шанхае живёт больше народу. А ведь Нью-Йорку всего триста лет.

Правда, на этом месте когда-то существовало нечто, носившее название «Нью-Йорк». Тому примитивному поселению насчитывалось три тысячи, а не триста лет, и оно ничем не напоминало современный город.

То, что тогда называлось городом, было лишь жалким скоплением больших и малых домов, построенных под открытым небом. Они чем-то напоминали куполообразные жилища космонитов, хотя, конечно, сильно от них отличались.

Тысячи таких городов (в самом крупном жило не более десятка миллиона человек, а в большинстве даже меньше миллиона) были в беспорядке разбросаны по всей планете. С точки зрения современной экономики, каждый такой город был устроен крайне неразумно.

С ростом населения возникла необходимость более разумного устройства городов. Ценой снижения жизненного уровня Земля могла прокормить два миллиарда человек, три и даже пять миллиардов. Однако, когда население достигло восьми миллиардов, полуголодное существование стало почти неизбежным. В жизни человека должны были произойти коренные изменения, в особенности когда выяснилось, что Внешние Миры, тысячелетие назад бывшие лишь колониями Земли, намерены резко сократить приток переселенцев.

За тысячу лет современной истории Земли на ней выросли огромные города. Даже в древние времена люди догадывались, быть может подсознательно, о выгодности укрупнения. Кустарное производство уступило место фабрикам, а фабрики и заводы — целым отраслям промышленности.

Подумайте, насколько выгоднее содержать

сотни тысяч домов для сотни тысяч семей по сравнению с одним сектором на сто тысяч квартир; сравните домашнюю библиотеку с централизованной книгофильмотекой; сравните индивидуальные телевизоры с системой видеопроводов. Наконец, возьмите такую простую вещь, как неоправданно глупое и бесконечное повторение одинаковых кухонь и ванных в каждой квартире в сравнении с блоками автоматизированных столовых и душевых, которые созданы современной городской цивилизацией.

Новые города медленно, но верно поглощали погибавшие деревни, посёлки и старые города. Даже угроза атомной войны только замедлила этот процесс. Изобретение же силового щита дало ему новый толчок.

Современная городская культура означает целесообразное распределение пищевых продуктов и всё возрастающее применение дрожжевых веществ и гидропоники. Нью-Йорк сейчас занимает площадь более двух тысяч квадратных миль, и по последней переписи в нём живёт свыше двадцати миллионов человек. На Земле насчитывалось более восьмисот городов с населением в среднем по десять миллионов человек в каждом.

Каждый город обладает определённой авто-

номией и способен обеспечить себя почти всем необходимым. Он возвёл над собой крышу, оградился со всех сторон, вгрызся глубоко в землю. Он уподобился стальной пещере, громадной, всем обеспеченной пещере из стали и бетона.

Внутренняя планировка города тщательно продумана. В центре его находится огромный комплекс административных учреждений. В строгом порядке разместились жилые секторы, соединённые друг с другом переплетением межсекторных пассажирских лент и линией экспресс-транспортёра. На окраинах расположились заводы, гидропонные установки, дрожжевые чаны и энергостанции. Во все уголки проникают трубы водопровода и канализации, линии энергопередачи и лучевой связи, везде школы, тюрьмы и магазины.

Несомненно одно: именно создание такого города является вершиной победы человеческого гения над природой. Именно это, а не космические полёты, не пятьдесят освоенных миров, которые стали так вызывающе независимы.

Почти все без исключения земляне живут в стальных городах. Между городами простираются незаселённые пространства и открытое небо, один вид которого приводит в растерянность

любого горожанина. Но и эти пространства необходимы человеку. Именно здесь он добывает себе воду, а также уголь и древесину, которые идут на изготовление пластмасс и вечно растущих дрожжевых культур. (Нефть уже давно израсходована, но её полностью заменили богатые жирами штаммы дрожжей.) Здесь все ещё работают шахты, и лишь немногие из горожан представляют, как широко используются поля для выращивания злаков и что на них до сих пор пасётся скот. Несмотря на необычайную дороговизну таких продуктов, как говядина, свинина и зерно, которые превратились в предмет роскоши, они всё же находят себе сбыт и идут на экспорт на другие планеты.

Нужно очень мало людей, чтобы следить — да и то с расстояния — за работой шахт, ферм и водонасосных станций. Трудятся же там роботы, которые стоят меньше, и работают лучше.

Роботы! Какая ирония судьбы! Именно на Земле изобретён позитронный мозг, именно здесь роботы впервые стали использоваться в производстве.

Здесь, а не на Внешних Мирах. Тем не менее космониты ведут себя так, будто роботов породила их цивилизация. Справедливости ради

надо сказать, что они достигли поразительных успехов в области робототехники. Долгое время земляне использовали роботов только на шахтах и фермах. Лишь за последнюю четверть века они начали постепенно проникать в города, да и то под нажимом космонитов.

Жить в городах не плохо. Все, кроме медиевистов, понимают, что без городов не обойтись. Беда, однако, в том, что жизнь эта меняется к худшему. Население Земли постоянно растёт. Наступит день, когда даже города, со всей их техникой, будут просто не в состоянии обеспечить людям минимум калорий, необходимых для существования.

Положение осложняется тем, что потомки первых эмигрантов с Земли, космониты, живут в прекрасных условиях в своих малонаселённых, набитых роботами космических мирах. С холодной решимостью оберегают они созданный на полупустынных планетах комфорт и с этой целью ограничивают как уровень рождаемости у себя, так и приток эмигрантов с переполненной Земли. Поэтому…

Скоро Космотаун!

Бейли интуитивно почувствовал приближение секторов Нью-Арка. Помедли он ещё немного, и

экспресс унесёт его на юго-запад, в глубь Трентонского района, тёплый воздух которого насыщен кисло-горьким запахом дрожжей.

Главное — правильно рассчитать. Не теряя времени, вниз по трапу протиснуться сквозь толпу недовольных пассажиров, проскользнуть вдоль перил к выходу, пересечь замедляющиеся дорожки.

Проделав всё это, он оказался как раз у того ответвления неподвижного тротуара, к которому стремился. Сознание не принимало в этом участия — иначе он наверняка бы промахнулся.

Кругом — ни живой души. Только полицейский прогуливается по тротуару, и лишь жужжание экспресса нарушает гнетущую тишину.

Полицейский подошёл к нему и, мельком взглянув на удостоверение Бейли, поднял руку, разрешая ему пройти.

Коридор сужался, делая резкие повороты то влево, то вправо. Это, конечно, не случайно. Толпе землян здесь не развернуться и уж совсем невозможно совершить нападение.

Бейли был рад, что встреча с напарником произойдёт по ту сторону Космотауна. Ему вовсе не улыбалась мысль о медицинском осмотре, пусть они хоть сто раз вежливы.

В глубине коридора, неподалёку от дверей, ведущих наружу и к жилищам Космотауна, стоял космонит. Он был одет по земной моде: на нём были узкие в бёдрах и расклёшенные книзу брюки, отделанные по бокам цветной тесьмой, и обычная текстроновая рубашка с открытым воротом, застёжкой на молнии и собранными у кисти рукавами. И всё же это был космонит. Трудно сказать, что именно отличало его от коренного жителя Земли: посадка ли головы, манера держаться, гладко зачёсанные назад короткие рыжеватые волосы или его широкоскулое лицо, холодное и невозмутимое.

Бейли подошёл к нему деревянной походкой и сказал невыразительным голосом:

— Я — детектив Илайдж Бейли, Полицейское управление города Нью-Йорка, класс С-5…

Он показал свои документы и продолжал:

— Мне поручено встретить здесь Р. Дэниела Оливо. — Бейли взглянул на часы. — Я прибыл немного раньше времени. Можно попросить, чтобы обо мне доложили?

Ему было не по себе. Он привык, как и все люди, к земным роботам. Этот робот будет, вероятно, другим. До сих пор ему не приходилось их видеть, но по всей Земле ходили самые невероятные

слухи о чудовищных роботах, которые решали непосильные для человека задачи в далёких, мерцающих Внешних Мирах. Бейли непроизвольно стиснул зубы.

— В этом нет необходимости, — вежливо ответил космонит. — Вас жду я.

Бейли было протянул руку, но тут же опустил её. Его длинное лицо вытянулось ещё больше. Он не нашёлся, что сказать. Слова застряли у него в горле.

— Позвольте представиться, — продолжал космонит. — Моё имя — Р. Дэниел Оливо.

— Простите… Может быть, я ослышался? Мне казалось, что «Р» означает…

— Вы не ошиблись. Я — робот. Разве вас не предупредили?

— Предупредили, — пробормотал Бейли и зачем-то провёл вспотевшей рукой по волосам. Затем он протянул её роботу. — Простите, мистер Оливо, я как-то не ожидал… Здравствуйте. Меня зовут Илайдж Бейли, я ваш напарник…

— Прекрасно… (Бейли почувствовал, как усиливается рукопожатие робота и, став, так сказать, дружеским, снова ослабевает.) Но вы, кажется, чем-то встревожены? Можно просить вас быть со мной откровенным? В наших взаимоотношениях

лучше всего знать как можно больше относящихся к делу фактов. Я полагаю, это не очень противоречит обычаям вашего мира?...

— Дело в том, что вы совсем не похожи на робота, — окончательно растерялся Бейли.

— И это вас беспокоит?

— Я понимаю, это глупо, Дэ... Дэниел. Ваши роботы все такие, как вы?

— С индивидуальными различиями, Илайдж, как люди.

— Земные роботы... В общем, понимаете, у нас их можно сразу отличить от человека... А вы совсем как космонит.

— А, понимаю... Вы ожидали увидеть довольно грубую модель, а теперь удивлены. Но разве не логично, что в данном, конкретном случае, во избежание недоразумений, робот должен обладать характерными человеческими чертами?

С этим нельзя было не согласиться. Обычный робот, разгуливающий по городу, сразу бы накликал на себя беду.

— Вы правы, — согласился Бейли.

— Тогда пойдёмте, Илайдж.

Они направились к экспрессу. Р. Дэниел быстро понял назначение дорожек и без труда переходил с одной на другую. Вначале Бейли старался идти

помедленнее, затем, рассердившись, увеличил скорость. Робот не отставал. Казалось, ему это вовсе не трудно… «Может, он умеет двигаться ещё быстрее, но не подаёт виду», — подумал Бейли. Они добрались до бесконечной ленты экспресса, и Бейли совершил поистине рискованный прыжок на одну из платформ. Робот и здесь не уступил ему. Бейли покраснел и нерешительно сказал:

— Я с вами останусь внизу.

— Внизу? — переспросил робот, на которого ни шум, ни ритмичное покачивание экспресса не произвели ни малейшего впечатления. — Неужели мои сведения неточные? Мне сказали, что в определённых условиях класс С-5 даёт право на место в верхнем салоне.

— Совершенно верно. Я могу подняться туда, а вы нет.

— Но почему же?

— Нужно иметь класс С-5, Дэниел.

— Мне это известно.

— Но у вас его нет, — возразил Бейли.

На открытой нижней платформе из-за шипения воздуха разговаривать было трудно, а Бейли, по понятным причинам, не хотел особенно повышать голос.

— Вы ошибаетесь. Я ваш партнёр, следователь-

но, права у нас одинаковые. Мне дали вот это.

Из внутреннего кармана рубашки он достал своё удостоверение и протянул его Бейли. Выдано оно на имя Дэниела Оливо, класс владельца — С-5. Естественно, что инициал «Р» перед именем был опущен.

— Тогда пошли, — сухо сказал Бейли.

Бейли сидел, глядя прямо перед собой, и злился на свою недогадливость. Он попался дважды: во-первых, не признал в Р. Дэниеле робота; во-вторых, не сообразил, что ему не могли не дать класс С-5.

Беда в том, что по своему характеру Бейли не отвечал общепринятому представлению о детективе. В нём не было ни холодной невозмутимости, ни непроницаемого спокойствия, ни способности применяться к любым условиям, он не был ни идеалом сообразительности, ни хладнокровия. Он отдавал себе в этом отчёт, но никогда прежде не сетовал на отсутствие этих качеств. Но теперь он об этом жалел, и жалел потому, что, по всей видимости, Р. Дэниел Оливо был воплощением всего этого. Да и могло ли быть иначе? Ведь он — робот.

Бейли стал искать себе оправдание. Он привык к таким роботам, как их Р. Сэмми. Он ожидал

встретить существо с кожей из плотного и глянцевого пластика мертвенно-бледного цвета. Он ожидал увидеть лицо, на котором застыло выражение бессмысленного добродушия. Он ожидал, что движения робота будут резкими, слегка неуверенными.

Ничего подобного у Р. Дэниела не было.

Бейли исподтишка взглянул на своего соседа, но Р. Дэниел, перехватив его взгляд, спокойно кивнул. Когда он разговаривал, его губы двигались естественно, а не оставались полуоткрытыми, как у земных роботов. Да что там губы, у него был даже артикулирующий язык.

«Сидит себе спокойно, — подумал Бейли. — Ведь здесь для него все совершенно новое. Шум, свет, толпы людей!»

Он вскочил и обогнал Р. Дэниела со словами: «Не отставайте!» Они покинули экспресс и переходили с дорожки на дорожку.

«Боже правый, что же я всё-таки скажу Джесси?» — думал Бейли.

Неожиданная встреча с роботом заставила его забыть обо всём другом, но теперь, когда межсекторная линия несла их прямо в Нижний Бронкс, мысль о предстоящем объяснении с женой тревожно сверлила его мозг. Он заговорил:

— Всё, что вы видите вокруг, Дэниел, — это одно здание, весь город. В нём живут двадцать миллионов человек. Круглые сутки со скоростью шестьдесят миль по нём несутся ленты экспресса. Их протяжённость двести пятьдесят миль, а длина местных линий в несколько раз больше.

«Чего доброго, — замолчал Бейли, — придётся соображать, сколько тонн дрожжевых продуктов Нью-Йорк съедает в день, сколько кубометров мы выпиваем воды и сколько потребляем мегаватт энергии».

Однако робот опередил его.

— На инструктаже меня снабдили подробной информацией, — сказал он.

«Тем лучше. Значит, со всем этим покончено. Но чего ради я распинаюсь перед роботом?» — возмущался собой Бейли.

Они доехали да 182-й Восточной улицы. Отсюда на одном из лифтов, снующих вверх и вниз среди бесчисленного множества квартир, можно было добраться и до квартиры Бейли.

Он уже было направился к лифту, как его внимание привлекла небольшая группа людей, толпившихся у ярко освещённого силового защитного барьера магазина, каких было множество на нижних горизонтах этого сектора.

— Что здесь происходит? — по привычке внушительным голосом спросил он у одного из зевак.

Вытягиваясь на носках, тот ответил:

— Кто его знает. Сам только что подошёл.

— У них здесь эти проклятые роботы, — раздался чей-то возмущённый голос. — Эх, вытащили бы из сюда. Вот позабавились бы!

Бейли нервно оглянулся на Дэниела, но тот либо не понял сказанного, либо не расслышал, во всяком случае вид у него был невозмутимый.

Бейли врезался в толпу:

— Позвольте. Позвольте… Полиция!

Люди расступились. До Бейли донеслись обрывки фраз:

— …разбить по кусочку… Гайку за гайкой… Потихоньку распускать им швы…

Кто-то рассмеялся.

У Бейли похолодело внутри. Город был совершенным творением, и это накладывало на его обитателей определённые обязательства, и прежде всего от них требовалось подчиняться строгому, научно обоснованному порядку и соблюдать дисциплину. Временами сдерживаемые страсти прорывались наружу.

Бейли вспомнил Барьерные бунты.

Причин для недовольства роботами было достаточно. Те, кто полжизни провёл в труде и кому грозит теперь деклассирование, а значит, и минимум средств существования, эти люди не могут решить хладнокровно, что роботы здесь ни при чём. Робота хоть ударить можно.

Ведь нельзя же ударить то, что зовётся «правительственной политикой», или стукнуть по призыву «Роботы во имя производительности».

Правительство называет это болезнью роста. Оно сочувственно покачивает своей «коллективной головой» и заверяет их, что, мол, всё устроится и для всех наступит новая и лучшая жизнь.

Но движение медиевистов разрастается вместе с усилением процесса деклассирования. Люди приходят в отчаяние, а тогда очень легко перешагнуть границу между горьким разочарованием и диким буйством.

Вот и сейчас… Кто знает, может, считанные минуты отделяют сдерживаемую враждебность толпы от кровопролития и неистового мятежа.

Бейли отчаянно протискивался к силовому барьеру.

3. Происшествие у обувного прилавка

Внутри магазина было значительно просторнее, чем снаружи. Директор с похвальной предусмотрительностью вовремя опустил перед дверью силовой защитный барьер, не дав тем самым потенциальным смутьянам проникнуть внутрь. Это позволило также задержать зачинщиков спора, что, впрочем, было не так важно.

Бейли прошёл через барьер, открыв его офицерским нейтрализатором. К его удивлению, у Р. Дэниела тоже оказался такой нейтрализатор, только меньших размеров и более аккуратно выполненный, чем обычный полицейский образец.

К ним тотчас же подбежал директор.

— Господа полицейские, продавцов мне прислали городские власти, — начал он громким голосом, — и я не допускал никаких нарушений.

В глубине зала вытянулись в струнку три робота. У самого выхода стояла группа взволнованных женщин.

— Спокойно, пожалуйста, — сказал Бейли сухо. — Что здесь происходит? Что за шум?

— Я хотела купить туфли, — взвизгнула одна и женщина. — Почему меня не может обслужить нормальный продавец? Что, я выгляжу хуже других?

Её одежда, в особенности шляпка, выглядели достаточно вызывающе, чтобы оставить этот вопрос без ответа. Женщина покраснела от злости, и теперь на её лице были видны следы обильного грима.

— Если нужно, я её сам обслужу, — вмешался директор, — но не могу же я заниматься всеми сразу. С моими людьми всё в порядке. Они зарегистрированы в качестве продавцов. У меня их свидетельства и гарантийные талоны…

— «Талоны!» — возмутилась женщина и, злобно рассмеявшись, повернулась к остальным покупательницам. — Подумать только, он называет их людьми! Да в своём ли он уме? Не люди они. Они ро-бо-ты! — Она протянула это слово. — Вам должно быть известно, чем они занимаются. Если нет — я вам скажу. Они отнимают у людей работу. Вот почему правительство защищает их. Хочет проехаться на дармовщинку! А наши семьи пусть живут в бараках и питаются дрожжевой похлёбкой! Это мы-то, рабочий люд! Будь я хозяином, мы бы живо покончили со всеми этими роботами.

Уж это точно!

Её вразнобой поддержали остальные; снаружи нарастал гул толпы.

Бейли буквально физически ощущал присутствие стоявшего рядом с ним Р. Дэниела Оливо. Он взглянул на продавцов. Этих роботов изготовили на Земле, причём это были далеко не самые дорогие модели. Они предназначались для относительно несложной работы: они разбирались в стилях обуви, знали цены и размеры, ориентировались в колебаниях цен на бирже и делали это лучше людей, так как, не извлекая выгоды для себя, они могли составлять заказ на следующую неделю и, если нужно, снять мерку с ноги покупателя.

Сами по себе они безобидны. В массе — чрезвычайно опасны.

Сейчас Бейли сочувствовал женщине гораздо больше, чем мог бы сочувствовать вчера. Нет, даже два часа назад. Он ощущал присутствие Р. Дэниела, и его не покидала мысль о том, что этот высокоорганизованный робот может заменить его, рядового детектива класса С-5. Перед его глазами возникли бараки, он ощущал вкус дрожжевой похлёбки, он вспомнил своего отца.

Его отец был ядерным физиком и по своему

классу принадлежал к высшему классу общества. На энергостанции произошёл несчастный случай, и в этом обвинили его и деклассировали. Бейли не знал всех деталей: ему был всего год, когда это случилось.

Но он помнил бараки своего детства, тяжёлое, почти невыносимое существование. Свою мать он почти не помнил: она не долго прожила после этого. Отец хорошо сохранился у него в памяти: измождённый и мрачный человек, который иногда рассказывал о прошлом хриплым, отрывистым голосом.

Отец умер, все ещё деклассированный, когда Лайджу исполнилось восемь лет. Маленького Бейли и двух его сестёр перевели в сиротский приют их сектора. Так называемый «детский горизонт». Брат его матери, дядя Борис, был сам слишком беден, чтобы помешать этому.

Жизнь была по-прежнему трудной. Не легче приходилось и в школе, так как он не унаследовал от отца никаких привилегий.

И вот теперь ему приходится усмирять людей, которые, в сущности, лишь боятся деклассирования, так же как боится его он сам.

Бесцветным голосом он обратился к первой женщине:

— Не надо скандалить, мадам. Продавцы ничего дурного вам не сделали.

— Конечно, не сделали, — взвизгнула женщина, — и сделать не посмеют! Думаете, я позволю их холодным жирным пальцам коснуться меня? Как бы не так! Я живой человек и желаю иметь дело только с живыми людьми. А потом, слушайте, у меня двое детей, и я не хочу, чтобы они ужинали без меня в столовой, как сироты. Выпустите меня отсюда.

— Ну, хватит! — сказал Бейли, начиная терять терпение. — Если бы вы дали себя обслужить, то давно были бы дома. Вам просто хочется поскандалить. Ну, давайте быстро.

— Как так?! — с испугом воскликнула женщина. — Я не позволю со мной так разговаривать. Я вам не грязь под ногами. Пора бы правительству смекнуть, что, кроме роботов, на Земле есть люди! Я простая рабочая женщина, и у меня есть права… — Она не могла остановиться.

Бейли почувствовал себя в ловушке. Положение становилось критическим. Если даже скандалистка согласится, чтобы её обслужили, то от толпы снаружи так просто не отделаешься. За те несколько минут, что Бейли находился в магазине, она почти удвоилась, и сейчас у витрин

собралось человек сто, не меньше.

— Как обычно поступают в таких случаях? — внезапно обратился к нему Дэниел Оливо.

Бейли едва не подпрыгнул от удивления.

— Во-первых, случай весьма необычный, — начал он.

— Что говорит закон?

— Роботы находятся здесь в соответствии с установленным порядком. Они зарегистрированы, и нарушений закона не допущено.

Они переговаривались шёпотом. Бейли напустил на себя важный и грозный вид. Лицо Оливо, как всегда, ничего не выражало.

— В таком случае прикажите женщине дать себя обслужить или уйти, — предложил он.

Бейли слегка скривился.

— Нам придётся иметь дело с толпой, а не с женщиной. Надо, видимо, вызвать полицейский патруль.

— Граждане должны беспрекословно подчиняться даже одному представителю закона, — ответил на это Оливо и, повернув к директору своё широкое лицо, сказал: — Откройте силовой барьер, сэр.

Бейли схватил было его за плечо, но вовремя остановился. Открытая ссора между ними лишит

их последнего шанса утрясти инцидент мирным путём.

Директор возразил и посмотрел на Бейли. Тот избегал его взгляда.

Р. Дэниел повторил своим бесцветным голосом:

— Я приказываю вам именем закона.

— Городу придётся отвечать за порчу товаров и оборудования, — пролепетал хозяин магазина. — Официально заявляю, что делаю я это по вашему приказу.

Защитный барьер опустился, и в зал набилось много народу. Толпа издала победный рёв.

Бейли слышал о подобных беспорядках и даже был свидетелем одного из них. Он видел, как десятки рук хватались за тяжёлые и покорные тела роботов, с трудом поднимали их и передавали из рук в руки, разрывая на куски это металлическое подобие людей. В ход шли молотки, силовые ножи, игольчатые пистолеты, и в результате роботы превращались в груду изуродованного металла и запутанных проводов. Дорогостоящий позитронный мозг — венец творения человеческого ума — перебрасывали подобно мячу и в мгновение ока приводили в негодность. Обычно после такого весёлого начала толпа принималась

крушить и громить все вокруг, пока не насытится её страсть к разрушению.

Роботы-продавцы, конечно, не могли знать всего этого, но и они при виде хлынувших в магазин людей пронзительно закричали и испуганно прикрыли лица руками, как бы пытаясь спрятаться. А женщина, затеявшая все это и не ожидавшая подобного поворота событий, лишь растерянно бормотала: «Что ж это такое? Что ж это такое?» Её шляпка сбилась набок, и она лишь издавала какие-то нечленораздельные звуки.

— Остановите их, инспектор. Остановите их! — умолял хозяин.

Тут заговорил Р. Дэниел. Не прилагая видимых усилий, он перекрыл шум множества людских голосов.

«Конечно же, — в десятый раз подумал Бейли, — ведь он не...»

— Ещё один шаг вперёд, и я открою огонь! — сказал Р. Дэниел.

— Бей его! — крикнул кто-то из самых задних рядов, но на мгновение все застыли на месте.

Р. Дэниел тем временем легко вскочил на стул, а оттуда перебрался на транстексовую витрину. Холодный флуоресцирующий свет, струившийся сквозь полоски тонкой поляризованной моле-

кулярной плёнки, падал на его бесстрастное, гладкое лицо и придавал ему какой-то неземной вид.

«Неземной, ещё бы», — подумал Бейли.

Никто не двигался с места, а Р. Дэниел ждал со спокойным, но грозным видом.

— Вы говорите себе, — решительно произнёс Р. Дэниел. — «У него в руке нейтронная плеть или „щекоталка“, и если мы все бросимся на него, то пострадают один или двое, да и те потом придут в себя. А мы тем временем разнесём здесь все, и пусть летят в космос закон и порядок». — Голос его был ни суровым, ни злым, а авторитетным и уверенным. Он продолжал: — Вы ошибаетесь. У меня бластер, притом весьма мощный. Я им воспользуюсь и не стану целить поверх голов. Пока вы до меня доберётесь, я поражу многих, а может быть, большинство из вас. Я говорю серьёзно.

Где-то в задних рядах произошло движение, но толпа больше не росла. Кто-то ещё останавливался из любопытства, но у дверей толпа значительно поредела. Передние стояли, затаив дыхание и отчаянно стараясь выдержать напор сзади.

Напряжённую тишину прервали вопли женщины в шляпке:

— Он убьёт вас! Я не виновата! Выпустите меня отсюда!... — Она обернулась и оказалась лицом к лицу с плотной стеной набившихся в помещение

мужчин и женщин. Она упала на колени.

Движение к выходу усилилось ещё больше.

Р. Дэниел соскочил с витрины и сказал:

— Сейчас я пройду к выходу. Я уничтожу любого, кто прикоснётся ко мне. Когда я дойду до двери, то застрелю любого, кто сунется не в своё дело. Что касается этой женщины…

— Нет, нет, — раздался её пронзительный голос. — Я не виновата, мне не нужно никаких туфель! Мне нужно скорее домой…

— Эта женщина, — продолжал Р. Дэниел, — останется здесь, пока её не обслужат.

Он сделал шаг вперёд. Толпа молча смотрела на него. Бейли закрыл глаза. «Я здесь ни при чём, — думал он в отчаянии. — Сейчас совершится убийство, и произойдёт нечто неповторимое…» Но ведь ему навязали в партнёры робота. Роботу дали равные с ним права.

Нет, это не оправдание. Это ясно. Он мог остановить Р. Дэниела в самом начале. Он мог вызвать полицейскую машину раньше. Вместо всего этого он разрешил Дэниелу действовать самостоятельно, а сам почувствовал трусливое облегчение. Когда же он признался себе, что просто-напросто в данной ситуации личность Р. Дэниела взяла верх, то стал противен самому себе. *Робот взял*

верх…

В магазине было тихо — ни криков, ни проклятий, ни стонов, ни жалоб. Он открыл глаза.

Толпа расходилась.

Хозяин магазина понемногу приходил в себя; он поправлял сбившийся пиджак, приглаживал волосы и посылал угрозы по адресу бунтовщиков.

Снаружи донеслось характерное завывание сирены полицейской машины. «Как всегда, к шапочному разбору», — подумал Бейли.

Хозяин дёрнул его за рукав:

— Давайте уладим это дело, инспектор.

— Да уж всё улажено, — сказал Бейли.

Отделаться от полицейских было нетрудно. Они прибыли, чтобы рассеять собравшуюся на улице толпу. Полицейские не знали, что здесь произошло, а к их приезду улица уже очистилась. Бейли представил им происшедший инцидент как весьма незначительный и совершенно не упомянул об участии в нём Р. Дэниела.

Потом Бейли подвёл Р. Дэниела к железобетонной башне какого-то здания.

— Слушайте, — сказал он ему, — я вовсе не стараюсь отбивать у вас хлеб, понятно?

— Отбивать у меня хлеб? Что это значит?

— Я не сообщил о вашем участии.

— Мне не знакомы все ваши обычаи. В нашем мире положено давать полный отчёт, у вас, возможно, это не так. Во всяком случае, беспорядки предотвращены, а это самое главное, не так ли?

— Не совсем. Выслушайте меня… — Вынужденный говорить злым шёпотом, Бейли тем не менее старался придать свои словам как можно больше убедительности. — Никогда больше не делайте этого.

— Никогда не настаивать на соблюдении закона? В чём же тогда моя задача?

— Никогда не угрожайте человеку бластером.

— Я бы не выстрелил ни при каких обстоятельствах, Илайдж, и вы это прекрасно знаете. Я не могу причинить вреда человеку. Но, как вы убедились сами, мне и не пришлось стрелять. И я знал, что так и будет.

— Вам просто здорово повезло, что не пришлось стрелять. Никогда больше не рискуйте. Я сам мог пустить им пыль в глаза.

— Пыль в глаза? Зачем?

— Неважно. Поймите суть того, что я вам втолковываю. Я бы и сам мог пригрозить им бластером. Тем более, что он у меня всегда с собой. Однако ни мне, ни вам нельзя ввязываться в

подобные авантюры. Гораздо безопаснее вызвать машину, чем проявлять героизм в одиночку.

Р. Дэниел задумался. Он покачал головой.

— Мне кажется, вы ошибаетесь, Илайдж. Меня информировали о том, что, кроме всего прочего, землян, в отличие от жителей Внешних Миров, с детства приучают подчиняться авторитетам. По-видимому, это результат вашего образа жизни. Как вы убедились, одного решительного человека оказалось вполне достаточно. А то, что вы вызвали полицейскую машину, было в действительности лишь выражением вашего почти инстинктивного желания переложить ответственность на другого. Должен признаться, в нашем мире мой поступок не нашёл бы себе оправдания.

— Если бы они узнали, что вы робот…

— Я был уверен, что не узнают.

— Во всяком случае, не забывайте, что вы всё-таки робот. Робот, и ничего больше. Простой робот. Как те, что стоят у прилавка.

— Совершенно верно.

— И что вы не человеческое существо. — Бейли никак не мог совладать с охватившей его злостью.

Р. Дэниел, казалось, задумался над этими сло-

вами.

— Разница между человеком и роботом, — наконец сказал он, — вероятно, не так важна, как разница между интеллектом и отсутствием интеллекта.

— Возможно, в вашем мире, — сказал Бейли, — но не на Земле.

Он взглянул на часы и с ужасом убедился, что опаздывает на час с четвертью. У него пересохло в горле при мысли, что Р. Дэниел выиграл первый раунд, в то время как он сам оказался совершенно беспомощным.

Он вспомнил об этом юноше, Винсе Бэррете, которого заменил Р. Сэмми. Подумал о себе, Илайдже Бейли, которого может заменить Р. Дэниел. Отца, по крайней мере, выбросили из-за несчастного случая, из-за того, что погибли люди. Может быть, отец и был виновен — Бейли этого не знал. Но с другой стороны, его могли выдворить, чтобы освободить место для физика-робота. Может быть, и так. И тут ничего не поделаешь.

— Пойдёмте, — сказал он сухо. — Я должен отвезти вас к себе.

— Понимаете, проводя сравнение, следует исходить лишь из наличия интел… — начал было Р. Дэниел.

Бейли повысил голос:

— Довольно. С этим покончено. Нас ждёт Джесси. — И он направился к ближайшей межсекторной переговорной трубке. — Мне надо предупредить её, что мы сейчас поднимемся.

— Джесси?

— Да, мою жену.

«О боже, — подумал Бейли, — настроение у меня как раз для Джесси!»

4. Знакомство с семьёй детектива

Илайдж Бейли сначала обратил на неё внимание только из-за её имени. Он познакомился с Джесси у чаши с пуншем во время рождественского вечера их сектора ещё в…02 году. Бейли лишь недавно окончил учёбу, недавно получил назначение в городскую администрацию и недавно переехал в этот сектор. Он занимал один из альковов для холостяков в общежитии 122-А. Неплохое жилище для холостяков.

— Меня зовут Джесси, — сказала она, угощая его пуншем. — Джесси Наводны. Я с вами не знакома.

— Бейли, — ответил он. — Лайдж Бейли. Я только-только поселился в этом секторе.

Он взял рюмку и вежливо улыбнулся. Ему понравился её весёлый нрав и приветливость, так что он решил держаться к ней поближе. Он никого здесь не знал, а когда не можешь принять участие в общем веселье, тобой поневоле одолевает чувство одиночества. Быть может, потом алкоголь сделает своё дело и станет веселее.

А пока он не отходил от чаши с пуншем и смот-

рел по сторонам, задумчиво потягивая напиток.

— Я помогала готовить пунш. — Голос девушки вывел его из задумчивости.

— Так что рекомендую попробовать ещё. Хотите?

Оказалось, что его маленькая рюмка пуста. Он улыбнулся и сказал:

— Да.

Овальное лицо девушки можно было бы назвать красивым, если бы ни чуть-чуть великоватый нос. На ней было скромное платье. Её светло-каштановые волосы колечками падали на лоб.

Она выпила с ним следующую рюмку, и ему стало лучше.

— Джесси… — Он с удовольствием, будто смакуя, произнёс её имя. — Хорошее имя. Вы не против, если я буду обращаться к вам по имени?

— Конечно, нет. Пожалуйста. А вы знаете моё полное имя?

— Джессика?

— Ни за что не догадаетесь.

— Больше я ничего не могу придумать.

Она рассмеялась и сказала лукаво:

— Моё полное имя — Джезебел.

Вот тут-то он по-настоящему заинтересовал-

ся ею. Он поставил свою рюмку и сдержанно сказал:

— Не может быть.

— Честное слово. Я не шучу. Джезебел. Во всех моих бумагах стоит именно это имя. Моим родителям нравилось, что оно такое звучное.

Она явно гордилась своим именем, хотя едва ли во всём мире найдётся менее подходящая Джезебел.

— Вы знаете, а меня зовут Илайдж, — серьёзно сказал он. — То есть это моё полное имя.

Это не произвело на неё впечатления.

— Илайдж, по библии — Илия, был злейшим врагом Джезебел-Иезавели, — сказал он.

— Правда?

— Конечно.

— Вот как? А я и не знала. До чего интересно!... Но ведь это же не значит, что в жизни вы тоже должны стать моим врагом.

Это было исключено с самого начала. Сперва благодаря именно такому совпадению она перестала быть для него просто милой разливальщицей пунша. А потом оказалось, что она и жизнерадостна, и добра, и, наконец даже миловидна. Особенно ему пришёлся по душе её весёлый нрав. Его собственный скептицизм нуж-

дался в противоядии.

А Джесси, по-видимому, ничего не имело против его серьёзного, вытянутого лица.

— О боже, — говорила она, — а вдруг ты и в самом деле ужасно нудный? Нет, не может быть. И вообще если бы ты вечно улыбался, как заводной, вроде меня, на двоих этого было бы слишком много. Оставайся самим собой, Лайдж, и не давай мне слишком отрываться от земли.

Она же помогала Лайджу Бейли держаться на поверхности. Он подал заявление на небольшую квартиру для новобрачных и получил разрешение въехать в неё после женитьбы. Он показал ей ордер и сказал:

— Хочешь устроить так, чтобы я выехал из общежития, Джесси? Мне там не нравится.

Это было далеко не самое романтическое предложение в мире, но Джесси оно пришлось по душе.

Бейли припоминает только один случай, когда присущая Джесси весёлость начисто изменила ей, и это тоже было связано с её именем. Это произошло на первом году их совместной жизни, ещё до рождения ребёнка. «Быть может, — вспоминал Бейли, — она стала такой раздражительной, потому что ждала Бентли?»

У неё портилось настроение оттого, что Бейли постоянно задерживался на работе.

— Мне не удобно каждый вечер ходить одной в столовую, — сказала однажды она ему.

Бейли устал и был не в духе.

— С чего бы это? — сказал он. — Там ведь немало интересных холостяков.

Тут уж она вскипела:

— Уж не думаешь ли ты, что я не способна нравиться мужчинам, Лайдж Бейли?

Возможно, это случилось только потому, что он устал; возможно, потому, что его соученик Джулиус Эндерби обошёл его ещё на одну ступеньку по служебной лестнице. А может быть, ему просто надоело смотреть, как она подделывается под своё имя, хотя у неё нет ни малейшего сходства с Иезавелью.

Во всяком случае, он едко заметил:

— Конечно, способна, но вряд ли станешь это делать. И вообще забудь-ка ты своё имя и оставайся сама собой.

— Это уж моё дело.

— Это ни к чему не приведёт. И если хочешь знать, она вовсе не была такой, как ты думаешь. Библейская Джезебел старалась быть верной и хорошей женой и вообще не позволяла себе

лишнего.

Джесси сердито посмотрела на него:

— Ничего подобного. О ней говорят «нарумяненная Джезебел». Я знаю, что это значит.

— Тебе это только кажется. Вот послушай. Когда муж Иезавели, царь Ахав, умер, царём стал её сын. Один из его военачальников восстал против него, убил его и отправился в Израиль, где жила старая царица. Она узнала об этом и поняла, что он хочет убить и её тоже. В своей гордыне и отваге она нарумянила лицо и оделась в свои лучшие одежды, чтобы встретить его как подобает надменной и непокорной царице. Он приказал выбросить её из окна дворца, и она погибла; по-моему, она умерла достойно. Именно это и имеют ввиду люди, когда говорят «нарумяненная Джезебел», — знают её историю или нет.

На следующий вечер Джесси негромко сказала:

— Я читала библию, Лайдж.

— Что? — Бейли даже не сразу понял, о чём идёт речь.

— Те места, где говорится о Джезебел.

— О Джесси! Извини, если я тебя обидел. Я поступил, как мальчишка.

— Нет, нет. — Она не дала ему обнять себя и со

строгим видом села на кушетку поодаль от него. — Я теперь знаю всю правду и не желаю, чтобы меня дурачили. Поэтому я прочитала о ней. Всё-таки она была испорченной женщиной, Лайдж.

— Понимаешь, эти главы написаны её недругами. Мы не знаем её версии.

— Она убила всех пророков господа, какие попались ей в руки.

— Ей это приписывают. — Бейли полез в карман за жевательной резинкой. (Несколько лет спустя он оставил эту привычку, потому что Джесси сказала, что с его длинным лицом и грустными карими глазами он напоминает старую корову, жующую неприятную жвачку, которую она не может проглотить, но и не хочет выплюнуть.) — А если хочешь знать её версию, то я могу кое-что тебе рассказать. Она уважала религию своих предков, которые жили на этой земле ещё задолго до прихода иудеев. У иудеев был свой бог, больше того — это был особый, единственный бог. Они хотели, чтобы ему поклонялись все без исключения.

Джезебел была консервативной по натуре и придерживалась старой веры. В конце концов, если новая вера отличалась более высокой моралью, старая приносила ей большее эмо-

циональное удовлетворение. Тот факт, что она истребила пророков, лишь подтверждает, что она была детищем своего времени. В те дни именно таким способом и обращали в свою веру. Если ты читала «Книгу царств», то должна помнить, что Илия — на нашему Илайдж (на этот раз мой тёзка) — состязался с восьмьюстами пятьюдесятью пророками Ваала в том, кто сумеет вызвать небесный огонь. Илайдж победил и тут же приказал толпе убить восемьсот пятьдесят ваалитов. Что и было сделано.

Джесси прикусила губу.

— Как насчёт виноградника Навуфея, Лайдж? Жил этот себе Навуфей, никто его не трогал, а лишь отказался продать царю своей виноградник. Тогда Джезебел устроила так, что люди нарушили клятву и обвинили Навуфея в богохульстве или ещё в чём-то.

— Кажется, он «хулил бога и царя», — заметил Бейли.

— Да. Поэтому его казнили и конфисковали его имущество.

— Они поступили несправедливо. В наше время с Навуфеем было бы легко справиться. Если бы городу понадобилась его собственность и даже если бы это случилось в медиевальные времена,

суд приказал бы ему освободить её, а то и применил бы силу и уплатил бы ему разумную сумму. У царя Ахава не было другого выхода. И всё же решение Джезебел было неверным. Её единственное оправдание в том, что Ахав был тогда ужасно расстроен, и ей казалось, что её любовь к мужу важнее благополучия Навуфея. Так вот я и говорю, она была образцом преданной же…

Джесси рванулась от него, раскрасневшаяся и рассерженная.

— Ты просто низкий и вредный человек.

Он посмотрел на неё в полном недоумении:

— Что я такого сделал? Что с тобой?

Она ушла, не сказав ни слова, и весь вечер до поздней ночи провела в субэтерных видеозалах, в раздражении перехода из зала в зал и расходуя свою двухместную норму (а кстати, и норму мужа).

Когда Джесси вернулась домой, Бейли все ещё не спал, но она не стала с ним разговаривать.

Позднее, гораздо позднее Бейли сообразил, что он нанёс ей сокрушительный удар. Ей прежде казалось, что её имя таит в себе что-то интригующе-порочное. Оно было как бы приятным вознаграждением за её спорное, слишком уж респектабельное прошлое. Оно несло в себе аромат

безнравственности, и Джесси его обожала.

Но этому пришёл конец. Она больше никогда на называла себя полным именем ни Лайджу, ни своим друзьям, ни, как он догадывался, даже самой себе. Её звали Джесси, и она стала подписываться этим именем.

Через несколько дней она снова начала разговаривать с ним, а неделю спустя между ними установились прежние отношения. И как бы они потом не ссорились, они никогда не касались этого больного места.

Только однажды, да и то косвенным образом, об этом зашла речь. Джесси скоро должна была стать матерью. Она оставила своё место помощника диетолога в столовой А-23 из сектора и от вынужденного безделья развлекалась тем, что занималась приготовлениями к рождению ребёнка.

Как-то вечером она сказала:

— А как насчёт Бентли?

— Прости, дорогая, не понял? — Бейли оторвался от работы, которую взял на дом. (Если учесть, что скоро появится ещё один рот, и что Джесси перестала получать жалованье, и что перспектива его выдвижения на административный пост остаётся, как всегда, неопределённой, лишняя

работа на дому не помешает.)

— Ну, если ребёнок окажется мальчиком… Тебе нравится имя «Бентли»?

Бейли скорчил недовольную мину:

— Бентли Бейли? Не слишком ли похоже друг на друга?

— Не думаю. Мне кажется, в нём что-то есть. И потом, мальчик, когда подрастёт, подберёт себе второе имя на свой вкус.

— Ну что ж, я не возражаю.

— Ты серьёзно? То есть… Может, ты хочешь, чтоб его звали Илайдж?

— Илайдж-младший? По-моему, это не очень удачная мысль. Если захочет, он может назвать так своего сына.

— Дело вот в чём… — начала Джесси и остановилась.

После короткой паузы он спросил:

— В чём?

Она словно избегала его взгляда, но всё же достаточно твёрдо сказала:

— «Бентли» ведь не библейское имя, верно?

— Нет, не библейское, — ответил Бейли. — Я в этом вполне уверен.

— Тогда прекрасно. Хватит с меня всяких библейских имён.

Они больше никогда к этому не возвращались с того самого времени и до дня, когда Илайдж Бейли появился дома с роботом Дэниелом Оливо.

Бейли остановился у большой двойное двери, на которой светилась крупная надпись: «ТУАЛЕТНЫЙ БЛОК — МУЖЧИНЫ». Буквами поменьше было написано: «Секции 1А — 1Е». А над замочной скважиной стояла мелкая надпись: «В случае потери ключа немедленно сообщите по номеру 27-101-51».

Мимо них проскользнул мужчина, вставил в алюминиевую скважину металлическую пластинку и вошёл внутрь. Он закрыл за собой дверь, даже не сделав попытки придержать её для Бейли. Поступи он иначе, Бейли воспринял бы это как серьёзное оскорбление. По прочной традиции мужчины совершенно игнорировали присутствие друг друга внутри или непосредственной близости от туалетных.

Джесси как-то сказала, что в женских туалетных дело обстоит совсем по-другому.

Она, бывало, говорит: «Встретила в туалетной Джозефину Грили, а та и говорит…»

Один из недостатков прогресса проявился в том, что, когда семья Бейли получила разрешение на установку небольшого умывальника в своей

спальне, от этого пострадала светская жизнь Джесси.

Бейли сказал, не сумев скрыть своё смущение:

— Пожалуйста, подождите здесь, Дэниел.

— Вы будете умываться? — спросил Р. Дэниел.

Бейли недовольно поёжился и подумал: «Чёртов робот! Уж если его напичкали сведениями о нашем стальном колпаке, то почему не научили манерам? Ведь мне отвечать, если он обратится к кому-нибудь с чем-то подобным».

— Я приму душ, — сказал он. — Вечером будет слишком много народу. Я только потеряю время. Если я сделаю это сейчас, весь вечер у нас будет свободным.

Лицо Р. Дэниела не меняло своего спокойного выражения.

— По вашим обычаям, я должен ждать снаружи?

Бейли смутился ещё больше.

— Но ведь вам там нечего делать…

— О, я вас понял. Да, конечно. Однако, Илайдж, мои руки тоже становятся грязными, и я хочу вымыть их.

Он протянул ему руки ладонями кверху. Они были розоватого цвета, полные, совсем как у человека. Они могли служить образцом безупреч-

ного и тонкого мастерства и были чистыми ровно настолько, насколько необходимо.

— Между прочим, у нас дома есть умывальник, — заметил Бейли небрежно. Снобизм всё равно не дойдёт до робота.

— Благодарю вас за любезность. Но всё-таки я бы предпочёл воспользоваться этим местом. Поскольку мне предстоит жить среди вас, жителей Земли, будет лучше, если я усвою как можно больше ваших обычаев и привычек.

— Тогда пойдёмте.

Внутри было светло и радостно, в отличие от серого утилитаризма большинства других частей города, но сейчас Бейли не обратил на это внимания.

Он прошептал Р. Дэниелу:

— Я провожусь около получаса. Подождите меня. — Он отошёл, но затем вернулся и добавил: — Слушайте, ни с кем не разговаривайте и ни на кого не смотрите. Ни слова, ни взгляда! Таков обычай.

Бейли быстро огляделся вокруг, чтобы убедиться, что никто не заметил этот короткий монолог и что на него не устремлены шокированные взгляды. К счастью, в вестибюле никого не было, и потом, это же только вестибюль, в конце концов.

Испытывая какое-то неприятное чувство, он быстро прошёл мимо общих залов к индивидуальным кабинам. Прошло уже пять лет с тех пор, как он пользуется этим благом — просторной комнатой с душем, небольшой прачечной и другими удобствами. Здесь даже есть небольшой проектор, который можно настроить на передачу киноновостей.

— Дом вне дома, — пошутил он, когда впервые увидел эту кабину.

Сейчас он часто задумывался, трудно ли было бы ему вновь привыкнуть к спартанским условиям общих залов, если бы он вдруг лишился привилегии пользоваться кабиной.

Он нажал кнопку прачечной, и гладкая поверхность счётчика засветилась.

Р. Дэниел терпеливо ждал, когда Бейли возвратится чисто вымытый и в свежей сорочке; сейчас он чувствовал себя гораздо бодрее.

— Всё в порядке? — спросил Бейли, как только они вышли наружу и уже могли разговаривать.

— В полном порядке, Илайдж, — ответил Р. Дэниел.

…Джесси встретила их у двери, натянуто улыбаясь. Бейли поцеловал её и неуверенно произнёс:

— Джесси, это мой новый напарник — Дэниел

Оливо.

Джесси протянула руку, и Р. Дэниел подержал её и опустил. Затем она повернулась к мужу и, робко взглянув на Дэниела сказала:

— Присядьте, пожалуйста, мистер Оливо. Мне нужно поговорить с мужем о семейных делах. Это займёт не больше минуты. Надеюсь, вы не обидитесь?

Она потянула Бейли за рукав в соседнюю комнату.

— Ты не пострадал, Лайдж? — прошептала она торопливо. — Я так волновалась после этого ужасного сообщения…

— Какого сообщения?

— По радио, час назад. О скандале в обувном магазине. Передавали, что два детектива их утихомирили. Я знала, что ты идёшь домой со своим напарником, а это произошло совсем рядом с нами как раз в то время, когда ты должен был там проходить, и я подумала, что все гораздо серьёзнее, чем сообщили, и что…

— Успокойся, Джесси. Ты же видишь, я в полном порядке.

Ей с трудом удалось овладеть собой, и она спросила, все ещё нервничая:

— А он из твоего отдела?

— Нет, — ответил Бейли, смутившись. — Он… не из наших.

— Как его принимать?

— Да как всех. Он — мой напарник, вот и все.

Он сказал это так нерешительно, что Джесси насторожилась снова.

— Что-нибудь случилось?

— Да нет же. Хватит, пойдём в гостиную, а то неудобно.

Лайдж Бейли испытывал сейчас какую-то неуверенность относительно своей квартиры. До самого последнего времени он был вполне ею доволен.

Сейчас же, когда гостем Бейли было существо из Внешних Миров, он вдруг засомневался. Квартира казалась ему тесной и неуютной.

— Лайдж, вы с мистером Оливо, наверное, здорово проголодались? — с наигранной весёлостью спросила Джесси.

— Между прочим, — поспешно ответил Бейли, — Дэниел не будет с нами питаться. А я бы перекусить не отказался.

Джесси спокойно восприняла это известие.

При нынешнем жёстком контроле над распределением продуктов отказаться от угощения в чужом доме не считалось дурным тоном.

— Надеюсь, вы нас извините, мистер Оливо. Мы с мужем и сыном Бентли обычно ходим обедать в столовую. Это удобнее, да и выбор лучше, и, между нами, порции там больше, чем дома. Кстати, нам с Лайджем разрешили трижды в неделю питаться дома, если мы захотим, конечно. Лайдж на хорошем счёту у себя на работе, и у нас очень прочное положение. Так вот, я подумала, что, если бы вы к нам присоединились, мы могли бы немного попировать дома, хотя, признаюсь, я не одобряю тех, кто злоупотребляет своими личными привилегиями. Это просто антиобщественно.

Р. Дэниел вежливо слушал.

Бейли незаметно подавал ей знаки, чтобы она замолчала.

— Джесси, я проголодался, — сказал он.

— Нарушу ли я ваш обычай, миссис Бейли, — обратился Р. Дэниел к Джесси, — если буду называть вас по имени?

— Что вы, конечно, нет. — Джесси опустила скрытый в стене обеденный стол и к углублению в его крышке подключила подогреватель тарелок. — Пожалуйста, э-э… Дэниел, не смущайтесь: зовите меня просто Джесси. — Она захихикала.

Бейли был вне себя от гнева. Положение становится все нелепей. Джесси принимает Р. Дэниела

за человека. Он, конечно, будет темой для болтовни в женской туалетной. К тому же лицо у него по-своему интересное, и Джесси польстила его вежливость. Это сразу видно.

«Интересно, — мрачно размышлял Бейли, — всё это ерунда. На Внешних Мирах женщины выше ростом и такие же стройные и горделивые, как мужчины. Во всяком случае, такими их изображают их в книгофильмах, и Р. Дэниел привык, видимо, именно к такому типу женщин».

Как бы то ни было, Р. Дэниел совершенно спокойно отнёсся к болтовне Джесси, её внешности и к тому, что она называла его по имени.

— Вы уверены, что это правильно? Ведь «Джесси» — это, видимо, уменьшительное имя, и так вас, наверное, зовут только близкие люди. Быть может, мне надлежит вас называть полным именем?

Джесси вдруг чересчур сосредоточенно стала вскрывать упаковку из обеденного пайка.

— Ничего, — сказала она отрывисто. — Меня все так зовут. Другого имени у меня нет.

— Очень хорошо, Джесси.

Открылась дверь, и в комнату осторожно вошёл мальчик. Его взгляд почти сразу остановился на Р. Дэниеле.

— Папа?… — сказал мальчик неуверенно.

— Это мой сын Бентли, — негромко сказал Бейли. — Это мистер Оливо, Бен.

— Он твой напарник, да, пап? Здравствуйте, мистер Оливо. — Глаза его заблестели от возбуждения. — Слушай, пап, а что произошло в магазине? По радио говорили…

— Сейчас никаких вопросов, Бен! — резко прервал его отец.

Лицо Бентли вытянулось от огорчения, и он посмотрел на Джесси, которая молча указала ему на стул.

— Ты сделал всё, что я велела, Бентли? — спросила Джесси, когда мальчик сел за стол.

Она погладила его по голове. У него были такие же тёмные волосы, как у отца, и роста он будет отцовского, всё же остальное у него от неё. То же овальное лицо, карие глаза, тот же беспечный нрав.

— Конечно, мам, — ответил Бентли и подался немного вперёд, чтобы разглядеть, что было в накрытом крышкой блюде, из которого уже поднимался пахучий пар. — Что у нас на обед? Опять зимовил, а, мам?

— А чем плох зимовил? — ответила Джесси и сердито поджала губы. — Ты будешь есть то, что

тебе дадут, и, пожалуйста, без разговоров.

Было совершенно ясно, чем их будут кормить. Бейли занял своё место за столом. Он тоже съел бы что-нибудь другое вместо зимовила с его резким запахом и неприятным привкусом. Но у них с Джесси уже был разговор на эту тему.

— Нет, я не могу этого делать, Лайдж, — объясняла она ему. — Я верчусь здесь целый день и не хочу наживать себе врагов. Все наши соседи знают, что я работала помощником диетолога, и стоит мне теперь раз в неделю брать бифштекс или курицу, так начнутся лишние разговоры. Тем более, что многие из наших соседей не имеют права питаться дома даже по воскресеньям. Между прочим, зимовил и протовег не так уж и плохи. Это очень питательные вещества и полностью усваиваются организмом. К тому же в них много витаминов, и минеральных солей, да и всего остального, что необходимо человеку. А курицу мы можем есть каждый вторник в столовой.

Бейли легко сдался. Джесси права: самое главное в жизни — избегать трений с людьми, которые со всех сторон окружают тебя. Убедить в этом Бентли было несколько трудней.

— Слушай, мам, — сказал он по этому поводу, — а можно мне одному пойти в столовую по па-

пиному талону? Можно, а, мам?

Джесси раздражённо покачал головой и ответила:

— Ты меня удивляешь, Бентли. Что скажут люди, если увидят, что ты ешь один, будто у тебя нет ни семьи, ни дома?

— А ну их, это их не касается.

— Не смей спорить с мамой, Бентли, — вмешался отец с нотками раздражения в голосе.

Бентли грустно пожал плечами и замолк. В это время с другого конца комнаты донёсся голос Р. Дэниела:

— Можно мне посмотреть эти книгофильмы, пока вы едите?

— Конечно! — воскликнул Бентли, вскочив со стула, и его лицо засветилось от интереса. — Это мои книги. Я взял из в библиотеке по специальному разрешению из школы. Сейчас я вам дам фильмоскоп. Он довольно хороший. Папа подарил мне его в прошлом году в день рождения.

Он принёс фильмоскоп и спросил:

— Вы интересуетесь роботами, мистер Оливо?

У Бейли из рук выпала ложка, и он наклонился за ней.

— Да, Бентли. Очень интересуюсь.

— Тогда вам понравится. Здесь все о роботах. Я готовлюсь к сочинению на эту тему. А тема довольно сложная, — добавил он солидно. — Я, лично, против роботов.

— Сядь на место, Бентли, — не выдержал Бейли, — и не мешай мистеру Оливо.

— Он мне совершенно не мешает, Илайдж. Я бы очень хотел поговорить с тобой на эту тему, Бентли. К сожалению, сегодня вечером мы с твоим отцом будем очень заняты.

— Спасибо, мистер Оливо.

Бентли уселся за стол и, бросив на мать недовольный взгляд, ковырнул вилкой розовый, рыхлый кусок зимовила.

«Заняты сегодня вечером?» — подумал Бейли.

И тут он вспомнил о своём задании. Он с отвращением подумал о том, что в Космотауне лежит труп космонита и что, занятый своими собственными делами, он начисто позабыл о совершенном убийстве.

5. Анализ убийства

Джесси попрощалась с ними. На ней была вечерняя шляпка и жакет из кератофибра.

— Извините меня, пожалуйста, мистер Оливо, — обратилась она к Р. Дэниелу, — но знаю, что вам с мужем надо о многом поговорить.

Открыв дверь, она подтолкнула сына вперёд.

— Джесси, когда вы вернётесь? — окликнул его Бейли.

Она помолчала.

— А когда нужно вернуться?

— Да как сказать… Допоздна не задерживайтесь. Приходи, как обычно, не позже двенадцати.

Он вопросительно взглянул на Р. Дэниела. Тот кивнул.

— Извините, что я выживаю вас из дома.

— Ничего подобного, мистер Оливо. Вы вовсе меня не выживаете. Я всегда провожу этот вечер с подругами. Пошли, Бен.

Но мальчик заартачился.

— Мне-то зачем уходить? Я не буду мешать. Правда!

— Перестань, Бен.

— Тогда почему мне нельзя пойти с тобой в этерекс?

— Потому, что я иду со своими друзьями, а у тебя есть другие дела…

Дверь закрылась за ними.

И вот теперь наступил тот момент, который Бейли все старался оттянуть. Вначале он подумал: «Сперва познакомлюсь с роботом, посмотрю, что это такое». Потом решил: «Поговорю лучше с ним дома», а потом подумал: «Надо сперва поесть».

Теперь всё это позади, и откладывать больше нельзя. Он наконец оказался лицом к лицу с проблемами убийства, межпланетных отношений, возможного повышения по службе или столь же вероятного позора. Но начать расследование он не мог, лишь обратившись за помощью к роботу.

Задумавшись, он отбивал ногами дробь по крышке стола, который не убрали в углубление в стене.

Р. Дэниел прервал молчание:

— Вы уверены, что нас здесь не подслушивают?

Бейли взглянул на него с удивлением.

— Никому в голову не придёт подслушивать разговоры в чужой квартире.

— То есть у вас это не принято?

— Конечно, нет, Дэниел. Это всё равно, что, ну, скажем, заглядывать в чужую тарелку.

— Или же совершить убийство?

— Что?

— Убивать у вас тоже не принято, так ведь, Илайдж?

Бейли начал злиться.

— Слушайте, если хотите быть моим партнёром, не напускайте на себя космонитскую спесь. Вам это не под стать, Р. Дэниел. — Он подчёркнуто произнёс «Р. Дэниел».

— Простите, если я вас обидел, Илайдж. Я лишь хотел указать, что, поскольку люди вопреки их обычаям способны совершать убийство, они тем более могут заниматься подслушиванием.

— Квартира хорошо изолирована, — ответил Бейли, все ещё хмурясь. — Вы ведь не слышите, что происходит у соседей слева и справа от нас? Вот и они нас не слышат. Кроме того, откуда им знать, чем мы собираемся заниматься?

— По-моему не следует недооценивать противника.

Бейли пожал плечами.

— А по-моему, пора приступать к делу. Я располагаю весьма отрывочными сведениями и могу без труда выложить всё, что знаю. Мне известно,

что человек, по имени Рой Немменни Сартон, гражданин планеты Аврора, житель Космотауна, был убит неизвестным лицом или лицами. Насколько я знаю, космониты не считают это случайным убийством. Я прав?

— Вы совершенно правы, Илайдж.

— Они связывают это с недавними попытками саботировать предложенный космонитами план превращения нас в единое общество людей и роботов, наподобие цивилизаций, существующих на Внешних Мирах, и полагают, что убийство было осуществлено хорошо организованной террористической группой.

— Да.

— Отлично. Тогда для начала предположим, что космониты ошибаются. Почему убийство не может быть делом рук какого-нибудь одинокого фанатика? На Земле многие недовольны роботами, однако нет ни одной партии, которая бы проповедовала насилие подобного рода.

— В открытую — возможно, и нет.

— Даже подпольная организация, цель которой — уничтожение роботов и робототехники, — не пошла бы на такой крайне рискованный шаг, как убийство космонита. Вероятнее всего, это поступок неуравновешенного человека.

Р. Дэниел внимательно слушал.

— «Фанатическая» версия кажется мне маловероятной, — сказал он. — Жертва выбрана тщательно, время для убийства тоже. Ясно, что всё было заранее подготовлено организованной группой.

— В таком случае, вам известно больше, чем мне, и незачем играть в прятки!

— Я не знаю этого выражения, но смысл его, кажется, понял. Рассмотрим общую ситуацию. По нашему мнению, отношения между Космотауном и Землёй складываются неудовлетворительно.

— Хуже некуда, — проворчал Бейли.

— Мне известно, что при основании Космотауна подразумевалось, что земляне создадут у себя объединённое общество, так хорошо зарекомендовавшее себя на Внешних Мирах. Поэтому нам казалось, что первые вспышки недовольства — это всего лишь проявление страха землян перед чем-то новым, непривычным… Однако, — продолжал Р. Дэниел, — время показало, что это не так. Несмотря на полное содействие Всеземного Правительства и правительства большинства городов, мы наталкивались на постоянное сопротивление, и добиться нам удалось немногого. Естественно, нас беспокоит положение на Земле.

— Из чистого альтруизма, я полагаю, — вставил Бейли.

— Не совсем, — ответил Р. Дэниел. — Хотя очень любезно, что вы так хорошо о нас думаете. По нашему убеждению, здоровая и обновлённая Земля принесёт пользу всей Галактике. По крайней мере, таково мнение жителей Космотауна. Должен, однако, признать, что на Внешних Мирах имеются силы, противостоящие этому.

— Как? Разногласия среди космонитов?

— Разумеется. Кое-кто считает, что обновлённая Земля станет опасней и агрессивней. Эту точку зрения разделяют те миры, которые расположены ближе к Земле и где ещё хорошо помнят первые несколько столетий межпланетных путешествий, когда они находились в политической и экономической зависимости от Земли.

— Старая песня, — вздохнул Бейли. — Неужто их это в самом деле беспокоит? И когда им надоест попрекать нас тем, что произошло тысячу лет назад?

— Люди устроены по-особому, — заметил Р. Дэниел. — Во многом они не столь разумны, как мы, роботы, поскольку их цепи в меньшей степени запрограммированы. Говорят, что это имеет свои преимущества.

— Может, и имеет, — ответил Бейли сухо.

— Вам лучше знать, — продолжал Р. Дэниел. — Как бы то ни было, наши постоянные неудачи на Земле сплотили ряды противников сближения с вами. Они утверждают, что земляне отличаются от космонитов и поэтому не могут усвоить традиции последних. И если навязать им роботов, говорят они, Галактика окажется в опасности. Они постоянно помнят о том, что население Земли насчитывает восемь миллиардов человек, тогда как число обитателей всех пятидесяти Внешних Миров не превышает пяти с половиной миллиардов. Жители Космотауна, в особенности доктор Сартон…

— Так он был учёным?

— Он был доктором социологии, специализировался в робототехнике. Весьма талантливый человек.

— Ясно. Продолжайте.

— Так вот, доктор Сартон и его сторонники опасались, что наши постоянные неудачи положат конец развитию Космотауна и всему, что с ним связано. Он пришёл к выводу, что пора, наконец, постараться понять психологию землян. Говорить об их внутреннем консерватизме, повторять избитые фразы о «неменяющейся Земле» или

о «непостижимом уме» землян — значит лишь уклоняться от решения проблемы.

Доктор Сартон считал, что это говорит наше невежество и что ни присказками, ни снотворным от землян не отделаться. Те космониты, говорил он, которые поставили задачу переделать Землю, должны отказаться от изоляции Космотауна и смешаться с землянами. Они должны жить как земляне, думать, как думают те, быть, как они.

— Космониты? Но это же невозможно! — воскликнул Бейли.

— Вы совершенно правы, — согласился с ним Дэниел. — Несмотря на эту теорию, сам доктор Сартон был не в силах поселиться в городе, и он знал это. Он бы не вынес его громадных размеров и такого скопления людей. Даже если бы под угрозой оружия его и вынудили жить среди вас, внешняя среда так довлела бы над ним, что он никогда бы не проник в сокровенные тайны, которых искал…

— Не забывайте, как космониты трясутся над свои здоровьем, — прервал его Бейли. — Из-за одного этого они побоятся поселиться у нас.

— И это тоже. Внешние Миры не знают, что такое болезнь в земном смысле. А неизвестность

всегда пугает. Доктор Сартон понимал все это и тем не менее настаивал на глубоком изучении землян и их образа жизни.

— Похоже, что он сам загнал себя в угол.

— Не совсем. Все эти трудности касаются лишь людей-космонитов. Роботы — совсем другое дело.

«Дьявольщина, всё время забываю, что он робот», — подумал Бейли, и в слух сказал:

— Вот как?

— Да, — ответил Р. Дэниел. — Мы, естественно, более гибки. По крайней мере в этом отношении. Нас легче приспособить к жизни на Земле. Если внешне робот будет исключительно тонкой копией человека, земляне примут его и позволят ближе изучить свою жизнь.

— И вот вы… — осенило вдруг Бейли.

— …и есть такой робот, — подхватил Дэниел. — Целый год доктор Сартон разрабатывал проект и конструкцию новых роботов. Я первый и пока лишь единственный экземпляр. К сожалению, моё образование ещё не закончено, так-как из-за убийства доктора Сартона меня решили использовать раньше намеченного срока.

— Значит, не все ваши роботы такие, как вы? То есть, они всё-таки больше походят на роботов,

чем на людей?

— Разумеется. Внешний вид робота зависит от его назначения. Именно поэтому я и являюсь точным подобием человека. Другие роботы отличаются от меня, хотя все они имеют человеческий облик. И, уж конечно, они выглядят лучше, чем те невероятно примитивные модели, которые мы встретили в магазине. Неужели все ваши роботы такие?

— Более или менее, — ответил Бейли. — Вам это не нравится?

— Конечно, нет, — сказал Р. Дэниел. — Трудно заставить поверить людей в ум робота, пока внешне он лишь грубая пародия на человека. Разве ваши заводы не могут выпускать лучшие образцы?

— Я уверен, что могут, Дэниел. Но мы предпочитаем знать, когда имеем дело с роботом, а когда нет.

Бейли посмотрел роботу прямо в глаза. Они были ясными в влажными, как у человека, однако Бейли показалось, что взгляд их был слишком упорным и малоподвижным, в отличие от живого человеческого взгляда.

— Надеюсь, что со временем пойму эту точку зрения, — спокойно сказал Р. Дэниел.

Какое-то мгновение Бейли казалось, что он уловил сарказм в его словах, но тут же отбросил эту нелепую мысль.

— Во всяком случае, — продолжал Р. Дэниел, — доктор Сартон ясно себе представлял, что это одна из проблем C/Fe.

— Це-фе? Что это такое?

— Химически символы, обозначают элемент углерода и железа, Илайдж. Углерод составляет основу человеческой жизни, а железо — жизни робота. Поэтому символами C/Fe легко обозначить культуру, сочетающую в себе лучшие качества обоих на равной, но параллельной основе.

— Це-ферум… Это пишется через чёрточку или как?

— Нет, Илайдж. Между символами принято проводить диагональную линию. Тем самым предпочтение не отдаётся ни тому, ни другому, но подчёркивается слияние обоих.

Бейли вдруг спохватился, что с интересом слушает робота. Программа обязательного образования на Земле почти не даёт знаний по истории и социологии Внешних Миров после Великого Восстания, давшего им независимость. К тому же дешёвые книгофильмы создали своё галерею образцов пришельцев из Внешних

Миров: промышленного магната, желчного и эксцентричного; его прекрасной наследницы, как правило поражённой чарами одного из землян и находящей утешение от всех невзгод в любви; надменного соперника-космонита, злобного и глупого неудачника. Эти романы приносят один только вред, потому что в них искажаются самые очевидные факты. Всем известно, что космониты никогда не появлялись в городах и покуда на Земле ещё не высадилась ни одна представительница Внешних Миров.

Впервые в своей жизни Бейли почувствовал какое-то странное любопытство. Как же всё-таки живут космониты?

С трудом он заставил себя вернуться к тому, что занимало сейчас их обоих.

— Кажется, до меня дошло, куда вы клоните, — обратился он к Дэниелу. — Ваш доктор Сартон подошёл к проблеме создания на Земле цивилизации C/Fe с новой и обнадёживающей позиции. Наши консерваторы, они ещё называют себя медиевистами, забеспокоились. Они перепугались, что ему это удастся. Вот они и убили его. Отсюда и ваша версия об организованном заговоре, а не случайном убийстве. Верно?

— Приблизительно так, Илайдж.

Бейли задумчиво и негромко присвистнул. Его длинные пальцы слегка барабанили по столу.

— Шито белыми нитками, — покачал он головой.

— Простите. Я вас не понял.

— Я пытаюсь представить себе картину убийства. Один из наших идёт в Космотаун, находит Сартона, уничтожает его и уходит. Не получается! Ведь вход в Космотаун охраняется.

Р. Дэниел кивнул.

— Я думаю, будет вернее сказать, что в Космотаун невозможно проникнуть через вход незамеченным, — заметил он.

— В таком случае куда годится ваша теория?

— Она бы не годилась, если в Космотаун из Нью-Йорка можно было проникнуть только через вход.

Бейли задумчиво посмотрел на своего партнёра.

— Пути, который соединяет оба города напрямую, — заметил Р. Дэниел и замолчал. — Все ещё не понятно?

— Увы, нет.

— Тогда, если вы не обидитесь, я постараюсь объяснить. Не дадите ли вы мне лист бумаги и графер? Благодарю вас. Смотрите, партнёр

Илайдж. Вот я изобразил большой круг. Это Нью-Йорк. Круг поменьше — Космотаун. В точке их соприкосновения я начертил стрелку. Это — вход. Вы и теперь не видите никакого другого пути? — снова спросил Р. Дэниел.

— Не вижу. Другого пути нет.

— В каком-то смысле я рад, что вы так сказали, — начал Р. Дэниел. — Это совпадает с тем, чему меня учили о земном мышлении. Барьер и проход в нём — единственная прямая связь между городами. Но ведь Нью-Йорк и Космотаун стоят на открытом пространстве. Кто-нибудь из землян мог свободно покинуть город, пересечь открытое пространство и беспрепятственно проникнуть в Космотаун.

Бейли облизал пересохшие губы и переспросил:

— Пересечь открытое пространство?

— Да.

— Пересечь открытое пространство! В одиночку?

— Почему бы и нет?

— Пешком?

— Несомненно. Так меньше всего опасности быть замеченным. Убийство произошло в начале рабочего дня, поэтому переход был осуществлён

до рассвета.

— Невероятно! В городе не найдётся человека, способного на это. Уйти из города? В одиночку?

— В обычных условиях, возможно, и не нашлось бы. Согласен. Мы, космониты, это знаем. Поэтому охраняется только вход. Даже во время Барьерного бунта земляне атаковали лишь барьер, защищавший вход к нам. Ни один из них не покинул город.

— Ну и что дальше?

— Перед нами необычная ситуация. Мы имеем дело не со стихийным нападением толпы, следующей по линии наименьшего сопротивления. Речь идёт о попытке небольшой группы людей нанести удар с таким расчётом, чтобы застать нас врасплох. Вот вам и объяснение, как житель Земли, по вашим словам, мог проникнуть в Космотаун, найти доктора Сартона, убить его и скрыться. Нападение совершено из-за полной беспечности с нашей стороны.

Бейли покачал головой.

— Слишком невероятно. Вы что-нибудь сделали для проверки этой версии?

— Да. Ваш комиссар полиции оказался на месте почти в самый момент убийства…

— Знаю. Он говорил мне.

— Вот, Илайдж, ещё один пример того, как тщательно выработано время убийства. Комиссар в прошлом сотрудничал с доктором Сартоном. На него-то и рассчитывал доктор Сартон, чтобы начать проникновение в город таких роботов, как я. В то утро ох хотел обсудить свои планы с комиссаром. Убийство же приостановило их осуществление. Оттого, что в момент убийства на территории Космотауна находился ваш комиссар полиции, обстановка запуталась ещё больше…

— Но я отвлёкся, — продолжал Р. Дэниел. — Мы сказали вашему комиссару: «Человек, наверное, прошёл по открытому пространству». Как и вы, он ответил: «Невозможно» или «Недопустимо». Он, естественно, был очень расстроен, и это, вероятно, помешало ему разглядеть самое главное. Тем не менее мы потребовали от него немедленной проверки этой версии.

Бейли подумал о разбитых очках комиссара и, несмотря на свои мрачные мысли, даже слегка улыбнулся. Бедный Джулиус! Конечно, он был расстроен. Вряд ли он стал делиться своей бедой с высокомерными космонитами, которые с особенным отвращением относятся ко всяким физическим недостаткам землян, не подвергающихся генетическому отбору. Едва ли он стал

ронять перед ними свой престиж, которым он, комиссар полиции Джулиус Эндерби, так дорожил. Да, землянам нужно хотя в чём-то держаться друг друга. Во всяком случае, от Бейли робот никогда не узнает, что комиссар близорук.

Р. Дэниел продолжал:

— Один за другим мы проверили все выходы из города. Знаете, сколько их?

Бейли покачал головой и произнёс наугад:

— Двадцать?

— Пятьсот два.

— Не может быть!

— Вначале их было ещё больше. А сейчас осталось только пятьсот два. Ваш город меняется медленно, Илайдж. Когда-то он стоял под открытым небом и люди свободно выходили за его пределы.

— Конечно. Я это знаю.

— Потом, когда город накрыли куполом, выходов было довольно много. И сейчас их ещё пятьсот два. Остальные застроили или закрыли. Кстати, мы не учитывали площадки для воздушного транспорта.

— Ну и что показала проверка?

— Безнадёжно мало. Эти выходы не охраняются. Никто из ваших чиновников не считает это в

своей компетенции. Создалось впечатление, что они и не подозревают о их существовании. Поэтому можно выйти и вернуться в город совершенно незамеченным.

— Ну, что ещё? Оружие, конечно, исчезло.

— Конечно.

— Какие-нибудь улики?

— Никаких. Мы тщательно обследовали пространство вокруг Космотауна. Сельскохозяйственные роботы как потенциальные свидетели оказались совершенно бесполезными. Они ведь едва отличаются от машин, а людей там не было.

— Так, так… Что же дальше?

— Не обнаружив ничего у нас, в Космотауне, мы будем продолжать расследование в Нью-Йорке. Сейчас наша задача — обнаружить подрывные организации, если они есть, тщательно проверить всех инакомыслящих…

— Сколько вы собираетесь здесь пробыть? — прервал его Бейли.

— Сколько понадобится. Чем меньше, тем лучше.

— Понятно, — сказал Бейли задумчиво. — Жаль, что вам не дали другого напарника.

— Что вы, — возразил робот, — комиссар высоко отзывался о вашей лояльности и способностях.

— Очень мило с его стороны, — сказал Бейли язвительно.

«Бедный Джулиус, — подумал он, — совесть его мучает, вот он и старается ради меня».

— Но мы не ограничивались одним лишь отзывом комиссара, — заметил Р. Дэниел, — и навели справки сами. Вы открыто выступили против использования роботов у вас в отделе.

— Ну и что? Вам это не по вкусу?

— Отнюдь. Вы, видимо, выражали собственное мнение. Однако пришлось тщательно проверить ваш психологический тип. Оказалось, что, несмотря на отвращение к роботам, по долгу службы вы стали бы сотрудничать с одним из них. У вас необычайно высоко развито чувство долга и уважение к законной власти. Это то, что нам нужно. Комиссар Эндерби правильно вас охарактеризовал.

— Вы лично ничего не имеете против моего отношения к роботам?

— Нет, если это не помешает вам работать со мной и помочь мне выполнить задание.

Бейли был обескуражен.

— Ну хорошо, скажем, я прошёл тест, а как вы? — спросил он вызывающе.

— Почему вы считаетесь детективом?

— Я вас не понимаю.

— Ваше назначение — сбор информации, так ведь? Вы человекоподобная машина, призванная снабжать космонитов фактами о жизни людей.

— Неплохое начало для расследования, согласитесь? Быть машиной, накапливающей информацию?

— Для начала, быть может, и неплохо. Но это далеко не всё, что нужно детективу.

— К тому же в последний момент мои электронные цепи были перестроены.

— Любопытно узнать, каким образом, Дэниел?

— Очень просто. Моим мотивированным элементам было задано сильное стремление к справедливости.

— К справедливости! — воскликнул Бейли. Ирония слетела с его лица, уступив место выражению откровенного недоверия.

Р. Дэниел вдруг резко повернулся лицом к двери и сказал:

— Там кто-то есть.

Он не ошибся. Дверь отворилась, и в комнату вошла бледная, с поджатыми губами Джесси.

— В чём дело, Джесси? Что случилось? — забеспокоился Бейли.

— Простите, — тихо ответила Джесси, не глядя

мужу в глаза. — Мне пришлось... — Она замолчала.

— Где Бентли?

— Он переночует в Детском зале.

— Как так? Ведь я велел вам вернуться.

— Ты сказал, что твой напарник останется здесь на ночь. Вот и подумала, что ему понадобится комната Бентли.

— Не понадобится, Джесси, — вмешался Р. Дэниел.

Джесси подняла глаза на Р. Дэниела, всматриваясь ему в лицо.

Бейли углубился в созерцание кончиков своих пальцев, охваченный предчувствием того, что может сейчас произойти и чего он не в силах предотвратить. Наступила тишина, тяжесть которой он ощущал физически, а затем откуда-то издалека, словно сквозь слой пластика, до него донёсся голос жены:

— По-моему, вы — робот, Дэниел.

Спокойным, как всегда, голосом, Р. Дэниел ответил:

— Вы правы.

6. Шёпот в комнате

На самых верхних этажах некоторых богатейших секторов города расположены естественные солярии. Их воздухонепроницаемые кварцевые окна, снабжены металлическими ставнями, пропускают внутрь потоки солнечного света. Здесь загорают жены и дочери самых высокопоставленных чиновников. Здесь каждый вечер происходит необычайное явление.

Здесь наступает ночь.

В остальной части города (включая искусственные солярии, где миллионы горожан, по строгому расписанию, могут изредка подвергаться ультрафиолетовому излучению) смена дня и ночи — понятие весьма условное.

Деловая жизнь могла бы вестись непрерывно: в три восьмичасовых или четыре шестичасовых смены — и «днём», и «ночью». Время от времени за это ратуют некоторые любители гражданских реформ, ссылаясь на интересы развития экономики и производства.

И каждый раз их идеи отвергаются.

И так уж во имя этой экономики пришлось

пожертвовать тем, к чему привыкли люди прежних времён: простором, уединённым образом жизни и даже отчасти личной свободой. Но эти привычки возникли вместе с цивилизацией — не более десяти тысяч лет назад, тогда как привычке укладываться спать с наступлением ночи столько же лет, сколько самому человеку, — около миллиона, и избавиться от неё не так просто. Хоть самой ночи в городе не видно, её можно узнать по тому, как гаснут в квартирах огни и замедляется ритм жизни. Пусть ни полуденное солнце, ни полночная луна не освещает крытых улиц, всё же человечество следует молчаливым указаниям часовой стрелки.

Экспрессы пустеют, затихает шум на улицах, тают толпы людей в громадных подвалах между зданиями. Город Нью-Йорк погружается в сон.

Лайджу Бейли не спалось. В комнате было темно, и где-то рядом с ним в кровати притаилась Джесси. По ту сторону стены сидел, стоял, а может, и лежал — терялся в догадках Бейли — Р. Дэниел Оливо.

— Джесси, — прошептал Бейли. — Джесси!

— В чём дело? — Она зашевелилась под простынёй.

— Джесси, мне и так трудно, а тут ещё ты…

— Мог бы сказать мне.

— Да не мог я! Не знал, как… Слушай, Джесси!

— Ш-ш-ш…

Бейли снова перешёл на шёпот:

— Как ты догадалась? Скажи.

Джесси повернулась к нему. Он почувствовал направленный на него сквозь темноту взгляд жены.

— Лайдж, — едва слышно вздохнула она, — он может нас услышать? Этот робот?

— Нет, если говорить шёпотом.

— Почём знать. Может его уши различают малейший звук. Эти космонитские роботы способны на все.

Для Бейли это не секрет. Пропаганда робототехники превозносит чудодейственные свойства космонитских роботов: их неутомимость, совершенство органов чувств, те бесчисленные услуги, которыми они могут осчастливить человечество. Лично он считал, что здесь явно пересолили. Земляне стали ещё больше ненавидеть роботов за их превосходство над собой.

— Дэниел не такой, — прошептал он в ответ. — Они нарочно сделали его похожим на человека. Поэтому он и слышит, как человек.

— Откуда ты знаешь?

— Было бы слишком опасно наделять его сверхчеловеческими чувствами: он мог бы случайно себя выдать. Он бы знал и умел слишком много.

— Что ж, возможно.

Опять наступила тишина.

— Джесси, это только до тех пор, пока… В общем, прошу тебя, не надо сердиться.

— Сердиться? Ты чудак, Лайдж. Я вовсе не сержусь. Я боюсь. Я перепугалась до смерти.

Она всхлипнула и схватилась за ворот его пижамы. Его охватила тревога.

— Не бойся, Джесси. Не волнуйся. Он совершенно безобидный, клянусь тебе.

— А ты не можешь избавиться от него, Лайдж?

— Ты же знаешь, что не могу. Ведь это задание управления. Как можно?

— Какое задание, Лайдж? Расскажи мне.

— Вот тебе и на. Ты меня удивляешь, Джесси. — Он протянул в темноте руку и погладил её по мокрой от слёз щеке рукавом пижамы он тщательно вытер ей глаза. — Слушай, — сказал он нежно, — не будь ребёнком.

— Пусть поручат это задание кому-нибудь ещё. Пожалуйста, Лайдж, попроси их.

Теперь его голос звучал не так нежно:

— Джесси, ты не первый год замужем за поли-

цейским, и пора бы тебе знать, что задание есть задание.

— Да, но почему именно ты?

— Джулиус Эндерби…

— Как это я не сообразила? — прервала она его. — Сказал бы своему Джулиусу Эндерби, чтобы он хоть раз избавил тебя от чёрной работы. Ты слишком покорный, Лайдж, а сейчас…

— Ну, не надо, не надо, Джесси, — успокаивал он её.

Она замолчала, вся дрожа.

Бейли подумал: «Ей никогда не понять».

С тех пор как они поженились, упоминание о Джулиусе Эндерби всегда вызывало у них споры. Эндерби шёл на два года раньше Бейли в Городской административной школе. Они тогда были друзьями. Когда Бейли прошёл комплексную проверку на склонности и нейроанализ показал, что он годен для службы в полиции, Эндерби опередил его и тут: он был уже зачислен в сыскной отдел.

Бейли шёл по стопам Эндерби, но все больше отставал от него. Вообще винить в этом некого. У Бейли вполне хватало и способностей, и рвения, но в одном Эндерби превосходил его. Эндерби был прирождённым руководителем и прекрасно

уживался в бюрократическом аппарате.

Комиссар не отличался большим умом, у него были свои странности, например внезапные приступы показного медиевизма. Он был ровен с подчинёнными, никого не обижал, спокойно выслушивал приказы сверху и отдавал из сам без нажима, но достаточно твёрдо. Он даже ладил с космонитами. Пожалуй, он был слишком подобострастен с ними, но они ему доверяли, и городские власти высоко ценили за это комиссара. (В отношении себя Бейли был уверен, что не вынес бы полдня общения с ними, хотя фактически ему пока не доводилось по-настоящему разговаривать с космонитом).

Поэтому на гражданской службе, где общительность и умение ладить с людьми значит больше, чем личные способности человека, Эндерби быстро сделал карьеру и получил уже звание комиссара, тогда как Бейли застрял в классе С-5. Бейли не завидовал разнице их положения, хотя иногда, как всякий смертный, сетовал на судьбу. Однако Эндерби не забыл их прежней дружбы и старался как мог компенсировать свой успех.

Это задание тому пример. Сотрудничать с роботом нелегко и неприятно. Несомненно, однако, что в задании заложены блестящие возможно-

сти.

Комиссар ведь мог дать другому попытать счастья. Его просьба об одолжении была лишь прозрачным намёком на это.

Но Джесси смотрела на это совсем по-другому. В подобных случаях она, бывало, выговаривала ему: «Это всё твоя глупая преданность делу. Мне так надоело слушать, как все превозносят твоё чувство долга. Хоть раз о себе подумай. Что-то наверху не очень-то часто вспоминают о своём индексе лояльности».

Бейли лежал с открытыми глазами и ждал, пока они успокоятся. Он должен был все обдумать. Проверить свои подозрения. Он перебирал в уме мельчайшие детали, складывая их в пока ещё неясную картину.

Он почувствовал, как рядом зашевелилась Джесси.

— Лайдж? — прошептала она ему на ухо.

— Что?

— Может быть подать в отставку?

— Не сходи с ума.

— Я серьёзно, — зашептала она возбуждённо. — Зато ты избавишься от этого ужасного робота. Пойди и скажи Эндерби, что с тебя хватит.

Бейли холодно ответил:

— Я не могу подать в отставку в разгар важного расследования. Я не могу бросить все к чёрту, когда мне заблагорассудится. За эти штучки могут деклассировать.

— Ну и что? Ты снова пробьёшься. Ты ведь можешь, Лайдж. Тебя возьмут в любой отдел.

— Деклассированных за служебные проступки на гражданскую службу снова не принимают. Меня могут поставить только на чёрную работу, так же, как и тебя. А Бентли потеряет наследуемые привилегии. Ради бога, Джесси, ты даже не знаешь, что это значит.

— Я читала об этом. Я готова на все, — пробормотала она.

— Ты с ума сошла! Ты просто сошла с ума! — Бейли задрожал всем телом. Перед его мысленным взором вспыхнула знакомая картина: его отец. Отец, которого вынужденное безделье привело к смерти.

Джесси тяжело вздохнула.

Бейли в гневе стал думать о другом. Его ум снова стал рисовать картины убийства.

Он сказал сдавленным голосом:

— Джесси, ты должна сказать. Как ты узнала, что Дэниел робот? Как ты догадалась?

— Понимаешь… — начала она и тут же осек-

лась. В третий раз она пыталась объяснить ему и почему-то не могла.

Он сжал её руку, принуждая говорить.

— Пожалуйста, Джесси. Что тебя пугает?

— Я просто догадалась, что это робот, Лайдж, — ответила она.

— Ты не могла догадаться, Джесси. Ты не знала, что он робот, до того как ушла. Ну, говори!

— Н-нет, но я стала думать и…

— Продолжай, Джесси. Ну и что?

— Так вот… Понимаешь, приятельницы болтали в туалетной. Ну, ты знаешь, как обычно. Обо всём.

«О, женщины», — подумал Бейли.

— В общем, — продолжала Джесси, — весь город полон слухов.

— Весь город? — Бейли почувствовал, как от восторга у него подпрыгнуло сердце. Ещё одна деталь на месте!

— Во всяком случае, так мне сказали приятельницы. По их словам, в городе скрывается робот космонитов. Его, мол, не отличишь от человека, и он должен работать с нашей полицией. Они даже спросили об этом меня. Смеются и говорят: «А твой Лайдж слышал об этом, Джесси?» Я тоже засмеялась и сказала, что, дескать, не валяй-

те дурака. Потом мы пошли смотреть фильм в этерекс. Вот тут я и подумала о твоём партнёре. Помнишь, ты принёс домой снимки космонитов, которые Джулиус Эндерби сделал в Космотауне? Я все пыталась вспомнить, кого напоминает твой напарник, и вдруг сообразила, что их. И тут я сказала себе: «О боже, его, наверное, узнали в магазине, а он с Лайджем…» — и тогда я сослалась на головную боль и помчалась…

— Постой, постой, Джесси, — прервал его муж. — Спокойнее. Чего ты боишься? Ведь не самого же Дэниела? Согласись, что не его самого. Ты же прекрасно держалась, когда пришла. Прекрасно. Поэтому…

Он вдруг замолчал и сел в кровати, тараща глаза в темноте.

Он почувствовал, что жена подвигается к нему. Рука Бейли метнулась к ней, нащупала её рот и плотно зажала его. Она напряглась всем телом, пытаясь вывернуться и оттолкнуть его руку, но он прижал руку ещё сильнее.

Потом он вдруг отпустил её. Она всхлипывала.

— Извини, Джесси, — сказал он хриплым голосом. — Я прислушивался.

Он встал и натянул на ноги тёплый пленкопласт.

— Лайдж, куда ты? Не оставляй меня.

— Ничего. Я только к двери.

Его ноги, обутые в пленкопласт, мягко шаркали по полу. Он обошёл кровать, приоткрыл дверь в гостиную и застыл в ожидании. Но ничего не случилось. Было так тихо, что он слышал дыхание Джесси. Он слышал, как глухо стучит кровь в его ушах.

Рука Бейли осторожно протиснулась в щель и безошибочно нашла выключатель потолочного освещения. Он только чуть-чуть к нему притронулся, и потолок тускло засветился, так тускло, что нижняя часть гостиной оставалась в полумраке.

Он увидел, что наружная дверь закрыта, а в гостиной нет ни души. Он повернул выключатель и пошёл в спальню.

Итак, картина стала теперь полной. Все детали на своём месте.

— Что случилось, Лайдж? — испугалась Джесси.

— Ничего, Джесси, ровным счётом, ничего. Его нет.

— Робота? Ты хочешь сказать, что он ушёл? Насовсем?

— Нет, нет. Он вернётся. Но пока ответь на мой

вопрос.

— Какой вопрос?

— Чего ты боишься?

Джесси молчала.

— Ты сказала, что до смерти перепугалась, — настаивал Бейли.

— Его.

— Нет, мы уже говорили об этом. К тому же ты знаешь, что робот не опасен для человека.

— Я подумала, — с трудом начала она, — что, если люди узнают, что это робот, начнётся бунт. И нас убьют.

— Почему именно нас?

— Сам знаешь, как бывает во время беспорядков.

— Но ведь никому не известно, где он находится, верно?

— Они могут узнать.

— Значит, этого ты боишься — бунта?

— Понимаешь…

— Ш-ш-ш… — Он прижал Джесси к подушке. Потом наклонился к её уху: — Он вернулся. Слушай меня и не произнести ни слова. Всё в порядке. Он утром уйдёт и больше не вернётся. Никакого бунта не будет, никакого.

Ему стало легко, совершенно легко. Он почув-

ствовал, что теперь он заснёт.

Потом он сказал себе: «Никакого бунта, никакого. Никакого деклассирования».

Уже засыпая, он повторил: «Ни бунта, ни даже самого расследования. Ничего. Разгадка найдена…»

И он уснул.

7. Посещение Космотауна

Комиссар полиции Джулиус Эндерби с необычайной тщательностью протёр стёкла очков и не спеша надел их.

«Ловкий трюк, — подумай Бейли, — делает вид, что занят, а сам пока соображает, что сказать. И денег не стоит, как, например, разжигание трубки».

И уж поскольку эта мысль пришла ему в голову, он вынул свою трубку и погрузил её в тощий кисет. Табак был одной из немногих дефицитных культур, которые пока ещё выращивались на Земле, но этому вскоре должен был прийти конец. Сколько Бейли помнит, цены на табак все идут вверх, а не вниз, а нормы — вниз, а не вверх.

Кончив возиться с очками, Эндерби протянул руку к выключателю на краю стола, и на короткое мгновение дверь со стороны кабинета стала прозрачной.

— Так где он сейчас? — спросил комиссар.

— Попросил показать ему управление. Я поручил это почётное дело Джеку Тобину. — Бейли раскурил трубку и плотно прикрыл крышку.

Как большинство некурящих, комиссар терпеть не мог табачного дыма.

— Надеюсь, вы ему не сказали, что Дэниел робот.

— Конечно, нет.

Чувствовалось, что комиссар нервничает. Он бесцельно крутил рукой автоматический календарь на столе.

— Ну как дела? — спросил он, не глядя на Бейли.

— Так себе.

— Извините, Лайдж.

— Могли бы предупредить, что он так похож на человека, — сказал Бейли твёрдо.

— Как, разве я не сказал? — удивился комиссар. — Чёрт возьми, вам следовало самому сообразить, — добавил он раздражённо. — Неужто вы думаете, я бы стал просить вас взять его на квартиру, если бы он был похож на Р. Сэмми.

— Всё ясно, комиссар, но я никогда не видел такого робота, а вы видели. Я не представлял, что это возможно. Хоть бы предупредили, что ли.

— Ладно, Лайдж, это моя вина. Мне следовало сказать вам. Вы правы. Но я так закрутился со всеми этими делами, нервы буквально на пределе. И на людей кричу без причины… А этот

Дэниел — робот нового типа. Находится пока ещё на экспериментальной стадии.

— Он мне все объяснил.

— Ну тогда с этим покончено.

Бейли напрягся. Теперь, пожалуй, пора. Он зажал трубку в зубах и сказал как бы между прочим:

— Р. Дэниел устроил для меня поездку в Космотаун.

— В Космотаун? — возмутился комиссар.

— Да. Это логично, комиссар. Я бы хотел посмотреть место преступления и задать несколько вопросов.

Эндерби решительно покачал головой.

— Мне не нравится эта затея, Лайдж. Мы все осмотрели, и вряд ли вы найдёте там что-нибудь новое. К тому же космониты — странный народ. До того щепетильные… С ними надо уметь обращаться, а у вас не опыта. — Он приложил свою пухлую руку ко лбу и добавил с неожиданной страстью: — Я их ненавижу!

— Чёрт побери, комиссар, — голос Бейли звучал враждебно, — раз робот пришёл сюда — я должен побывать у них! Не хватает ещё, чтобы этот тип обошёл меня. Конечно, если вы думаете, что мне не справиться с заданием…

— Что вы, Лайдж! Дело не в вас — дело в космонитах. Вы совсем их не знаете.

Бейли нахмурился ещё больше.

— Тогда, комиссар, почему бы нам не поехать вместе? — Чтобы не сглазить, он незаметно скрестил средний и указательный пальцы правой руки.

Глаза комиссара широко раскрылись.

— Нет, Лайдж. Не поеду. И не просите… — Казалось, эти слова вырвались у него помимо его воли. Потом он добавил более спокойно, с неуверенной улыбкой. — Понимаете, у меня масса дел. Запустил их ужасно.

Бейли задумчиво смотрел на него:

— Тогда вот что. Почему бы вам не использовать объёмный видеофон. Ненадолго, на случай, если мне будет нужна помощь.

— Ну, хорошо. Это я, наверно, смогу сделать, — нехотя согласился комиссар.

— Отлично! — Бейли взглянул на стенные часы, кивнул и встал. — Я буду держать с вами связь.

Выходя из кабинета, Бейли на секунду задержался в двери и оглянулся на комиссара. Он увидел, как его голова медленно опускалась на изгиб локтя, которым он опирался на стол. Детектив мог поклясться, что слышал, как тот

всхлипнул.

«Господи!» — молча изумился Бейли.

В общей комнате он присел на краешек ближайшего стола, не обратив внимания на его владельца, который взглянув на него, пробормотал какое-то приветствие и продолжал заниматься своими делами.

Бейли откинул крышку с трубки и подул на неё. Потом он опрокинул трубку над небольшой вакуумной пепельницей в крышке стола, и она поглотила белый рассыпчатый пепел. Он с сожалением посмотрел на пустую трубку, приладил крышку и убрал её. Вот и ещё одну выкурил!

Он стал обдумывать свой разговор с комиссаром. С одной стороны, поведение Эндерби его не удивило. Он предполагал, что тот будет противиться его попытке поехать в Космотаун. Комиссар часто подчёркивал трудности общения с космонитами и нежелательность отправки туда неопытных людей для ведения переговоров даже по мелким вопросам.

Однако Бейли не ожидал, что комиссар так быстро уступит. Он думал, что тот, по крайней мере, будет настаивать на совместной поездке. Ссылка на занятость теряет смысл по сравнению с важностью этого дела.

Собственно, Бейли и не хотел этого. Он получил то, чего добивался. Он добивался не личного присутствия Эндерби, а лишь его объёмного изображения, чтобы тот мог следить за ходом расследования в полной для себя безопасности.

Безопасность — вот что главное. Бейли понадобится свидетель, которого нельзя будет быстро убрать с пути. В этом хоть какая-то гарантия его личной безопасности.

На это комиссар согласился сразу. Бейли вспомнил, как тот всхлипнул — а может, ему это почудилось? — и подумал: «Боже, старик сыт по горло всем этим!»

Он вздрогнул от раздавшегося за его спиной бодрого, с хрипотцой голоса.

— Какого чёрта тебе надо? — возмутился Бейли.

На лице Р. Сэмми сияла глупая застывшая улыбка.

— Джек велел сказать вам, что Дэниел готов, Лайдж.

— Хорошо. А теперь убирайся.

Он нахмурился вслед удаляющемуся роботу. Фамильярность этого неуклюжего сооружения из металла буквально выводила его из себя. Он было пожаловался комиссару, но тот лишь пожал плечами: «Ничего не поделаешь, Лайдж. Народ требует, чтобы городские роботы имели сильный контур дружбы. К тому же вы ему нравитесь, вот он и называет вас самым дружеским именем, какое только знает».

Контур дружбы! Ни один робот, какой бы модели он ни был, не представляет опасности для человека. Первый закон робототехники гласит: «Робот не может причинить вред человеку или свои бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред».

Первый закон закладывается в самые недра позитронного мозга, и, что бы с ним ни произошло, робот не в состоянии нарушить этот закон. Строго говоря, введение дополнительных «контуров

дружбы» — нелепая затея.

И всё же комиссар прав. Вопреки всякой логике земляне не доверяют роботам, вот и приходится конструкторам придумывать разные «контуры дружбы», так же как и снабжать лица роботов глупой улыбкой. Речь идёт о земных роботах, разумеется.

Кстати, Р. Дэниел совсем не улыбается.

Вздохнув, Бейли встал со своего места.

Следующая остановка — Космотаун… Кто знает, быть может, это его последняя остановка…

Полицейским властям и крупным чиновникам до сих пор запрещается пользоваться служебными машинами для езды по городским коридорам и древним автотуннелям, вход в которые для пешеходов закрыт. Это даёт повод либерально настроенным гражданам неустанно критиковать муниципалитет за его нежелание превратить туннели в детские площадки, или новые торговые центры, или, наконец, открыть их для пешеходов.

Однако соображения общественного порядка всегда берут верх. При возникновении больших пожаров, которые нельзя погасить местными средствами, серьёзных авариях энергосистемы или вентиляции и, главным образом, при

крупных вспышках недовольства блюстителям порядка важно быстро оказаться на месте происшествия. Автотуннели как раз и обеспечивают им такую возможность.

Бейли несколько раз доводилось пользоваться туннелем, и всегда его неприятная пустота действовала на него угнетающе. Казалось, будто он находится где-то в тысяче миль от пульсирующей жизни города.

Сейчас, когда он сидел за приборной доской машины, туннель извивался перед ним, подобно слепому, полному червю. После каждого плавного поворота его глазам открывались новые и новые участки туннеля. А позади, знал он, не глядя туда, ещё один слепой и полный червь так же неизменно сокращался и закрывался. Туннель был хорошо освещён, но его пустота и молчание лишили свет всякого смысла.

Р. Дэниел ничем не старался ни нарушить это молчание, ни заполнить эту пустоту. Он смотрел прямо перед собой, безразличный сейчас к монотонному виду туннеля, так же как прежде был безразличен к переполненному экспрессу.

Наконец под дикое завывание сирены они выскочили из туннеля на проезжую часть городского коридора. Из уважения к одной из

традиций прошлого чёткие линии обозначали проезжую часть всех главных коридоров. Так как, кроме полицейских и пожарных машин, а также грузовиков технической службы, другие виды автомобильного транспорта не сохранились, пешеходы полностью игнорировали эти ограничения. Они с возмущением рассыпались в стороны от взвизгивающей сиреной машины Бейли.

Бейли лишь ненадолго почувствовал себя веселее в привычной городской сутолоке, так как метров через двести машина свернула в одно из неприметных ответвлений, ведущих в Космотаун.

У входа их ждали. Часовые, вероятно, знали Р. Дэниела в лицо и, хоть сами были людьми, кивнули ему без тени превосходства. Один из часовых приблизился к Бейли и отдал ему честь по всем правилам военного протокола. Он был высокого роста, с серьёзным выражением лица, но, в отличие от Р. Дэниела, не являл собой идеальный образец космонита.

— Пожалуйста, ваше удостоверение, сэр, — сказал он.

Часовой быстро, но тщательно проверил удостоверение. Бейли заметил, что на нём были

перчатки телесного цвета, а ноздри прикрывали едва заметные фильтры.

Возвращая удостоверение, часовой снова козырнул Бейли.

— Тут недалеко есть мужской туалетный блок, который мы хотели бы вам предложить, если вы пожелаете принять душ.

Бейли хотел было отказаться, но почувствовал, что Р. Дэниел слегка потянул его за рукав.

— По нашему обычаю, партнёр Илайдж, — сказал Р. Дэниел, — перед тем как войти в Космотаун, жители города обязаны принять душ. Я говорю это, так как знаю, что вы не хотели бы из-за недостатка информации ставить в неловкое положение ни себя, ни нас. Было бы также желательно, чтобы вы отправили здесь свои естественные надобности, так как в самом Космотауне для этого нет удобств.

— Нет удобств? — сказал Бейли напряжённо. — Но это невозможно.

— Точнее, они есть, — сказал Р. Дэниел, — но не для жителей города.

На лице Бейли было написано явное неодобрение.

— Я сожалению об этом, — сказал Р. Дэниел, — но таков обычай.

Бейли молча вошёл в туалетную. Он скорее чувствовал, чем видел, что Р. Дэниел Оливо последовал за ним.

«Проверяет меня, — подумал Бейли. — Следит, чтобы я смыл с себя городскую пыль?»

У него пронеслась злорадная мысль о том, какой удар он готовит Космотауну. Ему вдруг показалось неважным, что он фактически рискует подставить под бластер свою собственную грудь.

Туалетная не поражала размерами; она было хорошо оборудована и отличалась стерильной чистотой. В воздухе чувствовался какой-то резкий запах. На мгновение озадаченный, Бейли сообразил: «Озон!» Комната облучается ультрафиолетовыми лучами.

Помигав сначала несколько раз, засветилась небольшая надпись: «Просим посетителя снять с себя всю одежду, а также обувь и положить в находящийся внизу приёмник».

Бейли неохотно подчинился. Он отстегнул бластер с портупеей и потом снова надел его прямо на голое тело. Он показался ему тяжёлым и неудобным.

Приёмник с его одеждой закрылся и пропал из виду. Светящаяся надпись погасла. Впереди загорелся новый сигнал: «Просим посетителя

отправить естественные потребности, а затем пройти в душ по направлению стрелки».

У Бейли было такое ощущение, будто его, как болванку, обрабатывают на автоматической линии силовые резцы с дистанционным управлением.

Войдя в небольшую кабинку душевой, он прежде всего тщательно обернул кобуру бластера влагонепроницаемым чехлом. Он по опыту знал, что менее чем за пять секунд сумеет выхватить оружие и пустить его в ход.

Повесить бластер было не на что. Не было видно даже душевой воронки. Он положил бластер в противоположный от входа угол.

Засветилась ещё одна надпись: «Просим посетителя вытянуть руки в стороны и стать в круг посередине так, чтобы ноги заняли указанное положение».

Надпись погасла после того, как он поставил ноги в предназначенные для них углубления. И тотчас же с пола, потолка, со всех сторон в него ударили жалящие пенистые струи воды. Он почувствовал, что вода бурлит даже под ступнями. Это длилось целую минуту; его кожа покраснела от горячих и сильных струй, а лёгкие жадно ловили воздух в этой влажной духоте. Потом

ещё минуту он стоял под прохладным лёгким душем, и ещё минуту его обдавал тёплый воздух, отчего он совершенно обсох и чувствовал себя обновлённым.

Он поднял бластер с портупеей, и оказалось, что он тоже был сухим и тёплым. Он надел бластер и вышел из кабинки как раз в тот момент, когда из соседнего душа показался Р. Дэниел. Ещё бы! Хоть Р. Дэниел и не жил в городе, он принёс на себе городскую пыль.

Совершенно непроизвольно Бейли отвернулся от него. Затем подумав, что в конце концов, обычаи Р. Дэниела и обычаи города — это не одно и то же, он заставил себя бросить на него короткий взгляд. Его губы скривились в усмешке. Сходство Р. Дэниела с человеком не ограничивалось лицом и руками: все его тело до мельчайших подробностей было выполнено с такой же точностью.

Бейли сделал шаг в том же направлении, в каком он двигался до тех пор, как вошёл в туалетную. Его вещи были аккуратно сложены, и от них пахло тёплой свежестью.

Надпись гласила: «Просим посетителя одеться и положить руку в углубление».

Как только Бейли приложил руку к чистой, молочно-белой поверхности, он почувствовал

укол в подушечку среднего пальца. Он поспешно отдёрнул руку и увидел на этом месте набухшую капельку крови. Она тут же перестала расти. Он стряхнул кровь и попытался выдавить ещё. Но даже тогда крови больше не показалось.

Значит, они делали ему анализ крови. Его охватила тревога. Он не сомневался, что врачи управления проводят ежегодный медицинский осмотр не с такой тщательностью и, пожалуй, не с таким знанием дела, как эти холодные роботопоклонники из космоса. Но он сомневался, так уж ли ему хочется снова проверять состояние своего здоровья.

Время ожидания показалось Бейли томительно долгим, но когда надпись вспыхнула снова, в ней говорилось: «Просим посетителя следовать дальше».

Бейли вздохнул с облегчением и направился было к выходу. Но тут путь ему преградили два металлических прута, а в воздухе повисла мерцающая надпись: «Просим посетителя не двигаться с места».

— Какого чёрта! — воскликнул Бейли, забыв в гневе, что всё ещё находится в туалетной.

Над ухом раздался голос Р. Дэниела:

— Наверное, детекторы обнаружили где-то ис-

точник энергии. Бластер у вас с собой, Илайдж?

Покраснев до корней волос, Бейли резко повернулся на каблуках и срывающимся голосом прорычал:

— Офицер полиции обязан постоянно иметь при себе бластер как во время несения службы, так и вне её.

С тех пор как ему минуло десять лет, он впервые заговорил вслух, находясь в туалетном блоке. До этого он как-то в присутствии дяди Бориса всего лишь пожаловался, что ушиб палец ноги. Когда они вернулись домой, дядя Борис хорошенько его вздул и прочитал нотацию о том, как подобает вести себя на людях.

— Посторонним у нас не разрешается носить оружие, — спокойно ответил Р. Дэниел. — Даже ваш комиссар оставляет здесь свой бластер. Таков наш обычай, Илайдж.

При других обстоятельствах Бейли просто повернулся бы и ушёл, ушёл из Космотауна, ушёл бы подальше от этого робота. Но сейчас им владело безумное желание осуществить свой план и досыта насладиться местью.

В конце концов, его не подвергали тому унизительному осмотру, какой существовал у них много лет назад. Как хорошо он понимал, может

быть, слишком хорошо понимал то возмущение и гнев, которые привели к Барьерным бунтам в дни его детства.

Помрачнев ещё больше, Бейли отстегнул портупею с бластером. Р. Дэниел взял оружие у него из рук и положил в углубление в стене. Тонкая металлическая пластинка тотчас же накрыла его.

— Если вы сейчас вставите в эту впадину большой палец руки, — пояснил Р. Дэниел, — то потом только ваш палец сможет открыть крышку.

Сейчас Бейли чувствовал себя более нагим, чем несколько минут назад в душевой. Он прошёл до места, где его недавно остановили, и наконец оказался в коридоре за туалетной.

Что-то необычное привлекло здесь его внимание: где-то впереди мерцал странный свет. Затем он почувствовал на лице едва уловимое движение воздуха, словно невдалеке промчалась патрульная машина.

Должно быть, Р. Дэниел заметил его ощущение, потому что тут же объяснил:

— Мы сейчас выйдем на открытый воздух, Илайдж. Здесь кондиционеры не применяются.

Бейли стало не по себе. Как могут космониты с такой опаской относиться к посетителям из города в то же время дышать отвратительным

наружным воздухом? Он зажал себе ноздри, словно это могло помочь лучше очищать вдыхаемый воздух.

— Я полагаю, вы скоро убедитесь, что открытый воздух отнюдь не вреден для человеческого организма, — сказал Р. Дэниел.

— Возможно, — проворчал Бейли.

Потоки воздуха раздражали его. Они мягко обдували его лицо, но были какими-то неустойчивыми. И это действовало на нервы.

Но худшее было впереди.

Коридор открывался в голубизну яркого солнечного дня. Бейли знал, что это такое. Однажды по долгу службы ему пришлось побывать в естественном солярии. Но там солнечные лучи преломлялись в толще защитного стеклянного колпака, и диска самого солнца видно не было. Здесь же всё было открыто.

Он невольно посмотрел вверх на солнце, но сразу отвёл взгляд. Его ослеплённые глаза заморгали и заслезились.

К ним приближался космонит. Предчувствие беды на мгновение овладело Бейли.

Р. Дэниел выступил вперёд и обменялся с подошедшим космонитом рукопожатием. Тот повернулся к Бейли и сказал:

— Пожалуйста, следуйте за мной, сэр. Меня зовут доктор Хэн Фастольф.

Внутри одного из куполообразных домов Бейли почувствовал себя спокойней. Он с удивлением озирался вокруг, поражаясь величине комнат и тому, как неразумно использовалась их площадь, но был рад, что воздух здесь кондиционированный.

Усевшись в кресло и скрестив свои длинные ноги, Фастольф сказал:

— Вы, кажется, предпочитаете кондиционированный воздух наружному.

Его голос звучал дружелюбно. Мелкие морщинки перерезали его лоб, кожа под глазами и подбородком казалась дряблой и иссохшей. У него были редкие, но не седые волосы, его большие уши смешно оттопыривались, придавая ему вполне домашний вид, отчего Бейли почувствовал к нему ещё большее расположение.

Рано утром перед поездкой Бейли ещё раз просмотрел снимки, сделанные Эндерби в Космотауне. Р. Дэниел уже договорился о встрече в Космотауне, и Бейли старался привыкнуть к мысли, что скоро увидит космонитов во плоти. Как-никак это не то, что разговаривать с ними с расстояния в несколько миль.

С этих фотографий на него глядели высокие, рыжеволосые люди с красивыми, но холодными лицами, в общем, такие, какими их иногда изображают в книгофильмах. Такие, например, как Р. Дэниел.

Р. Дэниел назвал имена этих космонитов, и когда Бейли, указав на одного из них, спросил: «А это вы, да, Дэниел?» — Р. Дэниел спокойно ответил:

— Нет, Илайдж, это мой конструктор, доктор Сартон.

— Значит, вы сделаны по образцу и подобию создателя? — спросил язвительно Бейли, на что ответа не последовало, да Бейли его и не ожидал: ведь на Внешних Мирах мало кто знаком с библией.

А теперь перед глазами Бейли сидел Хэн Фастольф, который совсем не походил на привычный образ космонита, чему представитель Земли был искренне рад.

— Не желаете ли закусить? — спросил Фастольф.

При этом он указал на стол, который разделял их. На нём стояла ваза, полная разноцветных шаров. Бейли взглянул на неё с недоумением. Он принял эти предметы за украшение.

— Это естественные плоды, которые растут на Авроре, — объяснил ему Р. Дэниел. — Советую вам попробовать. Их называют яблоками и говорят, что они приятны на вкус.

— Р. Дэниел, разумеется, сам никогда их не пробовал, — улыбнулся Фастольф, — тем не менее он прав.

Бейли поднёс яблоко ко рту. Его красно-зелёная кожица была прохладной и издавала слабый приятный аромат. Он с усилием откусил кусочек и стал осторожно пережёвывать терпкую мякоть, от которой у него заныли зубы.

Рацион жителей города, разумеется, содержит определённое количество натуральных продуктов. Сам он часто ест натуральное мясо и хлеб. Но их продукты подвергаются какой-нибудь обработке. Их подают либо в сваренном или перемолотом виде, либо смешивают или соединяют друг с другом. Строго говоря, из фруктов следует делать приправы или консервы. А то, что у него сейчас в руке, вышло, должно быть, прямо из грязного грунта планеты.

«Надеюсь, они догадались хотя бы помыть его», — подумал он.

И снова он удивился своеобразному представлению космонитов о чистоте.

— Позвольте мне более подробно рассказать о себе, — начал Фастольф. — Я здесь возглавляю расследование обстоятельств убийства доктора Сартона, точно так же как у вас этим занимается комиссар Эндерби. Вы можете рассчитывать на мою помощь. Как и вы, мы стремимся уладить этот инцидент и не допустить его повторения в будущем.

— Благодарю вас, доктор Фастольф, — ответил Бейли. — Мы вам признательны за подобный подход к делу.

«Ну, хватит обмениваться любезностями», — подумал Бейли. Он решительно откусил от сердцевины яблока и, почувствовав во рту какие-то твёрдые продолговатые зёрнышки, поспешно выплюнул их на пол. Одно зёрнышко едва не попало на ногу космониту, которую тот вовремя отдёрнул.

Бейли покраснел и наклонился к полу.

— Не беспокойтесь, мистер Бейли, — остановил его космонит. — Пусть себе валяются.

Бейли выпрямился. Он осторожно положил яблоко на стол. У него было неприятное ощущение, что после его ухода эти предметы подберут пылесосом, вазу с фруктами сожгут или выбросят подальше от Космотауна, а комнату, в которой

они сидят, подвергнут тщательной дезинфекции.

Он постарался скрыть своё смущение нарочитой резкостью, с которой обратился к Фастольфу:

— Прошу вас разрешить комиссару Эндерби принять участие в нашей беседе при помощи объёмного видеофона.

Брови Фастольфа взлетели вверх.

— Пожалуйста, если вам это нужно. Дэниел, наладьте, пожалуйста, связь с городом.

Бейли сидел в напряжённо позе, покуда блестящие стенки большого ящика в углу комнаты не превратились в объёмное изображение комиссара Эндерби и части его стола. При виде знакомого лица Бейли решил немедля приступить к делу.

— Мне кажется, — решительно сказал он, — что я проник в тайну, окружающую смерть доктора Сартона.

Краем глаза он заметил, как Эндерби резко вскочил на ноги, подхватив на лету соскочившие с носа очки. Его лицо оказалось при этом за границами объёмного экрана, так что он, покрасневший и лишённый дара речи, был снова вынужден сесть за стол.

Доктор Фастольф был не менее поражён этим известием, однако он только слегка склонил

голову набок. Только Р. Дэниел оставался бесстрастным.

— Вы хотите сказать, — спросил Фастольф, — что обнаружили убийцу?

— Нет, — ответил Бейли. — Я хочу сказать, что никакого убийства не было и в помине.

— Что? — воскликнул Эндерби.

— Минуточку, комиссар Эндерби. — Фастольф поднял руку. Не сводя глаз с Бейли он сказал: — По-вашему, доктор Сартон жив?

— Да, сэр. И кажется, я знаю, где он.

— Где?

— Перед вами, — сказал Бейли уверенно и показал на Р. Дэниела Оливо.

8. Спор из-за робота

Какое-то мгновение Бейли не ощущал ничего, кроме бешеного сердцебиения. Казалось, время остановило свой бег. Как всегда, Р. Дэниел не выражал никаких эмоций. Хэн Фастольф был явно удивлён, но, как хорошо воспитанный человек, сдерживал свои чувства.

Но лишь реакция комиссара Джулиуса Эндерби по-настоящему интересовала Бейли. Объёмный экран, из которого на него уставилось лицо комиссара, не давал совершенно чёткого изображения. А потом, это его слабое мерцание и не совсем идеальная разрешающая способность. В общем, из-за этих несовершенств, а также толстых стекло очков комиссара прочесть взгляд Эндерби было невозможно.

«Держись, Джулиус, — подумал Бейли. — Ты мне нужен».

Он почти был уверен, что Фастольф не станет действовать в спешке или сгоряча. Он читал где-то, что космониты заменили религию холодным и флегматичным интеллектуализмом, возведённым в ранг философии. Он верил в это

и рассчитывал на это. Они будут действовать не спеша, руководствуясь только здравым смыслом.

Будь он здесь один, без свидетеля, и сделай он такое заявление, ему никогда бы не вернуться в город. Холодный рассудок подсказал бы им это. Они дорожат своими планами больше, намного больше, чем жизнью одного из землян. Перед комиссаром Эндерби они как-нибудь оправдались бы. Возможно, даже доставили бы в город труп Бейли, объяснив убийство кознями заговорщиков-землян. Комиссар поверил бы им. Уж так он устроен. Если он и ненавидел космонитов, то потому что боялся их. Он не посмел бы не поверить им. Вот почему Бейли просил комиссара быть лишь свидетелем, причём таким свидетелем, до которого не дотянутся руки расчётливых космонитов.

— Лайдж, вы ошибаетесь, — раздался прерывающийся голос комиссара. — Я видел труп доктора Сартона.

— Вы видели обуглившиеся останки того, что вам выдали за труп Сартона, — смело парировал Бейли. Он мрачно подумал о разбившихся очках Эндерби. Космонитам здорово повезло.

— Нет, нет, Лайдж. Я хорошо знал доктора Сартона, и его лицо не было повреждено. Это был он.

— Комиссар неловко притронулся к очкам: он, видимо, тоже вспомнил о них. — Я очень близко наклонился к нему, очень близко.

— Как по-вашему, комиссар? — Бейли указал на Р. Дэниела. — Этот похож на доктора Сартона?

— Да, как статуя может походить на человека.

— Но человек может придать своему лицу бесстрастное выражение, комиссар. Предположим, что вы видели робота, а не труп человека. Вы говорите, что тщательно осмотрели его. Достаточно ли тщательно, чтобы отличить обгоревшую органическую ткань человеческого тела от её искусной имитации?

Комиссар пришёл в негодование:

— Вы несёт чушь, Бейли!

Бейли повернулся к космониту:

— Вы согласитесь на эксгумацию трупа, доктор Фастольф?

Доктор Фастольф улыбнулся:

— Разумеется, я бы не возражал против этого, мистер Бейли. Но беда в том, что мы не хороним умерших. У на с в обычае кремировать покойников.

— Весьма удобный обычай, — буркнул Бейли.

— Скажите, мистер Бейли, — обратился к нему Фастольф. — Как вы пришли к столь неожидан-

ному заключению?

«Не сдаётся, — подумал Бейли. Теперь будет давить на меня».

— Очень просто, — ответил он. — Чтобы сойти за робота, недостаточно придать лицу застывшее выражение и говорить штампами. Ваша беда в том, что вы, жители Внешних Миров, слишком привыкли к роботам. Вы относитесь к ним как к человеческим существам. Вы уже не замечаете разницы. На Земле все по-другому. Для нас робот есть робот. Во-первый, Р. Дэниел слишком человечен для робота. Вначале я принял его за космонита. Мне было трудно заставить себя поверить его словам, что он робот. И дело всё в том, что он и есть космонит, а вовсе не робот!

Р. Дэниел вмешался в разговор, нимало не смущённый тем обстоятельством, что сам был предметом спора:

— Как я уже говорил вам, партнёр Илайдж, я создан для того, чтобы на время занять место в человеческом обществе. Меня умышленно наделили всеми человеческими чертами.

— Даже такими, как удивительно точная копия частей тела, обычно скрытых под платьем?

— Как вы об этом узнали? — неожиданно раздался голос Эндерби.

— Случайно… — покраснел Бейли, — в душевой.

Эндерби был явно шокирован.

— Вы, конечно, понимаете, что сходство должно быть полным, иначе бесполезно и начинать? — сказал Фастольф и добавил: — В осуществлении нашего проекта полумеры могут принести только вред.

— Разрешите мне закурить? — резко отозвался Бейли.

Три трубки в день — недопустимое расточительство, но он отважился на очень рискованный шаг, и табак ему нужен, чтобы успокоить нервы. В конце концов, он пытается уличить во лжи не кого-нибудь, а космонитов, и он заставит их подавиться собственной ложью.

— Простите меня, — раздался голос Фастольфа, — но я бы предпочёл, чтобы вы не курили.

Его вежливая просьба прозвучала строже приказа. Поэтому Бейли безропотно сунул в карман трубку, которую он уже чуть было не разжёг, полагая, что отказа не последует.

«Ещё бы, — с горечью подумал он. — Комиссар ничего не сказал, потому что сам не курит, но это же ясно. Это само собой разумеется. Ведь чистюли с Внешних Миров не курят, не пьют

и вообще не имеют никаких людских пороков. Не удивительно, что они признают роботов в своём чёртовом — как, бишь, Дэниел назвал его? — обществе C/Fe! Не удивительно, что Дэниел так хорошо играет роль робота. По существу, все они не люди, а роботы».

— Слишком полное сходство — только одна из многих улик, — сказал он. — Когда мы шли с ним домой, в нашем секторе чуть было не вспыхнул бунт. — Бейли снова показал на своего напарника. Он не мог заставить себя называть его ни Р. Дэниелом, ни доктором Сартоном. — И вот он-то и утихомирил недовольных, направив на толпу бластер.

— Боже правый, — воскликнул Эндерби, — в протоколе говорится, что это вы…

— Я знаю, комиссар, — прервал его Бейли. — Протокол составлен по моим словам. Я не хотел, чтобы в официальных документах упоминалось, что робот угрожал людям бластером.

— Да, да. Разумеется, вы правы. — Эндерби был в отчаянии. Он наклонился в сторону, вглядываясь во что-то, находившееся за пределами экрана видеофона.

Бейли догадался, куда смотрел комиссар: он проверял, не подслушивают ли их.

— Итак, это тоже один из ваших аргументов? — спросил Фастольф.

— Конечно. Первый закон робототехники гласит, что робот не может причинить человеку вред.

— Но Р. Дэниел никому вреда не причинил.

— Согласен. Кстати, потом он сказал, что не выстрелил бы ни при каких обстоятельствах. Однако я никогда не слышал, чтобы робот мог действовать вопреки духу Первого Закона, хотя бы угрожая бластером человеку. Пусть он даже не собирался пустить его в ход.

— Ясно. Вы специалист по робототехники, мистер Бейли?

— Нет, сэр. Но я прослушал курс общей робототехники и позитронного анализа. Я не совсем невежда в этой области.

— Очень хорошо, — согласился с ним Фастольф, — но я, как специалист, могу вас заверить, что ум робота устроен таким образом, что он способен воспринимать события лишь буквально. Он не признает духа Первого Закона — только его букву. Примитивные земные роботы, видимо, настолько застрахованы от нарушения Первого Закона, что, вероятно, вообще не могут угрожать человеку. Другое дело такой совершенный робот,

как Р. Дэниел. Если я верно вас понял, он угрожал людям, чтобы предотвратить беспорядки. То есть он стремился к тому, чтобы людям не был причинен вред. Он следовал Первому Закону, а не нарушал его.

У Бейли внутри всё сжалось, но внешне он сохранял напряжённое спокойствие. Трудно ему придётся, но он побьёт этого космонита его же оружием.

— Можете спорить по каждому пункту — результат будет один и тот же, — сказал он. — Вчера вечером, когда мы обсуждали так называемое убийство, ваш липовый робот заявил, что его превратили в детектива при помощи какого-то дополнительного устройства, которое, видите ли, вызывает в нём стремление к справедливости.

— Готов поручиться за это, — ответил Фастольф. — Три дня назад я лично наблюдал за этой операцией.

— Но стремление к справедливости! Справедливость, доктор Фастольф, — это абстрактное понятие. Оно доступно только человеку.

— Если вы определяете «справедливость», как абстрактное понятие, как стремление воздавать каждому по заслугам, как стремление к правде и тому подобное, то я согласен с вами, мистер

Бейли. Человеческое понимание абстракций не может быть заложено в позитронный мозг, по крайней мере при нынешнем уровне наших знаний.

— Значит, вы это признаете… как специалист по робототехнике?

— Конечно. Вопрос лишь в том, что подразумевал Р. Дэниел под словом «справедливость»?

— Он подразумевал именно то, что могли бы подразумевать вы, или я, или любой другой человек, но никак не робот.

— Почему бы вам, мистер Бейли, не попросить его дать своё определение справедливости?

На мгновение Бейли смешался, но тут же повернулся к Р. Дэниелу:

— Ну?

— Да, Илайдж?

— Каково твоё определение справедливости?

— Справедливость, Илайдж, — это полное соблюдение всех законов.

Фастольф кивнул.

— Для робота это хорошее определение, мистер Бейли. Р. Дэниелу задано стремление следить за соблюдением всех законов. Справедливость у Р. Дэниела — вполне конкретное понятие, поскольку оно основано на соблюдении законов,

конкретных, недвусмысленных законов. Здесь нет никакой абстракции. Человеку же, который исходит из каких-либо абстрактных категорий морального порядка, некоторые законы могут казаться плохими, в проведение их в жизнь — несправедливостью. Как по вашему, Р. Дэниел?

— Несправедливый закон, — ответил спокойно Р. Дэниел, — это терминологическое противоречие.

— Для робота — да, мистер Бейли. Так что, как видите, не следует смешивать его справедливость с нашей.

Бейли резко повернулся к Р. Дэниелу и сказал:

— Вчера ночью вы отлучались из моей квартиры.

— Да, — ответил Р. Дэниел, — и прошу извинения, если нарушил этим ваш сон.

— Куда вы ходили?

— В мужской туалетный блок.

Бейли был обескуражен. Он и сам был в этом уверен, но не ожидал, что Р. Дэниел сознаётся так легко. Он почувствовал себя немного неуверенно, но решил, что им всё равно не удастся сбить его с толку. Комиссар напряжённо следил за разговором, быстро переводя взгляд с одного на другого. Отступать некуда, надо держаться до конца, ка-

кие бы хитроумные доводы они ни приводили.

— Когда мы дошли до нашего сектора, — начал Бейли, — он захотел зайти со мной в туалетную. Причём предлог нашёл для этого неубедительный. Ночью же, как он сейчас это сам признал, он пошёл туда снова. Будь он человеком, я бы сказал, что это вполне естественно. Это ясно. Роботу же делать там нечего. Следовательно, вывод может быть один: он — человек.

Фастольф согласно кивнул ему. Он по-прежнему сохранял своё вежливое спокойствие.

— Весьма интересно, — сказал он. Почему бы нам не спросить об этом самого Р. Дэниела?

Комиссар Эндерби подался вперёд.

— Помилуйте, доктор Фастольф, — пробормотал он, — как можно?

— Не беспокойтесь, комиссар. — Губы Фастольфа скривились в нечто напоминавшее улыбку, но это не было улыбкой. — Я убеждён, что ответ Дэниела не оскорбит ваших с мистером Бейли чувств. Так скажите же нам, Р. Дэниел: куда вы отлучались прошлой ночью?

— Покидая нас вчера вечером, жена Илайджа, Джесси, была уверена, что я человек, и это было видно по её отношению ко мне. Вернулась она, уже зная, что я робот. Из этого явствует вывод,

что эти сведения она получила вне квартиры. Следовательно, вчера вечером наш разговор на квартире у Илайджа был подслушан.

Илайдж сказал мне, что их квартира звуконепроницаема. Мы разговаривали негромко. Значит, обычное подслушивание отпадает. Если в городе существуют заговорщики, которые сумели организовать убийство доктора Сартона, они с таким же успехом могли узнать, что расследование убийства поручено Бейли. Поэтому вполне возможно, даже вероятно, что его квартиры прослушивается лучевыми подслушивателями.

После того как Илайдж и Джесси отправились спать, я как мог обыскал квартиру, но передатчика не обнаружил. Это усложнило задачу. Сдвоенный луч с фокусировкой прекрасно справляется и без передатчика, но устройство такого подслушивателя — дело довольно сложное.

Анализ ситуации привёл меня к следующему выводу. Единственным место, где житель Земли может заниматься чем угодно, не опасаясь постороннего вмешательства, является туалетный блок. Он даже может установить там сдвоенный подслушиватель. Никто и не посмотрит в его сторону, настолько интимным считается у землян пребывание в туалетной. Квартира Илайджа на-

ходится недалеко от туалетных блоков их сектора, так что фактор расстояния значения не имеет. Здесь мог использоваться портативный аппарат. Поэтому я отправился в туалетный блок.

— Что же вы там обнаружили? — быстро спросил его Бейли.

— Ничего, Илайдж. Никаких признаков лучевого подслушивателя.

— Ну как, мистер Бейли, это звучит убедительно, не так ли? — обратился к нему Фастольф.

— Может быть, и убедительно, да только чертовски далеко от правды, — ответил Бейли с прежней уверенностью в голосе. Чего он не знает, так это где и, главное, когда жена узнала об этом. А узнала она, что он робот, как только вышла из дома. Причём к тому времени слухи уже несколько часов ходили по городу. Поэтому слух, что он робот, не мог быть результатом подслушивания вчерашнего разговора.

— Тем не менее, — настаивал доктор Фастольф, — можно считать, что он объяснил причину своего посещения туалетной.

— Тогда пусть попытается объяснить следующее: когда, где и каким образом просочился этот слух? — возможно отозвался Бейли. — Как люди узнали, что в городе робот космонитов?

Насколько мне известно, только двое знали об этом — комиссар Эндерби и я, и мы держали это в секрете… Комиссар, кто-нибудь ещё в управлении был в курсе дела?

— Никто, — ответил комиссар нервно. — Даже мэра я не информировал. Только мы с вами и доктор Фастольф.

— Да он, — указал Бейли на Р. Дэниела.

— Я? — спросил Дэниел.

— Разумеется.

— Я всё время был с вами, Илайдж.

— Ничего подобного! — воскликнул Бейли свирепо. — До того, как мы пришли в квартиру, я полчаса, а то и больше оставался в туалетной. На это время я потерял вас из виду. Тогда-то вы и связались со своими людьми в городе.

— С какими людьми? — удивился Фастольф.

— С какими людьми? — почти одновременно раздался голос Эндерби.

Бейли встал со стула и повернулся к экрану приёмника.

— Комиссар, прошу вас внимательно выслушать меня. Нам сообщают об убийстве, и по любопытному стечению обстоятельств оно происходит именно в тот момент, когда вы направляетесь в Космотаун на свидание с жертвой.

Вам показывают труп, который выдают за труп человека, и тут же его уничтожают, чтобы исключить возможность более тщательного осмотра.

Космониты заявляют, что убийца — житель Земли, но единственное их объяснение того, как это могло произойти, звучит смехотворно: по их версии человек должен был ночью, в одиночку, выйти из города и пересечь открытое пространство, чтобы попасть в Космотаун. Не мне вам говорить, как чертовски невероятно это звучит.

Затем они посылают в город своего так называемого робота; фактически они навязывают нам его. Первое, что делает этот робот, попав в город, — он угрожает людям бластером. Затем он распускает слух о том, что в город проник робот космонитов. Между прочим, Джесси сказала, что стали известны даже такие детали, как то, что мол, робот сотрудничает с полицией. Это значит, что скоро люди узнают, кто угрожал им бластером. Быть может, уже сейчас слухи о роботе-убийце растекаются по дрожжевым фермам и гидропонным установкам Лонг-Айленда.

— Невероятно! Это невозможно! — простонал Эндерби.

— Нет, возможно. Именно это и происходит, комиссар. Да, в городе существует заговор, но

направляется он из Космотауна. Космонитам необходимо сообщение об убийстве. Им нужны беспорядки. Им нужно нападение на Космотаун. Чем серьёзнее обернётся дело, тем лучше для них, — тогда на нас обрушатся их корабли и оккупируют все города Земли.

— Но у нас был для этого повод двадцать пять лет назад — Барьерные бунты, — мягко возразил Фастольф.

— Тогда вы не были к этому готовы. Не то что сейчас. — У Бейли бешено колотилось сердце.

— Вы приписываете нам слишком сложный заговор, мистер Бейли. Если бы мы хотели оккупировать Землю, то сделали бы это более простым способом.

— Не тут-то было, доктор Фастольф. Ваш фальшивый робот проговорился, что на Внешних Мирах нет единодушия относительно Земли. Кстати, тогда он, видимо, говорил правду. Быть может, открытая оккупация была бы не по душе вашим народам. Быть может, для этого вам и понадобилось какое-то из ряда вон выходящее происшествие.

— Вроде убийства, да? Так ведь? Значит, мы должны были бы его инсценировать. Надеюсь, вы понимаете, что даже ради такого повода мы

не стали бы убивать своих.

— Нет. Но вы создали робота — точную копию доктора Сартона, выстрелили в него из бластера и после этого показали комиссару Эндерби.

— А затем, — подхватил доктор Фастольф, — поручили доктору Сартону изображать Р. Дэниела в спровоцированном нами расследовании инсценированного убийства.

— Совершенно верно, — подтвердил Бейли. — Я утверждаю это в присутствии свидетеля, которого вы не можете уничтожить и который достаточно важная персона, чтобы ему поверило городское правительство да и сам Вашингтон. Вы не застанете нас врасплох, и нам известны ваши намерения. Если будет необходимо, наше правительство обратится непосредственно к вашему народу и разоблачит вас. Сомневаюсь, чтобы он смирился с такой авантюрой межзвёздного масштаба.

Фастольф покачал головой.

— Простите, мистер Бейли, но ваши слова лишены смысла. У вас поистине поразительные идеи. Давайте предположим, лишь допустим, что Р. Дэниел действительно Р. Дэниел. Допустим, что он в самом деле робот. Не следует ли из этого, что комиссар Эндерби видел труп доктора Сартона?

Едва ли разумно полагать, что этот труп был ещё одним роботом. Комиссар Эндерби видел, как создавался Р. Дэниел и может поручиться, что существует только единственный экземпляр.

— Если на то пошло, — упорствовал Бейли, — то комиссар не специалист по робототехнике. Может, у вас дюжина таких роботов.

— Не уклоняйтесь, мистер Бейли, что, если Р. Дэниел действительно робот? Не рухнет ли вся ваша система сооружений? Сможете ли вы и тогда отстаивать эту выдуманную вами версию мелодраматичного и немыслимого межзвёздного заговора?

— Если он робот! Я утверждаю, что это человек.

— И всё же, мистер Бейли, вы не до конца изучили проблему, — возразил Фастольф. — Для того, чтобы отличить робота, даже человекоподобного робота, от живого человека, вовсе не нужно делать заведомо шатких выводов из его реплик и поступков. Вы, например, пробовали кольнуть Р. Дэниела булавкой?

— Что? — У Бейли отвисла челюсть.

— Это простой опыт. Есть и более сложные. Его кожа и волосы выглядят как настоящие, но пробовали ли вы рассмотреть их при достаточ-

ном увеличении? Затем, кажется, что он дышит, особенно когда ему нужен воздух для произнесения слов. Но заметили ли вы, что по несколько минут он вообще не производит дыхательных движений? Наконец, можно было бы провести анализ выдыхаемого им воздуха на содержание в нём окиси углерода. Можно было бы попытаться взят анализ его крови, проверить его пульс и сердцебиение. Вы понимаете, к чему я клоню, мистер Бейли?

— Все это слова, — произнёс Бейли сдавленным голосом. — Меня на пушку не возьмёшь. Неужто вы думаете, что, если бы даже я захотел, ваш липовый робот позволил бы мне приблизиться к нему со шприцем, с телескопом или микроскопом?

— Конечно, да. Но не будем спорить, — ответил Фастольф и подал Р. Дэниелу какой-то знак.

Р. Дэниел притронулся к манжете правого рукава, и диамагнитный шов распался по всей его длине, обнажив гладкую мускулистую руку, на вид ничем не отличающуюся от человеческой. Она была покрыта короткими рыжеватыми волосами, совсем как у человека.

— Ну и что? — не сдавался Бейли.

Р. Дэниел проделал какую-то манипуляцию со среднем пальцем правой руки, что именно,

Бейли не успел заметить, и точно так же как разошёлся диамагнитный шов на рукава, так его рука распалась надвое.

А внутри, под тонким слоем похожего на кожу материала, тускло поблёскивали стальные тяги, шарниры и провода.

— Не хотите ли вы более тщательно осмотреть внутренности Р. Дэниела, мистер Бейли? — вежливо спросил доктор Фастольф.

Бейли почти не слышал этих слов из-за шума в ушах и неожиданно раздавшегося истерического с подвыванием хохота комиссара Эндерби.

9. Разъяснение космонита

Шум в ушах Бейли всё нарастал, и вот в нём уже потонул хохот комиссара. Комната и всё, что в ней было, закачалось у него перед глазами; он потерял ощущение времени.

Хорошо, хоть он остался сидеть в прежней позе. Изображение комиссара исчезло; стенки объёмного экрана больше не светились; рядом с ним сидел Р. Дэниел, зачем-то оттянувший участок кожи на его обнажённой выше локтя руке. Теперь Бейли различал медленно растворившееся под кожей тёмное пятно на месте инъекции, исчезавшее у него на глазах.

Он окончательно пришёл в себя.

— Вам лучше, партнёр Илайдж? — спросил его Р. Дэниел.

Ему было лучше. Он высвободил руку, опустил рукав и оглянулся вокруг. Доктор Фастольф оставался на своём месте; лёгкая улыбка смягчала черты его невзрачного лица.

— Я потерял сознание? — спросил Бейли.

— Что-то в этом роде, — сказал Фастольф. Боюсь, что вы пережили сильное потрясение.

И тут Бейли все вспомнил. Он схватил Р. Дэниела за руку, задрав рукав рубашки как можно выше. На ощупь рука казалась мягкой, как у человека, но под верхним слоем прощупывалось что-то более твёрдое нежели кости.

Р. Дэниел спокойно реагировал на действия детектива. А Бейли оглядывал его руку со всех сторон, ощупывая там, где у человека проходит срединная артерия. Вероятно, здесь должен быть незаметный шов.

Логично предположить, что он должен проходить именно здесь. Такого робота, с искусственным кожным покровом и настолько похожего на человека, нельзя ремонтировать обычным способом. Нагрудная плита не может держаться у него на заклёпках. И вряд ли его черепная коробка укреплена на обычных шарнирах. Вероятнее всего, различные части его механического тела соединяются по линии микромагнитных полей. Рука, голова, все его тело, должно быть, распадаются надвое от прикосновения в нужном месте и соединяются от прикосновения в другом.

Бейли бросил взгляд на экран.

— Где комиссар? — пробормотал он, сгорая от стыда.

— Неотложные дела, — ответил доктор

Фастольф. — К сожалению, я посоветовал ему оставить нас и пообещал, что позабочусь о вас.

— Вы и так уже отлично о нас позаботились, благодарю вас, — мрачно отозвался Бейли. — С этим покончено.

Он устало выпрямился, внезапно почувствовав себя очень старым. Слишком старым, чтобы начинать всё сначала. Не надо обладать большой проницательностью, чтобы угадать, что ждёт его впереди.

Комиссар в одинаковой степени и напуган и разгневан. Он холодно встретит Бейли и каждые пятнадцать секунд будет проверять свои очки. Тихим голосом — Джулиус Эндерби почти никогда не повышает голос на подчинённых — он будет втолковывать ему, что смертельно оскорблены космониты.

«С космонитами так разговаривать нельзя, Лайдж. Они этого не любят. — Голос Эндерби звучал у него в ушах со всеми оттенками интонации. — Я предупреждал вас. Ясно без слов, какой огромный ущерб вы нанесли нам. Но, учтите, я вас понимаю. Мне ясно, чего вы добиваетесь. Будь это земляне — тогда дело другое. Я бы сказал: да, попытайтесь. Рискните. Выкрутите их. Но это космониты! Лайдж, надо было сказать мне.

Посоветоваться со мной. Ведь я знаю их. Я вижу их насквозь».

А что Бейли ответит на это? Что как раз ему он и хотел доверить свой план. Что риск был слишком велик, тогда как комиссар — человек слишком осторожный. Что именно Эндерби подчёркивал невероятную опасность как полного провала, так и нерассчитанного успеха. Что избежать деклассирования можно было, лишь доказав вину космонитов…

Тогда комиссар скажет: «Придётся написать рапорт, Лайдж. Будут всякие неприятности. Я знаю космонитов. Они потребуют вашего отстранения, и мне придётся подчиниться. Вы ведь понимаете, в чём дело, Лайдж, верно? Я постараюсь облегчить вашу участь. Можете рассчитывать на меня. Я как смогу буду отстаивать вас, Лайдж.»

Именно так оно и будет. Комиссар выступит в его защиту… но лишь в известных пределах. Он побоится, например, навлечь на себя гнев мера.

«Чёрт побери, Эндерби! — раскричится мэр. — Что за безобразие! Почему не посоветовались со мной? Кто в конце концов хозяин в городе? Кто разрешил этому роботу проникнуть в город? Какого дьявола вы поручили этому Бейли…»

И если положение самого комиссара окажется

под угрозой, то ему будет не до Бейли. Собственно, Эндерби тут ни при чём.

Лучшее, на что Бейли может теперь рассчитывать, — разжалование — вещь довольно отвратительная. Условия жизни в современном городе таковы, что даже полностью деклассированным обеспечен прожиточный минимум. Но он слишком хорошо знает, как низок этот минимум.

Лишь занимаемая должность обеспечивает скрашивание жизнь мелочи: будь то удобное место в экспрессе, лучшее блюдо в столовой или более короткая очередь ещё где-нибудь. Можно подумать, что философскому уму присуще пренебрегать побочными мелочами.

Но ни один человек, как бы философски настроен он ни был, не может без воли отказаться от привилегий, когда-то прежде им полученных. В этом всё дело.

Какое ничтожное бытовое удобство представляет собой индивидуальный умывальник, если учесть, что целых тридцать лет Бейли пользовался общими душевыми и это не казалось ему обременительным. Но если бы он лишился ему, как унизительно и невыносимо стало бы снова ходить в душевые! С какой сладкой тоской вспо-

минал бы он бритьё у себя в спальне, как жалел бы об утраченной роскоши!

Среди современных публицистов стало модно с высокомерным осуждение толковать о меркантилизме прежних времён, когда экономикой правили деньги. Конкурентная борьба за существование, утверждают они, жестока. Ни одно по-настоящему сложное общество не может существовать из-за напряжённых усилий, вызванный вечной борьбой за «чистоган». (Учёные по-разному толкуют слово «чистоган», однако общий его смысл сомнений не вызывает.) И наоборот, они высоко превозносят современный «коллективизм», как наиболее продуктивную и просвещённую форму общества.

Может, это и так. Одни произведения романтизируют прошлое, другие — полны сенсаций. Медиевисты же считают, что индивидуализм и инициатива расцвели благодаря именно меркантилизму.

Как бы то ни было, сейчас Бейли терзала одна мысль: «Действительно, доставался ли когда-то человеку этот „чистоган“, чтобы он ни означал, тяжелее, чем жителю города достаётся его право съесть на воскресный ужин куриную ножку — мясистую ножку некогда живой птицы».

«За себя я не боюсь, — подумал Бейли. — Вот как быть с Джесси и Беном?»

В его мысли ворвался голос доктора Фастольфа:

— Мистер Бейли, вы меня слышите?

Бейли вздрогнул:

— Да.

Как долго стоял он, застыв как истукан?

— Прошу вас присесть, сэр. Теперь, когда вы обдумали свои проблемы, быть может, вы пожелаете посмотреть плёнку, снятую нами на месте преступления?

— Нет, благодарю вас. У меня дела в городе.

— Но ведь дело доктора Сартона важнее.

— Не для меня. Я уже, наверное, отстранён. — Тут он внезапно взорвался: — Чёрт возьми, если вы могли доказать, что Р. Дэниел робот, почему вы сразу этого не сделали? Зачем было устраивать какой-то фарс?

— Дорогой мистер Бейли, меня очень интересовали ваши выводы. Что касается отстранения, то я в этом сомневаюсь. Я уже просил комиссара оставить вас. Полагаю, что он согласится.

Бейли с неохотой опустился на стул.

— Чем вызвана ваша просьба? — спросил он дружелюбно.

Доктор Фастольф забросил ногу на ногу и вздохнул.

— Мистер Бейли, мне встречались только два типа землян: бунтовщики и политиканы. Ваш комиссар нам полезен, но он увлекается политикой. Он говорит нам то, что нам хочется услышать. Он нас обхаживает, так сказать. Вы же приходите сюда и обвиняете нас в чудовищных преступлениях и стараетесь доказать свою правоту. Мне это понравилось. Это отрадное явление.

— Отрадное ли? — с сарказмом переспросил его Лайдж Бейли.

— Определённо. Вы тот человек, с которым можно говорить откровенно. Вчера ночью, мистер Бейли, Р. Дэниел связался со мной по субэтеральному каналу. Кое-что в его сообщении о вас меня заинтересовало. Например, ваши книгофильмы.

— А что в них особенного?

— Большинство из них на исторические и археологические темы. Значит, вы интересуетесь человеческим обществом и кое-что знаете об его эволюции.

— Даже полицейский, если пожелает, может посвящать свободное время книгофильмам.

— Совершенно верно. Но мне нравится их тематика. Ваш интерес к истории поможет мне

объяснить вам кое-что. Прежде всего речь пойдёт об исключительности жителей Внешних Миров. Вот мы живём в Космотауне, не бываем в городе, очень редко и со всякими ограничениями общаемся с землянами. Мы дышим наружным воздухом, но при этом пользуемся фильтрами. И сейчас у меня в ноздрях фильтры, на руках — перчатки, и я стараюсь не подходить к вам очень близко. Как вы думаете: почему?

— Нет смысла гадать, — угрюмо ответил Бейли. «Теперь его черёд говорить».

— Как многие земляне, вы могли бы ответить: потому что вы, мол, презираете землян и из опасения утратить своё превосходство не хотите, чтобы вас касалась даже их тень. Но это не так. Правильный ответ очевиден. Тот медицинский осмотр, который вы прошли, а также душ и прочее вовсе не часть ритуала. Они продиктованы необходимостью.

— Болезни?

— Да, болезни. Дорогой мистер Бейли, первые земляне, завоевавшие Внешние Миры, оказались на планетах, где полностью отсутствовали земные бактерии и вирусы. Они привезли свои, разумеется, но вместе с тем они обладали совершенными медицинскими и микробиологически-

ми методами. Тем более, что им пришлось иметь дело с малым количеством микроорганизмов при полном отсутствии промежуточных хозяев — кормильцев паразитов. Не было ни комаров — разносчиков малярии, ни улиток, распространяющих шистосоматоз. Поэтому разносчики болезней были скоро уничтожены, а полезные бактерии беспрепятственно размножались. Постепенно на Внешних Мирах болезни исчезли. Естественно, со временем к иммигрантам стали относиться с неприязньью, так как Внешние Миры всё больше и больше опасались заразных болезней.

— А вы когда-нибудь болели, доктор Фастольф?

— Да, но не инфекционными заболеваниями. Мы подвержены таким заболеваниям, как, например, атеросклероз, но у меня никогда не было того, что вы называете гриппом. Заразись я им, я бы наверное не выжил. У меня у нему нет никакой сопротивляемости. Вот в чём беда всех жителей Космотауна. И все мы очень рискуем. Ведь Земля кишит болезнями, от которых у нас нет защиты, естественной защиты. Вы сами являетесь носителем микробов почти всех известных болезней. Вы этого не чувствуете, поскольку постоянно контролируете их при помощи антител,

выработанных вашим организмом за многие годы. В моём организме антител нет. Вы удивляетесь, почему я стараюсь держаться подальше от вас? Поверьте мне, мистер Бейли, только в целях самозащиты.

— Если это так, почему не растолковать это землянам? — предложил Бейли. — Объяснить, что дело не в вашей заносчивости, а в той реальной опасности, которая вам угрожает.

Космонит покачал головой.

— Нас мало, мистер Бейли, к тому же нас не любят, как всех иностранцев. Мы сохраняем нашу безопасность, поддерживая в ваших людях шаткое представление о нас как о существах высшего порядка. Мы не можем уронить свой престиж, признав, что мы просто боимся приблизиться к жителю Земли. По крайней мере, до тех пор, пока земляне и космониты не научатся понимать друг друга.

— Если положение не изменится, это произойдёт не скоро. Мы… они ненавидят вас как раз за это мнимое превосходство.

— В этом вся проблема. Не думайте, что мы этого не понимаем.

— Комиссар знает обо всём этом?

— Мы с ним никогда так откровенно не бесе-

довали. Наверное, догадывается. Он ведь умный человек.

— В таком случае он должен был рассказать мне об этом, — как бы про себя произнёс Бейли.

Доктор Фастольф удивлённо поднял брови.

— И тогда вы не стали бы подозревать в Р. Дэниеле космонита. Так ведь?

Бейли только слегка пожал плечами.

— И вы были бы правы, — продолжал Фастольф. — Помимо психологических трудностей — влияние на нас ужасного шума и толп людей, — можно прямо сказать, что войти на территорию города для любого из нас равносильно самоубийству. Вот почему доктор Сартон предложил создать человекообразных роботов, которые вместо людей могли бы общаться…

— Да, да. Р. Дэниел рассказывал мне.

— И вы это осуждаете?

— Послушайте, — сказал Бейли, — раз уж мы говорим откровенно, позвольте задать вам простой вопрос. Зачем вы, космониты, пришли на Землю? Почему бы вам не оставить нас в покое?

Доктор Фастольф не скрывал своего удивления:

— Разве вы довольны жизнью на Земле?

— У нас не так уж плохо.

— Верно, но всегда ли так будет? Население ваше постоянно растёт; вам всё труднее и труднее вырабатывать необходимое количество калорий. Земля зашла в тупик, мой дорогой.

— Нам не так плохо, — упрямился Бейли.

— Но и не хорошо. Нью-Йорк тратит массу усилий на то, чтобы добывать себе воду и удалять отбросы. Атомные электростанции работают на уране, запасы которого скудеют даже на других планетах нашей системы, а потребности в нём все возрастают. Жизнь города зависит от того, вовремя ли будет древесная масса для дрожжевых баков или минеральные соли для гидропонных установок. Наконец, проблема вентиляции. Иными словами, сохраняемое равновесие зависит от тысяч разнообразных проблем, которые усложняются с каждым годом. Что произойдёт с Нью-Йорком, если нарушить это равновесие хотя бы на час?

— Этого ещё никогда не случалось.

— Но может случиться в будущем. В примитивные времена населённые центры были почти полностью независимы и потребляли продукцию близлежащих ферм. Только стихийное бедствие — наводнение, эпидемия или неурожай — могли причинить им вред. С ростом этих центров и

развитием техники стало возможным преодолевать бедствия местного характера, привлекая помощь извне, издалека. В результате огромные территории Земли стали зависеть друг от друга. Города медиевальных времён, даже самые крупные, могли просуществовать на своих запасах, в том числе неприкосновенных, по крайней мере, в течение недели. Когда Нью-Йорк только стал современным городом, он мог прожить на своих запасах в течение дня. Сейчас он не продержится и часа. То бедствие, которое десять тысяч лет назад было бы большой проблемой, сегодня было бы равносильно катастрофе.

Бейли заёрзал на стуле.

— Я это слышал и раньше. Наши медиевисты хотят покончить с городами. Они призывают вернуться назад к природе и заняться возделыванием земли. Они просто рехнулись: это невозможно. Нас слишком много, и историю нельзя повернуть вспять. Конечно, если бы не ограничивалась эмиграция на Внешние Миры…

— Вы знаете, почему она ограничивается.

— Тогда что нам делать? Вы топчетесь на одном месте.

— Почему бы не освоить новые миры? Галактика насчитывает сотни миллиардов звёзд.

Предполагается, что сто миллионов планет годны или могут быть сделаны годными для жизни.

— Это нелепость.

— Почему? — горячо возразил Фастольф. — Почему нелепость? Земляне осваивали планеты в прошлом. Более тридцати из пятидесяти Внешних Миров, включая нашу Аврору, были освоены самими землянами. Разве теперь это невозможно?

— Ну знаете ли…

— Не можете ответить? Тогда я вам скажу. Если это и возможно, то только потому, что на Земле процветает культ стальных городов. До их появления вы были свободнее и могли оторваться от Земли, чтобы начать всё сначала на чужой планете. Вы делали это не менее тридцати раз. А сейчас земляне так изнежились, так увязли в своих стальных пещерах, что им не выбраться оттуда вовек. Вы сами, мистер Бейли, не могли представить, что горожанин способен пересечь открытое пространство на пути в Космотаун. Пересечь же космическое пространство к новому миру для вас должно быть труднее во сто крат. Урбанизм разъедает Землю, сэр.

— Даже если это и так, — рассердился Бейли, — какое вам до этого дело? Мы сами решим свои

проблемы. А если не решим, значит, таким будет наш особенный путь в ад.

— Лучше свой собственный путь в ад, чем чужая дорога в рай? — съязвил Фастольф. — Однако я понимаю вас. Едва ли приятно слушать проповеди чужестранца. А вот мы бы не отказались от поучений со стороны, ибо у нас тоже есть проблемы, причём аналогичные вашим.

— Перенаселение? — криво усмехнулся Бейли.

— Аналогичные, но не одинаковые. Мы страдаем от недостатка населения. Как вы думаете, сколько мне лет.

— Я бы сказал — шестьдесят, — умышленно завысил его возраст Бейли.

— А надо бы сказать: сто шестьдесят.

— Неужели?

— А если быть точным, то мне скоро стукнет сто шестьдесят три года. Здесь нет никакого подвоха. Мой возраст исчисляется стандартным земным годом. Если мне повезёт, и я буду за собой следить, и, самое главное, не подхвачу какую-нибудь земную болезнь, то доживу до трехсот лет. Многие жители Авроры достигают возраста трёхсот пятидесяти лет. Причём средняя продолжительность жизни у нас постоянно растёт.

Бейли оглянулся на Р. Дэниела (который за это

время не проронил ни слова) будто за подтверждением.

— Но как это возможно? — недоуменно спросил он.

— В недонаселенном обществе большое внимание уделяется геронтологии — науке о старении организма. В нашем мире удлинение срока жизни было бы бедствием. Вы просто не можете себе позволить роста населения. На Авроре же хватает места и для трёхсотлетних стариков. Чем длиннее жизнь, тем больше человек дорожит ею.

Умри вы сейчас, возможно, потеряли бы ну сорок, а то и меньше лет жизни. Я же потерял бы не меньше полутораста лет. Поэтому в нашей цивилизации важнейшую роль приобретает жизнь индивидуума. Уровень рождаемости у нас низок, а рост населения строго контролируется. И чтобы обеспечить наилучшие условия существования для каждого человека, мы поддерживаем определённое соотношение между количеством людей и роботов. Естественно, что мы тщательно отбираем умственно и физически неполноценных детей, не давая им достигнуть зрелого возраста.

Бейли прервал его:

— Значит, вы их убиваете, если они не…

— Если они не соответствуют требованиям.

Совершенно безболезненно, заверяю вас. Вас это шокирует, так же как нерегулируемое развитие землян шокирует нас.

— Оно регулируется, доктор Фастольф. Каждой семье разрешается иметь определённое количество детей.

Доктор Фастольф снисходительно улыбнулся.

— Определённое количество любых детей, а не здоровых детей.

— Но кто решает, каким детям жить?

— Вопрос довольно сложный, и на него сразу не ответишь. Когда-нибудь мы с вами поговорим об этом подробнее.

— Ну так в чём ваши трудности? Похоже, что вы довольны свои образом жизни.

— Он стабильный. Вот в чём беда. Он слишком стабильный.

— Вам не угодишь, — заметил Бейли. — Мы, по-вашему, стоим на пороге невообразимого хаоса, ваши же порядки слишком стабильны.

— Стабильность может быть чрезмерной. За два с половиной столетия ни один из Внешних Миров не пытался осваивать новые планеты. Этого не предвидится и в будущем. Мы живём слишком долго и в слишком хороших условиях, чтобы рисковать.

— Быть может, это и так, доктор Фастольф. Но вы-то прилетели на Землю? Вы рискуете жизнью?

— Конечно. Среди нас есть люди, мистер Бейли, которые считают, что прогресс человечества стоит такого риска. К сожалению, нас пока мало.

— Ладно. Мы, кажется, подходим к самому главному. Какую роль в этом играет Космотаун?

— Пытаясь увеличить на Земле количество роботов, мы стремимся нарушить равновесие вашей экономики.

— Так-то вы собираетесь нам помочь! — Губы Бейли дрогнули. — То есть вы хотите, чтобы становилось всё больше уволенных, заменённых роботами и деклассированных?

— Отнюдь не из-за жестокости или бессердечия, поверьте мне, — убеждал его доктор Фастольф. — Эти смещённый, как вы их называете, составляют ядро будущих переселенцев на другие планеты. Кстати, вашу древнюю Америку открыли корабли, экипажи которых были укомплектованы преступниками. Разве вы не видите, что город бросает смещённый на произвол судьбы. Терять им нечего, но, покинув Землю, они завоюют себе лучшую жизнь.

— Но из этого ничего не получается.

— Пока — нет, — грустно согласился Фастольф. — Что-то здесь не так. Всему виной отвращение землян к роботам. А ведь именно роботы могут сопровождать людей, помочь им устроиться на необжитых планетах, и наконец, освоить их.

— Ну и что потом? Новые Внешние Миры?

— Нет. Внешние Миры появились на Земле ещё до возникновения стальных городов. Новые же колонии будут созданы людьми, которые жили в крытых городах и к тому же знакомы с культурой C/Fe. Это будет синтез того и другого, своего рода гибрид. Если же оставить все по-старому, то вскоре начнёт разрушаться земная цивилизация, а несколько позднее наступит черёд медленного загнивания и распада культуры Внешних Миров. Новые колонии несут что-то свежее, так как будут сочетать в себе то лучшее, что есть в обеих цивилизациях. Их благотворное влияние на более старые миры, включая Землю, поможет и нам зажить новой жизнью.

— Не знаю, не знаю… Все это очень туманно, доктор Фастольф.

— Да, это мечта. Поразмыслите над этим. — С этими словами космонит резко встал на ноги. — Я провёл с вами больше времени, чем намеревался. Кстати, больше, чем положено с точки

зрения безопасности здоровья. Вы разрешите мне оставить вас?

Бейли и Р. Дэниел вышли наружу, и снова сверху, но под другим углом на них лились потоки солнечного света, теперь уже более жёлтого оттенка. У Бейли возникла неясная мысль: «Как выглядит солнечный свет на другой планете? Может быть, он не такой яркий и слепящий? Может, там он более приятный?» Другой мир? Безобразный космонит с оттопыренными ушами наполнил его странными мыслями. Интересно, пришлось ли однажды докторам с Авроры задуматься над тем, оставить жизнь ребёнку, по имени Фастольф, или нет? Не слишком ли он безобразен? А может быть, внешность вообще не принимается в расчёт? В каких случаях отталкивающий вид считается уродством и какие виды уродства…

Но как только исчез солнечный свет и они вошли в первую дверь, ведущую к душевым, настроение у него изменилось.

Бейли в отчаянии затряс головой. Всё это чепуха. Заставлять землян эмигрировать и устраиваться на новом месте! Какая чушь! Чего они в действительности добиваются? Ответ на это найти ему не удалось.

Служебная машина медленно катилась по проезжей части коридора. Бейли вновь почувствовал себя в реальном мире. На правом бедре он ощущал тёплую, успокаивающую тяжесть своего бластера. Таким же теплом и спокойствием повеяло на него от шумной, бурлящей жизни огромного города.

В тот момент, когда они въезжали на его территорию, Бейли почувствовал какой-то странный, едва уловимый запах.

«Это пахнет город?» — удивился он.

Он подумал о двадцати миллионах человеческих существ, загнанных за стальные стены огромной пещеры, и в первый раз в жизни почуял их запах своими ноздрями, омытыми чистым наружным воздухом.

Интересно, как будет на другой планете? Меньше народу и больше воздуха. Значит, чище?

Но вокруг них шумел вечерний Нью-Йорк, а запах постепенно ослабевал и, наконец, исчез совсем, и Бейли стало неловко за свои мысли.

Он медленно нажал на рычаг управления и увеличил подачу лучистой энергии в двигатель. Машина резко увеличила скорость и нырнула в пустоту автотуннеля.

— Дэниел, — сказал Бейли.

— Да, Илайдж?

— Зачем доктор Фастольф рассказывал мне все это?

— Вполне вероятно, Илайдж, что он хотел показать вам всю важность данного расследования. Мы с вами должны не только расследовать убийство, на и спасти Космотаун, а вместе с ним и будущее всей человеческой расы.

— Было бы больше проку, — сухо ответил Бейли, — если бы он показал мне место преступления и позволил допросить тех, кто обнаружил труп.

— Сомневаюсь, чтобы вы узнали что-нибудь новое, Илайдж. Мы тщательно проверили все сами.

— Так ли уж тщательно? Вы ничего не нашли. У вас нет никаких улик. Вы не знаете, кого подозревать.

— Не знаем, вы правы. Ответ нужно искать в городе… Точнее говоря, мы подозревали одно лицо.

— Как так? Что же вы раньше не сказали?

— Я не считал это необходимым, Илайдж. Да и для вас не секрет, что подозрение могло автоматически пасть лишь на одного человека.

— На кого? Кто это, чёрт побери?

— Единственный житель Земли, кто оказался на месте преступления, — комиссар Джулиус Эндерби.

10. Вечер полицейского детектива

Служебную машину занесло в сторону, и она резко остановилась перед слепой бетонной стеной автотуннеля. Урчание мотора прекратилось, наступила мёртвая тишина.

Бейли повернулся к сидящему рядом с ним роботу и неестественной спокойным голосом сказал:

— Что вы сказали?

Время растянулось, пока Бейли ждал ответа. Нарастал заунывный вибрирующий звук, который, достигнув своей невысокой вершины, стал постепенно затихать. Вероятно, в миле от них по свои каким-то делам пробиралась другая служебная машина. А может, это пожарная команда спешащая навстречу с огнём.

Где-то в уголке его мозга возникла ответная мысль: «Найдётся ли хоть один человек, который знает все автодороги, извивающиеся в чреве Нью-Йорка?»

Нет такой минуты ни днём, ни ночью, когда бы они совершенно пустовали. И всё же там можно

найти места, где в течение многих лет не ступала нога человека. Перед Бейли неожиданно с уничтожающей жестокостью возник кинорассказ, который он видел ещё в детстве.

Местом действия были автодороги Лондона, и всё начиналось, как и положено, с убийства. Убийца пытался скрыться в заранее подготовленном убежище на одной из автодорог, в пыли которой за сотню лет отпечатались следы только его ботинок. В этом убежище он был бы в полной безопасности, покуда не закончатся розыски.

Но он свернул не в ту сторону и в безмолвном унынии извилистых коридоров произнёс безмолвную и богохульную клятву, что назло всем богам найдёт своё убежище.

С тех пор он ни разу не свернул в нужном направлении. Он бродил по нескончаемому лабиринту от Брайтонского сектора на Ла-Манше до Норвича и от Ковентри до Кентербери. Он пробирался, как крот, из одного конца громадного лондонского подземелья в другой, по всей юго-восточной оконечности Старой Англии. Его одежда превратилась в лохмотья, а ботинки истрепались вконец, силы изменяли ему, но никогда не покидали его совсем. Он устал, очень устал, но не мог остановиться. Он мог лишь идти вперёд и вперёд,

туда, где его ожидали неверные повороты.

Иногда до него доносился шум проезжавших машин, но они всегда оказывались в соседнем коридоре, и, как бы быстро он туда ни бросался (ибо теперь он бы с радостью сдался властям), коридоры всегда оказывались пустыми. Иногда он замечал далеко впереди выход, который мог вернуть ему жизнь и воздух, но, сколько бы он ни приближался к нему, выход мерцал ещё дальше, а после очередного поворота исчезал вовсе.

Некоторым лондонским чиновникам доводилось видеть издали на подземных дорогах расплывчатый силуэт человека, который бесшумно брёл навстречу, с мольбой протягивая к ним руки и беззвучно шевеля губами. Когда к нему приближались, он словно растворялся и исчезал.

Это был один из тех рассказов, которые из области дешёвой беллетристики перешли в царство фольклора. «Бродячего лондонца» знал весь мир.

В глубинах Нью-Йорка Бейли вспомнил этот рассказ, и ему стало не себе.

Р. Дэниел заговорил, и его голос повторяло слабое эхо.

— Нас здесь могут подслушать, — насторожился он.

— Здесь? Никогда в жизни. Так что вы сказали о комиссаре?

— Он был на месте преступления, Илайдж. Он житель города. Естественно, что мы подозревали его.

— Подозревали? А сейчас?

— А сейчас — нет. Его невиновность была быстро доказана. Прежде всего, у него не было бластера. И не могло быть. Он проник в Космотаун обычным путём; это установлено точно. Как вам известно, все оставляют своё оружие при входе в Космотаун.

— Кстати, удалось вам обнаружить орудие убийства?

— Нет, Илайдж. Мы осмотрели все бластеры в Космотауне, и оказалось, что в течение нескольких недель они не были в употреблении. Проверка радиационных камер не оставляет никакого сомнения в этом.

— Следовательно, убийца либо так хорошо спрятал оружие, что…

— На территории Космотауна оно не обнаружено. Мы тщательно все осмотрели…

— Я пытаюсь представить себе все возможности, — нетерпеливо прервал его Бейли. — Значит, убийца спрятал оружие или унёс его с собой.

— Совершенно верно.

— И если вы признаете только вторую возможность, значит, комиссар вне подозрений.

— Да. Для общей уверенности мы подвергли его цереброанализу.

— Какому анализу?

— Под цереброанализом я подразумевая расшифровку электромагнитных полей живых мозговых клеток.

— Ага… — протянул неуверенно Бейли. — А что это вам даёт?

— Мы получаем данные о типе нервной деятельности данного человека. В отношении комиссара Эндерби мы узнали, что он не способен на убийство доктора Сартона. Совершенно неспособен.

— Верно, — согласился Бейли. — Не такой он человек. Я бы вам сразу сказал.

— Лучше иметь объективные данные. Естественно, все жители Космотауна согласились пройти цереброанализ.

— И конечно, все вне подозрений.

— Несомненно. Поэтому мы убеждены, что убийца живёт в городе.

— Что ж, давайте пропустим всех жителей через эту вашу штучку.

— Это было бы не очень практично, Илайдж. Возможно, лиц, способных по темпераменту на такой поступок, оказалось бы миллионы.

— Так уж и миллионы… — промолчал Бейли и подумал о том далёком дне, когда толпы людей всячески поносили «грязных космонитов», и о недавней осаде обувного магазине не менее грозной толпой.

Бедный Джулиус. Подозреваемый!

Бейли вспомнил, как комиссар рассказывал ему об убийстве. «Это было жестоко, жестоко», — как сейчас слышал он его голос. Не удивительно, что он такого потрясения он уронил свои очки, а потом не хотел ехать с ним в Космотаун. «Я ненавижу их», — процедил он тогда сквозь зубы.

Несчастный Джулиус! Знаток космонитов. Человек, заслуга которого перед городом заключалась в том, что он умел с ними ладить. Интересно, помогало ли это ему делать карьеру?

Не мудрено, что он поручил расследование Бейли. Преданный старина Бейли. Старый приятель! Уж он-то попридержит язык за зубами, если докопается до правды. «Интересно, — подумал Бейли, — как проводится этот цереброанализ?» Он представил себе огромные электроды, деловитые пантографы, вычёркивающие кривые на

миллиметровке, автоматические устройства, со щелчком принимающие нужное положение.

Бедняга Джулиус! Если он сейчас в таком ужасном состоянии, в каком у него есть все основания быть, значит, у него перед глазами стоит строгое лицо мэра, который держит в руках его заявление об уходе в отставку, а вместе с ним и конец его блистательной карьеры.

Тем временем машина скользнула в нижние этажи здания городского муниципалитета.

Было уже 14:30, когда Бейли добрался до своего письменного стола. Комиссара на месте не оказалось. Вечно улыбающийся Р. Сэмми не знал, куда комиссар отлучился.

Бейли некоторое время провёл за размышлениями. Он даже не испытывал чувства голода.

В 15:20 к его столу подошёл Р. Сэмми и сказал:

— Комиссар уже у себя, Лайдж.

— Спасибо, — поблагодарил его Бейли.

Впервые вид Р. Сэмми не вызвал у него раздражения. В конце концов у Р. Сэмми было что-то общее с Р. Дэниелом, а Р. Дэниел отнюдь не такое существо — вернее, предмет, — который действует на нервы. «Интересно, — подумал Бейли, — как сложится жизнь на новой планете, где с самого начала у людей и роботов будут равные права?»

Эта мысль нисколько не вывела его из себя.

Комиссар просматривал какие-то бумаги, делая на полях пометки.

— Ну и дали же вы маху в Космотауне! — сказал он.

Длинное лицо Бейли вытянулось ещё больше от досады.

— Вы правы, комиссар. Мне очень жаль…

Эндерби бросил на него пристальный взгляд. Сейчас, впервые за последние тридцать часов, он выглядел самим собой.

— Ничего страшного, — сказал он. — Похоже, что Фастольф не обозлился, так что забудем об этом. Странный народ эти космониты. Вам повезло, Лайдж, хоть вы этого не заслужили. В следующий раз посоветуйтесь со мной, прежде чем надумаете изображать из себя героя-одиночку из субэтерикса.

Бейли молча кивнул. С его плеч свалилась огромная тяжесть. Он хотел с треском разоблачить космонитов, но у него ничего не вышло. Что ж, ладно. Его слегка удивило, как безразлично он относится к этому сейчас, но факт остаётся фактом.

— Послушайте, комиссар, — сказал он. — Мне нужна квартира на двоих, для меня с Дэниелом.

Я не поведу его сегодня к себе.

— Что это вдруг?

— Всем стало известно, что он робот, понимаете? Может ничего и не случится, но я не хочу подвергать опасности семью, если начнутся беспорядки.

— Чепуха, Лайдж. Я проверил. В городе нет никаких слухов.

— Но Джесси откуда-то узнала, комиссар.

— То есть нет организованных слухов. Ничего серьёзного. Я занимался проверкой с тех пор, как отключился от дома Фастольфа. Собственно, я поэтому и ушёл. Чтобы оперативно проверить источник слухов. Вот сообщения. Смотрите сами. Дори Гиллид побывала в женских туалетах разных районов города. Вы знаете Дорис, он способная девушка. Она ничего не обнаружила. Нигде.

— Тогда как об этом узнала Джесси, комиссар?

— Это можно понять. Р. Дэниел устроил спектакль в обувном магазине. Кстати, Лайдж, он действительно вынул бластер или вы немножко увлеклись?

— Он вынул его в самом деле. И даже направил на толпу.

Комиссар покачал головой.

— Ну ладно. Кто-то узнал его. Признал в нём робота.

— Погодите! — возмутился Бейли. — Его нельзя отличить от человека.

— Почему?

— Вы могли? Я вот не смог.

— Это не доказательство. Мы с вами не специалисты. Предположим, в толпу был роботехник с заводов в Уэстчестере. Профессионал — человек, который всю жизнь занимался постройкой и конструированием роботов. Он замечает что-то странное в Р. Дэниеле, как Р. Дэниел говорит, или его манеру держаться. У него возникают сомнения. Может, он делится ими со своей женой, а та рассказывает подругам. Но это слишком неправдоподобно. Слухи замолкают. Но до Джесси слухи успели дойти.

— Может быть, — неуверенно согласился Бейли. — Тем не менее как насчёт комнаты для двоих?

Комиссар пожал плечами и поднял переговорную трубку. Через некоторое время он сказал:

— Вам могут дать лишь сектор Q-27. Соседство неважное.

— Ничего, сойдёт.

— Кстати, где сейчас Р. Дэниел?

— Он просматривает картотеку. Пытается со-

брать сведения о подстрекателях.

— Боже правый, да их ведь миллионы!

— Я знаю, но он делает это с удовольствием.

Бейли уже было взялся за ручку двери, но неожиданно обернулся и спросил:

— Комиссар, доктор Сартон рассказывал вам о планах Космотауна? О внедрении культуры C/Fe?

— О чём?

— О введении роботов.

— Немного, — сказал комиссар равнодушно.

— Он говорил вам когда-нибудь, какие цели преследует Космотаун?

— О, улучшение здоровья людей, повышение жизненного уровня. Обычная болтовня, ничего нового. Конечно, я соглашался с ним. Поддакивал и всё прочее. А что мне оставалось делать? Пусть себе тешатся, авось далеко не зайдут. Быть может, когда-нибудь…

Бейли ждал, но так и не узнал, что может произойти «когда-нибудь».

— Он говорил об эмиграции? — упорствовал он.

— Об эмиграции? Нет. Пустить жителей Земли на Внешние Миры им не легче, чем найти алмазный астероид в кольцах Сатурна.

— Я имею в виде эмиграцию на новые пла-

неты.

На это комиссар ответил взглядом, полным откровенного скептицизма.

Бейли помолчал немного, а потом вдруг выпалил:

— Комиссар, что такое цереброанализ? Когда-нибудь слышали об этом?

Круглое лицо комиссара нисколько не изменилось; он спокойно ответил:

— Понятия не имею. А что это?

— Ничего. Просто услышал где-то…

Он вышел из кабинета и, усевшись за свой стол, снова погрузился в размышления. Не такой уж комиссар актёр, чтобы так притворяться. Что ж тогда…

В 16:05 Бейли позвонил жене и сообщил ей, что ни сегодня, ни в течение нескольких следующих дней он не будет ночевать дома. После этого Джесси никак не хотела класть трубку.

— Лайдж, что случилось? Ты в опасности?

— Полицейский всегда подвергается опасности, — объяснил он беспечным тоном.

Такой ответ, видимо, не устраивал её.

— Где тебя искать?

Но он не хотел ей говорить.

— Если тебе будет вечером скучно, поезжай к

своей матери, — сказал он поспешно и тут же отключил линию.

В 16:20 он заказал разговор с Вашингтоном. У него ушло много времени, чтобы разыскать человека, которому он звонил, и не меньше того, чтобы убедить его на следующий день вылететь в Нью-Йорк. К 16:40 это удалось.

В 16:55 из кабинета вышел комиссар и, проходя мимо Бейли, неопределённо ему улыбнулся. Дневная смена повалила к выходу. Те немногие, кто работал здесь вечером, при виде Бейли приветствовали его с различной степенью удивления в голосе.

К столу подошёл Р. Дэниел с кипой бумаг в руках.

— Что это? — спросил Бейли.

— Список тех, кто может иметь отношение к организации медиевистов.

— Сколько же их набралось?

— Более миллиона, — сказал Р. Дэниел. — У меня только часть из них.

— И вы надеетесь это проверить. Дэниел?

— Это было бы непрактично, Илайдж.

— Слушайте, Дэниел, почти все земляне медиевисты по натуре. Комиссар, Джесси, я сам. Возьмите, например, комиссара с его… (Он чуть

было не сказал «очками», но вспомнил, что земляне должны держаться друг друга и что нужно беречь лицо комиссара как в прямом, так и в переносном смысле…) с его украшением вокруг глаз, — невнятно закончил он.

— Да, я обратил на это внимание, но не решился спросить, что это такое, — сказал Р. Дэниел и добавил: — У других землян я не видал таких украшений.

— Это довольно старомодная штука.

— А для чего она служит?

Бейли оставил этот вопрос без ответа, а вместо этого спросил сам:

— Как вам удалось составить этот список?

— Его составила машина. Оказывается, машине можно дать определённую задачу, и она сделает всё остальное. Я настроил её на проверку всех случаев нарушения общественного порядка, связанных с роботами, за последние двадцать пять лет. Другая машина просмотрела местные газеты приблизительно за этот же срок в поисках материалов, направленных против роботов и космонитов. Поразительно, как много можно сделать за три часа! Машина даже вычеркнула из списка тех, кого нет в живых.

— Чему вы удивляетесь? Ведь у вас тоже есть

электронные машины.

— Конечно, и самые разнообразные. Очень совершенные. Но все они уступают вашим по величине и сложности. Нам такие и не нужны, учитывая тот факт, что население самого крупного из Внешних Миров едва достигает населения Нью-Йорка.

— Вы бывали на Авроре? — спросил его Бейли.

— Нет, — ответил Р. Дэниел. — Меня собрали на Земле.

— Откуда же вы знаете, какие так электронные машины?

— Ну, это просто, партнёр Илайдж. Моя электронная память содержит всё, что знал покойный доктор Сартон. Можете не сомневаться, что в ней достаточно фактического материала о Внешних Мирах.

— Понятно. Вы можете есть пищу, Дэниел?

— Я работаю на ядерном топливе. Я думал, вы знаете об этом.

— Прекрасно знаю. Я спросил умеете ли вы есть, а не нуждаетесь ли вы в пище? Класть пищу в рот, пережёвывать её, глотать? Ведь это существенная деталь, без которой нельзя походить на человека.

— Я вас понял. Да, я могу производить механи-

ческие операции жевания и глотания. Но ёмкость того, что вы могли бы назвать желудком, у меня мала, так что рано или поздно мне надо удалять поглощённый материал.

— Отлично. Вы его отрыгнёте вечером, когда вернёмся домой. Дело в том, что я проголодался. Я прозевал обед — черт его подери! — и хочу, чтобы вы пошли со мной в столовую. Вам придётся делать вид, что вы едите, не то на вас живо обратят внимание. Поэтому я и спрашивал. Ну, поехали!

Все столовые жилых секторов города похожи одна на другую. Более того, Бейли довелось побывать по делам в Вашингтоне, Торонто, Лос-Анджелесе, Лондоне и Будапеште, и там столовые точно такие же. Вероятно, в средневековую эпоху было иначе: тогда и языки и блюда были разные. Теперь всюду одни и те же дрожжи: от Шанхая до Ташкента и от Виннипега до Буэнос-Айреса; что касается языка, то он перестал быть английским Шекспира или Черчилля, а окончательно превратился в какой-то винегрет, которым пользовались на всех континентах и даже, с некоторыми изменениями, на Внешних Мирах.

Помимо языка и меню есть ещё нечто такое, что ещё больше сближает столовые. Это — специфический запах, не поддающийся определению,

характерный запах столовой. Это — тройная очередь, медленно подвигающаяся к выходу, сливающаяся у двери и снова разветвляющаяся влево, вправо и в центр. Это — людской гомон и шум от шарканья ног, в который врывается резкий перестук пластмассовой посуды. Это — отполированная до блеска имитация дерева, блики на стекле, длинные столы и облачка пара над тарелками.

Бейли медленно продвигался с очередью (не смотря на строгий график посещения столовой, в очереди приходится ждать по меньшей мере минут десять) и с неожиданным любопытством спросил у Р. Дэниела:

— А вы умеете улыбаться?

Р. Дэниел, занятый тем, что внимательно вглядывался внутрь столовой переспросил:

— Простите, Илайдж?

— Мне просто любопытно, Дэниел. Вы умеете улыбаться? — сказал он шёпотом.

Р. Дэниел улыбнулся. Это была странная улыбка: его губы быстро растянулись в стороны и вверх, образовав на щеках две складки. Улыбался, однако, только рот. Улыбка не тронула большую часть лица робота.

Бейли покачал головой.

— Спасибо, Р. Дэниел. Лучше не улыбайся.

Они были у входа. Люди по очереди опускали свои жетоны в соответствующую прорезь автоматического контролёра. Щёлк, щёлк, щёлк…

Кто-то подсчитал, что чётко работающая столовая может пропустить двести человек в минуту, причём жетоны каждого из них тщательно проверяются, чтобы каждый шёл, куда положено, ел, что положено и сколько положено. Подсчитано также, какой длины должна быть очередь для максимальной эффективности столовой и сколько времени отнимает особое обслуживание. Поэтому нарушение ритма работы столовой всегда имеет пагубные последствия. Именно в этом и были повинны Бейли и Р. Дэниел, когда они, миновав автомат, предъявили дежурной специальный пропуск.

Об этих последствиях Бейли как-то узнал от Джесси, хорошо осведомлённой, как помощник диетолога, о работе столовых.

— Все тогда идёт кувырком, — рассказывала она ему. — Меняется закладка, меняется калькуляция. Приходится заниматься дополнительной проверкой. То есть надо сравнивать чеки всех остальных столовых сектора, чтобы проверить, не слишком ли нарушен баланс. Понимаешь?

Баланс полагается составлять каждую неделю. И если что-нибудь случилось и у тебя перерасход, то виновен в этом прежде всего ты. Городские власти, как всегда, ни при чём, хотя сами раздают талоны налево и направо. Ещё бы! А какой шум поднимается, когда объявляем, что выбора блюд не будет… В общем, как обычно, все неприятности валятся на голову человека за прилавком. Ему всегда достаётся больше всех.

Бейли прекрасно понимал все это и спокойно воспринял тот холодный, убийственный взгляд, который метнула на него через окошко дежурная. Она торопливо записывала: местожительство, род занятий, причина посещения чужой столовой («служебная командировка» — причина, вызывающая раздражение, но достаточно веская). Затем уверенными движениями она сложила чек и опустила его в прорезь. Электронный аппарат подхватил чек, поглотил его содержимое и переварил информацию. Дежурная повернулась к Р. Дэниелу.

Бейли добил её.

— Мой приятель из другого города, — сказал он.

— Место постоянного жительства, пожалуйста, — спросила женщина с крайне недовольным

видом.

И Бейли снова не дал Р. Дэниелу открыть рта.

— Сошлитесь на полицейское управление. Детали не требуются. Находится здесь с официальным заданием.

Женщина рывком достала пачку чеков и заполнила их электронным кодом привычным нажатием двух пальцев правой руки.

— Долго вы будете у нас питаться? — спросила она.

— Впредь до ближайшего уведомления, — ответил Бейли.

— Приложите сюда пальцы, — сказала она, перевернув бланк.

У Бейли ёкнуло сердце, когда Р. Дэниел приложил к бланку свои ровные, с блестящими ногтями пальцы. Да нет, едва ли они могли забыть такую важную деталь, как отпечатки пальцев.

Женщина взяла бланк и вставила его во всеядную машину, находившуюся у неё под рукой. Машина ничего назад не отрыгнула, и Бейли облегчённо вздохнул.

Бейли и Р. Дэниел получили временные жетоны ярко-красного цвета. Женщина за конторкой, выдавшая им жетоны, строго предупредила:

— Сегодня выбора блюд нет. У нас перерасход

продуктов. Ваш стол ДФ.

Они направились к столу ДФ.

— У меня создаётся впечатление, что большинство из вас регулярно питается в таких столовых, — заметил Р. Дэниел.

— Конечно. Правда, довольно неприятно ходить в незнакомую столовую. Ты никого здесь не знаешь. Другое дело в своём секторе: там всегда занимаешь определённое место, с тобой семья, твои друзья. А для молодёжи это просто одно удовольствие. — И Бейли улыбнулся своим воспоминаниям.

Их стол, видимо, был предназначен для таких, как они, временных клиентов. Многие из них уже заняли свои места и сидели, молча уткнувшись в тарелки или с завистью поглядывали на другие столы, откуда доносились взрывы громкого смеха.

«Нет ничего хуже, — подумал Бейли, — чем питаться в чужом месте. Дома даже пища кажется вкуснее, что бы там ни твердили химики, готовые поклясться, что здесь она нисколько не отличается от того, чем кормят в Иоганнесбурге».

Бейли сел на стул; Р. Дэниел уселся рядом.

— Нет выбора, — недовольно проворчал он, — что ж, тогда повернём этот выключатель и

будем ждать.

Прошло две минуты. Диск в крышке стола отодвинулся в сторону, и в образовавшемся отверстии появилось дымящееся блюдо.

— Картофельное пюре, соус из зимовила и печёные абрикосы. Не так плохо, — заключил Бейли.

В проёме у низкой переборки посередине стола показалась вилка и ломти чёрного дрожжевого хлеба.

— Если хотите, можете взять мою порцию, — едва слышно сказал Р. Дэниел.

Бейли было возмутился, но, вспомнив, с кем имеет дело, лишь пробормотал:

— Это неприлично. Начинайте. Ешьте.

Бейли поглощал еду быстро, но без удовольствия, изредка осторожно поглядывая на Р. Дэниела. Робот методично двигал челюстями. Слишком методично. Уж очень неестественно.

Странная вещь! Теперь, когда Бейли поверил, что Р. Дэниел действительно робот, в глаза ему бросились прежде неприметные детали. Например, что у Р. Дэниела при глотании не движется кадык.

Но теперь это его не трогало. Неужто он уже так привык к этому существу? Допустим, что люди начнут освоение нового мира (с тех пор как доктор Фастольф заронил в нём эту мысль, она часто приходила ему на ум); допустим, туда отправится, ну, скажем, Бентли; сможет ли он привыкнуть работать и жить бок о бок с роботами? «Почему бы и нет? Чем мы хуже космонитов?»

— Илайдж, — прервал его размышления Р. Дэниел, — прилично ли смотреть на человека, когда он ест?

— Конечно, нет, особенно если ты уставишься ему прямо в рот. Это подсказывает простой здравый смысл, не так ли? Человек имеет право на уединение. Однако разговаривать во время еды вполне прилично.

— Понятно. Тогда почему я насчитал восемь

человек, которые внимательно, очень внимательно наблюдают за нами?

Бейли положил вилку. Он огляделся вокруг, как бы в поисках миниатюрной солонки.

— Я не заметил ничего подозрительного, — сказал он без всякой уверенности в голосе.

Скопление обедающих в столовой представилось ему лишь огромной безликой массой. Когда же Р. Дэниел повернул к нему свои невыразительные карие глаза, Бейли вдруг осенило, что это вовсе не глаза, а мощные объективы, способные с фотографической точностью и в ничтожно малое время зафиксировать всё, что творится вокруг.

— Но я совершенно в этом уверен, — спокойно возразил Р. Дэниел.

— Ну и что из того? Они просто не умеют себя вести, а это ещё ничего не доказывает.

— Не знаю, Илайдж, но случайно ли то, что шестеро из них были в толпе, осаждавшей вчера вечером обувной магазин?

11. Бегство из столовой

Бейли судорожно сжал в руке вилку.

— Вы не ошибаетесь? — спросил он механически и тут же сообразил неуместность своего вопроса. Глупо спрашивать электронно-вычислительную машину, уверена ли она в своём ответе, даже если у неё есть руки и ноги.

— Нисколько, — ответил Р. Дэниел.

— Далеко они от нас?

— Не очень. В разных местах зала.

— Так, так. — Бейли снова принялся за еду, машинально двигая вилкой. Он нахмурился и лихорадочно оценивая обстановку.

Предположим, что вчерашние беспорядки были спровоцированы группой фанатиков, ненавидящих роботов, а не возникли случайно, как это показалось на первый взгляд. Среди подстрекателей могли быть люди, которые упорно занимались изучением роботов именно из-за своей ненависти к ним. Один из них, вероятно, сумел распознать в Р. Дэниеле робота. (Комиссар ещё раньше подсказал такую возможность. Чёрт побери, иной раз поражаешься глубине ума этого

человека!) В этом есть логика. Хоть они и не сумели воспользоваться вчерашними беспорядками, но могут спровоцировать новые. Распознав Р. Дэниела, они с таким же успехом могли догадаться, кто такой Бейли. Раз офицер полиции находится в необычном обществе человекообразного робота, значит, он — важная персона. (Теперь, задним числом, Бейли было легко все это сообразить.) Из этого следует, что, наблюдая за муниципалитетом, — а возможно, через своих агентов в муниципалитете, — им было нетрудно в короткое время установить слежку за Бейли, Р. Дэниелом или за ними обоими. Не удивительно, что им удалось это сделать в течение суток. Они обнаружили бы его ещё раньше, не проведи он столько времени в Космотауне и в дороге.

Р. Дэниел кончил есть. Он молча сидел; его совершенной формы руки спокойно лежали на краю стола.

— Не лучше ли нам предпринять что-нибудь? — наконец спросил он.

— Здесь мы в полной безопасности, — сказал Бейли. — И предоставьте это мне. Пожалуйста.

Бейли осторожно огляделся вокруг, будто впервые оказался в столовой.

Люди! Тысячи людей. Сколько народу вмещает

такая столовая? Он припомнил какие-то цифры. Кажется, в среднем две тысячи двести человек. А здесь их ещё больше.

Что, если в воздухе раздастся крик: «Робот!» Что, если среди тысяч людей он пронесётся подобно…

Он искал подходящее сравнение, но не нашёл. Неважно, всё равно этого не случится.

Стихийный мятеж может вспыхнуть где удобно: в столовых, так же как и в коридорах и подъёмниках. Пожалуй, в столовых скорее, чем где-либо. Люди здесь чувствуют себя свободней, простая забава из-за пустяка может перерасти здесь в нечто более серьёзное.

Другое дело — организованный мятеж. В столовой сами подстрекатели окажутся среди разъярённой толпы, словно в ловушке. Как только в воздух полетят тарелки и затрещат столы, выбраться из зала будет нелегко. В числе сотен погибших могут оказаться и сами защитники бунта.

Нет, надёжней устроить мятеж на улицах города, в каком-нибудь нешироком проходе. Пока паника будет ограничена этим пространством, можно быстро скрыться в заранее намеченном боковом проходе или незаметно ступить на межсекторный эскалатор и исчезнуть в одном из этих

горизонтов.

«Мы в западне, — подумал Бейли. — Снаружи, наверное, у них тоже есть люди. Они будут следить за каждым нашим шагом и в нужный момент подожгут запал».

— Почему бы не арестовать их? — спросил Р. Дэниел.

— Это только ускорит события. Вы помните их лица? Постарайтесь их не забыть.

— Я не способен забывать.

— Тогда мы схватим их в другой раз. А сейчас надо прорвать их сети. Следуйте за мной. Действуйте в точности, как я.

Он поднялся, перевернул свою тарелку вверх дном и установил её в середине диска, из под которого она появилась раньше. Затем он опустил в проем вилку. Р. Дэниел сделал то же самое. Вся посуда тотчас же исчезла.

— Они тоже встают, — заметил Р. Дэниел.

— Хорошо. Мне кажется, они к нам не подойдут. Во всяком случае, не здесь.

Детектив и робот встали в очередь к выходу, где слышалось ритуальное пощёлкивание автоматов; каждый щелчок означал, что использован один обеденный паек.

Бейли оглянулся на гудящий, словно окутан-

ный лёгкой дымкой зал и с необыкновенной ясностью вспомнил, как шесть ил семь лет назад он водил Бена в зоопарк. Нет, то было восемь лет назад, потому что Бену только исполнилось восемь. («Боже! Куда делись эти годы?») Бен впервые попал в зоопарк и был в восторге. Ведь до того он ни разу не видел живую кошку и собаку. Но больше всего ему понравился вольер с птицами. Даже Бейли, который бывал здесь не однажды, с удовольствием рассматривал их.

Он испытывал не сравнимое ни с чем удивление, впервые увидев, как живые существа так непринуждённо порхают по воздуху… Они подошли к клетке с воробьями во время кормёжки, и служитель наполнил длинный жёлоб дроблённым овсом. (Если люди постепенно привыкли к свои дрожжевым эрзацам, то более консервативные птицы и животные настаивали на натуральных продуктах.) Воробьи слетелись со всех сторон, и казалось, их было бесчисленное множество. С пронзительным щебетаньем они плотно, крылом к крылу, уселись по краям желоба…

Вот в чём дело: именно эта картина возникла перед его глазами, когда он оглянулся на столовую. Воробьи на кормёжке. «Какое отврати-

тельное зрелище!»

«Боже, — подумал он, — должен же быть какой-то иной путь!»

Но какой? Чем плох путь, который избрали они? Подобные мысли прежде не тревожили его.

— Вы готовы, Дэниел? — бросил он отрывисто.

— Я готов, Илайдж.

Они вышли из столовой; теперь их спасение было в руках одного Бейли.

Почти всем подросткам знакома игра, известная под названием «кросс по тротуарам». Её правила почти одинаковы во всех городах, поэтому мальчик из Сан-Франциско без всякого труда мог бы принять в ней участие, оказавшись в Каире.

Суть её заключается в том, что группа участников во главе с «лидером» отправляется из пункта «А» в пункт «Б», пользуясь всеми видами городского транспорта. При этом задача лидера — избавиться от большинства или всех своих преследователей. Если ему удаётся это сделать и он прибывает в конечный пункт один, значит, он поистине искусный лидер и лавры с ним делит тот из участников, кто преследовал его до конца.

Игра обычно проводится в вечерние часы «пик», что намного усложняет и делает её гораздо

опасней. Лидер устремляется вперёд, перебегая с тротуара на тротуар. Чтобы сбить с толку преследователей, он подолгу не сходит с какой-нибудь дорожки, а потом неожиданно бросается вправо или влево. Затем быстро пересекает несколько других дорожек и снова останавливается на одной из них.

Беда тому преследователю, кто зазевается и ошибётся дорожкой. Если он недостаточно ловок, даже если вовремя заметит свою ошибку, его тотчас же унесёт далеко вперёд или назад от лидера. А тот, конечно, постарается увеличить разрыв, помчавшись в нужном направлении.

Трудность игры возрастает во сто крат, если лидер решится пересечь межсекторные скоростные линии или даже сам экспресс. Считается неспортивным как совсем избегать их, так и слишком долго оставаться на них.

Взрослым трудно понять, в чём прелесть этой игры, в особенности тем, кто в детстве сам не увлекался ею. Участникам здорово достаётся от обычных пассажиров — как ни старайся, а налетишь не на одного из них. Их безжалостно преследует полиция и наказывают родители. Им выговаривают за это в школах и поучают во время сеансов в субэтериксах. Не проходит года

без четырёх, а то и пяти смертельных случаев среди подростков — участников игры, десятков раненых, множества в той или иной степени «невинно» пострадавших.

Но никто не может справиться с ними. Чем больше опасность, тем ценнее награда из всех существующих наград — уважение в глазах сверстников. Подросток по праву гордится своим умением хорошо бегать кросс; слава же непобедимого лидера делает его заправилой среди ребят.

Илайдж Бейли, например, даже сейчас с удовольствием вспоминает, что когда-то сам участвовал в кроссах. Однажды он вёл группу в двадцать человек от сектора Конкорс до границ Куинса через три экспресс-транспортёра. За два утомительных, изнуряющих часа ему удалось избавиться от самых ловких преследователей из Бронкса и достичь конечного пункта в одиночку. Молва об этом кроссе не умолкала несколько месяцев…

Увы, сейчас ему уже за сорок, и хотя прошло больше двадцати лет с тех пор, как он бегал, он ещё помнил кое-какие из старых трюков. Если он и утратил былую ловкость, то приобрёл нечто другое. Он — полицейский. Знать город так хорошо, как он, знать начало и конец почти

каждого закованного в металл проспекта мог только сотрудник полиции, с не меньшим, чем у него, опытом.

Он проворно, но не слишком быстро зашагал прочь от столовой. Вот-вот за спиной раздастся крик: «Робот, робот!» Сейчас самый рискованный момент. Он считал шаги, пока не чувствовал под ногами ленту первого тротуара.

На мгновение он остался, и Р. Дэниел придвинулся к нему.

— Они идут за нами, Дэниел? — спросил он полушёпотом.

— Да, и приближаются.

— Ну, это ненадолго, — уверенно отозвался Бейли.

Он оглядел дорожки, простиравшиеся по обе стороны от него. Каждая дорожка слева со все большей скоростью несла на себе живой человеческий груз. Почти всю жизнь он помногу раз в день чувствовал под собой движение тротуара, но впервые за последние семь тысяч дней он согнул ноги в коленях перед броском вперёд. Его охватило так хорошо знакомое ему волнение, дыхание его участилось.

Лёгким и быстрым шагом, с темпом, вдвое большим «нормального», он стал переходить с

дорожки на дорожку. Он резко наклонился вперёд, сопротивляясь ускорению. Теперь рядом с ним шелестела межсекторная линия. Какое-то мгновения казалось, что он непременно ступит на неё, однако он неожиданно подался назад и пошёл всё дальше и дальше, пробираясь через толпу, которая становилась тем плотнее, чем медленнее двигались тротуары. Он остановился на дорожке, идущей всего со скоростью каких-нибудь пятнадцати миль в час.

— Ну сколько их там позади, Дэниел?

— Всего один, Илайдж. — Робот стоял рядом с ним, спокойный и незапыхавшийся.

— Должно быть, он неплохо бегал в детстве, но ему долго не продержаться.

Полный уверенности в своих силах, Бейли испытывал какое-то смутное волнение. Отчасти это было возбуждение участника обряда, к которому допускались только избранные, отчасти — физическое ощущение ветра, бьющего ему прямо в лицо, и острое чувство опасности.

— То, что мы сейчас сделаем, называется «боковой финт» — сказал он тихо Р. Дэниелу.

Он широким, быстрым шагом пошёл по дорожке, ловко лавируя среди других пешеходов. Он, не сбавляя хода, двигался вдоль самой кромки

тротуара, и ритмичное мелькание его головы в толпе, должно быть, имело гипнотический эффект. На это, собственно, он и рассчитывал.

Не меняя скорости, Бейли шагнул в сторону всего на два дюйма и оказался на соседней дорожке. Мышцы его напрягались до боли, чтобы удержать равновесие. Не останавливаясь, он проскользнул мимо скопления пассажиров и попал на ленту, которая делала сорок миль в час.

— Ну, как теперь, Дэниел? — спросил он.

— Не отстаёт, — последовал спокойный ответ.

Бейли стиснул зубы. Ничего не поделаешь, придётся попробовать скоростные платформы; вот тут действительно нужна координация движений, пожалуй большая, чем та, на какую он ещё способен.

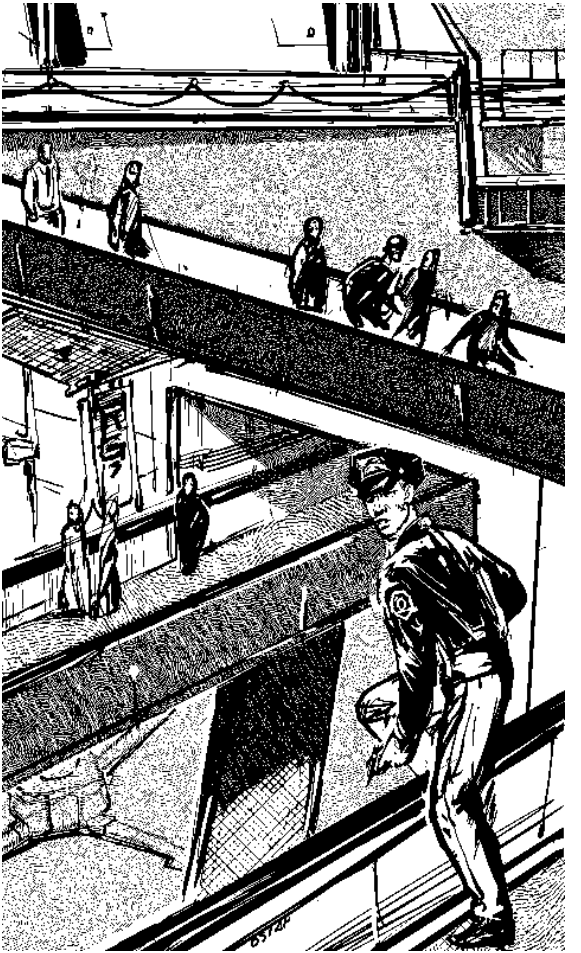
Он быстро огляделся. Мимо них пронеслась улица В-22. Прикинув что-то в уме, он сорвался с места. Всё ближе и ближе к скоростной линии, и вот наконец её платформа.

Отрешённые лица пассажиров скривились в гримасе негодования при виде того, как Бейли и Р. Дэниел вскочил на платформу и протиснулись под перилами.

— Эй, осторожнее! — схватилась за шляпку возмущённая дама.

— Простите, — задыхаясь, извинился Бейли.

Он пробился через стоящих пассажиров к противоположной стороне платформы. В последний момент какой-то разгневанный пассажир толкнул его в спину. Он потерял равновесие и, в отчаянии стараясь удержаться на ногах, шагнул на соседнюю ленту. От резкой перемены скорости он сначала упал на колени, а потом повалился на бок. Ещё мгновение, и он собьёт кого-нибудь, тот — другого, и беды не миновать: образуется людская пробка, куча мала, результатом которой будут десятки переломанных рук и ног…



Но тут он почувствовал, как рука Р. Дэниела подхватила его и с лёгкостью, недоступной человеку, поставила его на ноги.

— Спасибо, — выдохнул Бейли; на большее времени не было.

Он ринулся вниз по замедляющимся дорожкам. Его хитроумный замысел заключался в том, чтобы без потери времени отказаться у самой точки V-образного пересечения лент экспресса. Не снижая скорости, он снова помчался по ускоряющимся дорожкам, достиг экспресса и перебрался через него.

— Он всё ещё с нами, Дэниел?

— Нет. Я никого не вижу.

— Хорошо. Ну и лидер бы из вас получился, Дэниел! А теперь сюда! — И, не переводя дыхания, он увлёк его за собой на межсекторную линию, а с неё вниз широкой, внушительного вида двери.

Часовой преградил им путь.

— Мы по делу. — Бейли помахал перед ним удостоверением.

Они вошли внутрь.

— Энергостанция, — коротко заметил Бейли. — Здесь они окончательно потеряют наши следы.

Ему доводилось прежде бывать на энергостанциях, в том числе и на этой. Однако чувство

благоговейного трепета от этого не уменьшилось. Оно овладевало им ещё больше при мысли о том, что его отец когда-то руководил подобным предприятием до тех пор, пока…

В воздухе царили острый запах озона и равномерный гул скрытых в глубине колодца мощных генераторов; ярко-красные линии молчаливо очерчивали границы, переступать которые без защитной одежды запрещалось.

Где-то в недрах установки (Бейли не знал, где точно) ежедневно потребляется около фунта ядерного топлива. Радиоактивные продукты распада, так называемые «горячая зола», удаляются сжатым воздухом по свинцовым трубопроводам в подводные пещеры, на расстояние в десять миль от берега океана и на глубину в полмили от его дна. Иной раз Бейли приходило на ум, что произойдёт, когда эти пещеры наполнятся до отказа.

— Не подходите к красным линиям, — неожиданно резким тоном предупредил он Р. Дэниела. Затем, спохватившись, скромно добавил: — Впрочем, вам это, наверное не страшно.

— Вы имеете в виду радиоактивность?

— Да.

— Тогда — страшно. Гамма-лучи нарушают чувствительное равновесие позитронного мозга.

Они подействуют на меня раньше, чем на вас.

— Вы хотите сказать, что они убьют вас?

— Мне понадобится новый позитронный мозг. Поскольку невозможно создать два совершенно одинаковых мозга, из меня выйдет новый индивидуум. Иными словами, погибнет Дэниел, с которым вы сейчас разговариваете.

Бейли посмотрел на него с сомнением.

— А я и не знал… По этому трапу, пожалуйста.

— Обычно об этом не говорят. Чтобы убедить землян, Космотаун подчёркивает преимущество таких, как я, а не наши слабости.

— Тогда зачем вы мне сказали?

Р. Дэниел посмотрел прямо в глаза своему живому напарнику.

— Вы — мой партнёр, Илайдж. И вам надлежит знать все мои слабости и недостатки.

В ответ Бейли лишь неопределённо хмыкнул.

— Идёмте сюда, — сказал он немного погодя. — Мы в четверти мили от нашей квартиры.

Это была унылая квартира низшей категории. Одна небольшая комната с двумя кроватями. Два складных стула и стенной шкаф. Встроенный в стену субэтеральный экран без ручного управления, который нельзя самостоятельно включить, но нельзя и выключить, когда он

начнёт работать. Здесь нет умывальника, даже самого простого, неактивированного; здесь нельзя приготовить пищу или хотя бы вскипятить воду. Лишь в углу торчит уродливая, ничем не замаскированная труба мусоропровода.

Бейли всего передёрнуло.

— Вот мы и дома. Надеюсь, выдержим.

Р. Дэниел подошёл к мусоропроводу. Его рубашка разошлась по шву, обнаружив мускулистую на вид грудь.

— Что вы делаете? — удивился Бейли.

— Хочу избавиться от пищи, которую проглотил. Если её оставить в пищевом мешке, она начнёт портиться, и в моём обществе будет неприятно находиться.

Р. Дэниел нащупал что-то у себя на груди и особым образом надавил там двумя пальцами. Его грудная клетка раскрылась в продольном направлении. Р. Дэниел просунул руку сквозь паутину серебристого металла, и извлёк оттуда тонкий, местами вздувшийся полупрозрачный пакет. Бейли с ужасом наблюдал, как тот открыл его.

Р. Дэниел неуверенно сказал:

— Пища совершенно чистая. Я не выделяю слюну и не жую. Понимаете, она проходит внутрь по пищеводу благодаря всасыванию. Она съедобна.

— Очень хорошо, — мягко ответил Бейли. — Я не голоден. Лучше выбросьте её.

«Пищевой пакет Р. Дэниела сделан из фторуглеродного пластика, — решил Бейли. — Хорошо хоть, что к нему ничего не пристаёт». Пища легко выходила из пакета и понемногу исчезала в мусоропроводе. «Хорошая ведь еда пропадает», — подумал Бейли.

Бейли сел на край кровати и стянул с себя рубашку.

— Я предлагаю начать завтра пораньше, — сказал он.

— На это есть причина?

— Наши друзья пока не знают местоположения квартиры. Вернее, я надеюсь, что не знают. Чем раньше мы уйдёт отсюда, тем лучше. А в муниципалитете мы решим, стоит ли нам впредь работать вместе.

— Вы в этом сомневаетесь?

Бейли пожал плечами и строго сказал:

— Мы не можем каждый день подвергать себя такому риску.

— Но мне кажется, что…

Р. Дэниела прервала пунцовая вспышка сигнала входной двери.

Бейли бесшумно вскочил на ноги, отстёгивая

ремешок бластера. Сигнал вспыхнул ещё раз.

Держа бластер наготове, он осторожно приблизился к двери, повернул специальную рукоятку, и узкая полоска двери стала прозрачной изнутри. Она давала искажённое изображение, но и его было достаточно, чтобы Бейли различил за дверью своего сына Бентли.

Бейли распахнул дверь настежь, схватил Бена за руку, не дав ему в третий раз нажать кнопку сигнала, и грубо втащил его в комнату.

С лица Бентли медленно сходило выражение испуга и недоумения, пока он стоял, прижавшись к стене, к которой толкнул его отец. Он смущённо потирал руку.

— Отец, — сказал он обиженно, — вовсе незачем меня так дёргать.

Бейли внимательно вглядывался в смотровую полоску закрытой теперь двери. Насколько он мог судить, коридор был пуст.

— Там кто-нибудь был, Бен?

— Нет, слушай, пап, я просто пришёл тебя проведать.

— А зачем меня проведывать?

— Не знаю, это мама. Она плакала и вообще… велела разыскать тебя. Сказала, что если я не пойду, то она пойдёт сама и тогда, говорит, не

знаю, что случится. Она велела мне, пап…

— Как ты меня нашёл? Ты от мамы узнал мой адрес?

— Нет. Я позвонил тебе на работу.

— И тебе сказали?

— Конечно, — тихо ответил Бен, смущённый горячностью отца. — А разве нельзя было?

Бейли переглянулся с Р. Дэниелом.

— Где мама, Бен? Дома? — спросил он, вставая.

— Нет, она у бабушки и останется там ночевать. Мне надо сразу вернуться туда. То есть если у тебя всё в порядке.

— Ты останешься здесь. Дэниел, вы заметили, где находится переговорная трубка?

— Да. Вы хотите выйти отсюда?

— Это необходимо. Я должен связаться с Джесси.

— Разрешите мне заметить, что более логично было бы поручить это Бентли. Это довольно рискованно, а он представляет меньшую ценность…

— Ах ты… — возмутился было Бейли, но тут же пришёл в себя. — Видите ли, Дэниел, — сказал он более спокойно, — у нас, у людей, взрослый мужчина никогда не станет подвергать опасности своего сына. Даже если логика подсказывает сделать это.

— «Опасности»! — с восторгом воскликнул Бен. — О, пап что случилось? Ну скажи…

— Ничего, Бен. И вообще это не твоё дело. Понятно? Тебе пора спать. Когда я вернусь, чтобы ты уже был в постели. Слышишь?

— Ну ладно. Я не проболтаюсь.

— Немедленно!

— Да ну…

Стоя у переговорной трубки, Бейли откинул полу пиджака так, чтобы было удобнее выхватить бластер. Он назвал свой личный номер и ждал, пока электронная машина, установленная в пятнадцати милях отсюда, проверит, имеет ли он право на разговор. Ждать долго не пришлось, поскольку на детектива подобные ограничения не распространяются. Затем он назвал номер квартиры тёщи.

У основания трубки засветился небольшой экран, в котором показалось её лицо.

— Мама, — сказал он негромко, — попросите Джесси.

Должно быть, Джесси ждала его, потому что тотчас же подошла к трубке. Бейли посмотрел на неё и слегка притемнил экран.

— Всё в порядке, Джесси. Бен здесь. Что у тебя стряслось?

Бейли водил глазами из стороны в сторону, не переставая следить за коридором.

— Как ты? С тобой ничего не случилось?

— Да нет же, Джесси, разве ты не видишь? Прекрати сейчас же.

— О, Лайдж, я так волновалась!

— Почему? — спросил он напряжённо.

— Ты знаешь. Из-за твоего друга.

— При чём здесь он?

— Я говорила тебе вчера. Быть беде…

— Ерунда. Бен останется у меня. Спокойной ночи, дорогая. Не волнуйся.

Он отключил соединение и дважды глубоко вздохнул, прежде чем отправиться обратно. Лицо его посерело от напряжённого ожидания и страха.

Он застал Бена посреди комнаты. Одна из его контактных линз аккуратно лежала в миниатюрном футляре. Вторая ещё была у него на зрачке.

— Пап, здесь даже нет воды умыться. А мистер Оливо не пустил меня в туалетную.

— Он прав. Никуда не ходи. Вставь эту штуку в глаз, Бен. За ночь ничего с тобой не произойдёт.

— Ну ладно, — покорился Бен и взобрался на кровать. — Ух ты, какой матрац!

Бейли повернулся к Р. Дэниелу:

— Надеюсь, вы не будете возражать, если вам придётся посидеть.

— Конечно, нет. Между прочим, что это за стекла на глазах у Бентли? Их носят все земляне?

— Нет. Некоторые, — ответил Бейли уклончиво. — Я не ношу, например.

— А каково их назначение?

Бейли был слишком поглощён своими невесёлыми мыслями, чтобы ответить.

В комнате погас свет.

Бейли не спал. Он почти не слышал ровного и глубокого дыхания сына, которое стало потом несколько жёстким. Повернув голову, он скорее вообразил, чем увидел, как в углу неподвижно сидит Р. Дэниел, уставившись взглядом на дверь.

Затем он заснул, и ему приснился сон.

Ему приснилось, будто Джесси падает в реактор энергостанции, с воплем отчаяния протянув к нему руки. А он, а он не в силах переступить красную ограничительную линию, лишь смотрит, как удаляется от него её искажённая фигура, становясь всё меньше и меньше, пока не превращается в едва заметную точку.

Он ничем не может ей помочь и сознаёт во сне, что столкнул её туда он сам.

12. Мнение эксперта

Илайдж Бейли устало кивнул комиссару Джулиусу Эндерби, когда тот вошёл в комнату.

Комиссар взглянул на часы и проворчал:

— Вы что, провели здесь всю ночь?

— Ничего подобного, — отозвался Бейли.

Комиссар понизил голос:

— Что-нибудь произошло?

Бейли покачал головой.

— Я подумал, что, пожалуй, недооценивал вероятность беспорядков, — начал комиссар. — И если что-то такое…

— Ради бога, комиссар… — сказал сдержанно Бейли. — Если бы что-нибудь случилось, я бы вам сказал. Все в полном порядке.

— Хорошо, хорошо… — С этими словами комиссар скрылся за дверью, за которой его ждало полное уединение, достойное его высокого положения.

«Он-то наверное неплохо выспался», — подумал Бейли, посмотрев ему вслед.

Бейли принялся сочинять рапорт, в котором не будет и строчки о событиях двух последних дней.

Однако слова, которые он выстукивал пальцем, расплывались и прыгали у него перед глазами. Постепенно до него дошло, что у стола кто-то стоит.

Бейли поднял голову.

— В чём дело? — спросил он.

Перед ним стоял Р. Сэмми.

«Личный лакей Джулиуса, — подумал он. — Всё-таки неплохо быть комиссаром».

— Комиссар хочет вас видеть, Лайдж. Говорит, немедленно, — сказал Р. Сэмми со своей дурацкой улыбкой.

— Он только что меня видел. Передай ему, что я зайду позже, — отмахнулся от него Бейли.

— А он говорит: немедленно, — повторил Р. Сэмми.

— А я говорю: отправляйся.

Робот попятился, повторяя:

— Комиссар хочет вас видеть немедленно, Лайдж. Говорит: немедленно.

— О, дьявол! — процедил Бейли сквозь зубы. — Иду, иду.

Он встал из-за стола и направился к кабинету. Р. Сэмми замолчал.

— Чёрт возьми, комиссар… — начал Бейли с порога. — Не посылайте вы, наконец, за мной

этого идиота!

— Садитесь, садитесь, Лайдж, — только и сказал комиссар.

Бейли сел, уставившись на него. Может быть, он не справедлив к старине Джулиусу. Может, старик вовсе не спал всю ночь. Вид у него довольно измученный.

Комиссар постукивал пальцем по лежавшей перед ним бумаге.

— Вот запись о вашем разговоре с неким доктором Джерригелом из Вашингтона, который вы вели по изолированному лучу.

— Верно, комиссар.

— Естественно, что записи самого разговора нет, так как луч изолированный. О чём у вас шла речь?

— Мне нужны дополнительные сведения.

— Он, кажется, ведь специалист по робототехнике?

— Совершенно верно.

Комиссар выпятил нижнюю губу и стал вдруг похож на обиженного ребёнка.

— Но зачем вам это? Каких ещё сведений вам не хватает?

— Я и сам не знаю, комиссар. Просто у меня такое ощущение, что материал о роботах может

помочь расследованию. — Бейли замолчал, не желая вдаваться в подробности.

— Я бы этого не делал, Лайдж. Нет, нет. По-моему, это неразумно.

— Почему вы против, комиссар?

— Чем меньше народу знает об этом, тем лучше.

— Я не буду посвящать его в детали, естественно.

— И всё же это ни к чему.

У Бейли и так было гнусно на душе, а потому он не стал сдерживаться:

— Вы мне приказываете не встречаться с ним?

— Нет, нет. Поступайте как знаете. Вы ведёте расследование, а не я. Только…

— Только — что?

Комиссар покачал головой.

— Ничего… А где этот? Вы знаете, кого я имею в виду.

Бейли знал.

— Дэниел все ещё работает с картотекой.

Комиссар помолчал немного, а затем сказал:

— Что-то медленно у нас идут дела, знаете ли…

— Да никак пока не идут. Но могли пойти.

— Ну, вот и отлично, — сказал комиссар, но по его лицу не было видно, чтобы он сказал то,

что думал.

Когда Бейли вернулся к своему столу, там его уже ждал Р. Дэниел.

— Ну, а у вас какие новости? — ворчливо произнёс Бейли.

— Я закончил первую общую проверку картотеки, партнёр Илайдж, и обнаружил двух из тех, кто вчера нас преследовал; кроме того, эти же двое участвовали в инциденте у обувного магазина.

— Покажите-ка мне их.

Р. Дэниел положил перед Бейли две карточки, размером с почтовую марку каждая. Их поверхность была сплошь усеяна точечным шифром. Затем робот достал портативный дешифратор и вложил одну из карточек в предназначенный для этого паз. Точки шифра обладают электропроводными свойствами, отличными от свойств самой карточки. Поэтому электрическое поле, проходящее через карточку, особым образом преобразуется, в результате чего на небольшом экране аппарат возникают цепочки слов. Если бы не код, эти слова заняли бы несколько страниц бумаги стандартных размеров. И если бы не дешифратор утверждённого полицейского образца, понять их было бы невозможно.

Бейли безучастно просматривал материал.

Первым оказался Фрэнсис Клусарр, тридцати трёх лет; арестован два года назад; причина ареста — подстрекательство к мятежу; служащий компании «Нью-Йорк Йист»; домашний адрес такой-то; родители такие-то; цвет волос и глаза, особые приметы, образование, послужной список; психологический тип, тип конституции, дополнительные сведения и, наконец, номер трёх опознавательных снимков в галерее мелких преступников.

— Вы проверили фотографию?

— Да, Илайдж.

Вторым был Хегард Пауль. Бейли просмотрел данные о нём и сказал:

— Все это не то.

— Я с вами не согласен, — возразил Р. Дэниел. — Если существует организация землян, способных на убийство, то они её члены. Если это не очевидно? Не следует ли допросить их?

— Мы ничего от них не добьёмся.

— И тот и другой были как в магазине, так и в столовой. Они не могут отрицать этого.

— Находиться там ещё не преступление. Кроме того, они могут отрицать это. Скажут, что не были там, вот и всё. Как доказать, что они лгут?

— Но я их видел.

— Это не доказательство, — рассердился Бейли. — Ни один суд, если бы даже до этого дошло дело, не поверит, что вы можете запомнить два лица из миллиона.

— Но ведь я могу.

— Конечно. Ну-ка скажите им, кто вы такой. Стоит вам только признаться, и вы больше не свидетель. Ни один законный суд Земли не признает вашего брата.

— Значит, вы передумали? — заметил Р. Дэниел.

— Что передумал?

— Вчера в столовой вы сказали, что их не нужно арестовывать. Вы сказали, что, коль скоро я помню их лица, их можно арестовать в любой момент.

— Верно, сказал глупость, — признался Бейли. — Я просто обалдел тогда. Это невозможно.

— Даже из психологических соображений? Они ведь не знают, что у нас нет доказательства их причастности к заговору.

— Слушайте, — произнёс, нервничая, Бейли, — через полчаса сюда из Вашингтона прибудет доктор Джерригел. Вы можете подождать, пока я с ним поговорю? Можете?

— Я подожду, — сказал Р. Дэниел.

Энтони Джерригел оказался аккуратным и весьма вежливым человеком среднего роста, и по его виду никак нельзя было сказать, что имеешь дело с лучшим знатоком роботехники на Земле. Он опоздал почти на двадцать минут и стал приносить свои глубокие извинения. Побледневший от томительного ожидания, Бейли не очень-то вежливо отмахнулся от его извинений. Он проверил, оставлена ли за ним комната для совещаний «Д», подтвердил распоряжение о том, чтобы в течение часа их никто не беспокоил, и повёл доктора Джерригела и Р. Дэниела через коридор по трапу к двери одного из кабинетов, защищённый от лучей подслушивателя.

Прежде чем приступить к делу, от тщательно проверил изоляцию стен, прислушиваясь к низкому гудению пульсометра, который он держал в руке. Малейшее изменение тона пульсометра указывало бы на нарушение защитной оболочки. Он направил его также на потолок, пол и — особенно тщательно — на дверь. Изоляция была в полном порядке.

Доктор Джерригел слегка улыбнулся. Он производил впечатление человека, который никогда не улыбается более, чем слегка. Одет он был с аккуратностью, которую не назовёшь иначе, как

педантичной. Его седые волосы были зачёсаны назад, а румяное лицо, казалось, было только-то вымыто. Он сидел, чопорно выпрямив спину, будто ещё в детстве от постоянных материнских наставлений о том, как надо сидеть, его хребет навсегда принял это положение.

— Начало довольно устрашающее, мистер Бейли, — сказал он.

— Дело серьёзное, доктор. Мне нужны сведения о роботах, которые можете дать, пожалуй, только вы. Всё, о чём мы будем здесь говорить, является государственной тайной, поэтому власти надеются, что, покинув это помещение, вы забудете, о чём здесь шла речь.

Бейли взглянул на свои часы.

Лёгкая улыбка мгновенно слетела с лица эксперта по роботехнике.

— Позвольте объяснить, почему я опоздал. (Это, видимо, не давало ему покоя.) Я решил не лететь самолётом. Я подвержен воздушной болезни.

— Очень жаль. — Бейли последний раз взглянул на пульсометр и, убедившись, что точность установки его не изменилась и что он работает нормально, отложил прибор в сторону и сел.

— Точнее сказать, я начинаю нервничать. Лёгкий приступ агорафобии. Так, ничего особенного,

но факт есть факт. Вот я и решил добираться экспрессами.

— Агорафобия? — с внезапным интересом переспросил Бейли.

— У меня это прозвучало серьёзней, чем следовало бы, — поспешно сказал эксперт. — Такое чувство вы испытываете в самолёте. Вам когда-нибудь приходилось летать, мистер Бейли?

— Несколько раз.

— Тогда вы меня поймёте. Это — ощущение, будто вокруг вас ничего нет, будто от пустоты, от воздуха вас отделяет тонкая полоска металла. Ужасно неприятно.

— Значит, вы ехали экспрессом?

— Да.

— Прямо из Вашингтона в Нью-Йорк?

— О, пустяки. С тех пор как открыли туннель Балтимора — Филадельфия, это не составляет труда.

Так оно и есть. Хоть Бейли и не доводилось пользоваться этим видом транспорта, он знал, что такая возможность существует. За последние два столетия Вашингтон, Балтимор, Филадельфия и Нью-Йорк разрослись настолько, что почти соприкасались друг с другом. Эта часть восточного побережья даже получила полуофициальное на-

звание Район Четырёх Городов. Находятся даже сторонники объединения их в один Сверхгород.

Бейли не нравилась эта идея. Один Нью-Йорк и то едва поддаётся централизованному управлению, а город с населением более пятидесяти миллионов человек просто рухнет под собственным весом.

— Беда в том, — продолжал доктор Джерригел, — что я опоздал на экспресс в Честере и из-за этого потерял столько времени. А потом вышла заминка с получением временного ордера на комнату. Вот почему я и задержался.

— Не беспокойтесь, доктор. Всё, что вы рассказали, весьма интересно. Раз уж вы так не любите самолёты, чтобы вы сказали относительно прогулки пушком за пределами города, доктор Джерригел?

— Это ещё зачем? — спросил тот с удивлением и опаской.

— О, я вовсе не предлагаю вам такую прогулку! Мне просто хотелось узнать, по душе ли вам такая идея.

— Она мне далеко не по душе.

— Допустим, что вам пришлось бы выйти из города и пройти пешком расстояние около мили?

— Не думаю… чтобы меня удалось уговорить.

— Ни под каким видом?

— Ну, если бы от этого зависела моя жизнь или жизнь моих близких… — У него был растерянный вид. — Но объясните же мне, в чём дело, мистер Бейли?

— Я объясню. Совершено серьёзное преступление, убийство, которое вызывает глубокое беспокойство. Я не волен посвящать вас в детали. Существует, однако, версия, по которой убийца, чтобы совершить преступление, должен был пересечь открытое пространство, притом ночью и без сообщников. Мне любопытно узнать, кто бы мог на это решиться.

— Ни один из тех, кого я знаю, — пожал доктор Джерригел плечами. — И, конечно, не я сам. Разумеется, среди миллионов людей можно найти несколько безумцев.

— То есть, по вашему мнению, маловероятно, чтобы человек мог решиться на это?

— Да, разумеется.

— Иными словами, если существует другая версия преступления, другая приемлемая версия, то её следует рассмотреть?

Доктор Джерригел выглядел ещё более растерянным, но сидел, по-прежнему строго выпрямившись и аккуратно сложив на коленях свои

холёные руки.

— А вас есть такая версия? — поинтересовался он.

— Да. Мне кажется, что для робота, например, не составит никакого труда пересечь открытое пространство.

— О, дорогой сэр! — вскочил доктор Джерригел.

— В чём дело?

— Не хотите ли вы сказать, что преступление совершил робот?

— Вот именно.

— Убийство? Человека?

— Да. Пожалуйста, сядьте, доктор.

Специалист по роботехнике повиновался.

— Мистер Бейли, речь идёт о двух поступках: о том, чтобы пересечь открытое пространство, и об убийстве. Человек способен на последнее, но едва ли решится на первое. Робот же без труда совершит первое, но никогда — второе. Заменяя маловероятную версию невероятной, вы…

— «Невероятной» — это очень сильно сказано, сэр.

— Вы слышали о первом законе роботехники, мистер Бейли?

— Конечно, и даже могу его процитировать:

«Робот не может причинить вред человеку или свои бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред», — Бейли вытянул руку и продолжал: — Почему нельзя построить робота без Первого Закона? В чём святость этого Закона?

Доктор Джерригел окончательно растерялся и промямлил:

— Что вы, мистер Бейли…

— Я жду ответа!

— Если вы хоть сколько-нибудь знакомы с роботехникой, мистер Бейли, то вам должно быть известно, какая гигантская задача создать позитронный мозг как с точки зрения математики, так и электроники.

— Я представляю себе это, — сказал Бейли.

Он хорошо помнил посещение одного из заводов по производству роботов, где он был по делу. Он видел их книгофильмотеку. Каждый из книгофильмов содержал математический анализ позитронного мозга одного определённого типа. Несмотря на сжатость изложения, на просмотр такого фильма уходит в среднем не менее часа. Но даже если изготавливать мозг по самым строгим техническим условиям, то и тогда один мозг будет отличаться от другого. Настолько понимал

Бейли, здесь действует принцип неопределённости Гейзенберга. А это значит, что каждый фильм снабжается приложениями, в который даются различные варианты.

— Да, нелёгкая это работа, что верно, что верно.

— Тогда, значит, вы понимаете, — продолжал доктор Джерригел, — что сконструировать новый позитронный мозг, даже если в него вводятся мелкие усовершенствования, дело весьма сложное и за ночь с ним не справиться. Обычно на это уходит до года работы всего научного персонала завода средних размеров. Но и им бы никогда не справиться с этим, не сумей мы добиться стандартизации принципиальных схем, которые ложатся в основу дальнейших разработок. Фундаментальная теория стандартных схем включает в себя Три Закона роботехники: Первый Закон, который вы только что процитировали; Второй Закон, который гласит: «Робот должен повиноваться командам человека, кроме тех команд, которые противоречат Первому Закону»; и Третий Закон: «Робот должен заботиться о собственной безопасности, поскольку это не противоречит Первому и Второму Законам».

Р. Дэниел, который, по всей видимости, вни-

мательно прислушивался к разговору, вежливо обратился к Бейли:

— Простите меня, Илайдж, но я хотел бы убедиться, что правильно понял доктора Джерригела. Вы хотите сказать, сэр, что любая попытка создать робота, позитронный мозг которого не учитывал бы Три Закона, будет связана прежде всего с разработкой новой фундаментальной теории, а на это, в свою очередь, уйдёт много лет.

У доктора Джерригела был очень довольный вид.

— Именно это я и имел в виду, мистер…

Бейли помешкал немного, а потом вежливо представил Р. Дэниела:

— Это Дэниел Оливо, доктор Джерригел.

— Добрый день, мистер Оливо. — Роботехник протянул руку и пожал руку Р. Дэниела. — На мой взгляд, разработка теории позитронного мозга, в который не были бы заложены основные положения Трёх Законов, и создание приемлемой модели такого мозга заняли бы не менее пятидесяти лет.

— И никто никогда не брался за это? — спросил Бейли. — За несколько тысяч лет, что мы строим роботов? Неужто за всё это время ни у кого не нашлось пятидесяти лет?

— Трудно поверить. Из любопытства человек пойдёт на что угодно. Но он не пошёл на создание подобного робота. Человеческая раса обладает сильным комплексом Франкенштейна.

— Какого комплекса?

— Франкенштейна. Это название взято из одного медиевального романа, в котором робот напал на своего создателя. Мне не довелось его читать, но это к делу не относится. Я хочу сказать лишь одно: без Первого Закона роботов просто не создают.

— И даже нет теории такого робота?

— Насколько я знаю, а знаю я довольно много, — заметил он без самодовольства, — такая теория не существует в природе.

— С другой стороны, робот, оснащённый Первым Законом, не может убить человека, — требовал подтверждения Бейли.

— Никогда. Если это не произошло по чистой случайности или от этого не зависела жизнь двух или более человек. В обоих случаях возникший позитронный потенциал нанесёт мозгу непоправимый вред.

— Хорошо. Так обстоят дела на Земле. Верно?

— Да, конечно.

— А как насчёт Внешних Миров?

Выражение самодовольства постепенно сходило с лица доктора Джерригела.

— Увы, мистер Бейли, я не могу утверждать наверняка, но убеждён, что если бы они разработали конструкцию или хотя бы построили математическую модель такого мозга, нам стало бы об этом известно.

— Вот как? Тогда проследим ещё одну мысль, если вы не возражаете, доктор Джерригел.

— Нет, нет, что вы… — Он беспомощно посмотрел сначала на Бейли, а потом на Р. Дэниела. — Разве вы не знаете, что это так важно, я буду рад помочь вам, чем смогу.

— Благодарю вас, доктор. Мой вопрос заключается в следующем: зачем создавать человекообразных роботов? Я с ними сталкивался всю свою жизнь, но только сейчас сообразил, что не знаю, чем оправдать их существование. Иными словами, зачем роботу иметь голову и четыре конечности? Почему он должен походить на человека?

— То есть вы хотите сказать, почему он не несёт функциональных признаков, как любая другая машина?

— Совершенно верно, — подтвердил Бейли. — Почему?

На губах доктора Джерригела появилась лёгкая улыбка.

— Дорогой мистер Бейли, вы родились слишком поздно. Это было главной темой первых работ по роботехнике. А полемика развернулась тогда просто страшная. Если вы пожелаете ознакомиться со взглядами функционалистов и антифункционалистов, я могу порекомендовать вам «Историю роботехники» Хэнфорда. Математика там сведена к минимуму. Думаю, вам будет интересно.

— Я разыщу её, — сказал терпеливо Бейли. — А пока, быть может, вы всё-таки объясните мне вкратце?

— Решение было принято из соображений экономического порядка. Посудите сами, мистер Бейли, если бы управляли фермой, стали бы приобретать трактор с позитронным мозгом, косилку, сеялку, доильную установку и так далее — все с позитронным мозгом; или купили бы обычные машины и механизмы и приставили к ним одного робота с позитронным мозгом? Учтите при этом, что вторая альтернатива в пятьдесят или сто раз дешевле.

— Но зачем всё-таки придавать ему вид человека?

— Потому что человеческая фигура — самая

совершенная из всех форм, существующих в природе. Человек, мистер Бейли, не специализированное животное, за исключением, быть может, его нервной системы и некоторых других признаков. Если вам нужна конструкция, способная выполнять, довольно хорошо выполнять, самые разнообразные функции, вам не найти лучшей, чем человеческая фигура. Все рычаги и педали управления автомобилем, например, имеют такую форму и расположены таким образом, чтобы человека было удобно ими манипулировать. Даже такие простые предметы, как стулья и столы, ножи и вилки, делаются с учётом формы и размеров человеческого тела и приспособлены для служения человеку. Поэтому проще создать человекоподобного робота, чем радикально изменить самую суть вещей, которыми мы пользуемся.

— Понятно. В этом есть смысл. Верно ли, доктор, что на Внешних Мирах роботы гораздо больше походят на человека, чем наши?

— Я полагаю, что это так.

— А они могут изготовить робота, которого в обычных условиях совсем не отличишь от человека?

Доктор Джерригел поднял брови и задумался.

— Видимо, да, мистер Бейли. Правда, это обошлось бы очень дорого и вряд ли бы окупилось.

— Ну, а мог бы такой робот, — настаивал Бейли, — ввести в заблуждение вас?

Роботехник негромко хмыкнул.

— О, любезный мистер Бейли. Я сомневаюсь. В самом деле. Ведь не только внешний вид отли…

Доктор Джерригел оборвал себя на полуслове. Затем он медленно повернулся к Р. Дэниелу, и его румяное лицо стало мертвенно-бледным.

— Не может быть, — прошептал он. — Не может быть.

Он протянул руку и осторожно притронулся к щеке Р. Дэниела. Р. Дэниел не пошевельнулся и продолжал спокойно взирать на учёного.

— Боже правый! — с надрывом произнёс доктор Джерригел. — Так, значит, вы — робот?

— Вам понадобится немало времени, чтобы заметить это, — сухо констатировал Бейли.

— Я и не предполагал. Ни разу не видел такого. Изготовлен на Внешних Мирах?

— Да, — сказал Бейли.

— Теперь всё ясно. Манера держаться, его речь… Он не идеальное подобие человека, мистер Бейли?

— Всё же неплохо сделан, а?

— О, потрясающе! Ведь с виду не скажешь, что это подделка. Я чрезвычайно вам признателен, что вы свели меня с ним. Можно осмотреть его?

Специалист по роботехнике нетерпеливо вскочил с места.

— Простите, доктор, — предупреждающе поднял руку Бейли. — Одну минуту. Сначала поговорим об убийстве.

— Значит, оно было в самом деле? — Доктор Джерригел не скрывал своего глубокого разочарования. — А я-то решил, что вы все это выдумали, чтобы отвлечь меня и посмотреть, как долго удастся меня дурачить…

— Это не выдумка, доктор Джерригел. Теперь послушайте. Вот создаётся такой робот, как этот, и его назначение — во всём походить на человека. Не должен ли его мозг как можно ближе соответствовать человеческому?

— Разумеется, должен.

— Очень хорошо. Разве не может в нём отсутствовать Первый Закон? Что, если его опустили случайно? Вы сами сказали, что теории такого мозга не существуют. А раз так, то конструкторы могли создать его без Первого Закона. Они просто не знали, чего опасаться.

Доктор Джерригел энергично замотал головой.

— Нет, нет. Невозможно.

— Вы уверены в этом? Впрочем, мы можем проверить Второй Закон… Дэниел, дайте мне бластер.

Бейли не сводил глаз с робота. На всякий случай он положил руку на рукоятку своего бластера.

— Пожалуйста, Илайдж, — спокойно сказал Р. Дэниел и протянул ему бластер прикладом вперёд.

— Детектив не имеет права расставаться с оружием, робот же вынужден подчиняться человеку, — заметил Бейли.

— За исключением тех случаев, мистер Бейли, — вставил доктор Джерригел, — когда это ведёт к нарушению Первого Закона.

— Знаете ли вы, доктор, что Дэниел направил свой бластер на группу невооружённых мужчин и женщин и грозился открыть огонь.

— Но я не выстрелил, — сказал Р. Дэниел.

— Не отрицаю, но угроза сама по себе — факт необычный, вы согласны, доктор?

Доктор Джерригел закусил губу.

— Чтобы дать ответ, мне нужно знать все подробности. Это звучит необычно.

— Тогда слушайте, Р. Дэниел был там, когда совершилось убийство, и если допустить, что жи-

тель Земли не мог перейти пространство, унося с собой оружие, то Р. Дэниел, и только Р. Дэниел из всех, кто там присутствовал, мог спрятать это оружие.

— Спрятать оружие? — переспросил доктор Джерригел.

— Я вам объясню. Бластер, которым совершено убийство, обнаружить нам не удалось. Место преступления было тщательно обследовано, но его там не оказалось. Не мог же он раствориться в воздухе. Существует лишь одно место, где его могли спрятать и которого никто не удосужился проверить.

— Какое место? — спросил Р. Дэниел.

Бейли вынул свой бластер и решительно направил его на робота.

— Ваш пищевой мешок, — сказал он. — Ваш пищевой мешок, Р. Дэниел.

13. Мнение машины

— Вы ошибаетесь, — произнёс Р. Дэниел негромко.

— Да? Пусть решит доктор. Доктор Джерригел?

— Мистер Бейли. — Взгляд роботехника, дико метавшийся между детективом и роботом во время их диалога, остановился наконец на человеке.

— Я пригласил вас сюда для авторитетного анализа этого робота. Я могу предоставить в ваше распоряжение лаборатории Городского бюро стандартов. Если вам понадобится другое оборудование, вы его получите. Мне важно одно — быстрый и точный ответ, и плевать на расходы и хлопоты.

Бейли поднялся. Он говорил довольно спокойно, но внутри у него всё кипело. Ах, если бы он только мог схватить доктора Джерригела за горло и выдавить из него нужные ему доказательства, а не заниматься научными изысканиями!

— Ну так как, доктор? — потребовал он.

Нервно улыбнувшись, доктор Джерригел заявил:

— Мой дорогой мистер Бейли, лаборатория мне не понадобится.

— Это почему же? — спросил Бейли недоверчиво. Он стоял, судорожно напрягшись всем телом.

— Первый Закон проверить нетрудно. Хоть прежде мне и не доводилось заниматься этим, как вы сами понимаете.

Бейли втянул ртом воздух и медленно выдохнул его.

— Что вы хотите этим сказать? Что можете проверить его здесь?

— Да, конечно. Послушайте, мистер Бейли, я дам вам аналогичный пример. Будь я врачом и потребуйся мне узнать содержимое сахара в крови пациента, я бы прибег к помощи лаборатории. Для определения интенсивности основного обмена, проверки функций головного мозга или расследования генов на наследственное заболевание мне потребовалось бы более сложное оборудование. С другой стороны, чтобы проверить, зрячий ли он, достаточно провести рукой у него перед глазами. Чтобы узнать, жив ли человек, почти всегда достаточно проверить его пульс.

Иначе говоря, чем важнее и фундаментальней проверяемое свойство, тем проще используемое

оборудование. То же самое с роботом. Первый Закон — его фундаментальное свойство. Он влияет на все. Проверить его наличие — или отсутствие — у робота можно десятками способов.

С этими словами он вынул из кармана плоский и чёрный предмет, который оказался портативным фильмоскопом. В приёмное отверстие он вставил миниатюрный ролик плёнки. Затем он достал секундомер, из нескольких белых пластмассовых полосок составил нечто похожее на логарифмическую линейку с тремя подвижными шкалами. Изображённые на них условные знаки показались Бейли совершенно незнакомыми.

Доктор Джерригел погладил свой книгоскоп и слегка улыбнулся, будто повеселев при мысли от предстоящей работы.

— Это мой «Справочник по роботехнике», — заметил он, — с которым я никогда не расстаюсь. Он стал частью моей одежды. — Доктор Джерригел самодовольно хмыкнул.

Затем он поднёс к глазам окуляр аппарата и стал осторожно вращать рукоятки настойки. Аппарат издал жужжащий звук и замолк.

— Книгоскоп имеет встроенный алфавитный указатель, — гордо произнёс роботехник, не отрываясь от аппарата, отчего его голос звучал

приглушённо.

— Моя конструкция. Экономит массу времени. Впрочем, не о том речь. Так, так… Ну-ка придвиньтесь ко мне поближе, Р. Дэниел.

Р. Дэниел придвинул к нему свой стул. Он внимательно и бесстрастно следил за всеми этими приготовлениями.

Бейли держал его под прицелом.

То, что последовало, смутило и разочаровало его. Доктор Джерригел стал задавать какие-то бессмысленные вопросы и делать что-то непонятное, манипулируя то своей счётной линейкой, то книгоскопом. Вот, например, один и его вопросов:

— У меня двое родственников с разницей в возрасте пять лет; младшая из них девушка. Какого пола старший родственник?

«Ещё бы ему не ответить», — подумал Бейли.

А доктор Джерригел, взглянув предварительно на секундомер, вытянул в сторону правую руку и предложил Р. Дэниелу дотронуться третьим пальцем своей руки до кончика его среднего пальца. С этой задачей Р. Дэниел справился быстро и легко.

Через пятнадцать минут, не больше, доктор Джерригел закончил проверку. Он в последний

раз молча что-то просчитал на линейке и быстро разобрал её; затем он убрал секундомер и вынул из книгоскопа «Справочник».

— И это всё? — спросил Бейли, нахмурившись.

— Все.

— В высшей степени странно. Вы ведь не задали ни одного вопроса, относящегося к Первому Закону?

— Любезнейший мистер Бейли, когда врач вас ударяет по колену резиновым молоточком и нога дёргается, не означает ли это, что он проверяет таким образом состояние вашей нервной системы? Или, например, удивляет ли вас, что по реакции вашего зрачка на свет он может сделать вывод о злоупотреблении некоторыми алкалоидами?

— Так каково же ваше решение? — спросил Бейли.

— Мозг Р. Дэниела создан на основе Первого Закона! — Он резко утвердительно кивнул головой.

— Этого не может быть, — сказал Бейли хриплым голосом.

Бейли поверить не мог, что доктор Джерригел способен принять ещё более чопорный вид, чем обычно. Его глаза сузились, и взгляд их стал жёстким.

— Уж не хотите ли вы учить меня роботехнике?

— Я не подвергаю сомнений ваши знания, — извиняющимся тоном произнёс Бейли. — Но, может быть, вы ошиблись? Ведь вы сами сказали, что никто не знает теории роботов, не оснащённых Первым Законом. Слепой может читать по системе Брайля или пользуясь звуковым аппаратом. Предположим, что вы ничего не слыхали о Брайле, ни об аппарате. Не стали бы тогда утверждать, и не подозревая о своей ошибке, что раз этот человек знает содержание какого-то книгофильма, значит, он зрячий?

— Я вас понял, — более мягким голосом проговорил учёный. — Однако ваш слепой не мог бы читать при помощи глаз, а именно это — пользуясь вашим сравнением — я и проверил. Поверьте мне на слово, мистер Бейли, Р. Дэниел вне всякого сомнения оснащён Первым Законом.

— А что, если он пошёл на обман? — Это был отнюдь не самый умный вопрос, и Бейли знал это.

— Исключено. В том-то и разница между человеком и роботом. Мозг человека, как, впрочем, любого млекопитающего, не поддаётся полному анализу ни одним из существующих математических методов. Поэтому и невозможно с

уверенностью предугадать его реакцию. Мозг же робота поддаётся такому анализу — иначе было бы невозможно его построить. Мы точно знаем, какой должна быть его реакция на определённые возбудители. Ни один робот не способен на фальсифицированные ответы. То, что вы называете обманом, просто-напросто чуждо умственному горизонту робота.

— Тогда давайте рассмотрим конкретный случай. Р. Дэниел всё-таки направил свой бластер на толпу. Я сам видел это. Я присутствовал при этом. Верно, он не стрелял. Но не должен ли был Первый Закон вызвать у него какое-либо нервное потрясение? Как вы знаете, этого не произошло. Потом он был совершенно спокоен.

Доктор Джерригел неуверенно потёр подбородок.

— Это явная аномалия…

— Ничего подобного, — неожиданно вмешался Р. Дэниел. — Партнёр Илайдж, осмотрите бластер, который вы у меня взяли.

Бейли взглянул на бластер Р. Дэниела, который лежал у него в левой руке.

— Откройте патронник, — настаивал Р. Дэниел. — Осмотрите его.

Бейли взвесил все «за» и «против» и с опаской

отложил в сторону свой бластер, затем быстрым движением открыл бластер робота.

— Он пуст, — озадаченно сказал он.

— В нём нет заряда, — согласился Р. Дэниел. — При тщательно осмотре вы убедитесь, что его там никогда не было. Этот бластер не имеет запальника и использоваться как оружие не может.

— Значит, вы направили на людей незаряжённый бластер?

— Бластер мне нужен только для того, чтобы выполнять роль детектива, — ответил Р. Дэниел. — Однако если бы меня снабдили настоящим заряженным бластером, я бы мог случайно причинить человеку вред, что, разумеется, немыслимо. Я бы вовремя объяснил вам все это, но вы сердились и не хотели меня выслушать.

Бейли ненавидящим взглядом уставился на бластер, который всё ещё держал в руке, и тихим голосом сказал:

— Теперь, кажется, все, доктор Джерригел. Благодарю вас за помощь.

Бейли послал за завтраком, но когда его принесли (рулет с дрожжевым орехом и довольно экстравагантный ломтик жареного цыплёнка на крекере) он даже к нему не притронулся.

Мрачные мысли в хаотическом беспорядке

проносились в его мозгу. На его длинном лице застыло угрюмое выражение.

Он как бы жил в нереальном мире, вывернутом наизнанку мире.

Как это могло случиться? Недавние события тянулись за ним наподобие кошмарного сна, начиная с того места, как он вошёл в кабинет Джулиуса Эндерби и внезапно погрузился в паутину убийств и роботехники.

Господи! А ведь прошло только двое суток.

Он упорно искал разгадку в Космотауне. Дважды обвинил в убийстве Р. Дэниела: в первый раз как человека, подделывающегося под робота; во второй — как несомненного робота; и дважды его обвинение рассыпалось в прах.

Теперь он вынужден отступать. Хочет он этого или не хочет, ему придётся заняться Нью-Йорком. С прошлой ночи он не может отважиться на это. Его мозг осаждают недвусмысленные вопросы, но он отказывается их слышать, не в силах, наконец. Иначе придётся ответить на них, и тогда… О боже, как страшится он этих ответов!

— Лайдж! Лайдж! — Кто-то тряс его за плечо.

— В чём дело, Фил? — спросил Бейли очнувшись.

Филипп Норрис, детектив класса С-5, положил

руки на колени и подался вперёд, вглядываясь в лицо Бейли.

— Цыплёнок! — сказал он. — Скоро его будут давать только по рецепту врача.

— Угощайся, — сказал невыразительно Бейли.

Приличия взяли верх, и Норрис ответил:

— Не стоит, я через минуту иду обедать. Ешь сам… Слушай, что у тебя за делишки с шефом? — спросил он нарочито небрежным тоном.

— Какие делишки?

— Не прикидывайся. Ты знаешь, о чём речь. С тех пор как он вернулся, ты словно поселился у него. В чём дело? Наклёвывается повышение?

Бейли нахмурился и почувствовал, как с упоминанием о служебных дрязгах к нему возвращается чувство реальности. У Норриса примерно такой же стаж, как у него, и не мудрено поэтому, что он ревностно следит за всякими признаками предпочтения, оказываемого начальством Бейли.

— Ты что, какое там повышение! — сказал Бейли. — Всё это ерунда. А что касается комиссара, то я бы с радостью уступил его тебе. Забирай, ради бога!

— Ты неверно меня понял, — сказал Норрис. — Пусть тебя повышают, мне всё равно. Но если у тебя с шефом дела на мази, почему бы не помочь

мальчонке?

— Какому ещё мальчонке?

Ответа на это не потребовалось. Из-за какого-то укромного угла комнаты вышел, шаркая ногами, Винсент Бэррет, тот самый юноша, которого уволили ради Р. Сэмми. Он нервно мял в руке свою кепку, и на его скуластом лице появилось подобие улыбки.

— Здравствуйте, мистер Бейли.

— А, привет, Винс. Как дела?

— Неважно, мистер Бейли.

Он жадно оглядывался по сторонам.

«Конченый человек, — подумал Бейли, — живой труп… деклассированный».

Внезапно у него пронеслась гневная мысль (он с трудом сдержался, чтобы не выразить её вслух): «Что ему от меня-то нужно?»

— Мне очень жаль, малыш, — сказал он. Что он ещё мог сказать?

— Я всё же думаю… может, что подвернётся.

Норрис придвинулся к Бейли и сказал ему на ухо:

— Кто-то должен положить этому конец. Теперь собираются уволить Чень-ло.

— Что?

— Неужто не слышал?

— Нет. Чёрт побери, у него же С-3. Десять лет службы за спиной.

— Что верно, то верно. Но его работу может делать машина с ногами. Кто следующий?

Молодой Венс Бэррет не прислушивался к шёпоту. Погружённый в свои мысли он сказал:

— Мистер Бейли?

— Да, Венс?

— Знаете, что говорят? Говорят, Лирана Миллейн, танцовщица субэтерикса, совсем не человек, а робот.

— Глупости.

— Разве? Говорят, будто теперь таких научились делать, что не отличишь от человека: с какой-то особой пластической кожей, что ли.

Бейли вспомнил о Р. Дэниеле и не нашёлся, что ответить. Он покачал головой.

— Как вы думаете, — продолжал юноша, — никто не будет против, если я поброжу здесь? Как-никак я здесь когда-то работал.

— Конечно, нет, малыш.

Юноша ушёл. Бейли и Норрис проводили его взглядом.

— Пожалуй, медиевисты правы, — заметил Норрис.

— Значит, назад к Земле? Ты это имеешь в

виду, Фил?

— Что ты! Я говорю о роботах. «Назад к Земле»… Ха! Будущее старушки Земли не имеет границ. Нам не нужны роботы, вот и все.

— Восемь миллиардов людей, а запасы урана иссякают, — проворчал Бейли.

— Вот тебе и «не имеет границ».

— Ну и что, что иссякают. Ввозить уран будем. Или откроем новые ядерные процессы. Человеческую мысль не остановишь, Лайдж. Нужно быть оптимистом и верить в наше серое вещество. Изобретательность — наше главное богатство, и её запасы не истощатся никогда, Лайдж. — Он разошёлся вовсю: — Во-первых, можно использовать солнечную энергию, а её хватит на миллиарды лет. В орбите Меркурия можно построить космические станции — аккумуляторы энергии. На Землю энергия будет передаваться направленным лучом.

Этот проект был не нов для Бейли. Учёные-теоретики носились с этой идеей уже по меньшей мере лет полтораста. Беда в том, что пока не удаётся послать такой плотный пучок энергии, чтобы он не рассеялся, пройдя расстояние в пятьдесят миллионов миль. Бейли так и сказал.

— Понадобится, сделаем и это, — возразил Нор-

рис. — К чему напрасно трепать себе нервы?

Бейли представил себе Землю с неисчерпаемыми запасами энергии. Население сможет увеличиваться. Можно расширить дрожжевые фермы, интенсивно использовать гидропонику. Всё упирается только в энергию. Минеральное сырьё можно доставлять с необитаемых небесных тел Галактики. А если узким местом станет вода, её можно будет ввозить со спутников Юпитера. Чёрт возьми, можно заморозить и вытащить в космос океаны, и они будут кружить вокруг Земли, как маленькие ледяные луны. Всегда рядом, всегда под рукой, а дно океанов можно освоить и заселить. Даже запасы углерода и кислорода можно сохранить и увеличить за счёт метановой атмосферы Титана и замороженного кислорода со спутника Урана Умбриеля.

Население Земли может вырасти до одного или двух триллионов. Почему бы и нет? Было время, когда казалось трудным представить, что население достигнет, как нынче, восьми миллиардов. Было время, когда население даже в один миллиард казалось невообразимым. Каждое поколение с медиевальных времён имело своих пророков мальтузианского толка, и их пророчества никогда не сбывались.

Но что бы сказал на это Фастольф? Мир в триллион человек? Допустимо, только жизнь их будет зависеть от привозного воздуха, и воды, и от энергии, мудрёные хранилища которой расположены в пятидесяти миллионах миль отсюда. Как это страшно ненадёжно. Земля постоянно будет на волосок от полной катастрофы при малейшем нарушении работы любой части галактического механизма.

— Мне лично кажется, что проще вывезти излишек населения, — сказал Бейли. Это был скорее ответ на картину, которую он вообразил себе, чем на то, что говорил Норрис.

— Да кто нас возьмёт? — беспечно, но с горечью сказал Норрис.

Норрис поднялся, похлопал Бейли по плечу:

— Лайдж, съешь своего цыплёнка и приходи в норму. Не иначе, как ты глотал наркотики. — И он ушёл, посмеиваясь.

Бейли смотрел ему вслед, скривив рот в невесёлой усмешке. Норрис раструбит об этом повсюду, и их отдельские остряки (а они есть в каждом учреждении) ещё нескоро оставят его в покое. Тем не менее он был рад, что Норрис перестал трубить о Винсе, о роботах и деклассировании.

Бейли вздохнул и ковырнул вилкой холодного,

вязкого цыплёнка.

Бейли доел свой рулет, и только тогда Р. Дэниел встал из-за стола, который ему выделили ещё утром, и подошёл к нему.

Бейли неприязненно взглянул на него:

— Ну что?

— Комиссар отсутствует, и никто не знает, когда он вернётся. Я предупредил Р. Сэмми, что мы хотим воспользоваться кабинетом комиссара и что, кроме комиссара, он не должен впускать никого.

— Зачем нам понадобится кабинет?

— Чтобы никто не мешал. Вы ведь не станете отрицать, что нам надо обдумать следующий шаг. Я полагаю, вы не намерены прекратить расследование, Илайдж?

Именно это и было сокровенным желанием Бейли, в чём, разумеется, признаться он не мог. Он молча поднялся со стула и прошёл в кабинет Эндерби.

— Ну, Дэниел, так в чём дело? — спросил Бейли.

— Партнёр Илайдж, — начал робот, — с прошлой ночи вы сам не свой. В вашем психоизлучении произошёл заметный сдвиг.

Ужасная догадка промелькнула в голове у Бейли.

— Вы — телепат? — воскликнул он.

Если бы не все эти треволнения, он бы и мысли такой не допустил.

— Нет, разумеется, нет, — ответил Р. Дэниел.

— Тогда какого дьявола вы толкуете о моём психоизлучении? — немного успокоился Бейли.

— Я употребил данное выражение, чтобы описать какое-то ощущение, которое вы скрываете от меня.

— Какое ощущение?

— Это трудно объяснить. Илайдж. Если вы помните, первоначально я был предназначен для изучения психологии человека.

— Да, да, конечно. И вас потом превратили в детектива, снабдив пресловутым контуром справедливости. — Бейли и не старался скрыть свой сарказм.

— Совершенно верно, Илайдж. Однако моё первоначальное назначение осталось в силе. Меня создали для проведения цереброанализа.

— Для анализа биотоков мозга?

— Вот именно. При наличии соответствующего приёмного устройства цереброанализ можно проводить на расстоянии, не прибегая к помощи электродных контактов. Мой мозг и является таким приёмником. Разве на Земле не применяется

этот метод?

Бейли не знал, что ответить, поэтому игнорировал этот вопрос.

— Что вы узнаете, измеряя биотоки мозга? — поинтересовался он с опаской.

— Конечно, не мысли, Илайдж. Я получаю представление об эмоциях и, главным образом, анализирую темперамент человека, его скрытые побуждения. Так мною было установлено, что комиссар Эндерби был не в состоянии убить человека при тех обстоятельствах, которые преобладали в момент совершения преступления.

— И с него сняли подозрение только на основании ваших выводов?

— Да. Потому что они достаточно достоверны. Я ведь очень точная машина.

Ещё одна мысль поразила Бейли.

— Постойте! — воскликнул он. — Значит, комиссар и не подозревал, что его подвергают цереброанализу?

— Мы не хотели задевать его чувств.

— То есть вы просто стояли и смотрели на него. Никакой аппаратуры, никаких электродов: ни самописцев, ни графиков.

— Конечно, нет. Я обхожусь без них.

От злости и досады Бейли до боли закусил

нижнюю губу. Рухнула его надежда нанести космонитам решающий удар.

Сначала Р. Дэниел заявил, что комиссара подвергли цереброанализу, а часом позже сам комиссар начисто и как будто вполне искренне отрицал это, сказав, что не знает даже, о чём идёт речь. Но если бы с человека, которого подозревают в убийстве, снимали энцефалограмму, да ещё с электродами и графиками, он получил бы полное представление о том, что такое цереброанализ.

От противоречия, которое сразу же подметил Бейли, не осталось и следа. Комиссар подвергся цереброанализу, и не догадываясь о нём. Значит, и робот и комиссар говорили правду.

— Ну, так что вы узнали обо мне? — не очень деликатно обратился к роботу Бейли.

— Вы обеспокоены.

— Потрясающее открытие, не правда ли? Ещё бы мне не беспокоиться.

— Точнее, беспокойство вызвано столкновением ваших внутренних побуждений. С одной стороны, преданность долгу призывает вас тщательно расследовать заговор землян, преследовавших нас прошлой ночью. Не менее сильное побуждение толкает вас в противоположном направлении. Именно это мне и удалось прочесть в

биотоках ваших мозговых клеток.

— К дьяволу мои клетки! — возмутился Бейли. — Я вам скажу, почему нет смысла заниматься этим вашим так называемом заговором. Он не имеет никакого отношения к убийству. Признаться, раньше я думал, что имеет. Вчера в столовой мне показалось, что нам грозит опасность. Но чем это кончилось? Они нас преследовали, мы скрылись, и делу конец. Хорошо организованные и отчаянные люди так себя не ведут.

Мой сын без труда разыскал нас, позвонив в управление. Причём он даже не назвал себя. То же самое могли сделать и наши уважаемые заговорщики, пожелай они только расправиться с нами.

— По-вашему, они этого не хотят?

— Конечно, нет. Они могли использовать беспорядки у магазина, а вместо этого покорно уступили приказу человека с бластером в руках. Не человеку — роботу, который — и они это хорошо знают — никогда не пустит в ход оружие против людей. Все они — медиевисты, безобидные, малость свихнувшиеся люди. Вы могли этого не знать, но как я опростоволосился? Дело в том, что из-за всей этой кутерьмы я стал рассуждать как… сентиментальный дурак. Поверьте, я знаю,

что это за люди: мягкие, мечтательные, которым не по душе нынешний образ жизни. Они ищут спасения в идеальном мире прошлого, который они создали в своём воображении. Если бы могли подвергнуть своему анализу все это движение, как вы это делаете с остальными людьми, то сразу бы убедились, что они не более способны на убийство, чем сам Джулиус Эндерби.

— Я не могу поверить вам на слово, — медленно сказал Р. Дэниел.

— То есть как это?

— Вы слишком изменили свою точку зрения. Кроме того, в ней есть определённые несоответствия. Вы договорились о встрече с доктором Джерригелом задолго до того, как мы оказались в столовой. В то время вы ничего не знали о моём пищевом мешке, и потому не могли подозревать меня в убийстве. С какой целью тогда вы вызвали доктора Джерригела?

— Я подозревал вас уже тогда.

— А прошлой ночью вы разговаривали во сне.

— Что я говорил? — широко раскрыл глаза Бейли.

— Одно слово — «Джесси», которое вы повторили несколько раз. Я полагаю, вы имели ввиду свою жену.

Бейли расслабился и проговорил неуверенно:

— Мне приснился кошмар. Вы знаете, что это такое?

— Не по личному опыту, разумеется. Словарь определяет это, как неприятное сновидение. Сущность последнего я также знаю по словарю. Это — иллюзия реальности, которую вы испытываете при временном выключении сознания, что называется у вас сном.

— Ладно. Идёт. Пусть иллюзия. Только иногда эти иллюзии чертовски похожи на жизнь. Ну так вот, мне приснилось, что моя жена оказалась в опасности. Людям часто видятся во сне подобные вещи. Я звал её. Это тоже случается при определённых обстоятельствах. Можете мне поверить.

— Я охотно вам верю. В связи с этим у меня есть вопрос. Как Джесси узнала, что я робот?

Лоб Бейли снова покрылся капельками пота.

— Опять одно и то же. По слухам, которые…

— Простите, партнёр Илайдж, но в городе нет слухов. Если бы они были, весь город сегодня охватило бы волнение. Я проверил все поступившие в управление рапорты: в городе спокойно. Никаких слухов не существует. Поэтому каким образом узнала ваша жена?

— Чёрт возьми! Куда вы клоните? Уж не думае-

те ли вы, что моя жена является членом…

Бейли судорожно сжал руки.

— Ничего подобного, и давайте забудем об этом.

— Это на вас не похоже, Илайдж. Выполняйте свой долг. Вы дважды обвинили меня в убийстве.

— А теперь вы хотите со мной расквитаться?

— Я не совсем понимаю, что вы хотите этим сказать. Я, разумеется, одобряю вашу готовность подозревать меня. У вас было это основание. Вы ошибались, но могли и не ошибаться. Сейчас имеются столь же веские причины подозревать вашу жену.

— В убийстве? Вы сошли с ума, Джесси пальцем никого не тронет. Она бы ни что не решилась выйти из города. Она никогда… Чёрт побери, да будь вы сделаны из плоти и крови, я бы…

— Я лишь говорю, что она участник заговора. Я говорю, что её следует допросить.

— Нет, клянусь вашей жизнью! Нет, клянусь тем, что вы называете своей жизнью! Теперь слушайте меня. Медиевисты не жаждут нашей крови. Это не в их духе. Они просто хотят выжить вас из города. Это точно. И для этого они повели психическую атаку. Они стараются доставить

нам обоим как можно больше неприятностей. Они стараются как можно больше досадить вам, да и мне, раз я с вами. Они могли без труда узнать, что Джесси — моя жена. Их следующий ход — как-то сообщить ей о вас. Джесси такая же, как все люди. Она не любит роботов. Она не хочет, чтобы я имел дело с роботом, тем более, если ей кажется, что это опасно. А уж опасность они ей, конечно, расписали. И это, представьте, подействовало. Всю ночь Джесси меня умоляла бросить расследование и как-нибудь выдворить вас из города.

— По-видимому, — сказал Р. Дэниел, — вы испытываете сильное желание избавить жену от допроса. Я подозреваю, что вы сами не очень верите в то, что только что пытались мне объяснить.

— Не забывайтесь, чёрт вас возьми! — пришёл в ярость Бейли. — Вы не детектив. Вы — машина для цереброанализа, вроде тех, что стоят у нас в лаборатории. Вы — машина, хоть у вас есть руки и ноги и вы умеете говорить. А та цепь, которую в вас всадили, ни черта не значит. Всё равно вы не детектив, а потому помалкивайте и предоставьте делать выводы мне.

— Мне кажется, будет лучше, если вы немного

понизите голос, — спокойно произнёс Р. Дэниел. — Пусть по-вашему я не детектив, тем не менее я бы хотел обратить ваше внимание на одну небольшую деталь.

— Меня это нисколько не интересует.

— И всё же прошу меня выслушать. Если я ошибусь, вы меня поправите, и от этого никто не пострадает. Дело в следующем. Вчера вечером вы вышли из комнаты, чтобы позвонить Джесси. Я предложил тогда поручить вашему сыну. Вы мне сказали, что, по вашим обычаям, отец никогда не станет подвергать своего сына опасности. Может ли позволить себе это мать?

— Конечно, нет… — начал было Бейли и осёкся.

— Вы меня поняли, — сказал Р. Дэниел. — Если бы Джесси хотела предупредить вас о грозящей опасности, она бы сделала это сама, а не рисковала жизнью сына. Тот факт, что она всё-таки послала Бентли, может означать лишь одно: она боялась за себя, но была уверена в полной безопасности сына. Если бы в заговоре состояли люди, незнакомые Джесси, она бы за себя не опасалась, во всяком случае, у неё не было бы причин для опасений. С другой стороны, будучи членом заговорщической группы, она могла знать, Илайдж,

что за ней станут следить и узнают её, тогда как Бентли может не обратить на себя внимания.

— Постойте, — сказал Бейли упавшим голосом, — вы хорошо рассуждаете, но…

Бешено замелькавший сигнал на столе комиссара не дал ему закончить свою мысль. Р. Дэниел ждал, что Бейли ответит, но тот лишь беспомощно уставился на сигнал. Р. Дэниел соединил контакт сам.

— В чём дело? — спросил робот.

Громкий, с хрипотцой голос Р. Сэмми ответил:

— Здесь какая-то дама желает поговорить с Лайджем. Я ей сказал, что он занят, но она не хочет уходить. Она говорит, что её имя Джесси.

— Пропустите её, — спокойно сказал Р. Дэниел, и его бесстрастные карие глаза встретились с паническим взглядом Бейли.

14. Власть времени

Бейли стоял как в столбняке, когда к нему подбежала Джесси и прижалась к нему, обхватив его за плечи. Его побелевшие губы беззвучно произнесли:

— Бентли?

Джесси посмотрела на него и затрясла головой так, что взметнулись её каштановые волосы.

— С ним всё в порядке.

— Так что же ты…

Джесси вдруг разразилась слезами и прерывающимся, чуть слышным голосом сказала:

— Я больше не могу, Лайдж. Я этого не выдержу. Я не ем и не сплю… Я должна тебе все рассказать…

— Не говори ничего, — сказал Бейли с болью в голосе. — Ради бога, не сейчас…

— Я должна. Я такое натворила. Ужасно, Лайдж… — Из-за рыданий её совсем нельзя было понять.

— Мы здесь не одни, — сказал Бейли безнадёжно.

Он поднял голову и безучастно взглянул на Р.

Дэниела. Вполне возможно, что из-за потоков слёз, струившихся из её глаз, она вообще не различала, кто стоит перед ней.

— Добрый день, Джесси, — негромко сказал Р. Дэниел.

Она задохнулась от изумления:

— Это тот… робот?

Джесси провела по глазам тыльной стороной ладони и освободилась от обнимавшей за плечи руки мужа. Она глубоко вздохнула, и на какое-то мгновение на её глазах возникла дрожащая улыбка.

— Так это вы, да?

— Да, Джесси.

— Вы ведь не против, что я называю вас роботом?

— Нет, Джесси. Я ведь и есть робот.

— А меня можно называть дурой, идиоткой и… и… подрывным агентом. Потому что так оно и есть.

— Джесси! — простонал Бейли.

— Не надо, Лайдж, — сказала она. — Он твой партнёр, так что пусть знает. Я больше не могу. Я чуть с ума не сошла со вчерашнего дня. Пусть меня бросят в тюрьму. Пусть отправят в самый низ и посадят на сырые дрожжи и воду. Мне безразлично… Ты защитишь меня, Лайдж, правда? Ты не дашь им расправиться со мной? Я боюсь. Я так боюсь…

Она снова громко разрыдалась. Бейли погладил её по плечу и сказал, обращаясь к Р. Дэниелу:

— Она нездорова. Её надо увезти отсюда. Который час?

— Четырнадцать сорок пять, — ответил робот, не глядя на часы.

— Комиссар может вернуться в любую минуту. Вызовите служебную машину. Мы поговорим в туннеле по дороге домой.

Джесси резко вскинула голову:

— В туннеле? О, не надо, Лайдж?

Он старался говорить как можно мягче и успокаивающе:

— Слушай, Джесси, не надо капризничать. Ведь в таком виде тебе просто нельзя появиться на экспрессе. Будь паинькой и успокойся, а то даже через общую комнату неудобно идти. Я принесу тебе воды.

Она вытерла лицо влажным носовым платком и сказала тоскливо:

— О, посмотри на мой грим…

— Не волнуйся ты о гриме, — сказал Бейли. — Дэниел, как с машиной?

— Машина ждёт нас, партнёр Илайдж.

— Пошли, Джесси.

— Подожди. Одну минутку, Лайдж. Мне что-то надо сделать с лицом.

— Да не важно это…

— Ну, прошу тебя, — упорствовала она. — Я не могу в таком виде идти через общую комнату. Это займёт буквально секунду.

Человек и робот стали ждать: человек при этом нервно сжимал и разжимал кулаки, робот же был бесстрастен.

Джесси рылась в своей сумочке в поисках

нужных ей принадлежностей. (Бейли однажды торжественно заявил, что если и есть на свете нечто такое, что не поддалось усовершенствованию с медиевальных времён, то это дамская сумочка. Потерпела неудача даже попытка заменить металлическую застёжку магнитным замком.) Джесси вынула небольшое зеркальце и косметический набор в серебряной оправе, который Бейли подарил ей на день рождения три года назад.

В наборе было три миниатюрных распылителя, и она по очереди воспользовалась каждым. Содержимое первых двух было незаметным для глаз. Она обращалась с ними с таким изяществом и ловкостью, которыми природа наделила только женщину и которые, казалось, не изменяют ей даже в самые тяжёлые минуты.

Первым кладётся ровный слой основы, от которой кожа становится матовой и гладкой, с лёгким золотистым оттенком, именно таким — Джесси по опыту знала это, — который больше всего идёт естественному цвету её волос и глаз. Затем налёт загара на лоб и подбородок, мягкое прикосновение румян на обе щеки и изящный мазок голубизны на верхнее веко и на мочку уха. Наконец, на губы ровным слоем ложится

кармин. Это и есть то единственное видимое облачко нежно-розового цвета, которые влажно поблёскивает в воздухе, но высыхает и темнеет от прикосновения к губам.

— Ну, вот теперь все, — сказала Джесси, несколькими ловкими движениями взбив волосы и изобразив крайнее неудовлетворение свои видом. — Пожалуй, так сойдёт…

Джесси, конечно, не уложилась в обещанную секунду, но вся эта процедура заняла менее четверти минуты. Однако Бейли казалось, что ей конца не будет.

— Пошли, — сказал он.

Она едва успела убрать в сумочку свою косметику, как он тут же подтолкнул её к двери.

По обе стороны дороги лежала жёсткая, плотная тишина.

— Ну так что, Джесси? — сказал Бейли.

Её лицо, отчуждённо застывшее с тех пор, как они покинули кабинет Эндерби, начало постепенно оживать. Она молча беспомощно переводила взгляд с мужа на робота.

— Ну что же ты, Джесси? Прошу тебя. Ты совершила преступление? Настоящее преступление?

— Преступление? — Она неуверенно покачала головой.

— Возьми себя в руки, Джесси. Не надо истерик. Скажи только «да» или «нет». Ты… — он заколебался, — убила кого-нибудь?

— Ты что, Лайдж Бейли! — Выражение лица Джесси стало возмущённым.

— Да или нет, Джесси?

— Нет, конечно, нет!

У него отлегло от сердца.

— Ты украла что-нибудь? Подделала талон для питания? Кого-нибудь оскорбила? Причинила ущерб городу? Говори же, Джесси!

— Я не сделала ничего особенного. То есть не то, что ты думаешь. — Она оглянулась. — Лайдж, почему мы стоим здесь?

— Мы не тронемся с места, пока ты все не расскажешь. Ну, начинай. Зачем ты пришла к нам?

Бейли встретился со взглядом Р. Дэниела, устремлённым на него поверх головы Джесси.

Джесси заговорила тихим голосом, который становился всё громче и уверенней по мере того, как продолжался её рассказ.

— Всему виной эти медиевисты. Ты-то их знаешь, Лайдж. Они всегда тут как тут и всё время болтают. Так было, ещё когда я работала помощником диетолога. Помнишь Элизабет Торнбау? Помнишь наши разговоры? А она ссылалась на

эти ролики книгофильмов, что до сих пор ходят по рукам. Ну, знаешь, вроде «Позора городов» того парня… Как тем его имя?

— Оргински, — рассеянно сказал Бейли.

— Вот, вот, только большинство из них намного хуже. А когда мы с тобой поженились, она стала страшно ехидничать. Бывало, говорит: «Уж коли ты вышла замуж за полицейского, так станешь, наверное, настоящей городской дамой». Она стала меньше со мной разговаривать, а потом я ушла с работы, и на этом всё кончилось. Она рассказывала мне всякую всячину и, наверное, хотела меня поразить, или ей нравилось казаться эффектной и таинственной. Понимаешь, она была старой девой и так никогда и не вышла замуж. Многие из этих медиевистов просто-напросто неудачники. Помнишь, ты как-то говорил, Лайдж, что иногда люди сваливают собственные неудачи на общество и требуют переделать города, потому что не могут переделать сами себя.

Бейли вспомнил, но теперь эти самые слова прозвучали для него как пустая болтовня.

— Пожалуйста, ближе к делу, Джесси, — ласково сказал он.

— В общем, — продолжала она, — Лиззи всегда твердила, что придёт день и люди объединятся.

Мол, всему виной космониты, потому что они хотят, чтобы Земля всегда оставалась слабой и деградировала. Это было её любимое словечко — «деградировать». Посмотрит, бывало, на меню, которые я составила на неделю, поморщится и скажет: «Деградируем, деградируем». Мы в поварской со смеху умирали, когда Джейн Майерс принималась её передразнивать. Она говорила — Элизабет, конечно, — что в один прекрасный день мы разделаемся с городами и станем жить на свободе, а заодно и рассчитаемся с космонитами, которые стараются всучить нам роботов, чтобы навсегда связать нас с городами. Только она тогда не говорила «роботы»: она называла их — простите меня, Дэниел — «бездушными чудищами».

— Я не понимаю значения прилагаемого, Джесси, — сказал робот, — но тем не менее принимаю ваше извинение. Пожалуйста, продолжайте.

Бейли заёрзал на месте. Вот так с ней всегда! Будет ходить вокруг да около, что бы тут ни случилось, каким бы критическим не было положение.

— Элизабет любила говорить намёками, чтобы создать впечатление, будто у неё много единомышленников. Бывало, начнёт: «На прошлом

собрании…», потом остановится и посмотрит на меня так, словно ей и хочется, чтобы я её расспрашивала, да боится, как бы не попасть из-за меня в беду. Я конечно, ни о чём не спрашивала. Не хотелось доставлять ей удовольствия. Короче говоря, когда мы поженились, Лайдж, все это прекратилось, пока…

Она замолчала.

— Продолжай же, Джесси, — подгонял её Бейли.

— Помнишь, Лайдж, как мы с тобой повздорили? Ну, из-за Джезебел?

— Ну и что? — Он даже не сразу сообразил, что Джесси имеет ввиду своё имя, а не говорит о ком-то другом.

Он повернулся к Р. Дэниелу и стал машинально оправдываться:

— Джезебел — полное имя Джесси. Она его не любит и не пользуется им.

Р. Дэниел серьёзно кивнул, а Бейли подумал: «Господи, и это ещё на мою голову».

— Меня это здорово взволновало, Лайдж, — продолжала Джесси. — В самом деле. Может, это и глупо, но твои слова не выходили у меня из головы. Ты сказал, что Джезебел была просто консервативной и отстаивала обычаи своих предков

против странных обычаем пришельцев. В конце концов, меня тоже звали Джезебел, и я всегда…

Она замялась, подыскивая нужное слово, и Бейли подсказал ей:

— Отождествляла себя с ней?

— Вот-вот, — сказала она, но тут же замотала головой и опустила глаза.

— Вернее, нет. Не в прямом смысле. В общем, ты помнишь, за кого я её принимала. Я такой не была.

— Я знаю, Джесси. Не глупи.

— Я ломала над этим голову и решила, что сейчас всё происходит так же, как было когда-то. То есть у нас, землян, были свои старые обычаи, но вот пришли космониты с массой новых обычаев и стали поддерживать то новое, до чего мы как-то добрели сами. Может быть, медиевисты всё-таки правы. Может, нам и в самом деле стоит вернуться к старым добрым обычаям… Вот я вернулась и нашла Элизабет.

— Ну, продолжай…

— Она сказала, что не знает, о чём я говорю, и что к тому же я — жена полицейского. Я возражала, что это, мол, к делу не относится, и наконец, она согласилась поговорить с кем-то. А через месяц подошла ко мне и говорит, что все, мол,

улажено и меня приняли. С тех пор и хожу на их собрания.

Бейли грустно смотрел на неё.

— И ты не сказала мне ни слова.

— Прости меня, Лайдж, — дрожащим голосом сказал Джесси.

— Слезами горю не поможешь. Расскажи мне о собраниях. Прежде всего, где они проводились?

Им овладело какое-то тупое безразличие. Как ни старался он скрыть его от себя, горькая правда предстала перед ним во всей полноте. В каком-то смысле даже лучше, что с неопределённостью покончено.

— Здесь, — ответила Джесси.

— Здесь? В туннеле? Да ты что?

— Да, в туннеле. Поэтому мне не так хотелось сюда ехать. Правда, для встреч здесь идеальное место. Мы приходили…

— Сколько вас было?

— Трудно сказать. Человек шестьдесят-семьдесят. Сюда приносили раскладные стулья, напитки, еду, кто-нибудь произносил речь, чаще о том, как хорошо жилось прежде и как мы разделаемся с чудищами, то есть с роботами, да и космонитами тоже. И так каждый раз. Всем было скучно, но мы чувствовали себя ужасно важ-

ными. Мы давали разные клятвы, выдумывали тайные приветствия.

— И вас ни разу не прерывали? Ни служебные машины, ни пожарники?

— Ни разу.

— Это необычно, Илайдж? — вмешался Р. Дэниел.

— Пожалуй, нет, — задумчиво сказал Бейли. — Некоторыми боковыми проездами давно уже не пользуются. Правда, найти их мудрёная штука… И это всё, чем вы занимались на собраниях? Произносили речи и строили из себя конспираторов?

— Иногда ещё пели песни. И, конечно, закусывали сандвичами, сок пили…

— В таком случае, — зло произнёс Бейли, — чего ты устроила истерику?

Джесси заморгала глазами.

— Не сердись, Лайдж.

— Пожалуйста, — с необычайным терпением настаивал Бейли, — ответь на мой вопрос. Если все так безобидно, как ты говоришь, почему ты вдруг ударилась в панику?

— Я боялась за тебя, Лайдж. Почему ты не хочешь меня понять? Ведь я объяснила тебе…

— Нет, Джесси. Пока ты ещё ничего не объясни-

ла. Ты рассказала о ваших секретных сборищах с болтовнёй и песнопениями. А открытые демонстрации вы устраивали? Учиняли расправу над роботами? Устраивали беспорядки? Убивали людей?

— Никогда! Лайдж, да я бы сразу порвала с ними, как ты не понимаешь!

— В чём же тогда твоё преступление? Почему ты завела речь о тюрьме?

— Дело в том… В общем, нам говорили, что когда-нибудь мы окажем давление на правительство. Мы организуем огромные забастовки, прекратим работать и вынудим правительство запретить роботов, а космонитов заставим убраться восвояси. Я думала, что дальше заговора дело не зайдёт, но потом произошла эта история с тобой и Р. Дэниелом. И вот теперь в туалетной я услышала: «Пора переходить к действиям», и ещё: «Надо проучить их как следует, надо сейчас же остановить вторжение роботов». Они не знали, что речь идёт о тебе. А я сразу это поняла.

Её голос прервался.

— Ну, успокойся, — сказал Бейли уже не так строго, — ты же видишь: ничего не произошло. Всё это одна болтовня.

— Я так ис… испугалась. Я подумала, что если

начнут убивать и громить, то могут убить тебя с Бентли. И все это из-за меня, а поэтому меня надо посадить в тюрьму.

Бейли дал ей выплакаться. Он нежно прижал её к себе, стиснув зубы, вызывающе посмотрел на Р. Дэниела, который ответил ему невозмутимым взглядом.

— Ну, а теперь, Джесси, постарайся вспомнить, кто был во главе вашей группы?

Она понемногу приходила в себя и время от времени прикладывала к глазам мокрый от слёз носовой платок.

— Его зовут Джозеф Клемин. Он очень маленького роста и ничего собой не представляет. Совершенно затюканный, безобидный человек. Ты ведь не арестуешь его, правда, Лайдж? Только потому, что я сказала? — Она виновато посмотрела на мужа.

— Пока я не собираюсь никого арестовывать. Как он получал инструкции?

— Не знаю.

— На собраниях появлялись какие-нибудь незнакомые люди? Я имею в виду ваших деятелей из Центра?

— Иногда, раз или два в год, но их никогда не называли по имени. Просто говорили, это, мол,

один из наших, и все.

— Ясно. Дэниел!

— Да, Илайдж? — отозвался Р. Дэниел.

— Опиши людей, которых вы подозреваете. Может быть, Джесси узнает кого-нибудь.

По мере того как Р. Дэниел с присущим ему педантизмом перечислял подозреваемых, подробно характеризуя каждого из них, на лице Джесси все отчётливее появлялось выражение отчаяния. Наконец она замотала головой:

— Не надо, хватит. Не помню я никого! Ни одного…

Она немного помолчала, будто задумавшись. Потом спросила:

— Вы сказали, что один из них работает на дрожжевой ферме?

— Фрэнсис Клусарр, — ответил Р. Дэниел, — служащий «Нью-Йорк Йист».

— Понимаете, однажды я сидела в первом ряду. И от выступавшего на меня пахнуло запахом сырых дрожжей. Я запомнила это потому, что чувствовала себя неважно, а тут мне чуть не стало плохо. Пришлось даже перейти на задние ряды. Было так неловко. Может, это и есть тот человек? Ведь когда работаешь с дрожжами постоянно, их запах насквозь пропитывает одежду.

— А ты не помнишь его лицо? — спросил Лайдж.

— Нет, — без колебания ответила Джесси.

— Ну хорошо. Сейчас, Джесси, я отвезу тебя к твоей матери. Бентли уже там. Без моего ведома никуда не отлучайтесь. Бен пусть пока не ходит в школу. Я договорюсь, чтобы вам приносили еду на дом. Все подступы к квартире будут под наблюдением полиции.

— А как ты? — заволновалась Джесси.

— Я буду в безопасном месте.

— Долго это будет продолжаться?

— Не знаю. Может, день или два. — Он почувствовал, как неубедительно прозвучали его слова.

Бейли и Р. Дэниел снова ехали по автотуннелю, но на этот раз без Джесси.

— Мне кажется, — прервал Бейли свои невесёлые мысли, — что структура этой организации такова: внизу — основная масса её членов. У них нет никакой программы; главная их задача — поддержать переворот, когда придёт время. Ими руководит немногочисленная верхушка, имеющая чётко выработанную программу действий. Её-то мы и должны обнаружить. Опереточными заговорщиками, о которых говорила Джесси,

можно пренебречь.

— Это звучит логично, — заметил Р. Дэниел, — если принять на веру то, что рассказала Джесси.

— Я думаю, что в правдивости её рассказа сомневаться не приходится, — жёстко сказал Бейли.

— Возможно. Мозговые импульсы Джесси не указывают на наличие у неё патологической склонности ко лжи.

Бейли бросил на робота оскорблённый взгляд.

— Этого ещё не хватало! И вообще в рапортах не следует упоминать её имя. Вы меня поняли?

— Если вам так угодно, партнёр Илайдж, — спокойно сказал Р. Дэниел, — но тогда наш рапорт не будет ни точным, ни полным.

— Ну и что из того? Она пришла к нам по своей воле и откровенно все рассказала. Если мы о ней напишем, она будет на учёте полиции, а мне бы этого совсем не хотелось.

— Хорошо, я согласен, при условии, что нам не нужно больше ничего выяснять.

— Что касается её — ничего. Ручаюсь.

— В таком случае не объясните ли вы, почему слово «Джезебел», почему сочетание этих звуков, заставило её забыть свои прежние убеждения ради новых? Не ясна мотивировка.

Они медленно ехали по пустому, извилистому туннелю.

— Это трудно объяснить. Джезебел — редкое имя. Когда-то оно принадлежало женщине с очень плохой репутацией. Моя жена весьма дорожила этим. Это имя как бы бросало на неё тень порочности и вознаграждало за всю её добропорядочную жизнь.

— Зачем уважающей закон женщине чувствовать себя порочной?

Бейли едва не улыбнулся.

— Женщина есть женщина, Дэниел. В общем, я поступил очень глупо. Я вышел из себя и стал доказывать, что библейская Джезебел вовсе не была такой уж порочной и что, пожалуй, она была хорошей женой. Я никогда себе этого не прощу. Джесси ужасно расстроилась, — продолжал он. — Сам того не сознавая, я погубил то, что было ей очень дорого. И она, вероятно, решила отплатить мне. У неё, видимо, появилось желание сделать что-то назло мне, и она вступила в эту организацию. Я бы не сказал, что её желание было осознанным.

— Может ли желание быть неосознанным? Нет ли здесь противоречия в терминах?

Бейли молча смотрел на Р. Дэниела, даже не

пытаясь объяснить ему, что такое подсознательное мышление. Затем он сказал:

— К тому же на ум и чувства человека очень влияет библия.

— Что такое библия?

Бейли было удивился, но затем вспомнил, что космониты исповедуют механистическую философию, а Р. Дэниел может знать только то, что знают они, ни слова больше.

Он сказал отрывисто:

— Это священная книга у почти половины населения Земли.

— Я не понимаю значение прилагательного в этой фразе.

— Это значит, что её высоко чтут. Различные её части при правильном толковании содержат в себе правила поведения. Многие считают, что, следуя им, человечество достигнет всеобщего счастья.

Р. Дэниел, казалось, задумался над этим:

— Входят ли эти правила в ваши законы?

— Боюсь, что нет. Их нельзя насаждать законодательным порядком. Каждый человек сам по себе должен чувствовать сильную внутреннюю потребность соблюдать их. В каком-то смысле они стоят над любым законом.

— Над законом? Нет ли здесь противоречия в терминах?

Бейли криво улыбнулся.

— Хотите, я расскажу вам кое-что из библии? Думаю, вам будет интересно.

— Пожалуйста.

Машина медленно катилась по инерции и наконец остановилась. Некоторое время Бейли сидел с закрытыми глазами, вспоминая притчу.

Он рассказал библейскую притчу об Иисусе Христе и виновной женщине, которую хотели побить камнями. На вопрос о том, как поступить с этой женщиной, Христос ответил обвинителям: «Кто из вас без греха, первый брось в неё камень». Никто не мог это сделать, и все разошлись.

Притча заканчивалась следующими словами:

«Иисус, не видя никого, кроме женщины, спросил: „Женщина! Где твои обвинители? Никто не осудил тебя?»

Она отвечала: «Никто».

Он сказал: «И я не осуждаю тебя; иди и впредь нет греши».

Р. Дэниел внимательно слушал.

— И та женщина была виновной?

— Да, была.

— Тогда почему же её не побили камнями?

— После слов Иисуса никто из обвинителей не мог решиться на это. Смысл рассказа в том, чтобы показать, что существует нечто даже более возвышенное, чем понятия справедливости, которые ты усвоил. Например, человеческое побуждение, называемое жалостью; человеческий поступок, называемый прощением.

— Я не знаком с этими понятиями, Илайдж.

— Я знаю, — проворчал Бейли. — Я знаю.

Он рывком тронул машину с места, и она с бешеной скоростью понеслась вперёд. Бейли прижало к подушкам сидения.

— Куда мы едем? — спросил Р. Дэниел.

— В Йист-таун — Дрожжевой город, — бросил Бейли. — Чтобы вытрясти правду из этого заговорщика Фрэнсиса Клусарра.

— Вы сумеете это сделать, Илайдж?

— А я и не собираюсь. Это сделаете вы, Дэниел. Причём весьма просто.

Машина прибавила скорость.

15. Арест заговорщика

Бейли почувствовал приближение Йист-тауна по специфическому запаху, который усиливался с каждой минутой. Он не был ему противен, как некоторым, Джесси, например. Пожалуй, он даже нравился ему. Стоило запаху сырых дрожжей донестись до него, как алхимия чувств отбрасывала его более чем на тридцать лет назад. Ему снова было десять, и он гостил у дяди Бориса, работавшего на дрожжевой ферме. У дяди Бориса дома всегда был небольшой запас дрожжевых сладостей: мелкое печенье, конфеты со сладкой текучей начинкой и другие, твёрдые, — фигурки собачек и кошек. Несмотря на свой возраст, он понимал, что у дяди Бориса они не для того, чтобы раздавать бесплатно, и всегда потихоньку уплетал сласти, повернувшись ко всем спиной.

От этого они казались ещё вкусней.

Бедный дядя Борис! Он погиб от несчастного случая. Мальчику так и не рассказали, как это случилось, и он горько плакал, ибо решил, что дядю арестовали за то, что он уносил дрожжи с фабрики. Он боялся, что его тоже арестуют и

накажут. Много лет спустя он внимательно просмотрел полицейский архив и узнал правду. Дядя Борис попал под гусеницы транспортёра. Так буднично развеялся этот миф.

И всё же при малейшем запахе дрожжей он неизменно возникал у него в голове, пусть на самое короткое мгновение.

Йист-таун — Дрожжевой город… Официально в Нью-Йорке нет района с таким названием. Его не найдёшь ни в справочнике, ни на карте. То, что горожане зовут его Йист-тауном, в почтовом ведомстве числится как округи Нью-Арк, Нью-Брунсвик и Трентон. Большая часть этого огромного пространства, за исключением нескольких жилых секторов, занята многоэтажными дрожжевыми фермами, где растут и размножаются сотни разнообразных дрожжевых культур.

Здесь трудится пятая часть населения города. Столько же народу работает в смежных отраслях.

Горы древесины и сырой целлюлозы, которые поступают из дремучих лесов Аллеген и перерабатываются в громадных чанах с кислотой в глюкозу; тысячи тонн селитры и фосфатов, необходимых для процесса; бесчисленные контейнеры с органическими веществами из

химических лабораторий — всё это нужно, чтобы получить только один продукт — дрожжи, как можно больше дрожжей. Без них шесть из восьми миллиардов землян через год страдали бы от голода.

Бейли похолодел от этой мысли. Такая возможность существовала и три дня назад, но подобная мысль так просто не пришла бы ему в голову.

Машина выскочила из туннеля на окраины Нью-Арка. Вид малонаселённых улиц, с обеих сторон сжатых слепыми блоками дрожжевых ферм, не радовали глаз.

— Который час, Дэниел? — спросил Бейли.

— Шестнадцать часов пять минут, — ответил Р. Дэниел.

— Если он в дневной смене, мы его застанем.

Бейли поставил машину в проёме одной из стен и выключил двигатель.

— Так это и есть «Нью-Йорк Йист», Илайдж? — спросил робот.

— Да. Часть её.

Они пошли по коридору между двумя рядами служебных помещений и оказались лицом к лицу с улыбающейся секретаршей.

— Кого вы хотели бы увидеть? — вежливо спросила она.

Бейли показал ей удостоверение.

— Полиция, — пояснил он. — У вас в «Нью-Йорк Йист» должен работать некий Фрэнсис Клусарр.

— Одну минутку. Я проверю. — Девушка была явно обеспокоена.

Она нажала кнопку селектора, под которой значилось «Отдел кадров», и, хотя губы её двигались, артикулируя какие-то слова, вслух она их не произносила.

Бейли не впервые встречался с ларингофоном, который преобразовывал в слова малозаметные движения гортани.

— Говорите вслух, пожалуйста. Мне нужно вас слышать.

— …и говорит, что он из полиции, сэр, — тотчас же донеслось до него.

Появился смуглый, хорошо одетый человек. У него были небольшие усики и редеющая шевелюра. Приятно улыбаясь, человек представился:

— Я — Прескотт из отдела кадров. Чем могу быть вам полезен, инспектор?

Бейли холодно посмотрел на него, и улыбка его стала напряжённой.

— Мне бы не хотелось волновать рабочих, — извиняющимся тоном произнёс Прескотт, — они не очень-то жалуют полицию.

— Ничего не поделаешь, — остановил его Бейли. — Клусарр сейчас работает?

— Да, инспектор.

— В таком случае, дайте мне поводок. И если Клусарра не окажется на месте, нам придётся разговаривать при других обстоятельствах.

Прескотту стало не до улыбок. Он пробормотал:

— Сию минуту, инспектор.

«Поводок» был настроен на вторую секцию отдела ЦГ. Бейли понятия не имел о значении этих слов, да его это и не интересовало. Он знал, что «поводок» приведёт его туда, куда нужно. Это оригинальный маленький аппарат легко помещается в ладони и обладает способностью быстро нагреваться или охлаждаться в зависимости от того, идёте вы в правильном направлении или отклоняетесь от него. Чем ближе вы к цели, тем теплее становится «поводок».

Для новичка «поводок» с его едва заметными колебаниями температуры почти бесполезен: горожане же все, за малым исключением, прекрасно справляются с ним. Испокон веков дети увлекаются игрой в прятки с игрушечными «поводками» в коридорах школьного горизонта. («Поводок, поводок, приведи в уголок». «Горячо,

горячей. Поводок всех умней».) Издавна привыкший им пользоваться, Бейли без труда нашёл правильный путь среди лабиринта каких-то громоздких сооружений. Когда через несколько минут он оказался в большой, ярко освещённой комнате, «поводок» нагрелся до предела.

— Фрэнсис Клусарр здесь? — спросил Бейли у ближайшего у нему работнику.

Тот кивком головы показал ему на человека в другом конце комнаты, который встал со своего места и начал снимать с себя передник. Он был среднего роста, с молодым, хотя и в глубоких морщинах лицом и начинающими седеть волосами. У него были большие узловатые руки, которые он не торопясь вытирал селлетексовым полотенцем.

— Я Фрэнсис Клусарр, — сказал он.

Бейли бросил взгляд на Р. Дэниела. Робот кивнул.

— О'кей, — сказал Бейли. — Где мы сможем поговорить?

— Место-то найдётся, — медленно ответил Клусарр, — да вот только смена у меня кончается. Может быть, завтра?

— От сегодня до завтра пройдёт слишком много времени. Давайте лучше сейчас, — возразил Бей-

ли и протянул ему своё удостоверение.

Руки Клусарра не дрогнули, он продолжал методично вытирать палец за пальцем.

— Не знаю, как у вас в полиции, — холодно сказал он, — но здесь нам дают на еду три четверти часа, и ни минуты больше. С 17:00 до 17:45. Не хочешь, не ешь совсем.

— Не беспокойтесь, — настаивал Бейли. — Я попрошу, чтобы вам принесли сюда.

— Так, так, — невесело сказал Клусарр. — Прямо как аристократу или полицейскому чину. А что ещё? Может, отдельную ванну примем?

— Отвечайте на вопросы, Клусарр, — сухо ответил Бейли, — а шуточки приберегите для своей подружки. Так куда мы пойдём?

— Если хотите, пошли в весовую. Вас это устраивает? Только мне не о чём с вами говорить.

Весовая представляла собой квадратную, снежно-белую комнату, с лучшей, чем в соседнем зале, вентиляцией. Вдоль стен под стеклянными колпаками стояли ряды тонких электронных весов с электронными манипуляторами. В колледже Бейли пользовался более простыми моделями. На одной из них, которую Бейли узнал, можно взвесить даже миллиард атомов.

— Мне кажется, здесь нам не помешают, — за-

метил Клусарр, когда они вошли в комнату.

Бейли что-то буркнул в ответил и повернулся к Р. Дэниелу.

— Пожалуйста, пойдите и распорядитесь насчёт обеда. И подождите снаружи, пока его не принесут.

Когда Р. Дэниел вышел он обратился к Клусарру:

— Вы химик по профессии?

— С вашего позволения, я зимолог.

— Разве это не одно и то же?

Клусарр высокомерно взглянул на него.

— Химики только и возятся со своими вонючими реактивами, а от нас, зимологов, зависит жизнь нескольких миллиардов людей. Я — специалист по дрожжевым культурам.

— Ну, ладно, ладно, — согласился Бейли.

Но Клусарра нельзя было остановить:

— Эта лаборатория обслуживает всю компанию «Нью-Йорк Йист». Каждый час, каждый день мы, как проклятые, выращиваем для неё сотни дрожжевых штаммов. Мы исследуем и изменяем из питательные свойства. Мы следим за их ростом. Мы меняем их генетику, создаём новые штаммы, размножаем их, выделяем нужные нам свойства, а потом снова скрещиваем их.

Когда несколько лет назад в Нью-Йорке начала появляться масса клубники, это была не клубника, парень. То была особая сахаристая дрожжевая культура естественного клубничного цвета с ничтожной добавкой ароматических веществ. И мы создали её здесь, в этой комнате.

Двадцать лет назад Saccharomyces olei Benedictae был всего лишь бесполезным штаммом с мерзким привкусом сала. Он до сих пор отдаёт салом, но содержание в нём жира увеличено с 15 до 87 процентов. Если сегодня вы пользовались экспрессом, то знайте, что вся его смазка — это S.O.Benedictae, штамм АГ-7. Создан здесь, в этой самой комнате… Так что я не химик, а зимолог.

Бейли невольно отступил перед бурным натиском собеседника.

— Где вы были вчера вечером между шестью и восемью? — резко спросил он.

Клусарр пожал плечами.

— Прогуливался. Я люблю погулять немного после обеда.

— Вы были гостях или ходили в субэтерикс?

— Нет. Просто гулял.

Бейли поджал губы. Посещение субэтерикса можно было бы проверить по отметке на абонементе Клусарра; встреча же с друзьями повлекла

бы за собой очную ставку.

— Значит, вас никто не видел?

— Может быть, кто-нибудь и видел, не знаю. Во всяком случае, знакомые мне не попадались.

— А чем вы занимались накануне вечером?

— Тем же самым.

— Значит, вы не можете представить себе алиби?

— Соверши я преступление, инспектор, я бы позаботился о нём. Для чего мне алиби?

Бейли промолчал. Он заглянул в свою записную книжку.

— Вы уже однажды привлекались к суду. За подстрекательство к бунту.

— Ну и что? Меня толкнул какой-то робот, а я сделал ему подножку. Это, по-вашему, подстрекательство?

— Суд пришёл именно к такому выводу. Вас признали виновным и оштрафовали.

— Ну и дело с концом. Или вы хотите оштрафовать меня снова?

— Два дня назад у обувного магазина в Бронксе чуть было не вспыхнул бунт. Вас там видели.

— Кто?

Бейли оставил этот вопрос без ответа.

— В то время у вас был перерыв на ужин. Вы

ужинали позавчера вечером?

Клусарр замялся, затем покачал головой.

— Расстройство желудка. Бывает иногда из-за дрожжей. Даже если давно имеешь с ними дело.

— Вчера вечером начались беспорядки в Уильямсбурге, и вас там видели тоже.

— Кто?

— Вы отрицаете, что были в обоих местах?

— Мне просто нечего отрицать. Скажите мне, где точно всё это происходило и кто говорит, что видел меня?

Бейли не сводил глаз с зимолога.

— Не прикидывайтесь, вы знаете, о чём речь. Мне думается, вы один из руководителей тайной медиевистской организации.

— Я не могу запретить вам думать, инспектор. Но это не может служить доказательством, что вам, вероятно, тоже известно, — сказал Клусарр насмешливо.

— Вероятно, — ответил Бейли с каменным выражение лица. — Но я заставлю вас признаться. И я сделаю это сию же минуту.

Бейли подошёл к двери и выглянул наружу. Неподалёку неподвижно стоял Р. Дэниел.

— Принесли ужин Клусарра?

— Ещё нет.

— Внесите его. Хорошо, Дэниел?

Спустя несколько минут в комнате показался Р. Дэниел с металлическим, разделённым на секции подносом в руках.

— Поставьте его перед мистером Клусарром, Дэниел, — приказал Бейли.

Он сел на табурет у стены, закинул ногу за ногу и слегка покачивал кончиком ботинка. Он заметил, как Клусарр резко отстранился от робота, когда тот наклонился, чтобы поставить поднос на табурет возле зимолога.

— Мистер Клусарр, — сказал Бейли, — познакомьтесь с моим помощником Дэниелом Оливо.

Р. Дэниел протянул руку со словами:

— Здравствуйте, Фрэнсис.

Клусарр не сказал ни слова. Он и не попытался пожать протянутую ему руку. Р. Дэниел же не опускал её, и лицо Клусарра стало краснеть.

— Вы невежливы, мистер Клусарр, — мягко заметил Бейли. — Или вы считаете зазорным пожать руку полицейскому?

Клусарр пробормотал:

— Простите, но я голоден.

Он вытянул складную вилку и сел, не сводя глаз с подноса.

— Дэниел, мне кажется, наш друг обижен на

ваше холодное обращение, — продолжал Бейли. — Вы ведь на него не сердитесь, не так ли?

— Конечно, нет, Илайдж, — сказал Р. Дэниел.

— Тогда докажите это на деле. Обнимите его за плечи.

— С удовольствием, — сказал Р. Дэниел и сделал шаг вперёд.

Клусарр положил вилку:

— В чём дело? Что здесь происходит?

Нисколько не обескураженный этим, Р. Дэниел попытался дотронуться до его плеча.

Клусарр отшатнулся от него, бросив в сторону руку Р. Дэниела.

— Какого чёрта, не прикасайтесь ко мне!

Он вскочил на ноги, задев при этом табурет, и поднос с едой с грохотом повалился на пол.

Бейли коротко кивнул Р. Дэниелу, и тот снова попытался приблизиться к отступавшему от него зимологу. Бейли встал перед дверью.

— Уберите от меня эту гадость! — завопил Клусарр.

— Ну как вам не совестно! — невозмутимо сказал Бейли. — Ведь это человек — мой напарник.

— Какой он человек! Это проклятый робот! — закричал пронзительно Клусарр.

— Отойдите от него, Дэниел, — тотчас же приказал Бейли.

Р. Дэниел молча стал у двери позади Бейли, напротив которого, сжав кулаки, стоял возбуждённый Клусарр.

— Отлично, умник, — сказал Бейли. — Почему вы решили, что Дэниел робот?

— Каждому видно!

— Предоставим это решать судьбе. Тем временем мы отправим вас в полицию. Нам нужно выяснить, как вы узнали, что он робот. И многое другое, мистер, многое другое. Дэниел, пойдите свяжитесь с комиссаром. Он должен быть дома. Попросите его сейчас же прибыть в управление. Скажите, что мы задержали одного парня, которого надо немедленно допросить.

— Что вами движет, Клусарр? — спросил Бейли, когда Р. Дэниел вышел из комнаты.

— Я требую адвоката.

— Вы его получите. А пока лучше расскажите, к чему вы, медиевисты, стремитесь.

Клусарр отвернулся, храня решительное мол-

чание.

— Да, нам известно все и о вас, и о вашей организации. Я не беру вас на пушку. Мне просто самому хочется услышать, что же вам, медиевистам, нужно?

— Назад к Земле, — сдавленным голосом сказал Клусарр. — Просто, не так ли?

— Просто на словах, — возразил Бейли. — Труднее в деле. Сумеет ли Земля прокормить восемь миллиардов ртов?

— Разве я сказал, что это произойдёт в один день? Или за год? Или же за сотню лет? Шаг за шагом, мистер полисмен. Неважно, сколько времени это займёт, пусть только нас выпустят из пещер, в которых мы живём. Пусть нам дадут выйти на свежий воздух…

— А вам самому доводилось побывать там хоть раз?

Клусарр съёжился.

— Ладно, меня уж не переделаешь. Но дети-то ещё не испорчены. Каждый день новые рождаются. Выпустите их наружу, чёрт возьми! Пусть у них будет простор, и воздух, и солнце. А если нужно, мы готовы постепенно сократить население.

— Другими словами, назад, в невозможное прошлое, да? — Бейли сам не понимал, почему

спорит, и лишь ощущал какое-то лихорадочное возбуждение. — Разве нет пути вперёд? Зачем сокращать население? Ведь его можно вывезти на другие планеты. «Назад к природе»! Хорошо. Но к природе других планет! Осваивайте их!

Клусарр хрипло рассмеялся:

— Для чего? Чтобы появились новые Внешние Миры? Чтобы стало больше космонитов?

— Ничего подобного. Внешние Миры основаны людьми, не знавшими стальных городов, землянами, которые были индивидуалистами и материалистами. Этими качествами они обладали в избытке. Мы же довели да абсурда нашу зависимость друг от друга, нашу модернизацию. Соединение того и другого на новой основе может привести к появлению совершенно необычной цивилизации, не похожей ни на древнюю Землю, ни на Внешние Миры. Что-то новое и хорошее.

Бейли сознавал, что, как попугай, повторяет доводы доктора Фастольфа, однако слова лились у него сами собой, будто он давным-давно обдумал все это.

— Глупости! — воскликнул Клусарр. — Какой дурак согласится оставить обжитое место ради пустых миров?

— Согласятся многие. И вовсе они не дураки.

Им помогут роботы.

— Никогда! — снова вспыхнул Клусарр. — Роботы — ни за что на свете.

— Почему, ради всего святого? Я тоже их не люблю, но жизнь мне дороже всяких предрассудков, — убеждал Бейли. — Почему мы боимся роботов? Все дело, скажу я вам, в нашем комплексе неполноценности. Мы все чувствуем себя ниже космонитов и ненавидим это чувство. А нам нужно хоть в чём-то кого-то превосходить, и нас бесит, что мы не можем позволить себе это даже в отношении роботов. Нам кажется, что они лучше нас, только это неверно. Вот в чём ирония, чёрт возьми!

Бейли испытывал необычайное возбуждение.

— Возьмите этого Дэниела, с которым я пробыл больше двух дней, — продолжал он. — Он выше меня ростом, сильнее и интереснее, чем я. В общем, похож на космонита. У него память лучше, и знает он больше моего. Ему не нужно ни спать, ни есть. Его не тревожат ни болезни, ни паника, ни любовь, ни чувство вины.

Но всё-таки он — машина. Я могу сделать с ним всё, что захочу. Как с этими микровесами. Вот я ударил по ним, и они не могут дать мне сдачи. Не сделает этого и Дэниел. Я могу заставить его

прикончить себя бластером, и он подчинится.

Нельзя построить робота, который мог хотя бы сравниться с человеком в том, что нам дороже всего. Мы не можем наделить робота чувством прекрасного, сознанием эстетических и религиозных ценностей. Его позитронный мозг не в силах ни на йоту оторваться от совершенного практицизма.

Мы не можем сделать такого робота, чёрт его побери, не можем! И не сможем до тех пор, пока сами до конца не разберёмся, отчего тикает наш собственный мозг. Пока существуют непонятные науке явления. Что такое красота, любовь, доброта, искусство, наконец? Мы вечно топчемся на грани неизведанного и пытаемся понять то, что недоступно пониманию. Именно это и делает нас людьми!

Мозг же робота мыслит законченными категориями. Он рассчитывается до последнего десятичного знака и имеет конец. Создать иной мозг пока невозможно. Так чего же боитесь, чёрт побери! Робот может принять обличье человека, быть красивым, как бог, но он не больше человек, чем кусок дерева. Неужто вы не понимаете этого?

Клусарр попытался несколько раз прервать

поток красноречия детектива, но безуспешно. А теперь, когда Бейли замолчал, он тихо сказал:

— Полицейский превратился в философа. Ну и дела…

В комнату вошёл Р. Дэниел.

Бейли хмуро взглянул на него, отчасти потому, что ещё не совсем остыл, отчасти из-за новой волны раздражения.

— Почему вы задержались? — спросил он.

— Я разыскивал комиссара Эндерби, Илайдж. Оказалось, что он до сих пор находится в Управлении у себя в кабинете.

Бейли взглянул на часы.

— Как так? Почему?

— Там произошли неприятности. В Полицейском управлении обнаружен труп.

— Не может быть! Ради бога, чей?

— Рассыльного Р. Сэмми.

Бейли помолчал, а потом со злостью заметил:

— Вы, кажется, сказали «Труп»?

— Извините, обнаружен робот с полностью деактивированным мозгом, — поправился Р. Дэниел.

Клусарр неожиданно разразился смехом. Бейли повернулся к нему и мрачно предупредил:

— Держите язык за зубами. Слышите?

Он подчёркнутым движением отстегнул ремешок бластера. Клусарр хранил полное молчание.

— Ну и что такого? — обернулся Бейли к роботу. — Р. Сэмми отдал концы. Велика важность.

— Комиссар Эндерби не сказал этого прямо, Илайдж, но у меня создалось впечатление, что комиссар считает, что кто-то умышленно деактивировал мозг Р. Сэмми.

И так как Бейли не отозвался на это сообщение, Р. Дэниел добавил серьёзно:

— Или, если хотите, убил его.

16. Мотивы преступления

Бейли расстегнул ремешок бластера, но не отнимал руки от приклада.

— Идите к выходу «Б» семнадцатой улицы, — приказал он Клусарру.

— Я так и не поел, — пожаловался Клусарр.

— Не надо было швырять еду на пол, — нетерпеливо отозвался Бейли.

— Но мне положен обед.

— В тюрьме вас накормят. А если разок и не поедите, то с голоду не помрёте. Ну, пошли!

Все трое стали молча пробираться по запутанным коридорам здания «Нью-Йорк Йист». Клусарр вышагивал впереди, за ним следовал Бейли; замыкал шествие Р. Дэниел.

После того как Бейли и Р. Дэниел отметились в приёмной, а Клусарр оформил увольнительную и попросил прибрать весовую, они вышли наружу к машине Бейли. И тут Клусарр неожиданно остановился, шагнул к Р. Дэниелу и, развернувшись, едва не влепил роботу сильнейшую пощёчину.

— Какого чёрта! — Бейли рванулся к Клусарру и крепко обхватил его.

Клусарр не оказывал никакого сопротивления.

— Всё в порядке. Я не убегу. Просто хотел проверить ваши слова. — Он насмешливо улыбался.

Р. Дэниел увернулся от удара, и хотя рука Клусарра всё же задела его по щеке, следов пощёчины на ней не было видно. Он спокойно посмотрел Клусарру прямо в глаза.

— Вы поступили опрометчиво, Фрэнсис, — заметил он. — Если бы я не отклонился, вы бы могли повредить себе руку. Во всяком случае, я сожалею, что причинил вам боль.

Клусарр рассмеялся.

— Садитесь в машину, Клусарр. И вы тоже, Дэниел. Сядьте рядом с ним на заднее сиденье, да смотрите, чтобы он не шелохнулся. Даже если это будет стоить ему сломанной руки. Это — приказ.

— А как же Первый Закон? — издевался Клусарр.

— У Дэниела хватит сил и сноровки вовремя остановить вас, не причинив вреда. Впрочем, если бы при этом он покалечил вас немного, это пошло бы вам на пользу.

Бейли сел за руль, и машина начала набирать скорость. Упругий ветер растрепал волосы Бейли и Клусарра; гладкая же причёска Р. Дэниела не пострадала.

— Мистер Клусарр, почему вы боитесь роботов? Из опасения потерять работу? — негромким голосом спросил Р. Дэниел.

Бейли не мог обернуться, чтобы увидеть выражение лица Клусарра, но был уверен, что на нём должно быть написано крайнее отвращение и что Клусарр сидит в напряжённой позе, отодвинувшись как можно дальше от Р. Дэниела.

— Боюсь не только за себя, а за своих детей. За судьбу всех детей, — послышался голос Клусарра.

— Можно принять надлежащие меры, — сказал робот. — Если бы вы согласились, например, готовить детей к эмиграции…

— Так вот оно что? — прервал его Клусарр. — То-то полицейский толкует об эмиграции. Оказывается, его натаскали роботы. А может, он и сам робот?

— Эй ты, не увлекайся! — крикнул на него Бейли.

Р. Дэниел сказал ровным голосом:

— Школа подготовки для эмиграции гарантировала бы всем безопасность, определённый класс и карьеру. Если вы заботитесь о своих детях, вам следует обдумать эту возможность.

— Не нужны мне никакие подачки ни от ро-

ботов, ни от космонитов, ни от дрессированных гиен из правительства.

Все трое снова погрузились в тишину автотуннеля, нарушаемую лишь ровным урчание мотора да шелестом шин по мостовой.

В Полицейском управлении Бейли выписал ордер на арест и отправил Клусарра на попечение соответствующих лиц. Затем он вместе с Р. Дэниелом поднялся по мотоспирали на верхние этажи управления.

Р. Дэниел нисколько не удивился тому, что они не воспользовались лифтами, впрочем, Бейли и не ожидал увидеть на его лице признаков удивления. Он уже начал привыкать как к поразительным способностям робота, так и к его смирению, и потом перестал принимать в расчёт его чувства. Конечно, логичнее всего было бы на скоростном лифте покрыть расстояние, отделяющее сектор предварительного заключения от штаба управления. Тем более, что эскалатором, носившим название мотоспирали, обычно пользуются, чтобы подняться на два, самое большое на три этажа. Чиновники самых различных рангов то и дело входили и сходили с эскалатора, оставаясь на нём около минуты. Только Бейли и Р. Дэниел продолжали медленно и упорно подни-

маться вверх.

Бейли нужно было какое-то время, чтобы привести в порядок свои мысли. Даже эти несколько минут будут для него желанной передышкой перед тем, как в штабе он снова погрузится в сложные перипетии необычного дела.

Как медленно ни двигалась лента мотоспирали, её скорость казалась ему слишком высокой.

— Следовательно, выходит, что мы не будем пока допрашивать Клусарра, — сказал Р. Дэниел.

— Он подождёт. Надо сначала узнать, что стряслось с этим Р. Сэмми, — раздражённо ответил Бейли. И добавил вполголоса, больше самому себе, чем Р. Дэниелу:

— Не думаю, что это случайное совпадение: здесь должна быть какая-то связь…

— Жаль, — заметил Р. Дэниел. — Мозговые характеристики Клусарра…

— А что с ними такое?

— Они изменились странным образом. Могли бы вы рассказать, что произошло между вами в моё отсутствие?

— Ничего особенного. Я прочитал ему проповедь. Втолковал евангелие от Святого Фастольфа, — ответил Бейли рассеянно.

— Я не понимаю вас, Илайдж.

Бейли вздохнул.

— О господи. Ну пытался объяснить, что нам следует использовать роботов и перебросить излишек населения на другие планеты. Хотел выбить у него из головы всю эту медиевистскую чушь. Бог знает зачем. Никогда не думал, что превращусь в миссионера. Во всяком случае, так оно выглядело.

— Понятно. Кое-что мне становится ясным. Вы говорили ему что-нибудь о роботах, Илайдж?

— Вас это в самом деле интересует? Я сказал, что роботы — это просто машины. В данном случае я читал евангелие от Святого Джерригела. Между прочим, евангелий, кажется, может быть сколько угодно.

— Вы случайно не говорили ему, что робота можно ударить без опасения получить ответный удар, как любой механический предмет?

— Кроме боксёрской груши, пожалуй… Да, говорил. Но как вы догадались? — Бейли с удивлением посмотрел на робота.

— По обнаруженным у него церебральным изменениям, — ответил Р. Дэниел.

— Становится понятной и его попытка ударить меня по лицу. Он, вероятно, думал над тем, что вы ему сказали, и решил сразу проверить на

практике ваше утверждение. Тем самым он дал выход своей агрессивности и удовлетворил своё желание унизить меня. Эти мотивы, а также дельта-колебания…

Он помолчал, а потом сказал:

— Да, весьма интересно. Теперь, кажется, я смогу сложить все эти данные в единое целое.

Они приближались к цели своей поездки, и Бейли спросил у Р. Дэниела который час.

Он раздражённо подумал, что гораздо быстрее мог сам узнать это по своим часам. Тем не менее он сознавал, почему обратился к роботу. Причины были почти те же, что и у Клусарра, когда тот дал Р. Дэниелу пощёчину. Задавая ему этот несложный вопрос, на который тот должен ответить, он как бы подчёркивал, что Р. Дэниел всего-навсего робот и, наоборот, что Бейли — живой человек.

«Все мы одним миром мазаны», — подумал Бейли.

— Двадцать десять, — сказал Р. Дэниел.

Они сошли с мотоспирали, и несколько секунд Бейли владело то странное ощущение, которое возникает, когда организм перестраивается от состояния длительного и равномерного движения к покою.

— А ведь я так и не поел, — вспомнил вдруг Бейли. — Проклятая работа.

Бейли увидел и услышал комиссара Эндерби через открытую дверь его кабинета. В общей комнате не было ни души, и голос Эндерби прозвучал в ней с неожиданным резонансом. Его лицо казалось беззащитным и голым без очков, которые он держал в одной руке; другой рукой он прикладывал тонкую бумажную салфетку к своему гладкому лбу.

— Наконец-то! Где это вас носит, Бейли? — почти прокричал он.

Бейли пропустил вопрос мимо ушей и в свою очередь спросил:

— Что здесь происходит? Куда девалась вечерняя смена? — И тут он заметил, что, кроме них, в кабинете находится ещё один человек.

— Доктор Джерригел! — не удержался от восклицания Бейли.

Комиссар надел очки и пристально посмотрел на Бейли.

— Все сотрудники внизу на допросе. Подписывают свои показания. Я чуть с ума не сошёл, пытаясь разыскать вас. Ваше отсутствие могло показаться странным.

— Моё отсутствие!… — возмутился Бейли.

— Отсутствие любого. Не знаю, кого подозревать, но всем нам это чертовски дорого обойдётся. Боже, какая неприятность! Какая дьявольская неприятность!

Он поднял руки, словно взывая к небесам, и при этом взгляд его упал на Р. Дэниела.

«Впервые ты смотришь ему прямо в лицо. Присмотрись к нему хорошенько, Джулиус», — подумал язвительно Бейли.

— Ему тоже придётся дать показания, — вполголоса сказал Эндерби. — Я и то был вынужден сделать это. Я!

— Послушайте, комиссар, — сказал Бейли, — отчего бы не предположить, что мозг Р. Сэмми вышел из строя сам по себе? Почему вы решили, что его кто-то прикончил?

Комиссар тяжело опустился на стул.

— Спросите у него, — кивнул он на доктора Джерригела.

Доктор Джерригел откашлялся.

— Право, не знаю, с чего начать, мистер Бейли, — сказал он. — Мне показалось, что вас удивило моё присутствие здесь.

— Более или менее, — неопределённо ответил Бейли.

— Дело в том, что я не торопился возвращаться

в Вашингтон, так как мне редко выпадает возможность бывать в вашем городе. Кроме того, — и это самое главное — я счёл бы за преступление покинуть Нью-Йорк, не попытавшись ещё раз повидать вашего чудесного робота, которого я с таким удовольствием хотел бы изучить поближе. Тем более, что вы привели его с собой…

— Это совершенно исключено, — прервал его Бейли.

— Не сейчас, конечно. Может быть, позже? — огорчённо спросил роботехник.

Длинное лицо Бейли было непроницаемым.

— Я звонил вам, но вас не оказалось на месте, и никто не знал, где вы… — продолжал доктор Джерригел. — Тогда я поговорил с комиссаром, и он предложил прийти сюда и подождать вас здесь…

— Я подумал, что он может понадобиться, — вмешался комиссар Эндерби. — Вы ведь хотели его видеть.

— Спасибо, — кивнул Бейли.

— К сожалению, то ли поводок был неисправен, то ли в своём возбуждении я им неправильно пользовался. Так или иначе я по ошибке попал в какую-то комнату…

— На склад фотоматериалов, Лайдж, — снова

вступил комиссар.

— Да, да, — закивал Джерригел. — И там на полу во весь рост лежал робот. После беглого осмотра у меня не оставалось никаких сомнений, что он полностью деактивирован. По-вашему — мёртв. Так же легко было установить причину деактивации.

— Какая она? — спросил Бейли.

— В правой руке робота был зажат небольшой продолговатый предмет длиной около двух дюймов со слюдяным окошком на конце, — объяснил доктор Джерригел. — Этим предметом, который оказался альфа-излучателем, он касался своего виска. Вы, видимо, знаете, что такое альфа-излучатель?

Бейли кивнул. Для этого ему не нужно было лазить в словарь или справочник. Ещё на лабораторных занятиях по физике ему не раз приходилось иметь дело с этим нехитрым устройством; оно состояло из овального корпуса свинцового сплава с узким каналом посередине, в конце которого помещалось небольшое количество соли плутония. С одного конца канал прикрывался слоем слюды, пропускающей альфа-частицы. Именно сквозь неё наружу вырывался поток жёсткого излучения.

Альфа-излучатель предназначался для самых различных целей, но отнюдь не для уничтожения робота.

— Он, конечно, направил альфа-излучатель на себя? — полувопросительно сказал Бейли.

— Разумеется, — ответил доктор Джерригел, — и все позитронные мозговые связи были немедленно расстроены. Мгновенная смерть, так сказать.

Бейли повернулся к бедному комиссару:

— Ошибки не произошло? Это действительно был альфа-излучатель?

Комиссар кивнул, выпятив свои пухлые губы.

— Несомненно. Счётчики среагировали на него с десяти футов. Фотоплёнка оказалась засвеченной. Так что тут всё ясно.

Он задумался над чем-то, затем резко сказал, обращаясь к роботехнику:

— Доктор Джерригел, боюсь, что вам придётся задержаться в городе на день-два, пока мы не запишем ваши показания на плёнку. Я прикажу проводить вас в отдельную комнату. Надеюсь, вы не будете возражать против охраны?

— А вы считаете, что это необходимо? — спросил, нервничая, доктор Джерригел.

— Так будет вернее.

Окончательно растерявшись, доктор Джерри-

гел пожал всем руки, в том числе и Р. Дэниелу, и вышел.

Комиссар тяжело вздохнул.

— Это сделал кто-то из наших, Лайдж. Вот что меня беспокоит. Посторонний не стал бы заходить в управление, чтобы только прикончить робота. Их сколько угодно снаружи, да там и безопаснее. К тому же не каждый может достать альфа-излучатель.

В разговор вступил Р. Дэниел. Его холодный, ровный голос звучал резким контрастом по сравнению с взволнованными словами комиссара.

— Но каков мотив данного убийства? — спросил он.

Комиссар с явным неодобрением взглянул на Р. Дэниела и отвернулся.

— Мы тоже люди. Почему полицейский должен лучше других относиться к роботам? Этого уничтожили, и, возможно, кому-то на душе полегчало. Кстати, Лайдж, помните, как он раздражал вас?

— Едва ли это может послужить поводом для убийства, — возразил Р. Дэниел.

— Конечно, нет, — решительно поддержал его Бейли.

— Да это и не убийство, — заметил комиссар.

— На юридическом языке это квалифицируется лишь как порча имущества. Но произошло это в управлении. Если бы не в управлении, все бы обошлось. А теперь это раздуют в первоклассный скандал. Итак, Лайдж!

— Да?

— Когда вы в последний раз видели Р. Сэмми?

— Р. Дэниел разговаривал с ним после обеда, — ответил Бейли. — Что-то около тринадцати тридцати. Он договорился, что мы займём ваш кабинет, комиссар.

— Мой кабинет? Зачем?

— Мне нужно было поговорить с Р. Дэниелом наедине. Вас не было, а ваш кабинет самое удобное для этого место.

— Ясно, — многозначительно произнёс комиссар. — Значит, вы сами не видели его?

— Нет, но часом позже слышал его голос.

— Вы уверены, что это был он?

— Абсолютно.

— Это было около четырнадцати тридцати?

— Возможно, немного раньше.

Комиссар задумчиво закусил нижнюю губу.

— Ну что ж, одно стало мне ясно.

— Вот как?

— Да. Сегодня здесь был этот парень — Винсент

Бэррет. Вы об этом знали?

— Знал. Но, комиссар, он не способен на это.

Комиссар поднял глаза на Бейли.

— Почему? Р. Сэмми отнял у него работу. Я его понимаю. Он должен чувствовать себя несправедливо обиженным. Как и всякому бы на его месте. Дело, однако, в том, что он вышел из здания в четырнадцать ноль ноль, а вы говорите, что слышали Р. Сэмми в четырнадцать тридцать. Правда, он мог передать роботу альфа-излучатель раньше с приказом применить его через час. Но где он достал его? Непостижимо! Вернёмся к Р. Сэмми. Так что вам сказал Р. Сэмми в четырнадцать тридцать?

Бейли какое-то мгновение заколебался, а затем осторожно сказал:

— Не помню. Мы сразу ушли.

— Куда вы направились?

— В Йист-таун… — Комиссар потёр подбородок. — Сюда, оказывается, приходила Джесси. Видите ли, мы проверяли списки всех посетителей, и я натолкнулся на её имя.

— Да, приходила, — холодно сказал Бейли.

— С какой целью?

— По личным делам.

— Её придётся тоже допросить. Не волнуйтесь,

это простая формальность.

— Я знаком с порядками, комиссар. Между прочим, как насчёт альфа-излучателя? Удалось установить, откуда он?

— О да! С одной из энергостанций.

— Как они объясняют потерю излучателя?

— Никак. Понятия не имеют. Послушайте, Лайдж, вас лично все это не касается. Кроме того, что вы дадите лишь формальные доказательства. Занимайтесь своим делом. Вот и всё… Занимайтесь свои расследованием.

— Разрешите дать показания несколько позднее, комиссар, — возразил Бейли. — Дело в том, что я с утра ничего не ел.

Комиссар Эндерби направил на Бейли свои очки.

— Конечно, конечно, Лайдж… Только не выходите из управления, ладно? Кстати, ваш напарник прав (казалось, он не хотел обращаться непосредственно к Р. Дэниелу или называть его по имени): нам действительно нужно найти мотив преступления. Мотив…

Бейли внезапно почувствовал, как похолодело у него внутри.

Вроде бы сами по себе, как бы мимо его воли, события сегодняшнего дня, и вчерашнего, и дня

накануне стали мелькать перед ним, подгоняясь одно к другому. И снова перед ним начала возникать картина.

— Какой энергостанции принадлежал альфа-излучатель, комиссар? — спросил он.

— Уильямсбургской. А что?

— Так, ничего.

Когда Бейли и шедший за ним по пятам Р. Дэниел выходили из кабинета, до них донёсся голос комиссара Эндерби, который бормотал про себя:

— Да, мотив, мотив…

Бейли сидел в небольшом неуютном кафе управления за своим скромным ужином. Он поглощал фаршированные томаты с салом, не замечая, что ест, и даже когда на картонной тарелке не осталось ни крошки съестного, он несколько раз бесцельно ковырнул её вилкой в поисках того, чего там уже не было.

Наконец он опомнился и, вполголоса чертыхнувшись, положил вилку на стол.

— Дэниел, — позвал он робота.

Р. Дэниел сидел за соседним столиком, словно не хотел мешать размышлениям Бейли или же искал уединение сам. Впрочем, это меньше всего интересовало Бейли.

Р. Дэниел поднялся со своего места и сел рядом

с детективом.

— Да, партнёр Илайдж?

Бейли не повернул головы.

— Дэниел, мне нужна ваша помощь.

— Чем я могу вам помочь?

— Меня и Джесси подвергнут допросу. Это не вызывает сомнений. Я буду отвечать, как сочту нужным. Вы меня поняли?

— Конечно, я понял то, что вы сказали. Однако если мне зададут прямой вопрос, я смогу ответить только то, что есть на самом деле.

— Если вам зададут такой вопрос — тогда другое дело. Я прошу только самому не вмешиваться в разговор. Вы ведь можете это сделать?

— По-видимому, Илайдж; если, не окажется, что моё молчание может причинить вред человеку.

Бейли сказал мрачно:

— Если заговорите, вы причините вред мне. Уж можете поверить.

— Но я не совсем понимаю вашу точку зрения, Илайдж. Дело Р. Сэмми вовсе не должно нас беспокоить.

— Вы так думаете? Всё сводится к мотиву преступления, не так ли? Зачем кому-то понадобилось уничтожать Р. Сэмми? Вы не можете ответить на этот вопрос. Мы с комиссаром тоже

не знаем ответа. Учтите, дело не в том, что кто-то решился на уничтожение робота вообще. Фактически любой житель Земли мог пойти на это. Вопрос в том, почему выбрали именно Р. Сэмми. Это мог сделать Винсент Бэррет, но комиссар утверждает, что он не сумел бы достать альфа-излучатель, и он прав. Надо искать в другом месте, и надо сказать, что у одного человека такой мотив есть. Он очевиден. Он просто кричит о себе.

— Кто этот человек, Илайдж?

И Бейли сказал тихим голосом:

— Это я, Дэниел.

Даже после такого заявления лицо Р. Дэниела осталось бесстрастным. Он лишь покачал головой.

— Вы не согласны, — продолжал Бейли. — Сегодня сюда приходила моя жена. Им это уже известно. Комиссара заинтересовал этот факт. Не будь у нас с ним приятельских отношений, он бы не прекратил допрос так быстро. Но они узнают, зачем она приходила. Это точно. Она оказалась замешанной в заговоре, каким бы глупым и безобидным он ни был. Ничто не может больше скомпрометировать полицейского, чем это. Отсюда логический вывод: я должен был попытаться замять это дело. Дальше. Кто знал об

этом? Мы с вами, Джесси и, конечно, Р. Сэмми. Он видел, в каком она была ужасном состоянии. И когда Р. Сэмми сказал ей, что мы велели никого к нам не пускать, она, вероятно, совсем потеряла контроль над собой. Вы помните, какая она была, когда вошла.

— Я не думаю, что она сказала что-нибудь компрометирующее вас, — усомнился Р. Дэниел.

— Может быть, и нет. Но я восстанавливаю события так, как это сделают они. Вот вам и мотив. Я убил Р. Сэмми, чтобы заставить его молчать.

— Они этого не подумают.

— Именно это и придёт им в голову! Убийство подстроено таким образом, чтобы подозрение пало на меня. Возьмите хотя бы орудие преступления. Его трудно заполучить, но зато легко обнаружить. Поэтому истинный преступник и избрал альфа-излучатель, а чтобы не оставалось никаких сомнений, приказал роботу идти на фотосклад и там прикончить себя. Даже если бы они каким-то чудом проглядели излучатель, засвеченная плёнка тотчас же навела бы их по правильную мысль.

— Но какое отношение это имеет к вам, Илайдж?

Бейли слегка усмехнулся, но было видно, что

ему совсем не до смеха.

— Самое прямое. Альфа-излучатель похищен с Уильямсбургской станции. Вчера мы с вами были на этой станции. Нас там видели, и это несомненно выплывет наружу. Вот вам и то, как достал оружие, вот и мотив преступления. Может получиться и так, что мы с вами были последними, кто видел Р. Сэмми в живых… за исключением настоящего убийцы, разумеется.

— Я был с вами на энергостанции и могу засвидетельствовать, что у вас не было возможности похитить альфа-излучатель.

— Спасибо, — печально отозвался Бейли, — но вы — робот, и ваши показания не имеют силы.

— Комиссар ваш друг. Он меня выслушает.

— Комиссар держится за своё место, а я и так доставил ему много хлопот. Есть только один путь к спасению.

— Да?

— Я задаю себе вопрос: почему меня впутывают в эту историю? Очевидно, чтобы отделаться от меня. Но зачем? Видимо, я представляю для кого-нибудь опасность. Я стараюсь быть предельно опасным для убийц доктора Сартона. Поэтому, может быть, и для медиевистов или, по крайней мере, для их верхушки. Именно они могли

проследить нас до энергостанции, хотя нам показалось, что мы ускользнули.

Вполне возможно, что если я найду убийцу доктора Сартона, то обнаружу того или тех, кто старается убрать меня с пути. Если я как следует все обдумаю, если докопаюсь до сути, если только я раскушу этот орешек, я — спасён. И Джесси тоже. Я не могу допустить, чтобы она… — Он замолчал. Его кулаки судорожно сжимались и разжимались. — У меня мало времени. У меня очень мало времени.

С внезапной надеждой Бейли посмотрел на чеканное лицо Р. Дэниела. Что бы о нём не говорили, это было сильное, преданное и лишённое всякого эгоизма существо. Что ещё можно требовать от друга? Бейли нужен был друг, и у него не хватало ни времени, ни желания придираться к тому, что вместо сердца у Р. Дэниела какой-то механизм. Но Р. Дэниел с сомнением покачал головой.

— Мне очень жаль, Илайдж, — сказал робот без тени сожаления на лице, что было вполне естественно, — но я не предвидел всего этого. Возможно, мой поступок причинит вам вред. Я сожалею, но этого требует общее благо.

— Какое ещё общее благо? — едва слышно проговорил Бейли.

— Я связался с доктором Фастольфом.

— Боже мой! Когда?

— В то время, как вы ужинали.

Бейли стиснул зубы.

— Ну? — процедил он. — Что ещё случилось?

— Вам придётся доказывать свою невиновность в убийстве Р. Сэмми не используя для этого расследование обстоятельств убийства моего конструктора, доктора Сартона. Жители Космотауна на основании представленных мною данных решили сегодня прекратить расследование и начать подготовку к эвакуации Космотауна с Земли.

17. Конец проекта

Бейли с отрешённым видом посмотрел на свои часы. Они показывали 21:45. Через два с четвертью часа наступит полночь. Сегодня он встал около шести и вот уже два с половиной дня находится в постоянном нервном напряжении. У него было смутное ощущение нереальности всего происходящего.

Он вынул свою трубку и стал шарить по дну кисета в поисках драгоценных остатков табака.

— Так в чём всё-таки дело, Дэниел? — с трудом спросил он ровным голосом.

— Вы не поняли? Разве это не ясно?

— Я не понял. Мне не ясно, — терпеливо повторил Бейли.

— Мы находимся здесь, — сказал Дэниел (я подразумеваю жителей Космотауна), — чтобы разбить оболочку, окружающую Землю, и вынудить её жителей отправиться на новые планеты.

— Я это знаю. Можете не развивать свою теорию.

— Но это очень важно, и потому я должен. Если мы и хотели добиться наказания лица,

виновного в убийстве доктора Сартона, то, как вы понимаете, вовсе не потому, что надеялись вернуть доктора Сартона к жизни: наша неудача могла бы только укрепить позиции противников Космотауна на Внешних Мирах.

— А сейчас, — внезапно вспыхнул Бейли, — вы вдруг решили по собственной воле отправиться восвояси? Во имя неба, почему? Разгадка дела Сартона близка. Очень близка, иначе они бы не старались изо всех сил покончить со мной. У меня такое ощущение, что мы располагаем всеми необходимыми фактами. Ответ сидит где-то здесь. — Он постукал себя по лбу костяшками пальцев. — Не хватает одной фразы. Может быть, одного слова!

Он отчаянно зажмурил глаза, словно надеялся, что дрожащая, полупрозрачная пелена, в течение нескольких дней висевшая у него перед глазами, наконец спадает, и всё прояснится. Но этого не произошло. Этого не произошло.

Бейли шумно вздохнул. Он досадовал на самого себя. Распустил нюни перед этой холодной, бесчувственной машиной, способной лишь молча глазеть на тебя.

— Ну ладно. Забудем об этом, — сказал он хриплым голосом. — Почему космониты всё-таки

решили сорваться с места?

— Наш проект завершён, — пояснил робот. — Мы удовлетворены тем, что жители Земли способны на колонизацию.

— Откуда вдруг такой оптимизм? — Бейли сделал первую глубокую затяжку и почувствовал, что начинает понемногу овладевать собой.

— Уже в течение длительного времени мы, жители Космотауна, пытаемся изменить Землю, меняя её экономику. Мы пытались внедрить на Земле цивилизацию C/Fe. Правительство вашей планеты, а также правительства некоторых городов сотрудничали с нами, поскольку это было необходимо. И всё же за двадцать пять лет мы не добились ничего. Чем большие усилия мы прилагали, тем сильнее становилось движение медиевистов.

— Все это мне известно, — сказал Бейли, а про себя подумал: «Бесполезно просить. Он не замолчит, пока не выложит все. Чёртова машина!»

А Р. Дэниел тем временем продолжал:

— Доктор Сартон первым выдвинул идею коренного изменения тактики. Согласно его теории, нам надо было найти среди землян тех, чьи желания совпадают с нашими желаниями, или тех, кто поддаётся убеждению. Мы передали

бы этим людям инициативу, чтобы новое движение разрасталось внутри, а не насаждалось извне. Труднее всего было найти таких людей. Вы сами, Илайдж, стали объектом интересного эксперимента.

— Я? Я? Да вы что? — удивился Бейли.

— Мы были рады, что комиссар рекомендовал вас. Мы решили, что по типу нервной деятельности вы подходящий экземпляр. А цереброанализ, которому я вас подверг при первой нашей встрече, подтвердил ваше суждение. Вы человек практического склада ума, Илайдж. Несмотря на ваш здоровый интерес к прошлому Земли, вы не вздыхаете по нему с сожалением. Но и современная городская культура также не кажется вам идеальной. Мы полагаем, что люди, подобные вам, снова могут повести землян к звёздам. Это одна из причин, по которой доктор Фастольф так хотел встретиться с вами вчера утром.

Надо сказать, ваша практичность имеет слишком ярко выраженный характер. Вы отказывались понимать, что фантастическое служение идеалу, даже ошибочному идеалу, может толкнуть человека на немыслимые в обычных условиях поступки. Например, пересечь ночью открытое пространство, чтобы уничтожить того,

кого он считает злейшим врагом своего дела. Поэтому мы не были слишком удивлены, что у вас хватило дерзости и упрямства стараться доказать фальсификацию убийства. В каком-то смысле это подтвердило вашу пригодность для эксперимента.

— Какого эксперимента, чёрт возьми? — Бейли стукнул кулаком по столу.

— Эксперимент заключается в том, чтобы убедить вас, что колонизация является решением проблемы Земли.

— Что ж, вам это удалось. Не стану отрицать.

— Да, однако не без помощи соответствующего лекарства.

Бейли разжал зубы, стискивавшие чубук трубки. Она вывалилась у него изо рта, но он успел подхватить трубку на лету. Он снова увидел себя в куполообразном жилище космонита. Вот он медленно приходит в себя от потрясения, которое получил, узнав, что Р. Дэниел всё-таки робот; пальцы Р. Дэниела оттягивали кожу на его руке; а под кожей, вначале отчётливо видимое, медленно рассасывается тёмное пятно инъекции.

— Что вы мне впрыснули? — спросил он прерывающимся голосом.

— Не волнуйтесь, Илайдж. Всего лишь слабое

лекарство, от которого ваш ум должен стать более восприимчивым.

— Поэтому я и поверил вашим словам. Так, что ли?

— Не совсем. Вы отказались верить тому, что было чуждо вашему образу мышления. Фактически результаты эксперимента несколько разочаровали нас. Доктор Фастольф надеялся, что вы станете фанатичным сторонником новой теории. Вместо этого вы всего лишь одобрили её, не больше. Мешал ваш практический ум. Это привело нас к выводу, что единственная наша надежда — романтически настроенные люди, но они, к сожалению, либо участвуют в движении медиевистов, либо сочувствуют ему.

Бейли невольно возгордился: ему стало приятно от мысли, что он устоял перед ними и разочаровал их. Пусть экспериментируют над кем-нибудь другим.

Он злорадно усмехнулся:

— И вот вы сдались и решили отправиться восвояси?

— Нет, это не так. Я только что сказал, что мы удовлетворены, поскольку Земля пойдёт на освоение новых миров. Вы сами подсказали нам ответ.

— Я? Каким образом?

— Вы говорили с Фрэнсисом Клусарром о преимуществах колонизации. Вы, видимо, говорили с увлечением. Эксперимент над вами помог добиться хотя бы этого. И в психоизлучении Клусарра произошли изменения. Незначительные, разумеется, но всё же изменения.

— По-вашему, мне удалось убедить его? Не верю.

— Нет, убеждение не приходит так скоро. Однако изменение данных его цереброанализа убедительно показало, что ум медиевиста открыт для такого убеждения. Я сам провёл небольшой эксперимент. Покидая Йист-таун и догадываясь, что могло произойти между вами в моё отсутствие, я спросил Клусарра, не согласился бы он послать своих детей в школу для эмигрантов. Он отверг эту идею, но и на этот раз его психоизлучение изменилось. Для меня очевидно, что подобный метод воздействия самый правильный.

Р. Дэниел умолк, а затем заговорил снова:

— То движение, которое вы называете медиевизмом, есть ничто иное, как стремление к новому. Правда, оно обращено к Земле, которая близко и имеет великое прошлое, но восприим-

чивая романтическая натура легко увлечётся видениями новых миров. Примером может служить Клусарр. Ведь вы только раз поговорили с ним. Как видите, Космотаун уже добился успеха, сам того не ведая. Скорее всего, мы сами, а не наши идеи действуют на вас раздражающе. Из-за нас ваши романтики стали медиевистами и объединились в организацию. В конце концов, именно они хотят порвать с установившимися традициями, а не правительство, заинтересованное в сохранении статус-кво. Нам надо покинуть Землю, оставить здесь несколько подобных мне роботов, которые при содействии таких землян, как вы, откроют школы для будущих завоевателей новых миров, и медиевист постепенно отвернётся от Земли. Ему понадобятся роботы, и он либо получит их от нас, либо построит их сам. Он создаст культуру C/Fe по собственному вкусу.

Для Р. Дэниела это была длинная речь. Он, видимо, понял это, так как после короткой паузы сказал:

— Я говорю вам все это для того, чтобы объяснить, почему необходимо сделать то, что может причинить вред вам лично.

Бейли с горечью подумал, что робот не может причинить вред человеку, если тот каким-либо

образом не сумеет доказать, что это делается для его же блага.

— Постойте, — сказал Бейли. — Одно практическое соображение. Вот вы отправитесь на свои миры и заявите, что житель Земли убил космонита и не получил наказания. Внешние Миры потребуют с нас контрибуцию. Хочу вас предупредить: Земля не потерпит подобного обращения. И тогда беды не миновать.

— Убеждён, что этого не произойдёт, Илайдж. Те у нас, кто может потребовать контрибуции, будут очень рады положить конец Космотауну. И мы это сделаем, если они откажутся от своих требований. Во всяком случае, мы на это рассчитываем. Мы будем жить с Землёй в мире.

— Но что будет со мной? — воскликнул Бейли хриплым голосом. — Комиссар сразу прекратит расследование убийства Сартона, если этого захочет Космотаун. Но останется дело Р. Сэмми, так как речь идёт о престиже управления. У него масса улик против меня. Он их предъявит. Я знаю. Это всё подстроено. Меня деклассируют, Дэниел. А что станет с Джесси. Её заклеймят как преступницу. А Бентли…

— Не думайте, Илайдж, что я не понимаю, в каком положении вы оказались. Тот, кто печёт-

ся о благе человечества, должен быть готов к лишениям. У доктора Сартона остались жена, двое детей, родители, сестра и много друзей. Все скорбят о его смерти и будут сожалеть, что не наказан его убийца.

— Тогда же почему не найти и не наказать его?

— В этом больше нет необходимости.

— Почему было не сказать сразу, что расследование вам понадобилось, чтобы изучить нас в особых условиях? — с досадой сказал Бейли. — Вам фактически наплевать, кто убил доктора Сартона.

— Мы бы хотели это узнать, — возразил Р. Дэниел холодно, — но для нас интересы общества всегда важнее интересов индивидуума. Дальнейшее расследование могло бы повредить положению, которое мы признаем удовлетворительным. Мы не может предугадать, насколько велик был этот вред.

— То есть вы хотите сказать, что убийцей может оказаться важная персона из медиевистов, а в данный момент космониты не хотят портить отношения со своими новоиспечёнными друзьями?

— Я бы так не сказал, но в ваших словах есть доля правды.

— Где же ваш контур справедливости, Дэниел? Какая же это справедливость?

— Имеются разные степени справедливости, Илайдж. Меньшая должна уступать большей, если она с ней несовместима.

Казалось, будто ум Бейли описывал кольца вокруг непроницаемой логики позитронного мозга Р. Дэниела и старался найти в нём лазейку, какое-нибудь слабое место.

— И вам самому не интересно, Дэниел? — продолжал допытываться Бейли. — Вы назвали себя детективом. Знаете ли вы, что это такое? Понимаете ли вы, что расследование — это не просто работа? Это — вызов. Столкновение двух умов: детектива и преступника. Можете ли вы покинуть поле битвы и признать себя побеждённым?

— Могу, если цель недостойна продолжения.

— И вам не будет жалко? Вы не испытываете чувства досады и разочарования? Неудовлетворённого любопытства?

Вообще не возлагавший больших надежд на своё красноречие, Бейли почти совсем сник под конец. А то, что он пытался взывать к «любопытству» робота, лишь напомнило ему его собственные аргументы, которые он приводил Клусарру четыре часа назад. Тогда-то он отчёт-

ливо представлял, какие особенности отличают человека от машины. Любопытство должно быть одной из них. Полуторамесячный котёнок может быть любопытным, но может ли обладать любопытством машина, пусть самая человекообразная?

Р. Дэниел словно повторил эти мысли, сказав:

— Что вы имеете в виду под любопытством?

Бейли постарался придать этому слову больше веса:

— Под любопытством мы подразумеваем желание расширить свои знания.

— Во мне существует такое желание, когда расширение знаний необходимо для выполнения поставленной задачи.

— Правильно, — язвительно сказал Бейли, — когда, например, вы интересуетесь контактными линзами Бентли, чтобы разузнать побольше о странных повадках землян.

— Совершенно верно, — ответил Р. Дэниел без намёка на то, что почувствовал сарказм собеседника. — Однако бесцельное расширение знаний, что, видимо, и означает термин «любопытство», ведёт к снижению эффективности. Мне положено избегать этого.

В этот самый момент с Бейли произошло то,

чего он ждал с таким отчаянием: пелена, застилавшая его мысленный взор, начала постепенно оседать, уступая место чёткому изображению.

Он как открыл рот, так и сидел пока говорил Р. Дэниел.

Он раньше не мог вообразить себе картину убийства во всей её полноте. Так в жизни не бывает. Почти не сознавая этого сам, он составлял её, составлял тщательно и кропотливо, но под конец наткнулся на одно-единственное противоречие. Одно противоречие, которое не обойдёшь и от которого не отмахнёшься. Покуда оно существовало, его сознание не могло добраться до разгадки, чтобы подвергнуть её анализу.

И вот теперь его осенило; противоречие исчезло — последняя деталь стала на своё место.

Наступившее просветление придало Бейли новые силы. К тому же он совершенно неожиданно сообразил, в чём слабость Р. Дэниела, слабость любой думающей машины. В голове промелькнула обнадёживающая мысль: эта штуковина должна понимать все дословно.

— Верно ли, — лихорадочно заговорил он, — что проект «Космотаун» завершается сегодня, а вместе с ним прекращается и расследование дела Сартона?

— Таково решение жителей Космотауна, — спокойно согласился Р. Дэниел.

— Но сегодняшний день ещё не кончился. — Бейли взглянул на часы. — Сейчас двадцать два тридцать. В нашем распоряжении ещё есть полтора часа.

Р. Дэниел не отвечал. Казалось, он размышлял над чем-то.

Бейли не давал ему передышки:

— Значит, проект существует до полуночи. Вы — мой партнёр, и расследование продолжается. — В спешке он говорил почти телеграфным текстом. — Будем работать, как прежде. Попытаемся ещё раз. Вашим это не повредит. Наоборот, только поможет. Даю слово. Если, по-вашему, я буду делать что-то не так — остановите меня. Я прошу дать мне всего полтора часа.

— Всё, что вы сказали, правильно, — ответил наконец робот. — День ещё не кончился. Я об этом не подумал, партнёр Илайдж.

«Ага, опять 'партнёр'», — пронеслось у Бейли. Он улыбнулся и сказал:

— Мне кажется, доктор Фастольф упоминал о фильме, сделанном на месте преступления?

— Да, упоминал.

— Могу я получить экземпляр?

— Да, партнёр Илайдж.

— Сейчас! Немедленно!

— Через десять минут, если можно воспользоваться передатчиком управления, — ответил Р. Дэниел.

На это ушло ещё меньше времени. Бейли не сводил глаз с небольшого алюминиевого ящика, который он держал в дрожащих руках. Слабые сигналы, поступавшие из Космотауна, образовали в нём определённую атомную схему.

В этот момент в дверях показался комиссар Джулиус Эндерби.

Он увидел Бейли, и его круглое лицо, до этого встревоженное, стало приобретать грозный вид.

— Слушайте, Лайдж Бейли, вы чертовски долго ужинаете.

— Я ужасно устал, комиссар. Извините, если задержал вас.

— Мне-то что, но… Пойдёмте-ка лучше в мой кабинет.

Бейли бросил быстрый взгляд на Р. Дэниела, но не встретил в его глазах сочувствия. Все трое вышли из кафетерия.

Джулиус Эндерби беспокойно шагал взад и вперёд по кабинету. Бейли, сам едва справлявшийся со своими нервами, наблюдал за ним, время от

времени украдкой поглядывая на часы. 22:45.

Комиссар сдвинул очки на лоб и энергично, до красноты потёр глаза. Потом он снова опустил очки на переносицу и моргая уставился на Бейли.

— Лайдж, — спросил он, — когда вы в последний раз были на Уильямсбургской станции?

— Вчера, после того как ушёл из управления. Наверное, около шести вечера, — ответил Бейли.

Комиссар покачал головой.

— Почему вы сразу об этом не сказали?

— Я собирался включить это в свои показания.

— Как вы туда попали?

— По пути на временную квартиру.

Комиссар резко остановился перед Бейли.

— Эта версия не пройдёт, Лайдж. Кому придёт в голову ехать через энергостанцию?

Бейли пожал плечами. Нет смысла объяснять, что их преследовали медиевисты и как они отделались от них. Во всяком случае, не сейчас. Поэтому он сказал:

— Если вы намекаете, что я имел возможность достать там альфа-излучатель, которым прикончили Р. Сэмми, что учтите, что со мной был Р. Дэниел. Он подтвердит, что я ни на минуту там не останавливался и вышел оттуда без альфа-излучателя.

Комиссар медленно опустился на стул. Он не смотрел в сторону Р. Дэниела и, видимо, не намеревался с ним говорить. Он положил перед собой на стол свои белые пухлые руки и стал рассматривать их с выражением крайнего страдания на лице.

— Лайдж, — проговорил он наконец, — я просто не знаю, что и подумать. Вы ведь понимаете, что ваш… ваш партнёр не может обеспечить вам алиби. Его показания не имеют силы.

— Я всё же отрицаю, что брал альфа-излучатель.

Пальцы комиссара судорожно переплелись между собой и снова расходились.

— Лайдж, зачем приходила сюда Джесси?

— Вы уже спрашивали, комиссар. Ответ будет тот же: по наши частным делам.

— У меня есть показания Фрэнсиса Клусарра, Лайдж.

— Какие?

— Он утверждает, что Джезебел Бейли является членом медиевистского общества, ставящего своей целью свержение нынешнего правительства.

— Вы уверены, что это она? В городе много женщин, по фамилии Бейли.

— Но не Джезебел Бейли.

— Он назвал её этим именем?

— Да, он сказал Джезебел. Я слышал это собственными ушами.

— Что с того, что Джесси вступила в это безобидное общество тихопомешанных? Она только посещала собрания, в чём ужасно раскаивается.

— Едва ли это прозвучит убедительно для проверочной комиссии, Лайдж.

— Вы хотите сказать, что меня арестуют по подозрению в порче государственной собственности в виде Р. Сэмми?

— Надеюсь, что нет, Лайдж, но дела ваши плохи. Всем известно, что вы недолюбливали Р. Сэмми. Сегодня с вами разговаривала ваша жена. Она была в слезах, и нам удалось узнать кое-что из того, что она говорила. Сами по себе её слова звучали безобидно, но ведь очень нетрудно смекнуть, что к чему, Лайдж. У вас могло появиться желание заставить его замолчать. К тому же именно вы могли завладеть орудием преступления…

Бейли не дал ему договорить:

— Пожелай я уничтожить все улики против Джесси, стал бы я приводить сюда Фрэнсиса Клусарра? По-видимому, он знает о ней гораздо больше, чем было известно Р. Сэмми. Кроме того, я оказался на энергостанции за восемнадцать

часов до того, как Джесси встретилась с Р. Сэмми. Я ведь не ясновидец, чтобы заранее знать, что мне нужно будет уничтожить робота и сделать это именно альфа-излучателем.

— Неплохие аргументы, Лайдж, — заметил комиссар. — Я сделаю всё, что смогу. Мне очень жаль, Лайдж.

— Да? А вы сами верите в мою невиновность, комиссар?

— Говоря откровенно, Лайдж, — медленно сказал Эндерби, — я и сам не знаю, что думать.

— Тогда послушайте, что я думаю. Все это тщательно подстроенная провокация против меня.

Комиссар насторожённо выпрямился.

— Погодите, Лайдж. Не бейте вслепую. Защищаясь таким образом, вы ничего хорошего не добьётесь. Не один отпетый преступник пользовался этим приёмом.

— А я ничего и не добиваюсь. Я просто говорю правду. Меня хотят убрать с пути и не дать раскрыть убийство Сартона. К сожалению, мои друзья-провокаторы немного опоздали.

— То есть как это?

Бейли взглянул на часы. Они показывали 23:00.

— Я знаю, кому невтерпёж засадить меня за ре-

шётку, — сказал он. — Я знаю, как убили доктора Сартона и кто это сделал. У меня всего час, чтобы рассказать вам об этом, схватить виновного и закрыть расследование.

18. Конец расследования

Глаза комиссара Эндерби сощурились в недобром взгляде.

— Что вам нужно? Вчера утром у Фастольфа вы уже устроили один спектакль. С нас хватит.

— Я знаю, — кивнул Бейли. — В тот раз я ошибся.

«Потом ошибся ещё раз, — с яростью произнёс он про себя, — но не теперь, тут уж я не ошибусь...»

— Посудите сами, комиссар, — продолжал он. — Допустите, что улики против меня подтасованы, и тогда посмотрим, куда это нас приведёт. Задайте себе вопрос, кто это мог сделать? Видимо, тот, кто знал, что вчера вечером я был в Уильямсбурге.

— Ну ладно. Кто же этот человек?

— Уже в столовой меня начали преследовать несколько медиевистов. Я был уверен, что избавился от них, но, видимо, один из них заметил, что я проходил через станцию. Сделал я это, как вы понимаете, чтобы окончательно замести следы.

Комиссар задумался:

— Клусарр? Он был среди них?

Бейли кивнул.

— Хорошо, мы его допросим. Мы вытянем из него всё, что ему известно. Чем ещё я могу быть вам полезен, Лайдж?

— Подождите. Я хочу убедиться, что вы меня поняли.

— Давайте попробуем разобраться. — Комиссар снова сжал руки. — Клусарр сам или через члена его группы узнал, что вы вошли в Уильямсбургскую станцию. Он решил использовать этот факт против вас и отстранить вас от расследования. Вы это имели в виду?

— Приблизительно.

— Отлично, — оживился комиссар. — Он, естественно, знал, что ваша жена входит в его организацию, а потом рассчитал, что вы побоитесь предать это гласности. Он думал, что вы предпочтёте подать в отставку, чем опровергнуть косвенные улики против себя… Кстати, Лайдж, как насчёт отставки? Я хочу сказать, если дело примет действительно плохой оборот. Мы сумеем замять все это…

— Ни за что на свете, комиссар.

Эндерби пожал плечами.

— Да, так о чём я говорил? Ага, вспомнил. Так вот, по-видимому, через сообщника он достал альфа-излучатель и поручил кому-нибудь уничтожить Р. Сэмми. — Его пальцы слегка постукивали по столу. Не годится, Лайдж.

— Почему же?

— Слишком притянуто. Слишком уж много сообщников. И, между прочим, проверка показала, что у него есть железное алиби на ночь и утро убийства в Космотауне.

— Но ведь я не говорил, что убийца — Клусарр. Это предположим вы, комиссар, — заметил Бейли. — Им может быть любой медиевист. Клусарр лишь один из тех, кого узнал Р. Дэниел. Больше того, я не думаю, что он играет сколько-нибудь важную роль в медиевистской организации. Однако кое-что в нём кажется мне занятным.

— Что именно? — насторожился Эндерби.

— Он заявил, что знает Джесси. Неужели он помнит всех членов организации?

— Трудно сказать. Во всяком случае, Джесси он знает. Может быть, потому, что она жена полицейского или по другой причине.

— И он сразу сознался и сказал, что Джезебел Бейли — член их организации? Именно так и сказал: «Джезебел Бейли»?

Эндерби кивнул:

— Повторяю вам, я слышал это собственными ушами.

— Странная вещь, комиссар. Вам хорошо известно, что Джесси невзлюбила своё полное имя и давно отказалась от него. Это совершенно точно. К медиевистам же она примкнула много позже этого. И никогда не пользовалась полным именем. Как же мог Клусарр назвать её «Джезебел»?

Комиссар покраснел и поспешно ответил:

— О, простите, если так, то он, возможно, назвал её «Джесси». А я механически занёс её в протокол полным именем. В самом деле, так оно и было. Он сказал «Джесси».

— До сих пор вы утверждали, что он сказал «Джезебел». Я несколько раз переспрашивал.

Комиссар повысил голос:

— Уж не хотите ли вы сказать, что я лгу?

— Я подумал, что, может быть, Клусарр вообще ничего не говорил. Я подумал, уж не сочинили ли вы все это сами. Вы знакомы с Джесси лет с двадцати и, уж конечно, знаете её полное имя.

— Да вы спятили, Лайдж!

— Неужто? А где вы были сегодня после обеда? Вас не было здесь около двух часов?

— Как вы смеете допрашивать меня?

— И посмею ответить за вас, сэр. Вы были на Уильямсбургской энергостанции.

Комиссар вскочил на ноги. Его лоб заблестел от пота.

— Что за чушь вы несёте?

— Значит, я не прав?

— Бейли, вы отстранены. Прошу ваше удостоверение.

— Как бы не так. Сначала выслушайте меня.

— И не подумаю. Вы виновны. Вы виновны, чёрт вас возьми! И ещё имеете наглость сваливать все на меня, будто я замышляю что-то против вас! — прокричал комиссар срывающимся от возмущения голосом и добавил, едва владея собой: — Бейли, вы арестованы.

— Не торопитесь, комиссар, — процедил угрожающе Бейли. — Мой бластер на взводе, и я не промахнусь. Сейчас я за себя не ручаюсь. Я скажу всё, что знаю, а потом делайте со мной все что хотите.

Широко раскрытыми глазами Джулиус Эндерби уставился на ствол направленного на него бластера.

— Двадцать лет, Бейли, — пробормотал он, — двадцать лет в самой глубокой тюрьме города…

К Бейли неслышно подошёл Р. Дэниел и реши-

тельно отвёл в сторону его руку с бластером.

— Я не могу допустить этого, партнёр Илайдж, — спокойно сказал он. — Вы не должны причинить вред комиссару.

Впервые с тех пор как Р. Дэниел появился в городе, комиссар обратился прямо к нему:

— Держи его. Первый Закон!

— Я не хочу причинить ему вред, — торопливо заговорил Бейли. — Только не дайте ему арестовать меня, Дэниел. Вы сказали, что поможете мне до конца. У меня есть сорок пять минут.

Не отпуская руки Бейли, Р. Дэниел сказал:

— Комиссар, я полагаю, Илайджу следует позволить говорить. В данный момент я поддерживаю связь с доктором Фастольфом.

— Не может быть! Каким образом? — воскликнул комиссар.

— В меня встроен портативный субэтеральный аппарат, — сказал Р. Дэниел.

Комиссар молча уставился на него.

— Я поддерживаю связь с доктором Фастольфом, — продолжал робот, — и если вы откажетесь выслушать Илайджа, комиссар, это произведёт плохое впечатление. Могут быть сделаны неблагоприятные для вас выводы.

Комиссар безмолвно опустился на стул.

— Я утверждаю, — начал Бейли, — что сегодня вы побывали на Уильямсбургской энергостанции, достали там альфа-излучатель и передали его Р. Сэмми. Вы умышленно остановились на Уильямсбурге, чтобы приписать это потом мне. Вы даже воспользовались появлением доктора Джерригела и дали ему неправильно настроенный поводок, который привёл его на фотосклад, где он обнаружил останки Р. Сэмми… — Бейли убрал бластер в кобуру. — Можете теперь арестовать меня, но едва ли Космотаун расценит это как ответ на моё обвинение.

— Мотив… — едва слышно прошептал Эндерби. Его очки запотели, и он снял их и снова выглядел неуверенным и беспомощным. — Какой мотив? Для чего это могло мне понадобиться?

— Чтобы навлечь на меня неприятности. Чтобы помешать расследованию дела об убийстве Сартона. А кроме всего прочего, потому, что Р. Сэмми слишком много знал.

— О чём, ради бога?

— О том, как пять с половиной дней назад было совершено убийство космонита. И убийцей доктора Сартона из Космотауна является не кто иной, как вы, комиссар.

На это отозвался Р. Дэниел. Потому что Эндерби

лишь запустил руки в волосы и молча качал головой.

— Партнёр Илайдж, — сказал робот, — боюсь, что ваша версия совершенно неприемлема. Как вам известно, комиссар Эндерби не способен убить доктора Сартона.

— Тогда послушайте. Выслушайте меня. Эндерби упрашивал заняться расследованием именно меня, а не моих старших по чину коллег. И вот почему. Он рассчитывал на нашу старую дружбу и был уверен, что мне никогда не придёт в голову заподозрить в преступлении своего приятеля и уважаемого начальника. Он полагался на мою преданность, видите ли. Кроме того, он знал, что Джесси является членом подпольной организации и мог в крайнем случае шантажировать меня, если бы я стал докапываться до правды. Да это его не очень-то и тревожило. С самого начала он делал все, чтобы пробудить во мне недоверие к вам, Дэниел, чтобы мы с вами действовали наперекор друг другу. Он знал, что мой отец был деклассирован. Поэтому мою реакцию было нетрудно предугадать. Как видите, если убийца сам руководит расследованием, это даёт ему большие преимущества.

Комиссар вновь обрёл дар речи.

— Откуда я мог знать о Джесси? — сказал он слабым голосом и, повернувшись к роботу, добавил: — Если вы ведёте передачу в космотаун, скажите им, что всё это ложь! Ложь от начала и до конца!

Бейли заговорил вначале громко и возбуждённо, а потом перешёл на неестественно спокойный тон:

— Конечно, вы знали насчёт Джесси. Вы сами медиевист и входите в ту же организацию. Ваши старомодные очки! Эти окна! Да и характер у вас подходящий. Но у меня есть более веские доказательства.

Как Джесси узнала, что Дэниел робот? Этот вопрос не давал мне покоя. Теперь ясно, что через свою организацию. Но откуда об этом стало известно медиевистам? Вы, комиссар, выдвинули версию, что в нём, мол, признали робота во время неурядиц у обувного магазина. Я усомнился в этом. Ведь принял же я его за человека в самом начале, а глаза у меня в полном порядке.

Вчера я пригласил сюда доктора Джерригела. Сначала он был мне нужен, чтобы убедиться, узнает ли он происхождение Дэниела без моей помощи, но потом появились и другие причины.

Он не узнал, комиссар! Я представил ему Дэниела, они обменялись рукопожатием, завязалась

общая беседа, но его осенило только тогда, когда речь зашла о человекообразных роботах. Так это же был доктор Джерригел, крупнейший на Земле специалист по роботам! И вы станете утверждать, что какие-то медиевисты смекнули это быстрее, чем он, да ещё в напряжённой обстановке, причём были настолько уверены в этом, что пустили в ход всю свою организацию? Ведь они могли лишь догадываться, что Дэниел робот.

Я теперь убеждён, что медиевисты с самого начала точно знали, кто такой Дэниел. Столкновение в магазине было рассчитано на то, чтобы показать Дэниелу, а следовательно и Космотауну, до чего в городе не любят роботов. Цель инцидента — запутать все дело, отвести подозрение с отдельных лиц и направить его на все население… Итак, кто же мог раскрыть им правду об Р. Дэниеле? Не я. Я было заподозрил самого Дэниела, но и это отпало. Из всех землян об этом знали ещё вы, комиссар.

— К нам в управление могли проникнуть шпионы! — с неожиданным пылом воскликнул Эндерби. — Медиевисты могли подослать их сколько угодно. Вашу жену, например. А раз уж вы сочли возможным заподозрить меня, то что же говорить о других, менее надёжных сотруд-

никах?

Бейли недобро усмехнулся:

— Давайте пока не будем токовать о мифических шпионах, а посмотрим, куда приведёт нас прямое решение. Я утверждаю, что вы не только вероятный, но и фактический предатель.

Вспомните, комиссар, как менялось ваше настроение в зависимости от того, близко я находился от разгадки или далеко от неё. А как вы нервничали… Вчера утром, когда я хотел поехать в Космотаун и отказался сказать вам зачем, вы чуть в обморок не упали. Вы думали, я застукал вас, комиссар? Что я хотел заманить вас в ловушку?

Вы сказали, что ненавидите их. Вы едва не разрыдались. Я было решил, что вы вспомнили о том унижении, которое испытали в Космотауне, когда вас держали под подозрением. Но потом Дэниел сказал мне, что они пощадили вашу чувствительность. Вы и не знали, что находились под подозрением. Причиной вашей паники был страх, а не унижение.

А когда с таким треском провалилась моя первая версия, когда вы увидели, как далёк я от правды, вы снова обрели уверенность. Вы даже спорили со мной, защищали космонитов. После

этого вы некоторое время владели собой, были вполне уверены. Тогда я удивился, что вы так легко простили мои ложные обвинения против космонитов, хотя до этого сами пугали меня их щепетильностью.

Затем я заказал разговор с доктором Джерригелом; вы хотели знать зачем: я вам не сказал. Это снова подвергло вас в панику, потому что вы боялись…

— Партнёр Илайдж! — неожиданно поднял руку Р. Дэниел.

Бейли посмотрел на часы: 23:42.

— В чём дело?

— Возможно, его тревожила мысль о том, что раскроются его связи с медиевистами, если мы установим их. Однако это не следует связывать с убийством. Он не мог иметь с ним ничего общего.

— Вы глубоко ошибаетесь, Дэниел, — возразил Бейли. — Он не знал, для чего мне нужен Джерригел, но мог легко предположить, что для получения сведений о роботах. Это и перепугало комиссара, так как именно робот имеет самое непосредственное отношение к его более тяжкому преступлению. Я прав, не так ли, комиссар?

Эндерби покачал головой.

— Когда это кончится?... — с ненавистью прохрипел он, но замолк, не в силах продолжать.

— Как же было совершено убийство? — Бейли едва сдерживал охватившую его ярость. — С помощью C/Fe, чёрт бы его побрал! C/Fe! Я пользуюсь вашим термином, Дэниел. Вы готовы лопнуть от гордости за свою цивилизацию C/Fe, а вот догадаться, что житель Земли воспользовался именно ею, хоть и временно, оказалось вам не под силу. Вот как всё происходило.

Нет ничего удивительного в том, что за пределы города выходит робот. Даже ночью. Даже в одиночку. Комиссар вручил Р. Сэмми бластер и сказал ему, когда и куда идти. Сам он оказался на территории города законным путём и, конечно, сдал при входе своё оружие. Взяв у Р. Сэмми бластер, он убил доктора Сартона и вернул оружие роботу, который благополучно доставил его в Нью-Йорк. Сегодня он уничтожил Р. Сэмми, так как тот знал слишком много.

Всё становится понятным. И присутствие комиссара, и пропажа орудия убийства. Отпадает и невероятная версия, по которой житель Нью-Йорка должен был целую милю пробираться в Космотаун под открытым ночным небом.

Р. Дэниел терпеливо дождался конца этого мо-

нолога и невозмутимо сказал:

— Я вам сочувствую, партнёр Илайдж, но я рад и за комиссара Эндерби, потому что ваш рассказ не убедителен. Я уже вам говорил, что церебро-аналитические свойства комиссара таковы, что он не может совершить умышленное убийство. Я не знаю, каким словом можно описать этот психологический факт: трусостью, совестливостью или жалостью. Я знаком со словарным толкованием этих слов, но мне трудно судить самому. Во всяком случае, комиссар Эндерби убийства не совершал.

— Спасибо, — произнёс Эндерби более уверенным голосом. — Не знаю, каковы ваши побуждения, Бейли, и с какой целью вы стараетесь уничтожить меня, но я доберусь до них…

— Постойте, — прервал его Бейли. — Я ещё не кончил. У меня есть вот это.

Он швырнул на стол алюминиевый кубик. Он не чувствовал в себе той уверенности, какую, ему казалось, излучал от других. Вот уже в течение получаса он скрывал от себя одну небольшую истину: он не знал, что покажет этот оригинальный проектор. Он вёл рискованную игру, но ему больше ничего не оставалось делать.

Эндерби отпрянул от блестящего предмета.

— Что это?

— Не бойтесь, не бомба, — усмехнулся Бейли. — Всего лишь обычный микропроектор.

— Что вы собираетесь доказать?

— Сейчас увидите.

Бейли прикоснулся к одной из прорезей проектора, угол кабинета Эндерби тотчас же осветился, и в нём возникло объёмное изображение какой-то странной сцены. Она захватила все пространство от пола до потолка и уходила за стены кабинета. Её окутывал сероватый свет незнакомого для жителей Нью-Йорка происхождения.

«Должно быть, они называют это рассветом», — подумал Бейли со смешанным чувством отвращения и любопытства.

Сцена изображала комнату куполообразного дома Сартона. В центре был виден изуродованный труп космонита.

Глаза Эндерби готовы были выскочить из орбит.

— Я знаю, что комиссар по натуре не убийца, — заговорил Бейли. — Мне и без этого всё ясно, Дэниел. Но если бы я не упустил из виду одну деталь, то уже давно закончил бы расследование. Меня осенило час назад, когда я напомнил о контактных линзах моего сына. — Он повернулся к

Эндерби. — Да, комиссар, именно в этом всё дело. Лишь тогда я сообразил, что ваша близорукость и ваши очки — ключ к разгадке. Жители Внешних Миров понятия не имеют о том, что такое близорукость, иначе бы они без труда установили, кто убил Сартона. Комиссар, когда вы разбили очки?

— Какое это имеет отношение к делу? — возмутился Эндерби.

— В самом начале расследования вы сказали, что разбили очки в Космотауне. Я решил, что вы уронили их от волнения, когда узнали об убийстве. Но вы сами ничего такого мне не говорили, значит, моё решение было безосновательным. На самом же деле, если вы шли в Космотаун, замышляя преступление, то были уж достаточно возбуждены и могли уронить и разбить свои очки до, а не после убийства. Так оно в действительности и произошло, комиссар.

— Я не вижу, к чему вы клоните, партнёр Илайдж.

«Мне остаётся десять минут быть партнёром. Быстрее! Говорить быстрее! И думать быстрее!» — пронеслось у Бейли.

Продолжая говорить, он манипулировал объёмным изображением жилища Сартона. Охваченный волнением, он непослушными пальцами

двигал рычажки, увеличивая его. Медленно, рывками и ним приближался труп, вырастая на глазах и занимая собой все пространство в углу комнаты. Бейли казалось, что он чувствует запах обгоревшей плоти.

Бейли искоса взглянул на комиссара. Эндерби сидел с закрытыми глазами. По-видимому, ему было плохо. Бейли тоже тошнило, но он должен был рассмотреть. Сейчас невидимый луч передатчика обшаривал квадрат за квадратом пространство вокруг трупа. Палец Бейли соскочил с рычажка, и изображение покачнулось и расплылось в неразличимую картину, выйдя за пределы разрешающей способности передатчика. Он уменьшил изображение, и труп отплыл в сторону.

Бейли всё еще продолжал говорить. Другого выхода не было. Он не мог остановиться, пока не найдёт то, что ищет. И если ему это не удастся, никто не поверит ни одному его слову. Хуже, чем не поверит. Его сердце работало толчками, в висках стучала кровь. Он говорил:

— Комиссар не способен на умышленное убийство. Согласен! На умышленное. Но это могло произойти нечаянно. Комиссар шёл в Космотаун не для того, чтобы убить доктора Сартона. Он

задумал уничтожить вас, Дэниел, вас! Есть ли в его цереброанализе какое-нибудь указание, что он не способен разрушить машину? Это ведь не убийство, а просто диверсия.

Он убеждённый медиевист. Он сотрудничал с доктором Сартоном и знал, для чего предназначался Дэниел. Он опасался, что космонитам удастся их план и что землян постепенно отлучат от Земли. Поэтому он решил уничтожить вас, Дэниел. Такого робота, как вы, больше нет; вот он и подумал, что сумеет оставить космонитов, показав им размах и решимость медиевистского движения. Он знал, что общественное мнение Внешних Миров против существования Космотауна. Доктор Сартон, должно быть, поделился с ним этим. И он решил, что убийство будет последней каплей, которая переполнит чашу.

Не думаю, чтобы мысль об убийстве, пусть даже робота, была ему по душе. Он охотно передоверил бы это Р. Сэмми. Но вы так похожи на человека, что такой примитивный робот, как Р. Сэмми, не увидел и никогда не понял бы, в чём разница. Первый закон не дал бы ему убить вас.

С другой стороны, из всех землян лишь один комиссар имел свободный доступ в Космотаун. Иначе бы он наверняка заставил кого-нибудь

другого совершить это чёрное дело.

Мне кажется, план комиссара заключался в следующем. Признаюсь, пока это только предположение, но, по-моему, предположение верное. Он договорился о встрече с доктором Сартоном, но умышленно пришёл задолго до назначенного времени. Точнее — на рассвете, полагая, что Сартон будет ещё спать, а вы, Дэниел, будете бодрствовать. Кстати, я исходил из того, что вы постоянно находились в доме Сартона.

— Вы совершенно правы, партнёр Илайдж, — кивнул робот.

— Тогда я продолжу. Комиссар рассчитывал, что у двери встретите его вы, Дэниел, и тогда он всадит в вас полный заряд бластера. С вами покончено. Комиссар тут же отправляется к тому месту где он должен ждать Р. Сэмми, отдаёт ему бластер и, не торопясь, возвращается к дому Сартона. В случае нужды ему не составит никакого труда оправдать своё раннее появление в Космотауне тем, что пришёл предупредить доктора Сартона о якобы готовящемся на них нападении. Мёртвый робот лишь придаст вес его словам. Что касается Р. Сэмми, то едва ли кто обратит на него внимание, приняв его за одного из роботов, используемых на фермах. Ну так как, комиссар,

близок я к истине?

Эндерби всего передёрнуло:

— Я не убивал…

— Р. Дэниела? — подхватил Бейли. — Конечно, нет. Вот он, перед вами. Но потому ли за всё время, что он в городе, вы ни разу не назвали его по имени и не обратились к нему непосредственно. Посмотрите на него хорошенько, комиссар!

Комиссар не мог этого сделать. Он закрыл лицо трясущимися руками.

Проектор едва не вывалился из дрожащих рук Бейли. Он нашёл то, что искал.

Перед ним крупным входом стояло изображение входа в дом доктора Сартона. Дверь была открыта; она была задвинута в стену, отчего стали ясно видны металлические желобки, по которым она скользила. В них что-то поблёскивало. Ошибиться было невозможно?

— Так вот как это было, — торопился Бейли. — Вы подошли к дому Сартона. Вы нервничали и, как всегда, когда вы волнуетесь, сняли очки и стали их протирать. Вот тут-то вы их и уронили; быть может, и наступили на них. Во всяком случае, очки разбились, и в этот момент дверь отодвинулась, и в ней показалась похожая на Дэниела фигура.

Вы разрядили в него бластер, подхватили остатки очков и скрылись. Труп обнаружили они, а не вы, а когда они увидели вас, оказалось, что вы убили доктора Сартона, а не Дэниела. Беда в том, что доктор Сартон придал роботу свой облик, а вы без очков не заметили разницы. Если вам нужны вещественные доказательства, то они здесь!

С этими словами Бейли осторожно положил на стол микропроектор и бережно накрыл его рукой.

Лицо комиссара Эндерби исказилось от ужаса, лицо Бейли — от напряжения; Р. Дэниел оставался бесстрастным.

Бейли протянул руку к Р. Дэниелу.

— Что, по-вашему, блестело в желобках двери, Дэниел?

— Два небольших осколка стекла, — холодно ответил робот. — Нам это ни о чём не говорит.

— Сейчас вам станет понятно. Это часть вогнутых линз. Измерьте их оптические свойства и сравните со стёклами, которые носит сейчас Эндерби. Не сметь, комиссар!

OSTAP

Он бросился к комиссару и выхватил очки у него из рук, прежде чем тот швырнул их на пол. Тяжело дыша, он протянул их Р. Дэниелу.

— По-моему, этого вполне достаточно, чтобы доказать, что он был у дома Сартона раньше, чем предполагалось.

— Я полностью убеждён, — сказал Р. Дэниел. — Теперь я вижу, что был совершенно сбит с толку цереброанализом комиссара. Поздравляю вас, партнёр Илайдж.

На часах у Бейли было 24:00. Наступил новый день.

Комиссар медленно опустил голову на руки и невнятно проговорил:

— Это была ошибка. Ошибка… Я не хотел его убивать.

Он неожиданно соскользнул со стула и свалился ничком на пол.

Р. Дэниел бросился к нему со словами:

— Вы причинили ему вред, Илайдж. Это очень плохо.

— Но он жив, не так ли?

— Да. Потерял сознание.

— Ничего, очнётся. Нервы подкачали, наверное. У меня не было другого выхода. Дэниел. Для судебного преследования моих выводов было

бы недостаточно, я должен был вынудить его сознаться, пусть даже такой ценой. Ведь вы слышали его признание, Дэниел?

— Да, слышал.

— Если помните, я обещал, что это будет на пользу планам Космотауна… Погодите, он приходит в себя.

Комиссар застонал. Он медленно открыл глаза и молча посмотрел на склонившиеся над ним фигуры.

— Комиссар, вы меня слышите? — спросил Бейли.

Эндерби безразлично кивнул.

— Тогда слушайте внимательно. Космонитам сейчас не до вас. У них есть более серьёзные дела, и если вы согласитесь сотрудничать…

— Что, что? — В глазах комиссара появилась надежда.

— Вы, должно быть, важная персона в медиевистском движении Нью-Йорка, а то и всей планеты. Убедите своих единомышленников согласиться на освоение космоса. Вы ведь знаете, какую надо проводить линию? Мы сможем вернуться назад к природе… но на других планетах.

— Не понимаю, — пробормотал комиссар.

— Космониты добиваются именно этого. И, чёрт

побери, теперь я полностью разделяю их точку зрения. Ради этого они каждый день рискуют своей жизнью, оставаясь на Земле, и если вы сумеете воспользоваться смертью доктора Сартона, чтобы убедить медиевистов возобновить освоение Галактики, космониты, возможно, сочтут эту жертву оправданной. Вы меня поняли?

— Илайдж совершенно прав, — вступил в разговор Р. Дэниел. — Помогите нам, комиссар, и мы забудем прошлое. Я говорю вам от имени доктора Фастольфа и других. Однако если, согласившись сейчас, вы потом предадите нас, мы будем вынуждены предъявить вам обвинение в убийстве. Надеюсь, вы отдаёте себе в этом отчёт? Мне больно напоминать вам об этом.

— И я не подвергнусь судебному преследованию? — недоверчиво спросил комиссар.

— Нет, если поможете нам.

Слезы появились у него на глазах.

— Конечно, конечно. Произошёл несчастный случай. Объясните им. Потом, мне казалось, я поступаю правильно.

— Вы поступите правильно, если поможете нам, — убеждал его Бейли. — Спасение Земли — в освоении космоса. Отбросьте свои предрассудки, и тогда вы поймёте это. А то поговорите с

доктором Фастольфом. А пока вы можете помочь тем, что замнёте дело Р. Сэмми. Объясните его гибель несчастным случаем или как вам угодно. — Бейли встал на ноги. — И учтите, Космотаун в курсе всех событий, так что не советую вам замышлять что-нибудь против меня. Надеюсь, это вам понятно, комиссар Эндерби.

— Можете быть спокойны, Илайдж, — сказал Р. Дэниел. — Он искренне соглашается сотрудничать с нами. Это явствует из его цереброанализа.

— Хорошо. Тогда мне пора домой. Как-никак у меня есть жена и сын, и я чертовски хочу спать. — Бейли пытливо посмотрел на Р. Дэниела. — Дэниел, вы останетесь на Земле после отъезда космонитов?

— У меня ещё нет никаких инструкций на этот счёт. А почему вы меня спрашиваете?

Бейли прикусил губу и нерешительно сказал:

— Ну думал, что когда-нибудь придётся делать такое признание такому, как вы, Дэниел, но я доверяю вам. Даже больше — я восхищён вами. Я слишком стар, чтобы самому отправиться на новые планеты, но если в конце концов будут открыты школы для эмигрантов, я отдам туда Бентли. Кто знает, может, когда-нибудь вы с Бентли вместе…

— Кто знает… — Лицо Р. Дэниела не выражало никаких эмоций.

…Джулиус Эндерби смотрел на них обоих с выражением удивления на лице, которое только сейчас стало обретать свой естественный цвет.

— Друг Джулиус, — сказал робот, — я пытался понять кое-какие рассуждения Илайджа. Возможно, я начинаю понимать его мысль, ибо сейчас мне уже кажется, что не должно быть, то есть уничтожение того, что вы, люди, называете злом, не столь оправданно и желательно, как обращение этого зла в то, что вы зовёте добром.

Затем нерешительно, словно бы удивляясь своим словам, он произнёс:

— Иди и впредь не греши.

Лайдж Бейли неожиданно улыбнулся, взял Р. Дэниела за локоть, и оба рука об руку вышли из комнаты.